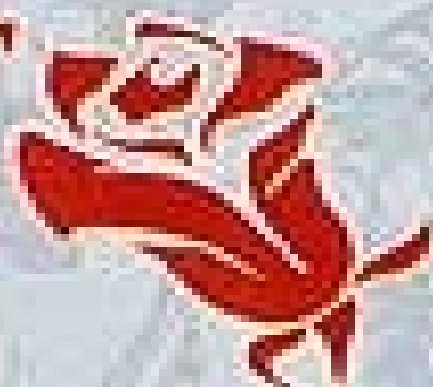

ЖУЛИТ МАКИН

Серию
художное

Annotation

Судьба словно играла юной Александрой Лоренс, подбрасывая ей сюрприз за сюрпризом. Сначала, совсем еще девочкой, толком не успев понять, что произошло, она стала женой герцога Джордана Хоторна. Затем – почти сразу же – получала известие о гибели мужа и, после долгих сомнений, без любви согласилась вступить в новый брак. Но во время венчания в соборе появился. Джордан, «воскресший из мертвых» и отнюдь не желающий отдавать другому ту, которую мучительно ревнует и страстно любит, ту, которую намерен заставить полюбить себя...

- [Джудит Макнот](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
-

Джудит Макнот

Нечто чудесное

Джеффри Кларку, чей необычайный ум и дар предвидения позволили ему просить руки самой прелестной женщины в мире, и моей дочери Уитни, оказавшейся достаточно мудрой, чтобы ответить согласием.

Приношу горячую благодарность Мелинде Хелфер за поддержку и ободрение в создании этого романа, а также Роберту А. Вулфу, чьи компетентность и доброта позволили мне сосредоточиться на работе и предоставить ему справляться с остальными делами.

Глава 1

Блондинка с роскошными формами приподнялась на локте, натянула простыню на пышные груди и, слегка нахмурившись, пристально всмотрелась в красивое смуглое лицо восемнадцатилетнего юноши, стоявшего у окна спальни Молодой человек небрежно прислонился к раме, разглядывая веселившихся на лужайке гостей – праздник в честь дня рождения его матери был в самом разгаре.

– Неужели вы там нашли нечто более привлекательное, чем я? – осведомилась леди Кэтрин Харрингтон, заворачиваясь в простыню и подходя к окну Джордан Эддисон Мэттью Таунсенд, будущий герцог Хоторн, казалось, не слыша ее, продолжал смотреть на парк, раскинувшийся вокруг великолепного поместья которое когда-нибудь, после кончины отца, станет его собственностью Неожиданно он заметил, как из зарослей живой изгороди появилась мать и, украдкой оглядевшись, поправила корсаж платья и придала густым темным волосам какое-то подобие прически Мгновение спустя рядом возник лорд Харрингтон, старательно поправляя шейный платок Леди Хоторн взяла его под руку Сквозь открытое окно до Джордана долетел их веселый смех Чувственные губы молодого человека тронула легкая циничная улыбка Не успела мать со своим поклонником направиться через зеленеющий газон в беседку, как следом за ними вышел отец Джордана и, осмотревшись, помог выбраться леди Милберн, своему последнему увлечению.

– По всему видно, матушка обзавелась новым любовником, – саркастически бросил Джордан.

– Неужели? – отозвалась леди Харрингтон. – И кто же это?

– Ваш муж.

Джордан обернулся к женщине и изучающим взглядом впился в нее, словно пытаясь найти хоть какой-то признак удивления. Но, ничего не обнаружив, усмехнулся. На лице застыла привычная ироническая маска.

– Вы знали, что они должны встретиться в лабиринте, и этим вызван внезапный, ничем не объяснимый интерес ко мне и моей постели, не так ли?

Леди Харрингтон кивнула, неловко поежившись под неумолимым взором холодных серых глаз.

– Я подумала, – пробормотала она наконец, – что будет забавно, если бы и мы тоже... как это сказать... познакомились поближе. Но мой интерес

к вам и вашей постели вовсе не столь уж внезапен, Джордан. Я так долго хотела вас. Теперь, когда ваша мать и мой муж наслаждаются друг другом, почему не получить то, чего я так желала? Не нахожу в этом ничего предосудительного.

Джордан промолчал, и Кэтрин кокетливо улыбнулась.

– Вы шокированы?

– Нет, – последовал бесстрастный ответ. – Я уже лет с восьми знал о романах матери и сомневаюсь, что какой-либо поступок женщины может меня шокировать. Говоря по правде, я несколько удивлен, что вы не устроили маленькое совместное свидание... я бы сказал, семейную встречу, – с намеренно оскорбительным высокомерием закончил Джордан.

– Ну вот, теперь вы сумели шокировать меня, – в притворном ужасе охнула женщина.

Джордан лениво протянул руку и приподнял подбородок Кэтрин, словно исследуя ее лицо жесткими, чересчур пронизательными для своего возраста глазами.

– Вот в это почему-то верится с трудом.

Кэтрин, неожиданно смутившись, отняла руку от его груди и плотнее закуталась в простыню.

– Но, Джордан, я действительно не понимаю, почему вы смотрите на меня как на самое презренное существо в мире, – прошептала она с искренним недоумением. – Вы не женаты и не в силах понять, как невыносимо тосклива жизнь для всех нас. Без маленьких увлечений и супружеских измен мы просто сошли бы с ума от скуки.

Неподдельно трагические нотки в голосе женщины немного смягчили Джордана. Чувственный рот дернулся в пренебрежительной усмешке.

– Бедная душечка Кэтрин, – сухо заметил он, слегка проводя по ее щеке костяшками пальцев. – Что за жалкая участь у вас, светских дам! С самого рождения у вас есть все на свете, и вам ни к чему трудиться, чтобы получить желаемое, да никто бы этого и не допустил. Мужчины считают вас своими игрушками, украшением гостиных и не позволяют упражнять ни ум, ни тело. У вас даже нет того, что стоило бы назвать честью, поскольку честь мужчины принадлежит ему, пока он способен ее защитить, ваша же – прячется между бедрами, и приходится отдавать ее первому же мужчине, который овладеет вами. Как несправедлива к вам жизнь! Неудивительно, что вы легкомысленны, распущенны, аморальны и так скучаете.

Кэтрин поколебалась, пораженная его словами, не вполне осознавая, сочувствует ли Джордан или попросту издевается, но тут же пожалала

плечами:

– Вы абсолютно правы.

Юноша с любопытством уставился на нее:

– И вам никогда не приходило в голову что-то изменить?

– Нет, – без обиняков призналась она.

– Преклоняюсь перед вашей честностью. Весьма редкая добродетель у слабого пола.

Непостижимое обаяние Джордана Таунсенда уже было предметом самых оживленных сплетен в обществе, и Кэтрин, глядя в эти циничные серые глаза, мгновенно почувствовала, что ее влечет к нему неведомо-притягательная сила. В его взгляде светились понимание, искорки юмора и неожиданная, не по годам, житейская мудрость. И не столько его необычайная внешность и неутомимость в постели, сколько именно эти качества делали его неотразимым для любой женщины. Джордан действительно понимал женщин, понимал ее, и хотя было очевидно, что он отнюдь не восхищался леди Харрингтон, зато принимал ее такой, какой она была на самом деле, со всеми слабостями и недостатками.

– Вы идете в постель, милорд?

– Нет, – мягко отказался Джордан.

– Почему?

– Я не умираю от тоски настолько, чтобы спать с женой любовника моей матери.

– Вы не... не слишком высокого мнения о женщинах, не так ли? – не сдержалась Кэтрин.

– Разве вы способны привести хотя бы один довод, чтобы убедить меня в обратном?

– Я... – Она прикусила губу и нерешительно покачала головой. – Нет... скорее всего нет. Но когда-нибудь вам придется жениться, чтобы иметь детей.

Глаза Джордана весело сверкнули. Он оперся плечом о раму и скрестил руки на груди.

– Жениться? В самом деле? Только так и можно обзавестись детьми? Подумать только, и все это время я воображал...

– Джордан, да прекратите же, – смеясь, уговаривала Кэтрин, непреодолимо захваченная, неожиданно увлеченная этой доселе неведомой стороной его характера. – Вам нужен законный наследник. – Когда мне придется связать себя брачными узами лишь во имя наследников, – с мрачным юмором ответил Джордан, – я выберу наивную малышку прямо со школьной скамьи, которая будет покорно исполнять мой малейший

каприз.

– А если ей все надоест и она будет искать других развлечений? Что вы будете делать тогда?

– Считаете, ей может все надоест? – процедил он. Кэтрин оглядела его широкие мускулистые плечи, загорелую грудь и узкую талию. Каждая клеточка Джордана Таунсенда положительно излучала примитивную мощь и неприкрытую чувственность. Ее зеленые глаза чуть прищурились.

– Возможно, нет.

Пока Кэтрин приводила себя в порядок, Джордан вновь отвернулся к окну, бесстрастно обозревая элегантно одетых гостей. Для любого постороннего человека поместье Хоторн сегодня, несомненно, выглядело цветущим раем, населенным прекрасными беззаботными тропическими птицами, гордо выступающими друг перед другом в блестящем оперении. Для восемнадцатилетнего Джордана Таунсенда в этой сцене не было ничего привлекательного; он слишком хорошо знал, что происходит в стенах этого дома, когда разъезжаются гости.

В свои годы он уже не верил в искренность и доброту людей, впрочем, не делая исключения и для себя самого. Природа наградила его знатным происхождением, неотразимой внешностью и богатством; кроме этого, он уже успел пресытиться, не доверял ни одному человеку и никому не открывал душу.

Опершись маленьким подбородком о кулачки, мисс Александра Лоренс долго наблюдала за желтой бабочкой, присевшей на подоконник маленькой гостиной в коттедже ее деда. Лишь когда насекомое вспорхнуло, девочка обернулась к беловолосому старцу, сидевшему за письменным столом:

– Что ты сказал, дедушка? Я не слышала.

– Осведомился, почему бабочка сегодня интересуется тебя больше, чем Сократ, – терпеливо повторил старик, постукивая пальцами по томику трудов древнего философа и мягко улыбаясь миниатюрной тринадцатилетней девочке, унаследовавшей блестящие каштановые волосы матери и его зеленовато-голубые глаза.

Ответная извиняющаяся улыбка могла бы растопить даже каменное сердце. Однако Александра не отрицала, что была слишком рассеянной, поскольку ее добрый высокообразованный дед не раз говаривал. «Ложь – оскорбление не только собственной души, но и умственных способностей человека, которому лжешь».

А девочка ни за что не посмела бы причинить боль этому прекрасному человеку, наделившему ее своей жизненной философией и обучившему

математике, истории и латыни.

– Я просто гадала, – призналась она с тоскливым вздохом, – есть ли хоть малейший шанс на то, что я сейчас в «стадии гусеницы» и когда-нибудь превращусь в такую же прекрасную бабочку.

– А что плохого в гусенице? В конце концов, – шутливо процитировал старик, – «красота зависит лишь от точки зрения наблюдателя». – И, весело сверкнув глазами, стал выжидать, узнает ли внучка автора изречения.

– Гораций, – немедленно объявила девочка, гордо вздернув нос.

Мистер Джимбл удовлетворенно кивнул:

– Не стоит беспокоиться о внешности, дорогая, – истинная красота расцветает в сердце и отражается в глазах.

Александра склонила голову набок, но не смогла припомнить ни древнего, ни современного философа, который сказал бы нечто подобное.

– Кому принадлежат эти слова? – Мне, – хмыкнул дед.

Ее ответный смех прозвенел колокольчиком, наполняя комнату солнечным весельем, но девочка, столь же внезапно став серьезной, нахмурилась:

– Папа разочарован, что я так и не выросла хорошенькой; я вижу это, когда он приезжает погостить. У него были все причины ожидать, что я хотя бы с годами стану лучше, ведь прекраснее мамы никого нет, да и папа тоже красив, и кроме того, он четвероюродный брат жены графа.

С трудом скрывая отвращение к зятю и его сомнительным претензиям на весьма отдаленное родство с неизвестным графом, старик многозначительно процитировал:

– «Происхождение ничто там, где нет места добродетели».

– Мольер, – машинально пробормотала Александра. – Но ты должен признать, судьба была к папе чрезвычайно несправедлива, подарив дочь с такой невыразительной внешностью. Почему мне не суждено быть высокой блондинкой? Это куда приятнее, чем выглядеть маленькой цыганочкой, как считает папа.

Она вновь стала изучать бабочку, а глаза мистера Джимбла сияли восторгом и любовью. Разве можно назвать его внучку обычной, невыразительной, ничем не примечательной личностью? Когда девочке минуло всего четыре года, он стал учить ее азам чтения и письма, в точности как и других деревенских детей, доверенных его воспитанию, однако ум Алекс оказался куда более тонким, а способности поистине прекрасными. Она все схватывала быстрее и точнее, чем ее сверстники. Дети крестьян были равнодушны к наукам и посещали школу всего несколько лет, прежде чем начать трудиться с родителями на полях. Вскоре

они женились, рожали детей, и жизненный круг замыкался Но Алекс была наделена неутолимой жаждой знаний.

Старик улыбнулся. Последуй он собственным юношеским склонностям и идеалам и останься холостяком, посвятившим жизнь науке, Александра Лоренс не появилась бы на свет. Но Алекс была поистине даром миру. Его даром. Сама мысль об этом сначала воодушевила мистера Джимбла, но тут же смутила, потому что чересчур отдавала неуместной гордостью. Однако старик не мог подавить радость и удовольствие, охватившие его при взгляде на кудрявое дитя. Она оправдала все его надежды, мечты и стремления. Воплощенные нежность и свет, ум и неукротимая воля. Слишком неукротимая, возможно, и слишком чувствительная, поскольку девочка просто из кожи вон лезла, пытаясь угодить своему мелочному, тщеславному отцу во время его редких визитов.

Хотел бы он знать, кому она достанется в жены. Мистер Джимбл искренне надеялся, что ее муж не будет походить на избранника дочери. Та не обладала глубиной характера Алекс, была слабой и тщеславной... Избалованное дитя! Поэтому Фелисия и стала женой человека, подобного себе. Но Алекс заслуживает лучшего. Гораздо лучшего.

Александра с обычной наблюдательностью заметила, как помрачнел дед, и немедленно бросилась утешать его.

– Ты плохо чувствуешь себя, дедушка? Снова голова болит? Может, растереть тебе шею?

– Немного болит, – признался мистер Джимбл, окуная перо в чернильницу и выводя фразы, которым будет суждено превратиться когда-нибудь в «Полное жизнеописание Вольтера».

Девочка зашла ему за спину и попыталась своими маленькими ручками снять напряжение в мышцах шеи и плеч.

Наконец она отстранилась, но что-то тут же пощекотало щеку старика. Тот рассеянно почесал зудевшее место, однако мгновение спустя зачесалась шея, потом правое ухо, и мистер Джимбл с трудом скрыл улыбку, поняв, что это внушка исподтишка орудует пером.

– Алекс, дорогая, – пробормотал он, – боюсь, какая-то хитрая маленькая птичка отвлекает меня от работы.

– Но ты слишком много трудишься, – запротестовала девочка, целуя деда в морщинистую щеку и возвращаясь на свое место, чтобы продолжить изучение Сократа. Однако уже через несколько минут ее и без того не очень пристальное внимание привлек червяк, медленно ползущий через порог.

– Если все во Вселенной служит Господнему промыслу, почему, как ты думаешь, он создал змей? Они такие уродливые. И ужасно противные.

Мистер Джимбл со вздохом отложил перо, но не смог устоять против ослепительной улыбки внучки.

– Обязательно спрошу у Господа, когда предстану перед ним.

При мысли о том, что дедушка может умереть, Алекс тотчас помрачнела, но, услышав стук колес экипажа, останавливающегося перед крытым черепицей коттеджем, молниеносно вскочила и метнулась к открытому окну.

– Это папа! – радостно вскричала она. – Папа приехал из Лондона!

– Давно пора, – проворчал мистер Джимбл, но Алекс, уже не слушая, помчалась на улицу и бросилась в сдержанные объятия отца.

– Как поживаешь, цыганочка? – спросил тот без особого интереса, обозревая дочь, одетую в свой любимый костюм – мужские брюки и крестьянскую блузу.

Мистер Джимбл поднялся и подошел к окну, хмуро наблюдая, как красивый мужчина помогает своей дочери усесться в новую изящную карету. «Модный экипаж, модные наряды, зато мораль и нравственность пещерного жителя», – рассерженно подумал мистер Джимбл, припомнив, как его дочь Фелисия была ослеплена внешностью и манерами молодого лондонца с той самой минуты, как его фаэтон сломался на дороге у самого их коттеджа. Мистер Джимбл весьма неохотно предложил незваному гостю провести у них ночь, вняв мольбам Фелисии, и даже позволил дочери прогуляться с незнакомцем и показать тому «прекрасный вид с холма над ручьем».

Когда совсем стемнело, а молодые люди все не возвращались, мистер Джимбл отправился на поиски, легко отыскав дорогу при свете полной луны. Он увидел их у подножия холма, обнаженных, в объятиях друг друга. Джорджу Лоренсу потребовалось менее четырех часов, чтобы Фелисия забыла о годах внушаемых ей жизненных принципах и отдалась ему.

Ярость, неукротимая и слепящая, вскипела в мистере Джимбле, но он нашел в себе силы, ни слова не говоря; скрыться во тьме. Два часа спустя он вернулся в дом в сопровождении доброго друга, местного vicar. Тот нес под мышкой Библию, без которой было невозможно провести церемонию бракосочетания. Мистер Джимбл сжимал в руках ружье с целью убедиться, что совратитель дочери согласится исправить содеянное. Он держал оружие впервые в жизни.

И что хорошего принес его праведный гнев Фелисии? Мистер Джимбл угрюмо сдвинул брови. Джордж Лоренс купил ей большой обветшавший дом, в котором вот уже лет десять как никто не обитал, нанял слуг и девять месяцев после женитьбы даже жил вместе с женой а отдаленном маленьком

графстве, где та родилась. Вскоре после появления на свет Александры Джордж вернулся в Лондон, где и остался, наезжая в Моршем два раза в год, недели на две-три.

– Он зарабатывает на жизнь как умеет, – объясняла Фелисия мистеру Джимблу, очевидно, повторяя слова мужа. – Джордж – джентльмен, и поэтому нельзя ожидать, чтобы он трудился как простой человек. Происхождение и связи позволяют ему вращаться в нужных кругах, встречаться со сведущими людьми и узнавать от них, в какое предприятие лучше вложить деньги на бирже и на каких лошадях ставить на скачках. Только так он может нас содержать. Джорджу, естественно, хотелось бы, чтобы мы жили с ним в Лондоне, но ведение городского хозяйства ужасно дорого, а мой муж слишком благороден, чтобы поселить нас в тесной, неудобной, унылой квартирке, где вынужден обитать сам. Он приезжает так часто, как может.

Мистер Джимбл сильно сомневался в правдивости слов зятя, зато был уверен в причинах его появления в Моршеме два раза в год – недаром тесть пообещал снова одолжить ружье и отыскать его хоть на краю земли, если Джордж забудет о существовании жены и дочери. Тем не менее не было смысла ранить Фелисию жестокой правдой, ведь дочь считала себя по-настоящему счастливой. В отличие от других женщин в крохотном местечке она была замужем за «истинным джентльменом», что, по мнению глупышки, придавало ей «особое положение» и давало право смотреть на соседей свысока.

Александра, подобно матери, боготворила Джорджа Лоренса, и тот во время нечастых и коротких визитов просто купался в море обожания. Фелисия хлопотала над мужем, как курица-наседка, а Алекс отважно пыталась стать ему и сыном, и дочерью, и хотя расстраивалась из-за собственной, ничем не примечательной внешности, однако постоянно носила мужские штаны и увлекалась фехтованием, чтобы отец мог упражняться, когда приезжал.

Стоя у окна, мистер Джимбл со злостью оглядывал сверкающую лаком карету, запряженную четверкой резвых породистых лошадок. Для человека, выделявшего жене и дочери мизерное содержание, Джордж Лоренс правил весьма модным и дорогим экипажем, да и кони, по-видимому, стоили недешево.

– Как долго ты останешься на этот раз, папа? – осведомилась Александра, уже сейчас с ужасом думая о той неизбежной минуте, когда отцу снова придется уехать.

– Всего неделю. Мне нужно срочно отправляться к Лендсдаунам, в

Кент.

– Но почему ты так много разъезжаешь? – вздохнула девочка, не в силах скрыть разочарование, хотя знала, что отцу тоже тяжело находиться вдали от них с матерью.

– Приходится, – пожал плечами отец и, когда дочь стала протестовать, вынул из кармана небольшую коробочку. – Возьми, Алекс, я привез тебе маленький подарок на день рождения.

Александра с нескрываемым восхищением уставилась на отца, совершенно позабыв ту печальную истину, что ее день рождения был несколько месяцев назад и отец даже не позаботился прислать поздравительное письмо. Сияя аквамариновыми глазами, она открыла коробочку и вынула маленький серебристый медальон-сердечко.

– Я буду носить его каждый день, всю жизнь, папа, – прошептала она, стискивая Джорджа в объятиях. – Я так люблю тебя!

Они проехали через крохотную сонную деревушку, поднимая облака пыли, и Александра гордо махала соседям, стараясь, чтобы все узнали: ее великолепный красавец отец наконец-то вернулся!

Но она могла бы и не трудиться – уже к вечеру все обсуждали не только приезд Джорджа, но даже цвет его пальто и сотни других мелочей, поскольку деревушка Моршем была и оставалась неизменной много сотен лет – маленькой, тихой, затерянной в одной из бесчисленных долин Англии. Жители Моршема, простые, лишенные воображения, трудолюбивые люди, находили безмерное удовольствие в том, чтобы перебирать любое, самое незначительное событие, нарушавшее унылое однообразие их существования. Они все еще не забыли тот день, когда три месяца назад через деревню проехал экипаж с джентльменом, на пальто которого была не одна пелерина, а целых восемь! Теперь следующие полгода предметом их бесед будут Джордж Лоренс и его чудесная карета.

Постороннему человеку Моршем мог показаться скучным местом, населенным любящими посплетничать крестьянами, но для тринадцатилетней Александры и деревушка, и ее обитатели были несравненными. Девочка свято верила в природную доброту чад Божьих и не сомневалась, что честность, порядочность и жизнерадостность присущи всему человечеству. Сама она была милой, веселой и неисправимой оптимисткой.

Глава 2

Герцог Хоторн медленно опустил руку с дымящимся пистолетом и бесстрастно воззрился на скорченную неподвижную фигуру лорда Грейнджфилда, лежавшего на земле.

«Ревнивые мужья чертовски несносны, – подумал Джордан, – и почти так же надоедливы, как их тщеславные, пустые, распущенные жены. Они не только частенько приходят к совершенно необоснованным поспешным заключениям, но и настаивают на том, чтобы обсуждать свои заблуждения на рассвете с пистолетами в руках».

Он по-прежнему не сводил равнодушного взгляда с немолодого раненого противника, над которым склонились врач и секунданты, мысленно проклиная прекрасную коварную молодую женщину, чье неустанное преследование стало причиной дуэли.

Двадцатисемилетний Джордан давно понял, что развлечения с замужними дамами часто приводят к весьма неприятным осложнениям и вряд ли стоят полученного в постели наслаждения, и лишь поэтому взял себе за правило ограничить многочисленные связи только женщинами, не обремененными мужьями. Богу известно, таких больше чем достаточно, и любая на все готова, только бы оказаться в его постели. Флирт, однако, считался весьма распространенным времяпрепровождением среди членов высшего общества, и его последний роман с Элизабет Грейнджфилд, которую он знал с детства, был немногим больше, чем невинное ухаживание, возникшее, когда Джордан вернулся в Англию из долгого путешествия. Все началось с обмена двусмысленными шуточками, которыми перекинулись друзья, и никогда не зашло бы дальше, если бы Элизабет несколько дней назад не проскользнула мимо зазевавшегося дворецкого герцога. Переступив порог спальни, Джордан нашел ее в постели – обнаженную, теплую, зовущую.

В обычном состоянии он бы попросту выставил женщину из комнаты и отослал домой, но в эту ночь под влиянием бренди, выпитого с друзьями, желания тела взяли верх над одурманенным разумом, и Джордан не смог отказать даме.

Направляясь к лошади, привязанной к ближайшему дереву, Джордан поднял глаза на первые робкие солнечные лучи, окрасившие небо в розоватые тона. Ему еще удастся несколько часов поспать, прежде чем начнется новый долгий день, заполненный нелегким трудом и светскими

обязанностями, день, который должен увенчаться поздним балом в доме Билдрапов.

Хрустальные люстры, рассыпающие мириады огней, освещали огромную, отделанную зеркалами бальную залу, где танцоры, одетые в шелка, атлас и бархат, кружились под мелодичные звуки вальса. Застекленные двери, ведущие на балконы, были распахнуты, позволяя прохладному ветерку проникать в комнату, а влюбленным парам, желавшим остаться наедине, – исчезнуть без лишнего шума.

Одна из таких пар стояла на балконе, почти в полумраке, очевидно, не заботясь о том, какие безумные предположения, догадки и сплетни вызовет их отсутствие.

– Это просто непристойно! – объявила мисс Летиша Билдрап стайке элегантно одетых молодых женщин и мужчин, составлявших ее личную свиту. Бросив злобно-осуждающий взгляд с немалой толикой зависти на двери, через которые только сейчас прошла парочка, она добавила:

– Элизабет Грейнджфилд ведет себя как уличная девка! Бегает за Хоторном, хотя в это время ее собственный муж лежит раненый после сегодняшней дуэли с герцогом!

Сэр Родерик Карстерэ уставился на мисс Билдрап с едкой насмешкой, которую хорошо знали и боялись все члены общества.

– Вы, конечно, правы, моя красавица. Элизабет следовало бы поучиться у вас, как преследовать Хоторна тайком, а не на людях.

Летиша ответила наглецу высокомерным молчанием, хотя нежные щечки предательски зарделись.

– Берегитесь, Родди, вы теряете способность отличить шутку от оскорбления.

– Вовсе нет, дорогая. Я прилагаю все усилия, чтобы казаться именно оскорбительным.

– Не сравнивайте меня с Элизабет Грейнджфилд, – разъяренно прошипела Летиша. – У нас нет ничего общего.

– Ошибаетесь. Вы обе жаждете Хоторна, что роднит вас с шестью дюжинами других женщин, которых я могу назвать, особенно... – он кивнул на прекрасную рыжеволосую балерину, танцующую с русским князем, – ...Элиз Грандо. Хотя, кажется, мисс Грандо сумела опередить всех – перед вами новая любовница герцога.

– Не верю! – вырвалось у Летти, не сводившей глаз с изящной фигурки танцовщицы, покорившей испанского короля и русского князя. – Хоторн совершенно свободен от всяких привязанностей!

– Что мы обсуждаем, Летти? – осведомилась одна из молодых леди, отворачиваясь от осаждавших ее поклонников.

– Тот факт, что он сейчас на балконе с Элизабет Грейнджфилд, – отрезала Летти. Ей не было нужды объяснять, кто этот он. Имя этого человека было и без того известно в свете. Джордан Эддисон Мэттью Таунсенд, маркиз Лендсдаун, виконт Лидз, виконт Рейнолдз, граф Таунсенд оф Марлоу, барон Таундсенд оф Строли, Ричфилд, и Монмарт, двенадцатый герцог Хоторн.

Он – воплощение идеалов и грез юных леди: высокий, смуглый роковой красавец, обладающий дьявольским очарованием. Среди самых юных девиц существовало единодушное твердое мнение, что его непроницаемые серые глаза способны совратить монахиню или превратить врага в ледяную статую. Леди постарше были склонны верить первому утверждению и отвергали последнее, поскольку было известно, что Джордан Таунсенд расправился с сотнями французов, притом не взглядами, а благодаря непревзойденному умению обращаться с саблей и пистолетом. Но независимо от возраста все дамы общества были полностью согласны в одном – достаточно посмотреть на герцога Хоторна, чтобы понять: этот человек наделен всем – богатством, элегантностью, происхождением и воспитанием. Блестящая внешность и такие же способности. Настоящий бриллиант. И к сожалению, столь же тверд и непреклонен.

– Родди утверждает, что Элиз Грандо стала его любовницей, – пояснила Летти, кивая на ослепительную красотку, казавшуюся равнодушной к внезапному исчезновению герцога Хоторна вместе с леди Элизабет Грейнджфилд.

– Вздор! – воскликнула семнадцатилетняя дебютантка, помешанная на правилах приличия. – Будь это так, он ни за что не привез бы ее сюда! Не посмел бы!

– Посмел бы! – объявила другая молодая леди, не отрывая взгляда от дверей, через которые только что прошла парочка, и, по всей видимости, с нетерпением ожидая снова увидеть легендарного любовника. – Моя мама говорит, Хоторн делает все, как пожелает, и ничуть не считается с мнением остальных.

В эту минуту предмет этого и десятка других разговоров стоял, прислонившись к каменным перилам балкона, с нескрываемым раздражением глядя в сверкающие слезами голубые глаза Элизабет.

– Ваша репутация окончательно погублена, Элизабет. Будь у вас хоть капля разума, вы удалились бы в загородное поместье вместе с недужным мужем хотя бы на несколько недель, пока не уляжется скандал из-за дуэли и

не утихнут сплетни.

Элизабет, судорожно стараясь казаться веселой, пожала плечами:

– Сплетни меня не трогают, Джордан. Я графиня, а графиня всегда вне подозрений. – В голосе женщины зазвенела горечь; горло словно перехватило тоской. – И не важно, что мой муж на тридцать лет старше. Зато родители гордятся дочерью, сумевшей присоединить очередной титул к фамильному имени.

– Нет смысла жалеть о прошлом, – возразил Джордан, с трудом сдерживая нетерпение. – Что сделано, то сделано.

– Но почему ты не попросил моей руки, перед тем как отправиться на эту дурацкую войну в Испанию? – задыхаясь, спросила она.

– Потому что, – грубо отрезал Джордан, – не хотел на тебе жениться.

Пять лет назад герцог предполагал когда-нибудь, в отдаленном будущем, посвататься к Элизабет, но и тогда желал обзавестись женой не больше, чем сейчас, и между ними ни о чем не было договорено, до того как он уехал в Испанию. Год спустя отец девушки, действительно готовый на все, чтобы добавить новый титул к генеалогическому древу, настоял на том, чтобы дочь вышла за Грейнджфилда. Получив письмо Элизабет с сообщением о свадьбе, Джордан почти не почувствовал тяжести потери. С другой стороны, он знал Элизабет, когда оба были еще подростками, и питал к ней определенную симпатию. Возможно, будь он рядом, ему удалось бы убедить девушку не слушаться" родителей и отказать старому Грейнджфилду... а возможно, и нет. Элизабет, как всем дамам ее круга, с детства твердили, что ее обязанность – выйти замуж, повинаясь желанию отца и матери.

Но в любом случае Джордана в Англии в тот цемент не оказалось. Через два года после кончины отца и несмотря на отсутствие законных наследников, Джордан купил офицерский патент и отправился в Испанию сражаться против Наполеона. Сначала его отвага и мужество были результатом неудовлетворенности собственной жизнью, пренебрежения к опасности, но позже, по мере того как он мужал, ратное искусство, приобретенное в кровавых битвах, помогло ему сохранить жизнь и снискать репутацию блестящего стратега и непобедимого противника.

Четыре года спустя он вышел в отставку и вернулся на родину, дабы принять на себя ответственность и обязанности, налагаемые титулом и происхождением. Теперешний Джордан Таунсенд разительно отличался от того молодого человека, давным-давно покинувшего страну. Когда он впервые после возвращения появился на балу, эти перемены были очевидны любому – по контрасту с бледными лицами и скучающе-вялой

томностью остальных джентльменов кожа Джордана была почти черной от загара, плечи и руки налились силой, манеры стали резкими и властными, и, хотя знаменитое обаяние Хоторнов все еще проскальзывало в лениво-белозубой улыбке, герцога окружал ореол человека, постоянно бросающего вызов опасности и наслаждавшегося этим. Именно эту особенность женщины находили непреодолимо и бесконечно волнующей, что лишь прибавляло Джордану привлекательности – список его побед продолжал расти.

– Как вы могли забыть, что мы были предназначены друг для друга? – всхлипнула Элизабет, поднимая голову, и, прежде чем Джордан успел опомниться, встала на цыпочки и поцеловала его, тесно прильнув к нему податливым нежным телом. Но стальные пальцы безжалостно впились в ее плечи. Джордан бесцеремонно отодвинул женщину.

– Не будьте душой! – уничтожающе рявкнул он. – Мы считались друзьями, и только. Все случившееся в ту ночь было ошибкой. И теперь с этим покончено. Элизабет попыталась придвинуться ближе.

– Я заставлю вас полюбить меня, Джордан, заставлю! Всего несколько лет назад вы почти меня любили! И хотели, когда мы...

– Вернее, возжелал вашего соблазнительного тела, сокровище мое, – намеренно жестоко перебил ее Джордан, – только и всего. Большого мне не требовалось. Я вовсе не собирался ради вас прикончить вашего мужа на дуэли, так что забудьте все свои коварные замыслы. Поищите другого глупца, который с помощью пистолета добудет вашу свободу.

Элизабет, поблуднев, тщетно смагивала слезы, но не осмелилась отрицать, что надеялась на гибель мужа от руки герцога.

– Мне ни к чему свобода, Джордан, мне нужен ты, – пробормотала она сквозь рыдания. – Можешь считать меня только другом, но я любила тебя еще с отрочества.

Признание вырвалось у нее с такой безнадежной, униженной простотой, что любой человек, кроме Джордана Таунсенда, понял бы правдивость ее слов, скорее всего был бы тронут... и даже испытал бы некоторую жалость к бедняжке. Но Джордан давным-давно превратился в неисправимого, бесчувственного, ожесточенного скептика во всем, что касалось женщин, и потому ответил на вырвавшиеся из глубины души слова только безразличным пожатием плеч.

– Вытрите глаза, – велел он, протягивая ей белоснежный платок.

Десятки глаз, исподтишка наблюдавшие за их возвращением в бальную залу, отметили, что леди Грейнджфилд, выглядевшая крайне

скованной и бледной, немедленно уехала. Герцог Хоторн, однако, казавшийся совершенно невозмутимым, тотчас подошел к прелестной балерине. И когда несколько мгновений спустя они закружились в вальсе, присутствующие не без зависти отметили, какой неотразимый магнетизм, какая искрящаяся энергия исходили от прекрасной, бесспорно обаятельной пары. Изящная грация гибкого, хрупкого тела Элиз Грандо идеально дополняла небрежную элегантность Джордана; рыжие волосы красиво контрастировали с темными. Они легко двигались в такт музыке и были великолепными, предназначенными самой природой друг для друга созданиями.

– Впрочем, как всегда, – небрежно бросила мисс Билдрап своим приятелям, в зачарованном восхищении любуясь танцующими. – Хоторн каким-то образом дает почувствовать женщине, с которой приехал, что именно она, и никто другой, единственная на свете и создана только для него.

– Да, но не женится же он на какой-то балерине, как бы превосходно они ни выглядели вдвоем, – заметила мисс Моррисон. – Кстати, мой брат пообещал привести его к нам с утренним визитом на следующей неделе, – добавила она торжествующе.

Однако мисс Билдрап сразу же осадила дерзкую:

– Мама сказала, что завтра он отправляется в Роузмид.

– Роузмид? – глухо откликнулась мисс Моррисон. Плечи девушки безнадежно поникли.

– Поместье его бабки, – пояснила мисс Билдрап. – К северу от Лондона, вблизи какой-то Богом забытой деревушки, кажется, Моршем, если не ошибаюсь.

Глава 3

– Просто немыслимо, Филберт, совершенно невероятно! – объявила Александра старому лакею, приковылявшему в ее спальню с охапкой дров.

Филберт близоруко прищурился на семнадцатилетнюю хозяйку, растянувшуюся на животе поперек кровати; кулачки по привычке подпирают подбородок, вылинявшая рубашка распахнута на груди, коричневые мужские штаны тесно облегают ноги.

– Это положительно неприлично; – продолжала Александра исполненным негодования голосом.

– Что именно, мисс Алекс? – осведомился слуга, подходя ближе. На покрывале валялось что-то белое и большое – по предположению полуслеплого лакея, либо полотенце, либо газета. Филберт пристально уставился на непонятный предмет, на котором там и сям виднелись черные пятна, из чего он справедливо заключил, что перед ним газета.

– Здесь говорится, – уведомила Александра, постукивая пальцем по выпуску от 2 апреля 1813 года, – что леди Уизерфорд Хит дала бал на восемьсот приглашенных, с последующим ужином, на котором гостям было подано сорок пять блюд. Сорок пять! Видана ли когда-нибудь подобная расточительность?! Далее автор бесконечно распространяется о присутствующих и их нарядах. Послушай же, Сара! – воскликнула девушка, улыбаясь Саре Уизерс, только что принесшей стопку свежевыглаженного белья.

До смерти отца Александры, случившейся три года назад, Сара занимала должность экономки, но поскольку семья оказалась в более чем стесненных финансовых обстоятельствах, ее вместе с другими слугами пришлось уволить. Остались лишь Филберт и Пенроуз, чересчур старые и дряхлые, чтобы отыскать другое, более подходящее место. Теперь Сара приходила раз в месяц, чтобы с помощью деревенской девчонки заняться стиркой и глажкой.

Притворно жеманным голосом Александра процитировала:

– «Мисс Эмили Уэлфорд сопровождал на бал граф Машем. Ее туалет из шелка цвета слоновой кости украшали жемчуга и бриллианты». – Алекс, еще раз хмыкнув, свернула газету и обратилась к Саре:

– Ну можно ли поверить, что людям действительно интересно читать подобный вздор? Кому есть дело до наряда мисс Уэлфорд или до того, что граф Делтон только что вернулся из поездки в Шотландию и «ходят слухи,

будто он выказывает несомненный интерес к некоей молодой леди, обладающей красотой и положением в обществе»?

Сара Уизерс, подняв брови, с неодобрением уставилась на облачение Алекс.

– Некоторые молодые девушки весьма заботятся о своей внешности, что, впрочем, вполне естественно, – язвительно сообщила она.

Александра философски пожала плечами, приняв этот добродушный укол с обычным веселым безразличием:

– Потребуется намного больше, чем пудра и атлас, чтобы сделать из меня настоящую леди.

Ее давние надежды вылететь из кокона прекрасной бабочкой с золотистыми волосами, к великому сожалению, не оправдались. Коротко стриженные вьющиеся волосы темно-каштанового цвета обрамляли лицо с задорно вздернутым носиком и маленьким упрямым подбородком. Она по-прежнему оставалась стройной и худенькой, и мальчишеская фигура отнюдь не прибавляла ей привлекательности. Единственной, поистине примечательной чертой были огромные аквамариновые глаза, окаймленные густыми черными ресницами. Кожа девушки приобрела легкий золотистый загар от работы и долгих поездок верхом на солнцепеке. Однако собственная внешность больше не волновала Алекс – слишком много гораздо более неотложных дел занимало ее мысли.

Почти сразу же после смерти отца скончался дедушка. И Алекс фактически стала главой семейства. На юные плечи свалился груз забот. Приходилось присматривать за престарелыми слугами, растягивать, насколько можно, скудные деньги, добывать еду и даже справляться с постоянными истерическими припадками маменьки.

Ее ровесница, воспитанная в обычных традициях, возможно, никогда не сумела бы принять вызов судьбы. Но ни внешность, ни способности Александры ни в коем случае нельзя было назвать ординарными. Едва ли не с самого детства она выучилась ловить рыбу и охотиться, чтобы составлять компанию отцу. во время его нечастых наездов. Теперь же девушка со спокойной решимостью использовала приобретенные навыки, чтобы кормить семью.

Грохот сваленных в дровяной ящик поленьев мгновенно отвлек Алекс от мыслей об усыпанных бриллиантами бальных нарядах. Вздрагивая от сырости, пропитавшей толстые стены дома, так что даже летом было невозможно согреться, Алекс зябко обхватила себя руками.

– Не стоит зря тратить дрова, Филберт, – поспешно сказала она, когда лакей нагнул, чтобы добавить полено к крохотному, жалкому огоньку. –

Здесь, не холодно... просто свежо. Очень полезно для здоровья. Кроме того, я через несколько минут уезжаю на день рождения брата Мэри Эллен, так что нет смысла топить.

Филберт нерешительно кивнул, но тут полено выскользнуло из ослабевших рук и покатилося по щербатому деревянному полу. Лакей выпрямился и в отчаянии огляделся, силясь увидеть, куда оно закатилось. Пожалев полуслеплого старика, девушка мягко подсказала:

– Оно у письменного стола.

Слуга заковылял к столу и присел на корточки, пытаясь ощупью отыскать полено.

– Сара! – неожиданно воскликнула девушка, ощущая, как странное предвкушение чего-то неизведанного, испытываемое ею иногда за последние три года, вновь теснит грудь. – У тебя бывало когда-нибудь такое чувство, будто что-то вот-вот должно случиться?

Сара с шумом задвинула ящики комода.

– Конечно!

– И это предчувствие сбылось?

– Совершенно верно.

Глаза Александры ярко, восторженно блеснули.

– Правда? И что же произошло?

– Дымоход обвалился, в точности как я предупреждала вашего папашу, что так и будет, если его не починить как можно скорее.

Звонкий музыкальный смех серебряными бусинками рассыпался по комнате.

– Нет-нет, это совсем другое, – покачала головой Александра и с некоторым смущением призналась:

– У меня появилось это чувство вскоре после смерти дедушки, но всю последнюю неделю оно меня не покидает и становится все сильнее. Кажется, я словно стою на краю обрыва, ожидая, что вот-вот это произойдет.

Застигнутая врасплох мечтательным голосом и непривычным спокойствием девушки, пребывавшей обычно в состоянии лихорадочной деятельности, Сара подозрительно уставилась на нее:

– И что же, по-вашему, должно случиться?

– Нечто чудесное! – объявила Александра, почти задрожав от непонятого восторга, и уже хотела добавить еще что-то, но громкий женский вопль, донесшийся из спальни дядюшки Монти и сопровождаемый стуком захлопнувшейся двери и шлепаньем босых ног, перебил ее на полуслове. Александра села и одним грациозным

энергичным движением, гораздо больше соответствующим ее природе, чем дремотная неподвижность, сорвалась с постели – как раз в ту минуту, когда в спальню с разъяренным видом влетела Мэри, молодая крестьянская девушка, помогавшая Саре стирать белье.

– Клянусь, он треснул меня прямо по заднице! – вскричала Мэри, потирая вышеупомянутую часть тела, отличавшуюся немалыми размерами и пышностью, и обвиняющим жестом показала на комнату дядюшки Монти. – Никто не смеет такое вытворять со мной, никто! Я честная, порядочная девушка, да-да, и...

– В таком случае води себя как порядочная девушка и придержи язык! – резко перебила ее Сара.

Александра вздохнула, вспомнив о многочисленных обязанностях хозяйки дома, мгновенно затмивших все мечты об ужине из сорока пяти блюд.

– Я сейчас же поговорю с дядей Монти, – пообещала она. – Уверена, он больше никогда не станет этого делать. – И, весело улыбаясь, предупредила:

– Не станет, конечно, если ты не будешь нагибаться в пределах его досягаемости. Сэр Монтегю... он... как бы это сказать... ценитель женской красоты, и когда у дамы такой округлый... э-э-э... зад... не может устоять перед искушением похлопать по нему, в точности как знаток лошадей при виде чистокровной кобылы.

Эти дипломатические речи польстили и одновременно немного успокоили разгневанную девицу. К тому же, несмотря на столь не подобающее джентльмену поведение, сэр Монтегю тем не менее был возведен в рыцарское достоинство самим королем.

Оставшись одна, Сара медленно обвела взглядом пустую комнату.

– Нечто чудесное! – фыркнула она, с тоской и горечью думая о семнадцатилетней девочке, пытавшейся без жалоб и упреков нести бремя находящегося в упадке хозяйства с помощью совершенно оглохшего престарелого дворецкого, слишком гордого, чтобы признаться в собственной глухоте, и полуслеплого лакея. Выдержать милую семейку было столь же непосильной задачей. Двоюродный дедушка Алекс, сэр Монтегю Марш, которого все звали дядюшкой Монти, хотя и добродушный старик, весьма редко бывал трезвым; впрочем, он напивался ровно настолько, чтобы не обделить вниманием ни одной юбки. Миссис Лоренс, мать Александры, которая должна была взять в свои руки бразды правления после кончины мистера Лоренса, с радостью передоверила все обязанности дочери и стала самым тяжелым испытанием для девочки.

– Дядя Монти, – с легким укором начала Александра, грозя пальцем отцовскому дядюшке, приехавшему к ним жить два года назад, когда все остальные родственники от него отказались.

Дородный джентльмен сидел у камина перед почти угасшим пламенем: подагрическая нога заботливо покоится на стуле, выражение лица ангельски-невинное.

– Пришла отчитывать меня за девчонку? – пробормотал он, оглядывая ее злобными покрасневшими глазками. В это мгновение он был так похож на провинившегося ребенка, что Александра невольно улыбнулась.

– Да, – призналась она, – а заодно выяснить, где ты прячешь бутылку контрабандной мадеры, которую принес вчера твой друг мистер Уотерли.

Дядюшка Монти безуспешно попытался вспылать праведным негодованием:

– И кто, позвольте спросить, утверждает, что подобная бутылка находится а моей комнате?

Однако старик тут же осекся, искоса взглянув, как Александра быстро и привычно обыскивает все давно знакомые тайники – под подушкой дивана, под матрасом и в дымоходе. Заглянув в еще с полдюжины укромных местечек, девушка подошла к стулу и протянула руку.

– Немедленно отдай, дядюшка Монти.

– Что? – непонимающе переспросил он, неловко ерзая – из-под его обширного зада показалось горлышко бутылки.

Девушка, заметив это, весело хмыкнула:

– Бутылку мадеры, на которой ты восседаешь!

– Хочешь сказать – мое лекарство, – поправил ее Монти. – Доктор Битл велел мне пить мадеру в лечебных целях, когда занает старая рана.

Алекс всмотрелась в налитые кровью глаза и розовые щеки, оценивая степень его опьянения с точностью, приобретенной двумя годами общения с бесшабашным, безрассудным, но милым и добрым стариком. Подступив ближе, она настоятельно повторила:

– Немедленно отдай, дядя. Мама ожидает к ужину сквайра с женой и хочет, чтобы ты тоже спустился. Нужно быть трезвым, как...

– Чтобы вынести эту чванную парочку, следует напиться до полусмерти! Говорю тебе, Алекс, меня от них лихорадит! Благочестие подобает святым, а святые – неподходящая компания для Мужчины из плоти и крови.

Но, видя, что девушка не отступает, старик покорно вздохнул, приподнялся и вытащил из-под себя полупустую бутылку.

– Вот и хорошо, – похвалила Александра, дружески похлопав его по

плечу. – Если ты еще не уснешь к тому времени, когда я вернусь, мы сможем поиграть в вист и...

– Когда вернешься? – встревоженно охнул сэр Монтегю. – Не хочешь же ты сказать, что исчезнешь и оставишь меня одного с твоей мамашей и ее невыносимыми гостями?

– Я приглашена к Мэри Эллен, – весело пояснила Александра, направляясь к порогу и посылая родственнику воздушный поцелуй. Она захлопнула дверь под аккомпанемент рассерженного бормотания насчет «погибели от скуки» и «тоски смертной».

Девушка как раз проходила мимо материнской спальни, когда Фелисия Лоренс окликнула ее слабым, но повелительным голосом:

– Александра! Александра, это ты?

Кажется, мать опять сердится!

Алекс мысленно собралась и приготовилась к очередной стычке с матерью из-за Уилла Хелмсли. Расправив худенькие плечи, девушка ступила в комнату. Миссис Лоренс сидела перед туалетным столиком, одетая в старый заплатанный пеньюар, и хмурилась, глядя в зеркало. За эти три года прекрасное лицо Фелисии постарело на десять лет. Лукавые искорки, светившиеся в глазах, погасли, волосы цвета красного дерева поблекли, превратились в тускло-каштановые, тронутые сединой. Но Алекс знала: не столько скорбь, сколько гнев и боль – причины разительных перемен. Три недели спустя после того, как Джорджа Лоренса опустили в могилу, перед их домом остановился великолепный экипаж, из которого вышли члены «второй семьи» ее любимого отца – жена и дочь, с которыми тот прожил в Лондоне свыше двенадцати лет. Его законная семья влачила едва ли не нищенское существование в маленькой деревушке, тогда как незаконную он содержал в роскоши. Даже сейчас Алекс корчилась от боли при воспоминании о том ужасном дне, когда ей пришлось неожиданно столкнуться лицом к лицу со сводной сестрой, необыкновенно хорошенькой девочкой по имени Роуз. Но самый жестокий удар был нанесен Алекс, когда она увидела великолепный золотой медальон на белой шейке Роуз, подарок отца. Он подарил точно такой же Алекс, только ее был оловянным.

Все это вместе взятое яснее слов говорило о том, какого мнения придерживался Джордж Лоренс об Алекс и Фелисии.

Впрочем, в одном он обошелся одинаково с обеими семьями – оставил их без гроша.

Алекс пришлось ради матери схоронить глубоко в сердце боль предательства и попытаться вести себя как обычно, но печаль Фелисии

обернулась яростью. Миссис Лоренс почти не выходила из своей комнаты, бережно лелея оскорбленные чувства и предоставляя девочке вести дела. Два с половиной года Фелисия не проявляла ни малейшего интереса ни к хозяйству, ни к скорбящей дочери и открывала рот лишь затем, чтобы пожаловаться на несправедливость судьбы и измену мужа.

Однако шесть месяцев назад миссис Лоренс поняла, что положение не настолько безнадежно, как она считала. Она наконец нашла способ избежать уготованной ей печальной участи, и орудием избавления должна была послужить Александра. Фелисия решила, что дочь просто обязана поймать мужа, который спасет их обоих от нужды и бедности. С этой целью Фелисия обратила самое пристальное внимание на все сколько-нибудь состоятельные семейства в округе. Но только Хелмсли, по мнению вдовы, оказались достойными ее бывшего положения и честолюбивых устремлений, и поэтому их сын Уилл отныне в ее глазах стал самым подходящим женихом для дочери, несмотря на то что он был весьма скучным, не слишком умным, забитым, ничем не примечательным молодым чело-чком, всецело находившимся под влиянием своих властных родителей, ярых фанатиков-пуритан.

– Я пригласила к ужину сквайра с женой, – сообщила миссис Лоренс, не отводя глаз от зеркала. – И Пенроуз обещал приготовить превосходный обед. – Пенроуз – дворецкий, мама. Нельзя ожидать от него кулинарных изысков!

– Я прекрасно осведомлена о том, какую должность занимает Пенроуз в нашем доме, Александра. Однако он стряпает лучше тебя и Филберта, так что придется ему потрудиться. Кстати, насчет рыбы, – продолжала она, деликатно вздрагивая, – мне хотелось бы, чтобы ее не так часто подавали, как в последнее время. Никогда особенно не любила рыбу!

Александра, добывавшая для семьи пропитание, покраснела, словно сознавая, что не смогла достойно выполнить долг главы этого странного семейства.

– Прости, мама, но дичь почему-то почти не попадает. Завтра я отправлюсь подальше в лес и посмотрю, не удастся ли добыть что-то получше. Ну а сейчас я уезжаю и вернусь поздно.

– Поздно?! – охнула мать. – Но ты должна, слышишь, должна приехать к ужину! Ты ведь знаешь, какое огромное значение придают сквайр с супругой женской скромности и хорошим манерам... хотя меня терзает сама мысль о том, как посмел этот человек оставить нас в-столь безвыходном положении, что теперь приходится считаться с каким-то сквайром!

Александра даже не стоило спрашивать, кто он, этот человек. Ее мать всегда упоминала о Джордже именно в таких выражениях либо небрежно бросала «твой отец», словно винила дочь за то, что та выбрала себе недостойного родителя, а она, миссис Лоренс, была лишь невинной жертвой этого выбора.

– В таком случае ты не обязана считаться со сквайром, – спокойно, но твердо отрезала Александра, – поскольку я не выйду за Уилла Хелмсли, даже если это спасет меня от голодной смерти, что, конечно, нам ни в малейшей степени не грозит.

– Не смей спорить со мной! – разъяренно прошипела мать, охваченная ужасом и отчаянием. – Я требую, чтобы ты вела себя как подобает благородной молодой леди. И никаких больше шатаний по окрестностям! Хелмсли не позволят, чтобы имени их будущей невестки коснулась хотя бы тень скандала!

– Я не желаю иметь ничего общего с Хелмсли! – воскликнула Александра, из последних сил стараясь сохранить хладнокровие. – Ненавижу Уилла Хелмсли, и, к твоему сведению, – закончила она, забыв в запальчивости, что рассудок матери держится на волоске, – Мэри Эллен сказала, что Уилл предпочитает молоденьких мальчиков.

Однако невероятная непристойность этого объявления, которое Алекс вряд ли понимала сама до конца, не дошла до миссис Лоренс.

– Ну да... конечно, большинство молодых людей выбирают общество своих приятелей. Впрочем... – продолжала она, вставая и прохаживаясь по комнате неловкой походкой человека, бывшего долго прикованным к постели, – именно поэтому он не выказывает сильной склонности к женитьбе на тебе, Александра.

Она оглядела старые узкие коричневые штаны, белую распахнутую сорочку с широкими рукавами и коричневые сапоги, носившие следы поспешной чистки. В этом костюме девушка напоминала юношу из обедневшей, но некогда состоятельной семьи.

– Ты должна начать появляться в платьях, хотя молодой Уилл, кажется, не возражает против твоего вида. Доведенная до предела, Алекс тем не менее терпеливо объяснила:

– Мама, все мои платья мне давно уже выше колена.

– Я велела тебе переделать одно из моих.

– Но я плохо управляюсь с иглой... Миссис Лоренс остановилась и наградила дочь негодующим взглядом.

– Вижу, ты пытаешься любым способом воспрепятствовать помолвке, но я намереваюсь положить конец этому жалкому существованию, которое

мы ведем, и сын сквайра Хелмсли – наша единственная надежда. – Она мрачно нахмурилась, уставившись на упрямую женщину-ребенка, стоявшую в дверях. Бледное лицо исказила гримаса горького сожаления. – Понимаю, Александра, мы никогда не были по-настоящему близки, но только этот человек – виновник того, что ты выросла буйным, неуправляемым сорванцом и теперь бродишь по окрестностям с мерзким ружьем, в мужских штанах и вытворяешь все, что в голову взбредет.

Охваченная гневным смущением, Александра сухо ответила:

– Будь я бледным, слабым, беспомощным созданием, каким ты хочешь меня видеть, все обитатели этого дома давно бы умерли с голоду.

У миссис Лоренс хватило совести немного смутиться.

– Да, ты права, но больше так продолжаться не может. Несмотря на все твои усилия, у нас куча долгов! Знаю, псе три года я была не слишком хорошей матерью, но наконец пришла в себя и должна принять меры для того, чтобы благополучно выдать тебя замуж.

– Но я не люблю Уилла Хелмсли! – взорвалась Александра.

– Это даже к лучшему, – резко бросила миссис Лоренс. – Он по крайней мере не сможет ранить тебя так сильно, как это сделал твой отец! Уилл – отпрыск почтенной состоятельной семьи. Уж он-то не будет ие содержать в Лондоне вторую жену и не проиграет все до последнего пенни!

Девушка поморщилась при этом грубом напоминании о вероломстве отца, но мать невозмутимо добавила:

– Собственно говоря, нам очень повезло, что сквайр Хелмсли – человек бесцеремонный и властный, иначе он вряд ли согласился бы видеть тебя своей невесткой.

– Но чем же я так привлекаю его? Миссис Лоренс не на шутку оскорбилась:

– Ведь мы связаны родством с графом, Александра, а сэру Монтегю дарован титул рыцаря!

После этого откровения мать впала в задумчивое молчание, а девушка пожала плечами и объявила:

– Я еду к Мэри Эллен. Сегодня у ее брата день рождения.

– Возможно, даже лучше, что тебя не будет за ужином, – кивнула миссис Лоренс, рассеянно проводя щеткой по волосам. – Насколько я понимаю, Хелмсли собираются сегодня заговорить о помолвке, и не хватало еще, чтобы ты хмурилась и уничтожающе фыркала!

– Мама, – повторила Александра со смесью тревоги и жалости, – я скорее буду голодать, нежели выйду за Уилла.

Но выражение лица Фелисии ясно говорило о том, что она

придерживается иного мнения.

– Доверься взрослым в подобных делах. Поезжай к Мэри Эллен, но надень платье.

– Не могу. Мы решили устроить рыцарский турнир в честь дня рождения Джона О'Тула, как в былые времена. Помнишь, О'Тулы всегда устраивали такие турниры.

– Но тебе не пристало разгуливать в этих ржавых доспехах, Александра. Оставь их в передней, там им место.

– Ничего страшного, – заверила Алекс. – Я возьму только щит, шлем, копье и панцирь.

– О, как хочешь, – с усталым вздохом сдалась мать.

Глава 4

Взгромоздившись на старого Тандера, злобного, норовистого мерина, принадлежавшего еще дедушке и появившегося на свет за несколько лет до ее рождения, Алекс Припустила рысью по изрытой глубокими колеями дороге к Просторному коттеджу О'Тулов. Она не преминула взять с собой ружье и сейчас внимательно осматривала окрестности В надежде добыть что-нибудь из мелкой дичи. Правда, на это было мало шансов, поскольку длинное копьё то и дело Громко звякало о панцирь и ударялось о меч.

Несмотря на неприятный разговор с матерью, прекрасный весенний день и неотвязное чувство взволнованного ожидания, которое Александра пыталась описать Саре, немного улучшили настроение девушки.

В долине и рощах распускались яркие цветы, наполняя воздух чудесным благоуханием. На окраине деревни была небольшая гостиница, и Александра, зная каждого обитателя в пределах восьми миль, подняла шлем и весело махнула хозяину, мистеру Тилсону.

– Добрый день, мистер Тилсон.

– Здравствуйте, мисс Алекс, – отозвался тот. Мэри Эллен О'Тул вместе с шестью братьями уже были увлечены игрой в древних рыцарей.

– Скорее, Александра, – позвал четырнадцатилетний Том, восседавший на старой лошади отца. – Пора начинать турнир.

– Нет, сперва дуэль, – заспорил его брат-погодок, размахивая старой саблей. – На этот раз я выйду победителем, Алекс! День и ночь упражнялся!

Александра, смеясь, неуклюже спешила и прежде всего обняла Мэри Эллен, а уж потом подружки с увлечением погрузились в своеобразный спектакль, разыгрываемый каждый раз в день рождения одного из отпрысков О'Тулов. День и вечер пролетели незаметно, в веселых играх, дружеских поединках и заразительном хохоте большого семейства, членом которого Александра, единственный ребенок у родителей, подчас так мечтала стать.

К тому времени, когда пришла пора отправляться домой, девушка была счастлива до изнеможения и едва дышала после невероятно плотного обеда, съеденного по настоянию добрейшей миссис О'Тул.

Убаюканная мерным цокотом копыт старого Тандера, Александра тихо покачивалась в такт движениям лошади. Отяжелевшие веки сами собой опускались от усталости. Кроме того, девушка не сумела как следует

приторочить доспехи к седлу и была вынуждена надеть их, отчего становилось еще жарче и клонило ко сну.

Она миновала гостиницу и свернула на широкую тропу, ведущую через рощу и снова выходящую на большую дорогу в миле отсюда, но при этом заметила, что во дворе привязаны несколько лошадей и по-прежнему зажжены фонари. Через открытое окно доносились мужские голоса, поющие непристойную песенку. Нависшие ветви дубов, покачивающиеся на весеннем ветерке, отбрасывали причудливые тени, заслоняя луну.

Александра понимала, что уже поздно, но не понукала лошадь. Во-первых, Тандеру больше двадцати лет, и, во-вторых, девушка к тому же хотела убедиться, что сквайр и миссис Хелмсли успели удалиться ко времени ее возвращения.

Забрало со стуком опустилось, и Александра раздраженно вздохнула, мечтая поскорее избавиться от тяжелого шлема. Решив, что после столь нудного дня у Тандера вряд ли хватит энергии попытаться сбежать, она остановила лошадь, отпустила поводья и, переложив щит в левую руку, уже хотела было снять шлем и повесить его на сгиб правой, когда легкий шорох где-то в четверти мили отсюда, близ дороги, привлек ее внимание.

Девушка свела брови, гадая, уж не дикий ли это кабан или другие, менее опасные, но все же съедобные представители животного мира, и вынула из чехла ружье настолько тихо, насколько позволяли неудобные доспехи.

Неожиданно тишина ночи была разорвана оглушительным выстрелом, за которым последовал еще один. Прежде чем Александра успела опомниться, старый мерин понес спотыкающимся галопом прямо в том направлении, откуда раздавались выстрелы. Девушка что было сил сжала коленями бока коня.

Бандит невольно повернул голову при звуках резкого клцанья металла, доносившихся из леса, и Джордан Таунсенд отвел взгляд от смертоносного отверстия на конце пистолета, направленного ему прямо в грудь вторым разбойником. Зрелище, представшее его глазам, заставило Джордана усомниться в собственном рассудке. На помощь пленнику спешил благородный рыцарь в шлеме с опущенным забралом, щитом в одной руке и ружьем в другой.

Александра едва сумела подавить вопль, когда очутилась на залитой лунным светом поляне, прямо посреди сцены, словно служившей воплощением худших из ночных кошмаров. Раненый кучер лежал на дороге подле экипажа, и два разбойника с красными платками,

скрывавшими лица, целились в высокого незнакомца. Второй бандит обернулся к Александре и мгновенно наставил на нее пистолет.

Времени на размышления не осталось – приходилось действовать. Стиснув ружье и бессознательно рассчитывая на прикрытие шлема и панциря от пули, Александра наклонилась вправо, намереваясь сбить конем бандита, но в этот миг прогремел выстрел.

Охваченный ужасом, Тандер споткнулся и, прыгнув, сбросил Александру. Та, беспомощно взмахнув руками, приземлилась грудой ржавого металла прямо на голову второго негодяя. При столкновении шлем чуть не свалился, ружье отлетело к обочине, а сама девушка едва не потеряла сознание.

К несчастью, бандит, опомнился раньше, чем голова у Александры перестала кружиться.

– Какого черта! – прорычал он, мощным толчком сбрасывая с себя обмякшее тело и награждая его свирепым пинком, прежде чем ринуться на помощь сообщнику, который в эту минуту катался по земле в смертельной схватке с высоким незнакомцем за право обладания пистолетом.

Сквозь пелену боли, застилавшую глаза, Александра в панике увидела, как уже оба бандита набросились на жертву. Девушка с усилием, рожденным смертельным ужасом, то и дело замирая, громко звякая забралом, поползла к упавшему ружью. В тот миг, когда пальцы коснулись ствола, она заметила, что мужчина сумел все-таки вырвать оружие у тощего разбойника и выстрелить в него, а потом, низко пригнувшись, развернуться и прицелиться во второго грабителя.

Завороженная хищной грацией молниеносных движений незнакомца, Александра замерла, наблюдая, как он хладнокровно нажимает на спусковой крючок. Все еще распростертая на земле, девушка судорожно зажмурилась в ожидании неизбежного грохота. Однако в тишине раздалось лишь громкое щелканье – оружие оказалось незаряженным.

– Бедный глупый ублюдок! – пренебрежительно сплюнул бандит и со злобным смехом вытащил из-за пазухи еще один пистолет. – Думаешь, я так и позволил бы тебе завладеть этим пистолетом, не зная я точно, что там нет пули? Ну ничего, ты сдохнешь медленно, корчась, как червяк, за то, что убил моего брата? Человек, раненный в живот, мучится долго, уж будь уверен!

Вне себя от испуга, Александра перекатилась на бок, прицелилась и, как только бандит поднял пистолет, выстрелила. Сильная отдача отбросила ее на спину, горло на мгновение сдавило так, что воздух не проникал в легкие. Когда она наконец пришла в себя и открыла глаза, грабитель уже

лежал на земле. Неяркий лунный свет падал на разнесенную выстрелом голову.

Боже! Она не просто ранила, она прикончила человека! Убила! Тоскливый стон вырвался из груди девушки, и тут мир стал вращаться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Словно сквозь сон, она видела, как высокий незнакомец, отбросив пинком труп бандита, направляется к ней широкими шагами. Почему у него такой зловещий вид?

Но тут звезды завертелись в бесконечном хороводе, унося ее с собой в бездонную черную пропасть...

И Александра впервые в жизни потеряла сознание. Джордан опустился на корточки около поверженного рыцаря, торопясь сорвать с него шлем и проверить, не ранен ли обладатель старинных доспехов.

– Быстрее, Гримм, – окликнул он кучера, который немного оправился от нанесенного бандитом удара и теперь, шатаясь, поднимался на ноги. – Помоги же снять эти чертовы доспехи!

– Он ранен, ваша светлость? – осведомился Гримм, поспешив к хозяину и вставая на колени.

– Очевидно, да, – резко бросил Джордан, морщась при виде глубокого пореза на левой щеке рыцаря.

– Но его не подстрелили?

– Кажется, нет. Держи его голову... осторожно, дьявол тебя заберет... пока я стяну это чудовищное облачение! Отшвырнув шлем, Джордан стащил панцирь.

– Боже, что за странная прихоть, – пробормотал он встревоженно, осматривая бесчувственное тело в поисках крови или раны. – Слишком темно, чтобы понять, задела ли его пуля. Поворачивай карету, и отвезем юнца в гостиницу, которую мы проезжали по пути сюда. Владелец обязательно должен знать, кто его родители и где найти доктора.

Нагнувшись, герцог играючи подхватил под мышки нежданного спасителя, потрясенный тем, каким легким оказался парнишка без своего тяжелого снаряжения.

– Да это всего-навсего мальчик, не старше тринадцати-четырнадцати лет, – покачал головой Джордан, сгорая от угрызений совести. По его вине пострадал отважный юноша, который не задумываясь бросился ему на помощь. Нахмурился, Джордан понес ребенка к экипажу.

Прибытие герцога Хоторна в гостиницу с бесчувственной Александрой в объятиях вызвало град непристойных реплик и бесстыдных предположений среди собравшихся в общей зале гуляк, которые, несмотря на поздний час, все еще не разошлись, хотя и были вдрызг пьяны. Но

Джордан с искренним равнодушием истинного аристократа к пересудам простых смертных, не обращая внимания на громкие голоса, направился к служанке:

– Проводите меня в лучшую комнату и немедленно пошлите за хозяином.

Служанка перевела взгляд с курчавой головки Александры на высокого, безупречно одетого джентльмена и поспешила выполнить приказ.

Джордан осторожно положил мальчика на постель и распахнул ворот сорочки. Бедняга застонал; веки чуть затрепетали, и герцог уставился в огромные глаза необычного цвета расплавленных аквамарин, обрамленные невероятно длинными мохнатыми ресницами, глаза, еще затянутые пеленой длительного обморока и глядевшие на него с неподдельным недоумением. Ободряюще улыбаясь, Джордан мягко приветствовал:

– Добро пожаловать в этот мир, Галахад [\[1\]](#).

– Где... – прохрипела Александра, облизывая пересохшие губы. Она откашлялась и попробовала снова, но из горла вырвался лишь едва слышный шепот:

– Где я?

– В гостинице, недалеко от того места, где произошло ограбление.

Ужасные воспоминания вновь нахлынули на девушку, и Александра ощутила, как горячие слезы жгут глаза.

– Это человек мертв... погиб от моей руки, – задохнулась она.

– Но этим вы спасли двоих – меня и моего кучера. На измученную душу Александры, все еще не сумевшей опомниться, эти слова пролились бальзамом. Не в состоянии сосредоточиться, она словно со стороны смотрела, как мужчина проводит ладонями по ее ногам сверху вниз. Ничьи руки, кроме материнских, до сих пор не касались девушки, да и то много лет назад. Александра нашла новые ощущения довольно приятными, хотя и странно тревожащими, но, когда сильные пальцы стали осторожно ощупывать ее ребра, она, охнув, схватилась за широкие запястья и негодуя прохрипела:

– Сэр! Что вы делаете?

Джордан искоса глянул на тонкие руки, вцепившиеся в него с силой, по-видимому рожденной страхом.

– Пытаюсь определить, нет ли переломов, юноша. Я послал за доктором и хозяином. Хотя... поскольку ты пришел в себя, можешь сам сказать, кто твои родители и где Найти ближайшего врача.

Негодующая Александра, боявшаяся даже подумать о том, какие деньги может потребовать доктор за визит, немедленно вскочила:

– Да вы имеете представление о том, сколько берут теперешние костоправы?!

Джордан изумленно уставился на бледного мальчика с поразительно прекрасными глазами и почувствовал, как в душе шевельнулось сочувствие, смешанное с глубоким восхищением, – странное сочетание эмоций, доселе совершенно ему неведомое.

– Но все произошло из-за меня, и я, естественно, готов оплатить все расходы.

Тут он улыбнулся, и остатки тумана мгновенно выветрились из головы Александры. Перед ней был настоящий великан, красавец, подобного которому она, конечно, никогда не встречала. Серебристо-серые, сверкающие сталью глаза, очень широкие плечи, глубокий, бархатный баритон. На загорелом лице блестели белые зубы, и, хотя в каждом движении проскальзывала неукротимая мужская сила, прикосновения были осторожными и нежными, а лучики морщинок в уголках глаз свидетельствовали о чувстве юмора. В сравнении с этим гигантом Алекс казалась себе маленькой и хрупкой... и почему-то ощущение надежности и безопасности окутывало ее пушистым, теплым покрывалом. За последние три года такое с ней было впервые.

Разжав руки, она осторожно дотронулась пальцем до царапины у него на подбородке.

– Вам, кажется, тоже досталось, – пробормотала девушка, застенчиво улыбаясь.

У Джордана перехватило дыхание от этой неожиданно ослепительной улыбки. Непонятный, возбуждающий озноб прошел по телу при одном прикосновении пальцев мальчика. Мальчика!

Джордан поскорее отодвинулся и кивнул, мрачно гадая, уж не превратила ли его тоска повседневной обыденной жизни, лишенной прямого привкуса опасности, в некоего извращенного распутника.

– Вы еще не сказали, как вас зовут, – с намеренной прохладцей напомнил он, снова принимаясь ощупывать ее ребра, вглядываясь в нежное личико и боясь увидеть на нем гримасу боли.

Александра уже открыла было рот, чтобы назвать себя, но вместо этого возмущенно взвизгнула: ладонь незнакомца скользнула по упругим холмикам.

Джордан, словно обжегшись, отскочил:

– Да вы девушка!

– Ничего не могу поделать, – парировала она, уязвленная резким, обвиняющим тоном.

Абсурдность внезапно возникшей перепалки дошла до обоих одновременно – мрачный вид Джордана уступил место широкой улыбке, а девушка звонко расхохоталась. Именно в этот момент и нашла их миссис Тилсон – хохочущими, на постели, и в довершение всего рука мужчины нависла над распахнутой едва ли не до талии рубашкой мисс Александры.

– Александра Лоренс! – взорвалась она, врываясь в комнату, словно боевой корабль, и гневно сверкая глазами, из которых, казалось, так и сыпались искры. – Что все это значит?!

Девушка, к счастью, не подозревая о всем неприличии прискорбной сцены, представшей взгляду миссис Тилсон, недоуменно бормотала что-то, но Джордан все понял и стиснул зубы от омерзения. Неужели эта злобная ведьма посчитает порочным ни в чем не повинное дитя?! Его лицо снова превратилось в жесткую маску, а в сдержанно-властном голосе прорезались ледяные нотки.

– Мисс Лоренс пострадала при нападении бандитов на дороге, недалеко от вашей гостиницы. Немедленно пошлите за доктором.

– Нет, не нужно, миссис Тилсон, – пробормотала Александра и, преодолевая головокружение, с трудом села. – Я уже совершенно оправилась и хочу поскорее очутиться дома. – В таком случае, – резко заявил Джордан растерянной женщине, – я сам отвезу ее, а вы направьте врача К повороту дороги, милях в пяти отсюда. Там он отыщет двух негодяев, которым уже ничем нельзя помочь. Зато он может распорядиться о похоронах.

Сунув руку в карман, Джордан извлек маленькую визитную карточку с выгравированным именем и гербом.

– Я возвращусь сюда, чтобы ответить на все его вопросы, после того как верну мисс Лоренс в лоно семьи.

Миссис Тилсон бросила что-то уничтожающее относительно бандитов и некоторых развратных особ, выхватила карточку из руки герцога и, окинув последний раз злобным взглядом расстегнутую рубашку Алекс, выплыла из комнаты.

– Вы, кажется, удивились, обнаружив, что я девушка? – нерешительно пролепетала Александра.

– Говоря откровенно, это вообще ночь сюрпризов, – признался Джордан, выбрасывая из головы миссис Тилсон. – Надеюсь, я не покажусь слишком назойливым, если спрошу, что вы делали на дороге в этих доспехах?

Александра медленно свесила ноги с кровати и попыталась встать, но комната покачнулась перед глазами.

– Я могу идти, – запротестовала она, когда незнакомец снова поднял ее на руки.

– Но я, предпочитаю нести вас, – твердо ответил Джордан.

Александра невольно улыбнулась, видя, с каким безмятежно-безразличным видом прошествовал он через общую залу, не обращая внимания на крестьян, глазающих на растрепанную, грязную девушку, одетую в мужские брюки и сорочку, да к тому же лежавшую на руках у незнакомого джентльмена. Однако когда Джордан усадил Александру на мягкие сиденья роскошной кареты, ее веселое настроение исчезло. Вскоре они вновь окажутся на месте ужасной сцены убийства!

– Я лишила жизни человека, – сдавленно прошептала она, когда экипаж приблизился к роковому повороту, – и никогда себе этого не прощу.

– А я никогда не простил бы, поступи вы иначе, – шутливо возразил Джордан. При свете зажженных фонарей кареты он увидел, как огромные зеленовато-голубые, полные слез глаза умоляюще смотрят на него, словно прося защиты и утешения. Джордан мгновенно отозвался на призыв и не задумываясь приподнял девушку и посадил себе на колени, как обиженного испуганного ребенка.

– Вы совершили мужественный поступок, – пробормотал он, зарывшись лицом в мягкие темные локоны.

Александра прерывисто вздохнула и покачала головой, бессознательно потираясь щекой о его грудь.

– Я вовсе не такая храбрая, просто очень испугалась, чтобы бежать, как всякий разумный человек.

Джордана, державшего в объятиях доверчивое дитя, неожиданно потрясла мысль о том, что когда-нибудь он вот так же будет прижимать к себе собственного ребенка. Было что-то бесконечно трогательное в этой девочке, прижавшейся к нему так безыскусно. Но, вспомнив, что милые маленькие девочки неизменно превращаются в капризных молодых дам, он постарался побыстрее отделаться от неуместных мыслей.

– Так почему на вас были эти ржавые доспехи? – снова поинтересовался он.

Александра рассказала о турнирах, ставших уже ритуалом в семье О'Тул, и Джордан не сдержал смеха при описании особенно забавных проделок.

– Разве нигде больше не бывает подобных состязаний? Только у нас в Моршеме? Я всегда считала, что люди повсюду одинаковы, хотя точно не

знала, конечно! Я ни разу никуда не уезжала из Моршема...

Джордан на мгновение потерял дар речи. В его кругу любой был волен отправиться куда угодно. Неужели это умное, одаренное дитя не видело ни одного города, кроме этой забытой Богом крохотной деревушки?

Лицо девушки чуть светилось в полумраке, и Джордан заметил, что она наблюдает за ним скорее с дружелюбным интересом, чем с обычным почтительным ужасом, к которому он так привык. Неожиданно герцог позавидовал ничем не стесненным крестьянским ребятишкам, забавлявшимся турнирами. Как, должно быть, отличается их детство от детства маленьких аристократов, выросших среди гувернанток и наставников, в строгих рамках и правилах этикета! Им постоянно напоминали о необходимости вести себя как подобает высшим созданиям, которым выпало счастье родиться в богатых и знатных семьях. Но возможно, дети, появившиеся на свет в таких отдаленных местах, от природы гораздо лучше – бесхитростные, искренние и мужественные, совсем как Александра. Что, если эти маленькие крестьяне по-своему счастливы? Крестьяне?

До Джордана только сейчас дошло, что в правильной литературной речи этой девочки, ее безупречном произношении нет ничего от грубой крестьянки.

– Почему кучер обращается к вам «ваша светлость»? – поинтересовалась она, улыбаясь и лучась ямочками на щечках.

Джордан с трудом отвел глаза от соблазнительного зрелища.

– Именно так обычно обращаются к герцогам.

– Герцогам? – эхом откликнулась потрясенная Александра. Так, значит, этот красивый незнакомец, очевидно, возвращается в другом, недостижимом мире и вскоре исчезнет из ее жизни навсегда? – Вы в самом деле герцог?

– Увы, – кивнул Джордан, заметив ее помрачневшее личико. – Вы разочарованы?

– Немного, – окончательно добила его девушка. – А как вас называют в жизни? Кроме «ваша светлость», конечно.

– У меня по крайней мере дюжина имен, – ответил он, удивленный и несколько смущенный ее прямыми вопросами. – Большинство людей зовут меня Хоторном или Хоком. Близкие друзья называют Джордан.

– Прозвище Хок ^[2] вам идет, – заметила Александра, но с присущей ей сообразительностью уже пришла к выводам:

– Как считаете, эти двое напали на вас потому, что вы герцог? Я хочу сказать, они ужасно рисковали, останавливая вас так близко от гостиницы.

– Жадность иногда бывает самой сильной движущей силой риска, –

покачал головой Джордан.

Александра согласно кивнула и тихо процитировала:

– «На свете не существует пожара более сильного, чем страсть, акулы более свирепой, чем ненависть, и урагана более опустошительного, чем жадность».

– Что вы сказали? – ошеломленно пробормотал Джордан.

– Это не я. Будда, – пояснила девушка.

– Я знаком с этим изречением, – откликнулся Джордан, с усилием взяв себя в руки. – Просто удивлен, что вы его знаете.

Заметив слабый свет, лившийся на дорогу из окон дома, стоявшего впереди, он предположил, что они наконец добрались до места.

– Александра, – поспешно и строго предупредил ее герцог, – вы никогда не должны испытывать чувство вины из-за того, что случилось сегодня. Поверьте, вы вели себя как настоящая героиня.

Она взглянула на Джордана с мягкой улыбкой, но, когда колеса экипажа загремели по изрытой выбоинами подъездной аллее большого обветшавшего дома, внезапно воскликнула:

– О нет!

Сердце девушки упало при виде блестящего экипажа сквайра, запряженного породистой кобылкой. Она надеялась, что почтенное семейство уже распрощалось с матерью.

Кучер распахнул дверцу. Герцог соскочил на землю, но, когда Александра попыталась последовать за ним, Джордан подхватил ее на руки.

– Я могу идти, – запротестовала она, но, перехватив ленивую усмешку, затаила дыхание.

– Поверьте, любому мужчине моего роста и сложения было бы чрезвычайно стыдно сознавать, что его жизнь спасла такая малышка, пусть даже и в доспехах. Позвольте мне ради моего раненого самолюбия проявить возможно больше галантности.

– Хорошо, – покорно вздохнула Александра. – Кто я такая, чтобы окончательно раздавить самолюбие благородного герцога?

Но Джордан уже почти не слышал ее, разглядывая неухоженные газоны, окружающие дом, сломанные, полуоторванные ставни, висящие на одной петле, и прочие признаки жилища, крайне нуждающегося в ремонте. Такого он не ожидал – его глазам предстало старое, заброшенное, разваливающееся здание, обитатели которого, очевидно, не имели средств содержать его в порядке. Высвободив правую руку, он постучал в дверь, отмечая облупившуюся краску.

Видя, что никто не отвечает, Алекс робко пояснила:

– Боюсь, вам придется постучать громче. Видите ли, Пенроуз почти глух, но непомерная гордыня не позволяет ему в этом признаться.

– Пенроуз? – удивился Джордан. – Кто это?

– Наш дворецкий. После смерти папы пришлось уволить всех слуг, но Пенроуз и Филберт слишком старые и дряхлые, поэтому они остались здесь и согласились работать за еду и крышу над головой. Пенроуз, кроме того, готовит и помогает с уборкой.

– Как странно, – вырвалось у Джордана. В глазах, устремленных на него, светилось веселое любопытство.

– Что вы находите странным?

– Глухого дворецкого.

– В таком случае вы, конечно, посчитаете Филберта еще большей странностью.

– Сомневаюсь, – сухо отвечивал Джордан. – Кто это Филберт?

– Наш лакей.

– Осмелюсь спросить: в чем заключаются его хвори и немощи?

– Он близорук, – без обиняков объявила девушка, – настолько, что на прошлой неделе принял стену за дверь и уперся в нее лбом.

К своему ужасу, Джордан почувствовал, что сейчас расхохочется, и, пытаясь пощадить гордость Алекс, как можно серьезнее пробормотал:

– Глухой дворецкий и слепой лакей... Как... гм... необычно.

– Да, очень, не так ли? – согласилась она восторженно. – Но знаете ли, я не люблю ничего традиционного. – И с задорной улыбкой процитировала:

– «Традиционность – убежище косного разума».

Джордан что было сил замолотил кулаками в дверь, слыша, как эхо разносится по всему дому. Но его недоуменный взгляд был прикован к очаровательному личику.

– Кто это сказал? – наконец спросил он.

– Я, – нимало не смутясь, призналась Александра. – Сама придумала!

– Ну и нахальная же вы девчонка! – вздохнул он с усмешкой и внезапно нагнулся, запечатлев у нее на лбу отеческий поцелуй.

Но в этот момент дверь широко распахнулась и на пороге возник седовласый Пенроуз, с негодованием обогревая позднего гостя.

– Совершенно ни к чему барабанить в дверь, словно им пытаетесь пробудить мертвых, сэр, – пробурчал он. – здесь глухих нет!

Онемев от столь неожиданного выговора, исходящего к тому же из уст простого дворецкого в выцветшей, потертой ливрее, Джордан уже открыл рот, чтобы отчитать зарвавшегося слугу, но тут старик увидел, что

незнакомец держит Александру, на щеке которой расплылся огромный синяк.

– Что вы сделали с мисс Александрой? – разъяренно зашипел дворецкий и протянул трясущиеся руки с очевидным намерением спасти девушку.

– Проводите меня к миссис Лоренс, – коротко приказал Джордан, игнорируя жест Пенроуза. – Я сказал, – повторил он громче, поскольку тот, очевидно, не понял, – немедленно проводите нас к миссис Лоренс.

– Я и в первый раз расслышал, – процедил слуга, поворачиваясь спиной к Джордану. – Нужно же так орать, – пробормотал он себе под нос, удаляясь.

Немая сцена в гостиной превзошла худшие ожидания Александры. Мать с испуганным воплем вскочила, толстый сквайр и его еще более дородная жена подались вперед и с жадным любопытством уставились на девушку, чья рубашка была по-прежнему распахнута так, что почти открывала грудь.

– Что случилось? – выкрикнула миссис Лоренс. – Александра... твоё лицо... Господи, да что же это?!

– Ваша дочь спасла мне жизнь, миссис Лоренс, но, к сожалению, при этом пострадала сама. Заверяю, все это выглядит гораздо серьезнее, чем на первый взгляд.

– Пожалуйста, отпустите меня, – настойчиво прошептала Александра, видя, что мать вот-вот упадет в обморок. Джордан поспешно поставил ее на ноги, и девушка запоздало вспомнила о том, что нужно представить собравшимся нового гостя. – Мама, – начала она спокойным, бодрым голосом, – это герцог Хоторн. – Мать громко охнула, но Александра продолжала все таким же вежливым деловым тоном:

– Я случайно оказалась в том месте, где на его экипаж напали грабители... и застрелила одного... Ваша милость, это моя мать, миссис Лоренс.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Фелисия, словно громом пораженная, не могла собраться с мыслями, сквайр с супругой глазели на девушку с открытыми ртами.

Пытаясь сгладить возникшую неловкость, Алекс с лучезарной улыбкой повернулась к дядюшке Монти, который, спотыкаясь, ввалился в комнату; неровная походка и блеск глазок были, несомненно, результатом слишком близкого знакомства с очередной бутылкой запрещенной мадеры.

– Дядюшка Монти, – с отчаянием произнесла она, – я привела гостя. Это герцог Хоторн. Рыцарь тяжело оперся на палку с набалдашником из

слоновой кости и дважды моргнул, пытаясь удержать взгляд на лице вновь прибывшего.

– Господи Боже! – воскликнул он потрясением. – Да это вправду Хоторн, клянусь Юпитером! – И тут же, вспомнив о хороших манерах, отвесил неуклюжий поклон и заискивающе произнес:

– Сэр Монтегю Марш к вашим услугам, ваша светлость!

Александра, смущенная лишь продолжительным тягостным молчанием, но отнюдь не убогим домом, древними слугами и весьма своеобразным поведением родственников, весело улыбнулась Джордану, показав кивком на Филберта, как раз появившегося в комнате с чайным подносом. Не принимая во внимание того факта, что она, возможно, совершает крайне грубое нарушение этикета, представляя аристократа лакею, девушка объявила:

– А это Филберт, который делит с Пенроузом все обязанности по дому. Филберт, это герцог Хоторн.

Слуга осторожно поставил поднос на столик и, обернувшись, близоруко прищурился.

– Как поживаете? – вежливо осведомился он у дядюшки Монти, и Александра заметила, что губы герцога дрогнули.

– Пожалуйста, оставайтесь, выпейте с нами чаю, – попросила она, глядя в подозрительно поблескивающие серые глаза.

Герцог улыбнулся, но без тени сожаления покачал головой.

– Не могу, малышка. Мне предстоит долгая поездка, а до того, как я снова отправлюсь в путь, придется вернуться в гостиницу и встретиться с властями. Они обязательно потребуют хоть как-то объяснить сегодняшнее происшествие.

Коротко кивнув собравшимся, Джордан посмотрел в поднятое к нему умоляющее личико.

– Не хотите проводить меня? – предложил он. Александра просияла и повела Джордана к входной двери, не слушая возбужденного гула голосов в гостиной, где жена сквайра пронзительно верещала:

– Что это значит – «вернуться в гостиницу»? Но, миссис Лоренс, не хочет же он сказать, что Александра была там с...

Герцог остановился в передней и посмотрел на Алекс с такой теплотой, что ее опалило внезапным жаром. А когда он осторожно дотронулся до синяка, сердце девушки отчаянно заколотилось.

– Куда... куда вы направляетесь? – спросила она, пытаясь хоть немного оттянуть неизбежное прощание.

– В Роузмид.

– Что это?

– Маленькое загородное поместье моей бабки. Она предпочитает жить там, поскольку считает свой дом самым уютным в мире.

– Вот как, – пробормотала Александра, не в силах ни говорить, ни дышать свободно – пальцы Джордана нежно скользили по щеке, и он смотрел на нее взглядом, в котором, как ни странно, светилось нечто вроде почтения.

– Я никогда не забуду тебя, крошка, – тихо, чуть гортанно пообещал он и, наклонившись, прижался к ее лбу теплыми губами. – Не позволяй никому изменить себя. Оставайся такой, как сейчас, и никого не слушай.

После его ухода Алекс несколько мгновений стояла совершенно неподвижно, приходя в себя от поцелуя, казалось, горевшего на лбу, словно клеймо.

Ей и в голову не пришло, что она попала под обаяние этого человека, который привычно, не задумываясь, пользовался голосом и улыбкой, чтобы чаровать и притягивать женщин. Девочка впервые в жизни столкнулась с тем, кого называют опытным соблазнителем. Наивность и простота не верят в обман.

Однако миссис Лоренс с первого взгляда определяла грязных распутников и настоящих сердцеедов – что ни говори, она сама пала жертвой одного из них, будучи чуть постарше Александры. Как и герцог Хоторн, мистер Лоренс был ослепительно красив, обладал безупречными манерами, элегантно одевался, но при этом великолепии природа обделила его даже зачатками совести.

Именно поэтому она утром ворвалась к спящей дочери и дрожащим от гнева голосом приказала:

– Александра, немедленно просыпайся! Девушка, не открывая глаз, умудрилась сесть и откинуть с лица кудрявые волосы.

– Что-то случилось?

– Сейчас объясню, – угрожающе произнесла Фелисия, и Александру потрясла злобная ярость, исходящая от матери. – Сегодня у меня побывало целых четверо визитеров, начиная с жены владельца гостиницы, уведомившей меня, что ты делила спальню с этим низким, подлым совратителем невинных девочек! Следующие двое – первые сплетники в деревне, сгоравшие от желания поскорее услышать новости. Ну а четвертый – сквайр, который объявил мне, что из-за твоего скандального поведения прошлой ночью, непристойного вида и полного отсутствия скромности и здравого смысла он считает тебя совершенно неподходящей женой не только для своего сына, но и для любого уважающего себя

мужчины. Перехватив взгляд дочери, в котором сквозило неприкрытое облегчение, миссис Лоренс окончательно вышла из себя и, схватив Александру за плечи, стала трясти.

– Да имеешь ли ты представление о том, что наделала?! – взвизгнула она. – Имеешь?! Тогда скажу – ты навеки себя опозорила! Слухи расходятся молниеносно, и теперь все считают тебя потаскухой! Люди видели, как тебя полураздетую вносили в гостиницу и ты оставалась в спальне наедине с мужчиной! Полчаса спустя тебя внес в гостиную тот же мужчина. Знаешь, что думают все?

– Что я устала и нуждалась в отдыхе? – рассудительно предположила Александра, более встревоженная бледностью матери, чем ее словами.

– Дура! Ты еще большая дура, чем я предполагала! Ни один порядочный человек не захочет жениться на тебе!

– Мама, – невозмутимо начала Александра, пытаясь поменяться с ней ролями, как это часто приходилось делать за последние три года, – пожалуйста, успокойся.

– Не смейте разговаривать со мной таким снисходительным тоном, мисс! – в бешенстве перебила Фелисия. – Этот человек касался тебя?!

Встревоженная Александра, никогда не видевшая мать в такой истерике, тем не менее пожала плечами:

– Ты же знаешь, что да. Сама видела, как он нес меня, и...

– Не так! – завопила миссис Лоренс, положительно сотрясаясь от ярости. – Он ласкал тебя? Целовал? Немедленно отвечай!

В эту минуту Александра окончательно решила изменить принципам, в которых ее воспитывал дед, но, прежде чем она попыталась солгать, мамаша уже заметила предательские красные пятна, загоревшиеся на щеках.

– Так это правда! – почти взвыла она. – Ответ написан на твоём лице! – Миссис Лоренс отпрянула и, вскочив, заметалась по комнате.

Александра слышала о женщинах, настолько поглощенных собственными страданиями и страстями, что они начинали рвать на себе волосы, и сейчас ей показалось, что мать вот-вот вцепится в свои седеющие пряди.

Быстро выбравшись из постели, она протянула руки, чтобы остановить мать.

– Мама, пожалуйста, не стоит так расстраиваться! Пожалуйста! Ни герцог, ни я не сделали ничего дурного! Фелисия гневно закричала зубами:

– Ты можешь сама не понимать, что натворила, но этот... этот подлый,

продажный развратник прекрасно все понимал. Прекрасно! И имел наглость ворваться сюда как ни в чем не бывало, зная, насколько ты наивна и глупа. Боже, как я его ненавижу!

И миссис Лоренс неожиданно свирепо стиснула Александру.

– Я не та слепая дуручка, какой была столько лет! Позволила твоему отцу использовать нас для своего развлечения, а потом выбросить, как ненужную ветошь, и я не допущу, чтобы Хоторну все сошло с рук! Я заставлю его поступить как подобает джентльмену!

– Мама, прошу тебя, успокойся! – взорвалась Александра, высвобождаясь из удушающих объятий матери. – Повторяю, он ничего плохого не сделал, даю слово. Просто провел ладонями по ногам, боясь, что я сломала кость, а на прощание поцеловал в лоб. Что тут ужасного?

– Он уничтожил твою репутацию, посмея отвезти тебя в гостиницу, и не оставил ни единого шанса найти тебе порядочного мужа! Никто теперь не посмотрит на опозоренную девушку! С этого дня ты не сможешь показаться в деревне с гордо поднятой головой! И твой герцог за это заплатит, и заплатит сполна! Вернувшись прошлой ночью в гостиницу, он рассказал доктору, как его найти. Мы поедем за ним и потребуем справедливости.

– Нет! – вскрикнула Александра, но мать была глуха ко всему, кроме внутреннего голоса, долгих три года взывавшего к мести.

– Он, несомненно, ожидает нашего визита, – с горечью продолжала миссис Лоренс, игнорируя мольбы дочери. – Особенно сейчас, когда мы узнали всю правду о том, что было вчера.

Глава 5

Вдовствующая герцогиня Хоторн, холодно улыбаясь, пристально разглядывала внука большими зеленовато-кариими глазами. В свои семьдесят лет она по-прежнему оставалась красивой женщиной, с совершенно седыми волосами, царственной осанкой и твердокаменной уверенностью, присущей истинным аристократам, тем, кому выпало на долю вести привилегированную, полную роскоши жизнь.

Несмотря на неколебимое достоинство, сквозившее в каждом ее жесте, герцогиня, пережившая мужа и сыновей, хорошо знала, что такое истинная скорбь. Однако самообладание ее было так велико, что даже ближайшие знакомые не совсем понимали, любила ли она родных при жизни и тоскует ли по мертвым, а ее влияние в обществе казалось столь огромным, что никто и не осмеливался добиваться правды.

И теперь герцогиня без всяких внешних признаков тревоги безмятежно слушала старшего внука, сидевшего на диване в гостиной и небрежно объяснявшего, что он задержался из-за грабителей, пытавшихся убить его прошлой ночью.

Другой ее внук, однако, и не пытался скрыть свои чувства. Поднеся бокал к губам, Энтони усмехнулся и шутливо предположил:

– Признайся, Джордан, ты просто хотел провести еще один восхитительный вечер с твоей прелестной балериной. Э... прошу прощения, бабушка, – запоздало добавил он, когда женщина наградила его уничтожающим взглядом. – Но, говоря по правде, не было ни разбойников, ни двенадцатилетней девочки, поспешившей тебе на выручку, верно?

– Ошибаешься, – невозмутимо ответил Джордан. Герцогиня молча прислушивалась к перепалке кузенов. Между ними существовала поистине братская близость, хотя оба были различны, как день и ночь. Джордан пошел в бабку – такой же холодный, бесстрастный, сдержанный, тогда как Энтони вырос общительным, веселым и неисправимо добродушным. Мать и отец Энтони души в нем не чаяли. Джордан же никогда не знал настоящей родительской любви. Однако герцогиня всецело одобряла манеры Джордана и не выносила легкомыслия Энтони. Порицание в той или иной степени было единственной эмоцией, которую позволяла себе открыто проявлять пожилая леди.

– Все произошло именно так, как я изложил, хотя, не скрою, гордость моя изрядно страдает, – сухо продолжал Джордан и, встав, подошел к

буфету, чтобы налить себе еще портвейна. – Всего мгновение назад я смотрел в лицо смерти, и тут откуда ни возмись она! Мчится прямо на нас... верхом на древней кляче, с опущенным забралом, с копьем в одной руке и ружьем в другой!

Прихватив бокал с португальским портвейном, который он особенно любил, Джордан вернулся в кресло, и скорее задумчиво, нежели насмешливо закончил:

– Ее доспехи были ржавыми, а дом словно сошел со страниц плохого готического романа – паутина на потолке, выцветшие гобелены, скрипучие двери и сырые углы. Дворецкий, глухой, как придорожный столб, слепой лакей, который натывается на стены, старый пьянчуга дядюшка, именующий себя «сэр Монтегю Марш»...

– Любопытная семейка, – пробормотал Энтони. – Неудивительно, что девочка столь... э-э-э... необычна.

– «Традиционность, – без улыбки процитировал Джордан, – убежище косного разума».

Герцогиня, истово и неуклонно исповедовавшая всю жизнь традиционный консерватизм и придававшая огромное значение условностям, грозно нахмурилась:

– Кому принадлежит сие нелепое изречение?

– Александре Лоренс.

– Крайне, интересно, – хмыкнул Энтони, удивленный странной, почти нежной улыбкой на обычно непроницаемом лице брата, когда тот вспомнил о девушке. Джордан редко улыбался, и всегда либо цинично, либо обольстительно, и почти никогда не смеялся. Его отец считал, что чувствительность – удел слабых душ и все нежное, мягкое – отвратительно, противоестественно, как и любые эмоции, делающие мужчину уязвимым. Включая любовь.

– И как же выглядит эта незаурядная представительница прекрасного пола? – осведомился Энтони, которому не терпелось узнать как можно больше о девушке, сумевшей произвести столь невероятное впечатление на кузена.

– Маленькая, – медленно протянул Джордан, воскрешая в памяти смеющееся лицо Александры. – И очень худая. Зато ее улыбка может растопить лед, а таких изумительных глаз я никогда не видел. Огромные, аквамариновые, и, когда смотришь на нее, ничего, кроме этих глаз, не видишь. Речь столь же изысканная, как у нас с тобой, и, несмотря на всю мрачность этого ужасного дома, она жизнерадостна, как птичка.

– И, очевидно, отважна, – добавил Энтони. Джордан кивнул:

– Я собираюсь послать ей чек – вознаграждение за спасение моей жизни. Бог видит, деньги им пригодятся. Судя по тому, что она говорила... и о чем постаралась умолчать, все хозяйство лежит на ней. Александра, несомненно, будет оскорблена предложением денег, поэтому я и не заикнулся ни о чем прошлой ночью, но они облегчат ей жизнь.

Герцогиня пренебрежительно хмыкнула, все еще раздраженная смелым определением традиционности, высказанным мисс Лоренс.

– Так называемые простые люди, Джордан, готовы на что угодно ради лишней монеты. Удивляюсь, как она не попыталась выманить у тебя несколько фунтов еще вчера.

– Вы становитесь циничной, – насмешливо бросил Джордан. – Но насчет этой девочки ошибаетесь. Она совершенно бескорыстна и бесхитростна.

Пораженный подобным заявлением кузена, чье мнение о женском характере было прискорбно низким. Тони услужливо предложил – Почему бы тебе через несколько лет не познакомиться с ней поближе и не сделать своей...

– Энтони! – прогремела окончательно выведенная из себя герцогиня. – Будь добр придержать язык в моем присутствии!

– Мне и в голову не пришло вырвать ее из привычного окружения, – признался Джордан, не замечая мрачно сведенных бровей бабки. – Александра – редкая драгоценность, поэтому и дня в Лондоне не продержится. Для этого у нее недостаточно твердости, жестокости и честолюбия. Она... – Он осекся и вопросительно взглянул на вошедшего дворецкого, вежливо кашлянувшего, чтобы привлечь внимание, – Да, Рамзи, в чем дело?

Рамзи негодующе выпрямился и посмотрел на герцога с брезгливой гримасой.

– Ваша светлость, – начал он, – некие странные особы требуют впустить их в дом. Заявляют, что хотят видеть вас. Прибыли в совершенно неопишуемой повозке, запряженной непонятным созданием, каковое и лошадью трудно назвать, а одежда... Ни один приличный человек не посмеет показаться в чем-то подобном...

– Кто они? – нетерпеливо перебил Джордан.

– Мужчина назвал себя сэром Монтегю Маршем. С ним две дамы – его невестка, миссис Лоренс, и племянница, мисс Александра Лоренс. Они утверждают, что приехали получить с вас долг.

При слове «долг» Джордан хмуро насупился.

– Пригласите их сюда, – коротко велел он. Герцогиня, на миг изменив

обычному высокомерию, позволила себе удовлетворенный – «я-же-тебе-говорила» – взгляд на внука.

– Как видно, мисс Лоренс не только жадна, но также бесцеремонна и крайне назойлива! Вообрази, врывать сюда и требовать с тебя уплаты какого-то долга!

Не отвечая на весьма справедливое замечание бабки, Джордан подошел к резному письменному столу в глубине комнаты и уселся.

– Вам вовсе не обязательно присутствовать при этом, я все устрою.

– Напротив, – неумолимо объявила герцогиня. – Мы с Энтони будем свидетелями на случай, если эти личности прибегнут к вымогательству!

Стараясь не сводить глаз со спины дворецкого, Александра нехотя плелась за матерью и дядюшкой Монти; великолепие окружающей обстановки с каждым мгновением все больше заставляло ее осознавать собственное ничтожество.

Конечно, она ожидала увидеть величественное здание, но действительность превзошла всяческое воображение. Перед ней предстал огромный мрачно-прекрасный особняк, окруженный тянувшимися на многие акры садами и газонами. До этой минуты девушка почему-то цеплялась за весьма ошибочное впечатление прошлой ночи, уверенная в том, что герцог на самом деле дружелюбный, добрый, все понимающий человек. Однако подобные заблуждения тотчас вылетели из головы, стоило ей увидеть поместье. Герцог пришел из другого мира. Для него Роузмид – всего-навсего маленький загородный дом.

«Дом, оказавшийся дворцом», – с ужасом думала девушка, замечая, как ноги утопают в толстом обюссонском ковре.

Дворецкий распахнул двери резного дуба и отступил, пропуская их в комнату, увешанную картинами в затейливых рамах. Подавив внезапное побуждение присесть перед застывшим слугой, Александра шагнула вперед, с ужасом ожидая момента, когда встретится с недавно обретенным другом и увидит его искривленные презрительной гримасой губы.

Она не ошиблась. Человек, сидевший за роскошным письменным столом, разительно отличался от того смеющегося, заботливого приятеля, спасенного ею всего два дня назад. Сегодня он превратился в холодного, сдержанного незнакомца, взиравшего на ее семью как на мерзких насекомых, пятнающих его дорогой ковер. Он даже не пытался быть сколько-нибудь вежливым – не позаботился встать или представить их находившимся в комнате людям. Вместо этого он коротко кивнул дядюшке Монти и миссис Лоренс, давая знать, что они могут сесть на расставленные

перед столом стулья.

Однако когда его взгляд упал на Александру, лицо, словно высеченное из гранита, смягчилось, а глаза потеплели, будто он понял, какое унижение и стыд владеют девушкой. Обойдя вокруг стола, он придвинул еще один стул, специально для нее.

– Синяк сильно болит, малышка? – осведомился он, изучая фиолетовое пятно, залившее ее щеку.

Нелепо обрадованная его сочувствием и обходительностью, Александра покачала головой.

– Нет, нисколько, – выдохнула она с невероятным облегчением: кажется, он ничуть не осуждает ее за то, что она так дерзко ворвалась в его дом. Путаясь в подоле материнского, плохо сидевшего на ней платья, Александра опустилась на край стула. Правда, она попробовала отодвинуться подальше, но юбка зацепилась за подлокотник, и материя натянулась до такой степени, что высокий ворот сдавил горло, и Александре пришлось вздернуть подбородок. Запутавшаяся, словно кролик в силке, девушка беспомощно уставилась на герцога.

– Вам удобно? – осведомился он без тени улыбки.

– Очень, благодарю вас, – солгала Александра, сгорая от стыда в прискорбной уверенности, что он с трудом сдерживает смех.

– Может, вам лучше встать и снова попытаться сесть?

– Благодарю вас, я прекрасно устроилась. Веселые искорки в глазах герцога мгновенно исчезли, стоило ему вновь усестись за стол. Переводя взгляд с миссис Лоренс на дядюшку Монти, он без предисловий объявил:

– Вы могли бы обойтись без этого ненужного визита и избавить себя от лишних неприятностей. Я, и без того намеревался выразить свою благодарность Александре, послав ей чек на тысячу фунтов, который был бы доставлен вам на следующей неделе.

Девушка тихо охнула при упоминании такой огромной суммы. Да на такие деньги можно прожить в относительной роскоши не менее двух лет! И если она захочет, можно жечь дрова, не задумываясь о Том, что будет завтра. Правда, на это она, конечно, не отважится...

– Но этого недостаточно, – проворчал дядюшка Монти, и Александра испуганно вскинула голову. В голосе герцога зазвенела сталь..

– Сколько же вы хотите? – сухо спросил он, испепеляя беднягу Монти убийственным взглядом.

– Мы пришли, чтобы добиться справедливости, – объявил, откашлявшись, старый рыцарь. – Наша Александра спасла вам жизнь.

– Но за это я готов щедро заплатить, – процедил герцог. – Итак,

сколько вам нужно?

Дядюшка Монти неловко поежился, но нашел в себе мужество продолжать:

– Наша девочка спасла вам жизнь, а в благодарность вы погубили ее.

У герцога был такой вид, словно он вот-вот взорвется.

– Что?! Что я сделал?! – зловеще проскрежетал он.

– Вы привезли девушку из благородной семьи в гостиницу, отнесли ее на руках в спальню и Бог знает что там вытворяли с ней!

– Я отвез в гостиницу ребенка, – отрезал Джордан. – Ребенка, который лежал без сознания и нуждался в докторе!

– Послушайте, Хоторн, – внезапно окрепшим голосом возразил немного пришедший в себя дядюшка Монти, – вы выставили напоказ не девочку, а юную леди! Затащили ее в спальню на глазах у половины деревенских жителей и полчаса спустя снова вынесли – в полном сознании, растрепанную, одежда в беспорядке – и даже не позаботились дождаться доктора. Моральные принципы крестьян так же высоки, как среди аристократов, уж поверьте мне, а вы публично их попрали. Вряд ли вы представляете, какой скандал разразился!

– Если праведные обитатели вашей Богом забытой дыры могут устроить скандал из-за таких мелочей, не мешало бы им прочистить себе мозги. Но хватит спорить из-за пустяков! Сколько вам...

– Пустяков?! – разъяренно взвизгнула миссис Лоренс, наклоняясь вперед и стискивая край столешницы с такой силой, что побелели костяшки пальцев. – Да как вы смеете, злобный, порочный развратник! Александре семнадцать, и вы ее обесчестили! Родители ее жениха были в гостинице, когда вы внесли ее в дом, и они уже разорвали помолвку! Вас следует повесить... Нет! Такая казнь чересчур хороша для вас!

Но герцог, казалось, уже не слушал – резко обернувшись к Александре, он стал изучать ее лицо, словно никогда раньше не видел.

– Сколько вам лет? – требовательно бросил он. Александра, сама не зная как, умудрилась выдать ответ. Господи, это хуже, гораздо хуже, чем она ожидала!

– Семнадцать. Исполнится восемнадцать на будущей неделе, – едва слышным извиняющимся шепотом призналась она и покраснела под пристальным взглядом герцога, остановившимся в конце концов на ее маленькой груди, – очевидно, он был не в силах поверить, что просторное платье скрывало взрослую девушку. Пытаясь как-то оправдать свою обманчиво мальчишескую фигуру, Алекс, запинаясь, добавила:

– Дедушка часто говорил, что все женщины в нашей семье расцветают

поздно, и...

Поняв, что только сейчас с ее уст сорвалось непростительное и крайне неуместное для юной леди признание, Александра осеклась, побагровела от смущения и устремила полный отчаяния взгляд на остальных обитателей гостиной в надежде встретить какое-то понимание и прощение. Напрасно. Мужчина наблюдал за ней с веселым изумлением. Леди, казалось, окаменела. Александра вновь посмотрела на герцога и заметила, что выражение его лица стало поистине свирепым.

– Предположим, я совершил роковую ошибку, – обратился он к ее матери. – Что же вы хотите от меня?

– Поскольку ни один порядочный человек не женится на моей дочери после того, что вы наделали, мы ожидаем, что вы сделаете ей предложение и этим все исправите. Ее происхождение безупречно, и, кроме того, мы связаны родством с графом и рыцарем. Вы вряд ли можете утверждать, что она недостойна стать невестой герцога.

Глаза Джордана зажглись яростью.

– Утверждать?! – взорвался он, но тут же, поспешно проглотив остаток пламенной речи, стиснул зубы так сильно, что на щеке дернулся мускул. – А если я откажусь? – процедил он.

– В таком случае я немедленно подаю на вас жалобу в лондонский суд! И не воображайте, что я на такое не пойду! – воскликнула миссис Лоренс.

– Не посмеете! – с уничтожающей уверенностью отозвался герцог. – Начать тяжбу означает распространить по всему Лондону тот самый скандал, который уже принес столько бед Александре.

Доведенная до исступления его надменным спокойствием и горькими воспоминаниями о вероломстве мужа, миссис Лоренс, сотрясаемая гневом, вскочила со стула.

– А теперь выслушайте меня хорошенько! Я сделаю, сделаю именно так, как сказала. Александра либо станет жить под защитой вашего имени, либо должна попытаться купить респектабельность вашими деньгами, и если выйдет по-моему, на это не хватит всего вашего состояния! Так или иначе, нам нечего терять. Понятно?! – почти завопила она – Я не позволю использовать нас и вышвырнуть, как это удалось моему муженьку! Вы такой же негодяй, как он.

Все мужчины – чудовища, эгоистичные, омерзительные чудовища...

Джордан молча изучал полубезумную женщину, стоявшую перед ним. Глаза лихорадочно блестят, кулаки сжаты так сильно, что под кожей выступили голубые вены. Да она и впрямь готова выполнить свою угрозу. Очевидно, ненависть к мужу пожирает ее, и эта фурия готова подвергнуть

Александр публичному скандалу и унижению только для того, чтобы отомстить другому человеку – герцогу Хоторну.

– Вы целовали ее, – разъяренно шипела женщина, – прикасались. Она сама признала...

– Мама, перестань! – вскрикнула Александра, обхватив себя руками и сгибаясь, словно от жестокой боли. – Пожалуйста, пожалуйста, не делай этого, – прерывисто пробормотала она. – Не делай этого со мной...

Джордан взглянул на женщину-ребенка, свернувшуюся в жалкий клубочек. Трудно поверить, что это та же самая, веселая, остроумная, храбрая девочка, спасшая его всего два дня назад.

– Бог знает, что еще ты позволила ему... Герцог с грохотом ударил ладонью по столешнице, так что эхо удара разнеслось в отделанной дубовыми панелями комнате.

– Довольно! – прогремел он. – Садитесь! Дождавшись, пока миссис Лоренс неохотно повиновалась, Джордан встал, шагнул к Александре и, не слишком нежно схватив ее за руку, поднял.

– Вы пойдете со мной, – приказал он. – Я хочу поговорить с вами наедине.

Миссис Лоренс открыла было рот, чтобы возразить, но тут наконец вмешалась вдовствующая герцогиня.

– Молчание, миссис Лоренс! – приказала она ледяным голосом. – Мы достаточно наслушались ваших речей!

Александре приходилось почти бежать, чтобы не отстать от герцога, пока он тащил ее через гостиную, по коридору, в маленькой салон, выдержанный в сиреневых тонах. Только захлопнув за собой дверь, он выпустил девушку, подошел к окну и сунул руки в карманы. Молчание длилось, действуя на и без того натянутые нервы, но Джордан продолжал смотреть на ухоженные газоны, не разжимая губ, мрачный как туча. Алекс понимала, что в эту минуту он пытается найти выход из создавшегося положения, отделаться от ее родных и, уж конечно, от нежеланной женитьбы. Она знала также, что под внешней невозмутимостью кипит ужасная, вулканическая ярость, готовая в любой момент обрушиться на нее. Сгорая от неимоверного стыда, Александра беспомощно ждала, наблюдая, как он с каждой секундой все больше мрачнеет.

Вдруг мужчина обернулся так стремительно, что девушка невольно отступила.

– Перестаньте трястись, как напуганный кролик! – рявкнул он. – Это я попал в ловушку, не вы!

Мертвенное спокойствие снизошло на Александру, вытеснив все

ощущения, кроме сознания собственного позора. Маленький подбородок надменно поднялся, плечи распрямились, и на глазах Джордана произошла удивительная метаморфоза – эта девочка, отважно пытавшаяся обрести утраченное самообладание, выиграла нелегкий поединок. Перед ним стояла исполненная достоинства, похожая на мальчишку-сорванца королева в жалких обносках, со сверкающими, словно бриллианты, глазами.

– Я не могла ничего сказать в той комнате, – объявила она слегка дрожащим голосом, – потому что мама никогда не позволила бы, но, не попроси вы разрешения поговорить со мной наедине, я сама бы сделала это.

– Выкладывайте все, что собирались сказать, и покончим с этим поскорее, – небрежно бросил Джордан.

Александра вздернула подбородок чуть выше. Зря она надеялась, что он не станет относиться к ней с таким же уничтожающим презрением, как к матери.

– Сама идея нашего брака нелепа, – начала она.

– Вы совершенно правы, – грубо отрезал он. – Мы живем в абсолютно разных мирах.

– Верно, мисс Лоренс.

– Вы не хотите жениться на мне.

– В самую точку, – оскорбительно хмыкнул герцог.

– Но и я не желаю выходить за вас, – вскинулась она, униженная до глубины души каждым недобрым словом, произнесенным герцогом.

– Крайне мудро с вашей стороны, – язвительно согласился он. – И подумать только, как долго я заблуждался, считая, будто все девушки жаждут заполучить богатого мужа.

– Но я не похожа на остальных девушек.

– Я почувствовал это с той минуты, как увидел вас. Александра, расслышав очередное замаскированное оскорбление, едва не задохнулась от досады:

– Значит, все улажено. Мы не женимся.

– Напротив, – возразил он звенящим от ярости тоном. – У нас нет выбора, мисс Лоренс. Ваша маменька поступит в точности как обещает и потащит меня в суд. Поверьте, она готова уничтожить вас, только чтобы наказать меня.

– Нет, нет! – вырвалось у Александры. – Она не осмелится! Вы совсем не знаете маму! Она... Она так и не оправилась после смерти папы. – Сама того не сознавая, девушка вцепилась в рукав безупречно сшитого серого фрака и умоляюще посмотрела на герцога. – Не позволяйте им вынудить

вас жениться! Иначе вы будете ненавидеть меня всю жизнь, я знаю! Вот увидите, деревенские жители вскоре забудут о скандале! Простят меня и забудут! Во всем виновата я сама! Не упади я так по-дурацки в обморок, вам не пришлось бы везти меня в гостиницу! Я впервые в жизни потеряла сознание, да и то лишь потому, что убила человека, и...

– Достаточно, – резко перебил Джордан, чувствуя, как петля брака неумолимо затягивается на шее. Пока Александра не заговорила, он безуспешно пытался найти выход из невыносимого положения и был готов даже схватиться за ее уверения в том, что мать скорее всего не способна на решительные действия. Говоря по правде, Джордан уже начал придумывать многочисленные и весьма убедительные причины, препятствующие свадьбе, из которых не последним было то соображение, что девушка вовсе не желает становиться его женой. Только... только он не рассчитывал, что малышка примется самоотверженно умолять его не приносить себя в жертву на алтарь брака ради нее. Кроме того, Джордан на несколько минут позабыл, что обязан ей своим существованием.

Он молча изучал стоящее перед ним трогательно гордое дитя в убогом платье. Она спасла ему жизнь, рискуя собственной, а он отплатил ей тем, что навеки уничтожил для нее всякую возможность выйти замуж. А без мужа, который возьмет на себя бремя ее забот, девочка вечно обречена тащить на своих хрупких плечах тяжелую ношу беспорядочного хозяйства. Именно он невольно, но бесповоротно разрушил ее будущее.

Джордан нетерпеливо вырвал рукав из пальцев Алекс.

– Иного выхода нет, – процедил он. – Я получу специальное разрешение на брак [\[3\]](#), и мы поженимся на этой неделе. Ваши мать и дядя. – добавил он с обжигающим презрением, – могут остановиться в местной гостинице. Я не потерплю их под своей крышей.

Последнее замечание принесло Александре больше унижения, чем все сказанное им до этого.

– Я заплачу за их комнаты, – коротко бросил герцог, не правильно истолковав ее потрясенный взгляд.

– Дело не в этом! – вздохнула она.

– В таком случае что тревожит вас? – требовательно осведомился он.

– Дело в том... – Александра отвернулась, с отчаянием оглядывая удушливо-строгую обстановку комнаты. – Все, все плохо! Я совсем не так представляла свою свадьбу! – Девушка была настолько удручена, что поспешила пожаловаться на меньшую из бед. – Я всегда думала, что стану венчаться в деревенской церкви, а моя лучшая подруга Мэри Эллен будет рядом, и...

– Прекрасно, – резко перебил он. – Пригласите свою подругу сюда, и вам будет легче вынести оставшиеся до свадьбы дни. Дайте ее адрес дворецкому, и я немедленно пошлю за ней лакея. Бумага и перья в ящике письменного стола. Надеюсь, вы умеете писать?

Алекс пошатнулась, словно ее наотмашь ударили по лицу, и на кратчайшее мгновение Джордан увидел сильную, гордую, великолепную женщину, которой она когда-нибудь станет. Зеленовато-голубые глаза пренебрежительно сверкнули.

– Да, милорд, я умею писать...

Джордан уставился на исполненную презрения малышку, высокомерно взирающую на него с брезгливым сожалением, и проникся чем-то вроде веселого уважения к девчонке, посмевавшейся так на него смотреть.

– Прекрасно, – кивнул он.

– ...на трех языках, – добавила она с царственной надменностью.

Джордан едва сдержал улыбку. После его ухода Александра робко подошла к маленькому письменному столу в самом углу и, усевшись, выдвинула ящик и достала бумагу, перо и чернильницу. Слишком возбужденная, чтобы сосредоточиться на разумных объяснениях случившегося, она быстро нацарапала:

«Дорогая Мэри Эллен, как только прочтешь это письмо, пожалуйста, приезжай вместе с человеком, который его привезет. Несчастье обрушилось на меня, и я одинока и безутешна. Мама и дядя Монти здесь, так что твоей матери не придется за тебя волноваться. Прошу тебя, поспеши. Остается совсем немного времени до того, как мне придется тебя покинуть...»

На черных мохнатых ресницах девушки повисли две огромные слезы и, сорвавшись, расплылись на бумаге. Только тогда она оставила бесплодную борьбу и уронила голову на сложенные руки. Худенькие плечи затряслись от безудержных рыданий.

– Нечто чудесное? – прерывисто прошептала она, обращаясь к Богу. – И это ты считаешь чудесным?

Три четверти часа спустя Рамзи выпроводил притихших и укрощенных миссис Лоренс и сэра Монтегю из дома, оставив герцогиню наедине с обоими внуками. Пожилая леди медленно поднялась и, выпрямившись, обратилась к Джордану:

– Надеюсь, ты не собираешься действительно пройти через это?

– Напротив, я вполне серьезен. Лицо женщины смертельно побелело.

– Но почему? Не хочешь же ты заставить меня поверить, что чувствуешь хотя бы малейшее желание жениться на этой провинциальной

мышке?!

– Нет.

– Но зачем, во имя Господа, ты собираешься пойти на это?!

– Жалость, – с жестокой откровенностью признался он. – Мне ее жаль. И нравится это вам или нет, я виноват в том, что с ней случилось. Вот и все.

– В таком случае откупись от нее! Джордан, откинувшись на спинку кресла, устало прикрыл глаза и сунул руки в карманы брюк.

– Откупиться? – с горечью повторил он. – Поверьте, это мое самое горячее желание, но ничего не выйдет. Она спасла мне жизнь, а я за это уничтожил ее шансы на будущее и обеспеченное спокойное существование. Вы слышали, что сказала ее мать, – жених уже разорвал помолвку, потому что она «обесчещена». Стоит ей вернуться в деревню, и она станет желанной и легкой добычей для всех похотливых негодяев. Ни респектабельности, ни мужа, ни детей. Через год-другой ей придется продавать себя в той же гостинице, куда я ее привез.

– Вздор! – невозмутимо бросила герцогиня. – Дай ей денег, и она может уехать куда угодно, хоть в Лондон, куда не докатятся сплетни.

– Самое большее, на что она может надеяться в Лондоне, – пойти на содержание, и то при условии, что сумеет привлечь богатого старого дурака или глупого молодого щеголя и заставить их купить ей дом и наряды. Вы видели ее – женщины подобного типа вряд ли могут пробудить в мужчине вожделение.

– Совершенно ни к чему быть вульгарным. – сухо предупредила герцогиня.

Джордан, открыв глаза, сардонически усмехнулся:

– Признаться, я нахожу довольно вульгарной саму мысль о том, что можно вознаградить малышку за спасение моей жизни, толкнув ее на путь замаскированной проституции. Кажется, вы именно это предлагаете?

Они молча смотрели друг на друга через комнату – схватка двух нестигаемых характеров проходила в полнейшей тишине. Наконец герцогиня отступила первая, признавая поражение легким наклоном безупречно причесанной головы.

– Как угодно, Хоторн, – произнесла она, неохотно подчиняясь власти главы семейства. Но тут еще одна мысль поразила герцогиню, и она, мгновенно помрачнев, бессильно опустилась в кресло. – На протяжении семисот лет родословная нашего семейства была безупречна. Мы потомки королей и императоров И ты хочешь, чтобы это полнейшее ничтожество произвело на свет будущего наследника?! – Полностью выведенная из себя, ее милость обратила гнев на второго внука. – Да что же ты сидишь,

Энтони! Скажи что-нибудь!

Лорд Энтони Таунсенд спокойно пожал плечами.

– Прекрасно, – дружелюбно объявил он, принимая решение Джордана с фаталистической улыбкой. – Когда меня представят будущей кузине? Или вы намереваетесь запереть ее в салоне до свадьбы?

Герцогиня наградила его убийственным взглядом. Она сидела неподвижно, выпрямив спину и высоко держа седую голову, но горькое разочарование последнего часа состарило ее на десять лет.

Энтони поднял бокал:

– За твое будущее семейное счастье, Хок!

Джордан иронически блеснул глазами, не меняя бесстрастного выражения лица. Энтони не удивляло это отсутствие видимых эмоций. Подобно бабке, Джордан всегда держал себя в руках, но в отличие от герцогини Хоку это удавалось без усилий, так легко, что и Тони, и многие другие часто гадали, способен ли он вообще испытывать глубокие чувства, кроме ярости, конечно.

В этом Тони был прав. Думая о предстоящей женитьбе, Джордан действительно ничего не ощущал, кроме угрюмого, мрачного смирения. Поднося бокал к губам, Джордан с изумлением размышлял о столь неожиданном повороте судьбы. После бесчисленных романов с самыми опытными, искушенными и наименее добродетельными женщинами Англии изменница фортуна наградила его девочкой-невестой, воплощением невинности и чистоты. Недаром все глубоко скрытые инстинкты предостерегали его, что отсутствие этой искушенности, умудренности жизнью происходят не от неопытности, а скорее из подлинного благородства духа и истинной сердечной доброты.

В его объятиях она потеряет девственность, но Джордан сомневался, что ее безбрежная наивность исчезнет годами. И что она приобретет безупречный лоск, скучающую утонченность и едкое остроумие, считающиеся столь же необходимым пропуском в высшее общество, как происхождение и семейные связи.

Его лишь слегка беспокоило, что она никогда не станет частью его судьбы. Да, это его волновало, но, положив руку на сердце, Джордан не собирался проводить с ней много времени в последующие годы, как и не собирался кардинально менять образ жизни. Он поселит Александру в Девоне и будет изредка навещать ее.

Джордан тяжело вздохнул. Придется сообщить любовнице, что она не сможет сопровождать его в Девон, как они намеревались. Благодарение Богу, Элиз настолько же умна и проницательна, насколько прекрасна и

чувственна. Она не станет устраивать сцен, когда Джордан поведает ей о своей поспешной женитьбе.

– Ну так когда же нас ей представят как полагается? – повторил Энтони.

Вместо ответа Джордан дернул за шнур сонетки.

– Рамзи, – приказал он возникшему на пороге дворецкому, – отправляйтесь в сиреневый салон и приведите мисс Лоренс.

– Где мама и дядюшка Монти? – встревожилась Александра, войдя в гостиную.

Джордан поднялся и выступил вперед.

– Они отправились в гостиницу, где и останутся в счастливом ожидании нашего венчания, – пояснил он с нескрываемой иронией. – Однако вы будете жить здесь.

Прежде чем Александра успела опомниться, ее уже представляли вдовствующей герцогине, бесцеремонно рассматривающей сквозь лорнет будущую жену внука. Униженная сверх всякой меры пренебрежительно-оценивающим взглядом, Александра вздернула подбородок и столь же откровенно уставилась на старуху.

– Не смейте так дерзко и непочтительно глазеть на меня! – рявкнула герцогиня, заметив выражение лица Александры.

– О, так я была груба, мадам? – с притворным раскаянием осведомилась девушка. – Прошу извинить меня. Видите ли, я действительно читала, что неприлично пристально смотреть на человека. Правда, я слишком невежественна и поэтому не представляю, как должен при этом поступить тот, на кого смотрят!

Лорнет выскользнул из пальцев герцогини, а глаза превратились в узенькие щелочки.

– Да как вы смеее читать мне мораль?! Ничтожество! Ни происхождения, ни воспитания!

– «Да, происхождение – вещь весьма важная, – разгневанно процитировала Александра, – но слава, принадлежит не нам, а нашим предкам!»

Энтони издал странный сдавленный звук, весьма напоминающий смех, и поспешно втиснулся между взбешенной бабкой и неразумным ребенком, не задумавшимся вступить в словесный поединок.

– Платон, не так ли? – осведомился он, протягивая руку. Александра покачала головой и застенчиво улыбнулась в надежде наконец найти союзника в этом обиталище враждебных чужаков.

– Плутарх.

– Я почти угадал, – хмыкнул он. – Поскольку Джордан, кажется, внезапно онемел, позвольте представиться: я Тони, кузен Джордана.

Алекс вложила ладонь в его протянутую руку.

– Как поживаете?

– Реверанс! – ледяным тоном приказала герцогиня.

– Прошу прощения?

– Молодая леди должна сделать реверанс, когда ее представляют персоне старше по возрасту или положению.

Глава 6

Назавтра вечером Александра стояла у окна в сгущающихся сумерках, неотрывно глядя вдаль, когда на подъездной аллее появился внушительных размеров экипаж, фонари которого отбрасывали на землю; оранжевые отблески.

– Мэри Эллен! – выдохнула девушка и, выскочив из комнаты, помчалась по длинному коридору.

Рамзи открыл дверь, как только Мэри Эллен спрыгнула с подножки и взбежала по ступенькам крыльца. Длинные рыжие волосы развевались на ветру. Девушка с трудом удерживала множество свертков весьма странной формы, не говоря уже о зажатых в кулаке лентах шляпки, болтающейся на весу. Очутившись в холле, Мэри Эллен присела перед изумленным дворецким, посчитав по его надменному виду, что перед ней, должно быть, Очень Важная Особа, и отчаянным голосом осведомилась:

– Прошу вас, милорд, скажите, где Александра? Она еще жива?

Но дворецкий молча открывал и закрывал рот, словно рыба на суше, и Мэри Эллен, не добившись ответа, рванулась к лакею, снова присела и умоляюще прошептала:

– Где Александра, сэр? Пожалуйста, скажите! В этот момент Александра едва ли не кубарем слетела с лестницы в холл и обхватила Мэри Эллен вместе со всеми свертками и шляпкой.

– Мэри Эллен! – радостно завопила она. – Я так счастлива, что ты приехала...

Радостный смех и девичий щебет, внезапно взорвавшие привычную, почти кладбищенскую тишину величественного дома, показали его обитателям столь возмутительными, что в холле мгновенно появились не только еще трое слуг, но и вдовствующая герцогиня со старшим внуком.

Мэри Эллен происходила из обыкновенной семьи потомственных фермеров, не разбиравшихся в строгих правилах этикета и не заботившихся о мнении аристократов, поскольку никогда с ними не встречались. Поэтому девушка, к счастью, не подозревала, что обитатели Роузмида будут судить о ней по первому впечатлению и найдут не стоящей их внимания. Но для преданного сердечка Мэри Эллен не было ничего важнее того ужасного открытия, что Александра, очевидно, попала в беду.

– О, Алекс! – воскликнула девушка взволнованно. – Я думала, ты умираешь! А ты здесь и выглядишь почти так же, как всегда... ну, только

чутьточку побледнела, что неудивительно, раз приходится жить в столь угрюмом доме с этими мрачными людьми. – И, не успев отдышаться, с тревогой объявила:

– Твоя записка ужасно нас расстроила, и мама тоже собиралась приехать, но не смогла, потому что папа опять нездоров. А этот отвратительный кучер не пожелал объяснить, что с тобой, хотя я умоляла его сказать хоть словечко. Задирает свой огромный нос и твердил только, что не имеет права ни о чем говорить. Ну расскажи же поскорей, прежде чем я умру от любопытства. Почему ты безутешна, что за ужасное несчастье тебя постигло и... и кто эти люди?

Позади раздался резкий голос, словно ударом кнута вернувший девушек к печальной действительности:

– Насколько я понимаю, мисс Лоренс безутешна, так как должна выйти замуж за владельца этого угрюмого дома, который, кстати, приходится мне внуком.

Мэри Эллен, онемев от неожиданности, отступила.

– О нет! – жалобно выкрикнула она, испуганно оглядываясь на облаченного в прекрасно сшитую черную ливрею Рамзи, которого с самого начала ошибочно приняла за хозяина дома. – Алекс, ты не можешь выйти замуж за этого человека! Я не позволю! Алекс, он толстый!

Заметив, что глаза герцогини положительно мечут ядовитые искры, Джордан, стоявший в противоположных дверях, откуда забавляясь и одновременно с некоторым раздражением наблюдал за происходящим, наконец решил вмешаться и вежливо кашлянул.

– Александра, возможно, стоило бы избавить вашу подругу от поклажи, а потом представить как полагается?

Девушка виновато вскинулась при звуках его негромкого властного голоса.

– Да. Да, конечно, – поспешно согласилась она. Рамзи тут же выступил вперед и забрал у Мэри Эллен свертки.

– Что в самом большом? – едва слышно осведомилась Александра, когда дворецкий величественно направился к двери.

– Снадобья из кишок и плесени, – громко заявила Мэри Эллен, – которые мама приготовила специально для тебя. Правда, она не знала, чем ты больна.

Рамзи брезгливо вытянул вперед руку, пытаясь держать сверток подальше от себя, и девочки задохнулись от смеха, но веселье Александры испарилось так же быстро, как возникло. Стиснув локоть Мэри Эллен, она повернула подругу лицом к герцогине и Джордану. При одном взгляде на

окаменевшую старуху девушка испуганно отпрянула. Александра, смущенно запинаясь, представила ее хозяевам.

Презрев неразборчивое бормотание Мэри Эллен, лепечущей какое-то подобие приветствия, герцогиня отрывисто прорычала:

– Ирландка?

Скорее сконфуженная, чем уstraшенная, Мэри Эллен кивнула.

– Этого следовало ожидать, – с горечью заметила ее светлость. – И конечно, католичка? Девушка снова кивнула.

– Я так и думала.

И герцогиня, бросив на Джордана взгляд королевы-мученицы, вынужденной терпеть омерзительное общество гнусных простолюдинов, молча удалилась в салон. Мэри Эллен с недоумевающим выражением на хорошеньком личике долго смотрела ей вслед и обернулась, лишь когда Алекс представила ей герцога Хоторна. Девушка оцепенела, словно громом пораженная, и уставилась на Алекс широко распахнутыми глазами.

– Герцог?! – прошептала она, совершенно позабыв о самой титулованной особе, ожидавшей ее реверанса.

Александра кивнула, уже понимая, что с ее стороны было величайшей глупостью потребовать присутствия здесь этой простой деревенской девушки.

– Настоящий, подлинный, истинный герцог? – шепотом продолжала Мэри Эллен, боясь взглянуть в лицо Джордана.

– Совершенно верно, – сухо подтвердил тот. – Настоящий, подлинный, истинный герцог. Ну а теперь, когда стало ясно, кто я, почему бы не узнать, кто вы?

Вспыхнув до корней ярко-рыжих волос, Мэри Эллен присела, откашлялась и пролепетала:

– Мэри Эллен О'Тул, сэр. Милорд. Ваше высочество. – Она снова присела. – К вашим услугам, сэр, то есть ми...

– Ваша светлость, – пояснил Джордан.

– Что? – тупо переспросила девушка, покраснев еще сильнее.

– Я все объясню наверху, – торопливо вмешалась Александра и, стараясь взять себя в руки, нерешительно глянула на Джордана, возвышавшегося в дверях подобно смуглому великану-божеству. Огромный. Устрашающий. И притягательно-неотразимый.

– Если позволите, ваша светлость, я отведу Мэри Эллен наверх.

– Да, конечно, – небрежно бросил Джордан, и Александра с унижением осознала, что он находит их столь же абсурдно-забавными, как двух неуклюжих щенят-дворянжек, которые весело резвятся во дворе, не

обращая внимания на окружающих.

Они приблизились к дверям салона, и оттуда, подобно приглушенному раскату грома, донесся голос герцогини.

– Реверанс! – рявкнула она.

Девушки поспешно обернулись и одновременно низко присели.

– Она что, не в себе? – взорвалась Мэри Эллен, как только обе очутились в спальне Александры. – Боже, – продолжала девушка, настороженно оглядывая роскошную комнату, словно ожидая, что герцогиня, подобно злему духу, может материализоваться прямо из воздуха, – неужели она не может говорить как все люди, а не объясняться отдельными словами и при этом рычать? «Ирландка? Католичка? Реверанс!» – передразнила она.

– Это сумасшедший дом, – согласилась Александра, чувствуя себя не в силах даже засмеяться уморительным гримаскам подруги. – И мне придется стать его обитательницей.

– Но почему? – встревоженно выдохнула Мэри Эллен. – Алекс, что случилось? Всего четыре дня назад мы устроили турнир и так веселились, а теперь вся деревня только и судачит что о тебе. Мама сказала, я не должна никому верить, пока мы не узнаем от тебя правду. Но жена сквайра передала Онор, которая шепнула мне, что с тобой теперь зазорно и словом-то перемолвиться, а завидев тебя, следует переходить на другую сторону улицы, потому что ты обещана.

Александра не представляла, что можно чувствовать себя еще более одинокой и несчастной, чем сейчас, но эти ужасные слова глубоко ранили ее сердце. Значит, все поверили грязной сплетне. Люди, которых она знала едва ли не с колыбели, не задумываясь отвергли ее, даже не выслушав. Только Мэри Эллен и ее родные верили в нее и готовы были дожидаться объяснений, прежде чем судить.

Пошатнувшись, Александра почти рухнула на золотистое парчовое покрывало и подняла на подругу измученные глаза.

– Сейчас ты все узнаешь...

Когда она наконец замолчала, Мэри Эллен несколько долгих минут потрясенно смотрела на нее.

Однако постепенно ошеломление девушки сменилось задумчивостью, и Мэри Эллен неожиданно просияла.

– Алекс, – выдохнула она, расплываясь в широкой улыбке. – Твой жених не только герцог, но и настоящий красавец. В жизни не встречала такого великолепного мужчину! Да-да, и не вздумай отрицать! Мне так показалось с первого взгляда, просто я была слишком расстроена, чтобы

как следует его рассмотреть!

Прекрасно зная об отношении подруги к противоположному полу, Александра смущенно пробормотала:

– Его внешность... не так уж отталкивающа.

– Вот как? – неверяще охнула Мэри Эллен и, мечтательно подняв взор к небу, объявила:

– Клянусь, он даже интереснее Генри Бичли, а уж красивее парня трудно найти! Да я сама без ума от Генри!

– А полгода назад ты считала, что Генри в подметки не годится Джорджу Ларсону, – напомнила Александра. – И была без ума от Джорджа.

– Только потому, что не успела разглядеть Генри! – возразила Мэри Эллен.

– А еще за шесть месяцев до того убеждала меня, что лучше Джека Сандерса в мире нет, и не сводила с него глаз.

– Просто я не удосужилась присмотреться к Джорджу и Генри! – вскричала Мэри Эллен, сбитая с толку странной веселостью Александры.

– Думаю, – пошутила та, – что твое плохое зрение – результат чтения бесконечных любовных романов. Недаром каждый молодой человек в твоих глазах превращается в прекрасного романтического героя!

Мэри Эллен открыла было рот, чтобы яростно протестовать против такого оскорбления ее вечной любви к Генри Бичли, но тут же передумала и лукаво улыбнулась.

– Ты, наверное, права, – вздохнула она, садясь на кровать с противоположной стороны, и печально добавила:

– Твоего герцога не назовешь симпатичным!

– Вот как? – взвилась Александра, мгновенно бросаясь на защиту Джордана. – Но у него благородное, мужественное и... и очень необычное лицо.

– Неужели? – осведомилась Мэри Эллен, едва сдерживая смех и притворяясь, что изучает свои коротко остриженные ногти. – Ты не находишь, что волосы у него чересчур темные, кожа слишком загорелая, а глаза какого-то странного цвета?

– Они серые! Прекрасный, редкостный оттенок серого! Не отрывая взгляда от разгневанной подруги, Мэри Эллен деланно-невинно пожалала плечами:

– Но ведь нельзя же зайти так далеко, чтобы осмелиться уподобить его греческому богу?

– Греческий бог, подумаешь, – фыркнула Александра. – Ну уж нет!

– В таком случае с кем же его можно сравнить? – поинтересовалась

Мэри Эллен, не в силах больше скрывать, как забавляет ее страстная влюбленность Алекс.

Александра смиренно понурилась, признавая поражение.

– О, Мэри Эллен, – благоговейно выдохнула она, – он точная копия «Давида» Микеланджело!

Мэри Эллен с мудрым видом покачала головой:

– Ты любишь его. Не отрицай. Твое лицо так и светится при одном упоминании его имени. Ну а теперь скажи, – умоляюще попросила она, – каково это... любить мужчину? Пожалуйста!

– Ну... – протянула Александра, испытывая настоящую потребность исповедаться, хотя разум взывал к ее рассудительности и сдержанности, – это совершенно необычайные, но волнующие ощущения. Когда я сталкиваюсь с ним в холле, чувствую себя точно так же, как при виде папиного экипажа, подъезжающего к дому... счастливой, но одновременно боюсь, что выгляжу настоящим чучелом, и переживаю, что он уедет, если я не стану его развлекать и не сумею вести себя как надо, и тогда... потеряю его навсегда.

Мэри Эллен так не терпелось узнать побольше о восхитительных переживаниях подруги, что она не задумываясь бросила:

– Не будь глупенькой! Как он может оставить тебя, если вы поженитесь?

– В точности как папа покинул маму. В зеленых глазах Мэри Эллен на миг мелькнуло сочувствие, но девушка тут же встряхнулась и просияла:

– Ничего не бойся! Все это уже в прошлом, и, кроме того, через четыре дня тебе исполнится восемнадцать, а это означает, что ты становишься настоящей женщиной!

– Но я не чувствую себя женщиной, – измученно пробормотала Александра, пытаясь облечь в слова все, что так тревожило ее с той минуты, как она встретила человека, похитившего ее сердце. – Мэри Эллен, я не знаю, что сказать ему. Меня никогда не интересовали мальчики, и теперь я просто не знаю, о чем говорить и что делать. Либо я выпаливаю первое, что приходит на ум, и выгляжу совершенной дурочкой, либо теряю голову и превращаюсь в соляной столп. Ну как мне быть?

Во взгляде Мэри Эллен блеснула гордость. Все знали, что умнее и учнее Александры нет человека в деревне, хотя никто не мог бы назвать ее красавицей, но также никто не считал, что у признанной деревенской красотки Мэри Эллен имеется хоть капля мозгов. Говоря по правде, даже родной отец нежно называл ее своей прелестной маленькой тыквочкой.

– О чем ты говоришь с мальчиками, которые приходят к тебе в гости? –

умоляюще продолжала Александра.

Мэри Эллен нахмурилась, пытаясь выказать тонкий ум, в существовании которого не сомневалась подруга.

– Ну... – медленно протянула она, – я давно заметила, что мальчики любят говорить о себе и о том, что их интересует. Все, что нужно, – задать подходящий к случаю вопрос, и парень сам заговорит тебя до полусмерти.

Александра в панике воздела руки:

– Но откуда мне знать, что его интересует, и потом, он не мальчик, а взрослый мужчина!

– Верно, – кивнула Мэри Эллен, – но мама часто повторяет, что все мужчины, включая моего папочку, в душе остаются мальчишками. Поэтому делай, как я сказала, – просто расспроси о том, что его интересует.

– Но мне неизвестно, что его интересует, – вздохнула Александра.

Мэри Эллен погрузилась в молчание, мучительно обдумывая возникшую проблему.

– Нашла! Его, конечно, волнует все то, о чем так часто разглагольствует отец! Спроси о...

– О чем? – вырвалось у Александры. Она даже подалась вперед, чтобы лучше слышать.

Но Мэри Эллен казалась глубоко задумавшейся. Неожиданно она громко прищелкнула пальцами и расплылась улыбке.

– Насчет жуков! Спроси, как обстоят дела с урожаем в его поместье и не одолевают ли жуки молодые посевы. Поверь, человек, в имении которого такие обширные поля, ни о чем другом просто говорить не может!

Александра нерешительно наморщила лоб и с сомнением покачала головой.

– Насекомые – не очень приятная тема.

– О, мужчины совершенно равнодушны к приятным темам. То есть, если станешь описывать им шляпку, которую видела в витрине лавки, они просто увянут на глазах. А уж если осмелишься обсудить платье, которое собираешься сшить, они скорее всего заснут от скуки!

Александра жадно внимала словам подруги.

– И ни при каких условиях, – сурово велела Мэри Эллен, – не распространяйся о своем лысом старом Сократе и дурацком Платоне. Мужчины презирают слишком умных женщин. А кроме того, Алекс, тебе нужно научиться флиртовать.

Александра поморщилась, но, зная по опыту, что спорить не имеет смысла, промолчала. Мальчики и молодые люди всех возрастов так и липли к Мэри Эллен и наведывались в дом О'Тулов в надежде перекинуться с ней

хоть словечком, поэтому от советов подруги вряд ли стоило отмахиваться.

– Прекрасно, – нерешительно пробормотала Александра, – и что я должна делать?

– Хотя бы строить глазки. У тебя такие красивые глаза.

– Как это – строить?

– Не отрываясь смотреть на герцога и кокетливо взмахивать ресницами, чтобы показать, как они длинные.

Александра попробовала моргнуть несколько раз кряду и, смеясь, повалилась на подушки.

– Господи, я буду выглядеть настоящей дурочкой!

– Ошибаешься, мужчины любят подобные вещи. Александра, сразу став серьезной, задумчиво уставилась на подругу:

– Ты уверена?

– Абсолютно. И вот еще что: мужчины обожают, когда ими восхищаются... особенно если со вздохом уверяешь, что в жизни не видела человека сильнее, умнее, отважнее и тому подобное. Ты говорила герцогу, что любишь его?

Молчание.

– Говорила?

– Конечно, нет!

– Скажи! И он ответит, что тоже любит тебя!

– Правда?

– Несомненно!

Глава 7

– Повторяю вам, что не собираюсь это терпеть! – взорвалась Александра, гневно краснея и окидывая мрачным взглядом портних, вот уже три дня и три ночи снимавших мерки, кроивших ткани всех цветов радуги, разбросанные по комнате и вот-вот готовые превратиться в дневные и вечерние туалеты, амазонки и пеньюары. Девушка чувствовала себя портновским манекеном, единственное назначение которого – выстаивать без отдыха часами и позволять тыкать в себя булавки и вертеть во все стороны, пока герцогиня подвергала каждое платье внимательному осмотру, нещадно критикуя любое движение и жест Александры.

Все это время она постоянно просила разрешения поговорить с будущим мужем, но Рамзи с каменным лицом неизменно уведомлял ее, что у «его светлости неотложные дела». Иногда девушке удавалось увидеть Джордана в библиотеке, занятого беседой с незнакомыми джентльменами. Им с Мэри Эллен приносили еду в спальню, а герцог явно предпочитал более интересное общество бабки. Похоже, он просто не желал обременять себя видом Александры.

Девушка с каждой минутой становилась все более усталой, раздражительной и – к собственному ужасу – испуганной. Мать с дядюшкой Монти были все равно что навеки для нее потеряны. Хотя они, вероятно, жили в гостинице всего в нескольких милях отсюда, посещать Роузмид им было запрещено. Будущая жизнь представлялась ей глубокой темной пропастью, где ее лишат права встречаться с родными, подругами и даже престарелыми слугами, бывшими ее друзьями с самого детства.

– Да это просто жалкий фарс! – сообщила Александра Мэри Эллен, в бессильной ярости топая ногой и награждая уничтожающим взглядом швею, только что закончившую подравнивать подол ее лимонно-желтого муслинового платья.

– Пойдите хоть минуту спокойно, юная леди, и прекратите устраивать спектакль! – ледяным тоном велела герцогиня, входя в комнату. Все это время она не сказала Александре ни одного доброго слова, если не считать того, что постоянно критиковала, наставляла, приказывала или поучала.

– Спектакль?! – взорвалась девушка, чувствуя, как ярость, живая, горячая, долгожданная, вырывается наружу буйной волной. – Если вы считаете это театральным представлением, подождите, пока не выслушаете все, что я должна сказать!

Герцогиня повернулась, словно намереваясь покинуть комнату, и этот величественный жест оказался последней каплей – терпение девушки лопнуло.

– Я прошу вас задержаться на минуту, мадам, и позволить мне договорить.

Герцогиня молча подняла тонкие брови. Невероятное высокомерие этой застывшей фигуры так обозлило Александру, что голос ее задрожал.

– Будьте добры передать своему невидимому внуку, что ни о какой свадьбе не может быть и речи, а если он все-таки предпочтет появиться, пошлите его ко мне, я сама попытаюсь все ему объяснить!

Боясь, что сейчас зальется слезами, над которыми старуха лишь поиздевается, она выбежала из комнаты на балкон и спустилась вниз.

– Что мне сказать его светлости, – спросил дворецкий, открывая ей дверь, – если он осведомится о вашем местопребывании?

Девушка, на миг остановившись, взглянула ему в глаза и не задумалась передразнить его изысканную речь:

– Сообщите ему, что у меня неотложные дела!

Целый час она бродила по розарию, и за это время истерика улеглась, превратившись в стальную решимость. Девушка раздраженно сорвала прелестный бутон, поднесла к носу, вдыхая нежный аромат, и стала рассеянно обрывать лепестки, занятая невеселыми мыслями. Нежные розовые хлопья медленно скользили по юбке и падали на землю, присоединяясь к белым, красным и желтым, которые до этого уже успела уничтожить Алекс.

– Судя по тому, что сказал Рамзи, вы, кажется, чем-то недовольны? – раздался за спиной глубокий невозмутимый баритон.

Александра в полном изумлении повернулась, но облегчение от того, что она наконец может поговорить с Джорданом, мгновенно сменилось нарастающей паникой, которую она безуспешно старалась подавить все эти дни.

– Я недовольна всем.

Его веселый взгляд скользнул по горе розовых лепестков.

– Включая розы, вероятно, – заметил Джордан, чувствуя некоторую вину из-за того, что совершенно игнорировал ее последнее время.

Александра проследила за его взглядом, побагровела от смущения и с некоторым раздражением пробормотала:

– Розы прекрасны, но...

– ...Но вам не понравилось, как они выглядят, если все лепестки на месте, не так ли?

Сообразив, что ее втягивают в бессмысленный разговор о цветах, когда на карту поставлена вся жизнь, Александра выпрямилась и, не повышая голоса, твердо объявила:

– Ваша светлость, я не собираюсь выходить за вас замуж.

Джордан сунул руки в карманы и с легким любопытством уставился на девушку.

– В самом деле? Почему же? Пытаясь собраться с мыслями, Александра дрожащей рукой пригладила темные локоны, и Джордан, невольно отметив бессознательную грацию этого жеста, впервые присмотрелся к ней. Солнечное сияние загло ее волосы, играя в них золотистыми отблесками, и превратило ее глаза в ошеломляюще прекрасные бирюзовые озера. Желтое платье красиво оттеняло сливочно-белую кожу и нежный румянец.

– Не будете ли вы так добрая – страдальчески попросила Александра, – перестать смотреть так непристойно-оценивающе, будто хотите разобрать меня по косточкам и обнаружить все мои недостатки!

– Неужели я способен на такое? – рассеянно осведомился Джордан, только сейчас заметивший высокие, красиво вылепленные скулы и нежные губы. Глядя на это необычайно притягательное точеное лицо с разлетающимися, словно крылья птицы, бровями и длинными черными мохнатыми ресницами, он был не в силах поверить, что когда-то принимал ее за мальчика.

– Вы пытаетесь стать моим Пигмалионом ^[4], и мне это не нравится.

– Кем? – встрепенулся Джордан, мгновенно вернувшись к действительности.

– Это из греческой мифологии. Пигмалион был...

– Я знаю, кем он был; просто удивлен, что женщина может увлекаться классической литературой.

– Наверное, у вас просто мало опыта в общении с противоположным полом, – удивилась Александра. – Мой дедушка утверждал, что женщины по большей части так же умны, как и мужчины.

И, заметив, как смешливо блеснули глаза герцога, ошибочно предположила, что его позабавило суждение о женском уме, а не замечание насчет неопытности в общении с дамами.

– Пожалуйста, прекратите обращаться со мной как с пустоголовой куклой! Все в вашем доме, кажется, именно так и считают – даже слуги едва cedят слова сквозь зубы!

– Я велю дворецкому заткнуть уши ватой и притвориться глухим, – насмешливо пробормотал Джордан, – и прикажу лакеям надеть шоры.

Надеюсь, тогда вы почувствуете себя как дома?

– Может быть, вы все-таки попробуете принять меня всерьез?! – повелительно потребовала девушка.

Джордан мгновенно нахмурился.

– Я собираюсь жениться на вас, – холодно заметил он. – Что может быть серьезнее?

Теперь, когда Александра объявила о том, что не желает выходить замуж, острая боль в сердце, вызванная принятым решением, немного смягчилась от сознания, что она больше не чувствует себя запуганной и неловкой в его присутствии.

– Вы сами, – произнесла она с обворожительной улыбкой, – тотчас мрачнеете, стоит мне лишь произнести слово «женитьба».

Джордан ничего не ответил, и девушка дружески коснулась его рукава, пристально глядя в непроницаемые серые глаза, и впервые заметила цинизм, таившийся в их глубине.

– Я не хочу вмешиваться в чужие дела, ваша светлость, но вы счастливы... я имею в виду, довольны жизнью?

– Не особенно, – раздраженно поморщился Джордан.

– Вот видите! Между нами не может быть ничего общего! Вы разочарованы в жизни, а я нет.

Спокойная внутренняя убежденность, неукротимая воля, которые распознал Джордан в ночь их первой встречи, сейчас звенели в мелодичном голосе. Александра подняла глаза к голубому небу, всем своим существом излучая оптимизм, невинность и надежду.

– Я люблю жизнь и, даже когда случается беда, все равно не унываю.

Джордан зачарованно воззрился на девушку, словно сошедшую с картины и стоявшую на фоне переливающихся всеми красками роз и отдаленных зеленых холмов, – языческую принцессу, самозабвенно обращавшуюся к небесам.

– Каждое время года таит обещание чего-то неведомого, необыкновенного, чудесного, что обязательно должно произойти со мной в один прекрасный день. Это чувство все крепнет, с тех пор как умер дедушка... Будто он просит меня ждать и верить. Зимой это обещание сбывается с первым снегом, летом я слышу его в раскатах грома и вижу в разрядах молний, пронизывающих тучи. Но яснее всего я ощущаю это предвестие счастья весной, когда все вокруг черное и зеленое...

Ее голос замер, и Джордан непонимающе повторил:

– Черное?

– Да, черное, как, например, мокрые стволы деревьев, только что

вспаханные поля, пахнущие... – Она вдохнула, пытаясь припомнить, чем пахнут поля.

– Грязью, – прозаически подсказал Джордан. Алекс тяжело вздохнула:

– Все-таки вы считаете меня глупенькой. – Резко выпрямившись и презрев мучительное желание снова прикоснуться к нему, девушка со спокойным достоинством добавила:

– Вероятно, мы не можем пожениться.

Темные брови Джордана недоверчиво сошлись.

– Вы утверждаете это лишь потому, что я не думаю, будто мокрая грязь благоухает, как духи?

– Вы так ничего и не поняли! – с отчаянием воскликнула Александра. – Беда в том, что, если я стану вашей женой, вы сделаете меня такой же несчастной, как сами, а я в ответ постараюсь отомстить, превратив вашу жизнь в ад, и через несколько лет мы оба превратимся в подобие вашей бабушки. Попробуйте только рассмеяться, – предостерегла она, видя, что губы герцога подозрительно дернулись.

Взяв девушку за руку, Джордан направился с ней по выложенной камнями дорожке, разделявшей клумбы с розами и ведущей к беседке, окруженной деревьями, на которых уже распустилась весенняя листва.

– Вы забыли принять в расчет один весьма важный факт: с той минуты, как я внес вас в гостиницу, наша жизнь необратимо изменилась. Даже если бы ваша мать никогда не посмела привести угрозу в исполнение и нам не пришлось пройти через мерзость публичного процесса, ваша репутация навсегда уничтожена.

Остановившись у входа в беседку, он прислонился к стволу дуба и бесстрастно, почти безразлично заметил:

– Боюсь, что у вас нет иного выбора, кроме как оказать мне честь стать моей женой.

Александра хмыкнула, забавляясь его неизменно вежливыми официальными манерами, даже сейчас, когда она категорически отказывалась выйти за него замуж.

– Женидьба на простой девушке из Моршема вряд ли может считаться честью для герцога, – напомнила она ему с безыскусной прямоотой. – Почему вы вечно говорите подобные вещи?

Джордан невольно улыбнулся искрящейся заразительным весельем Алекс.

– Привычка, – признался он.

Александра склонила голову набок – очаровательная живая девушка, обладающая немалым умом и мужеством, чтобы не побояться вступить с

ним в спор.

– Неужели вы никогда не бываете искренни, не высказываете все, что чувствуете на самом деле?

– Редко.

Алекс проницательно кивнула:

– Очевидно, искренность – неотъемлемая привилегия тех, кого ваша бабушка презрительно именует «низшим классом». Господи, ну почему у вас вечно такой вид, словно вы вот-вот рассмеетесь надо мной?

– По какой-то совершенно непонятной причине, – весело протянул Джордан, – вы мне нравитесь.

– Это очень мило, но не является достаточным основанием для свадьбы, – запротестовала Александра, возвращаясь к первоначальной теме. – Есть другие, куда более важные вещи...

Она с ужасом осеклась.

«Такие, как любовь», – подумала девушка. Только любовь важна. Одна любовь.

– А именно?

Не в состоянии произнести страшное слово, Александра поспешно отвела глаза и уклончиво пожала плечами.

– «Любовь», – договорил про себя Джордан и устало вздохнул, страстно желая вернуться к прерванному совещанию с управляющим бабушки, Александра жаждет любви и романтики. Он совершенно забыл, что даже невинные, воспитанные в провинциальной глуши девушки ее нежных лет, несомненно, ожидают проявления хоть какого-то пыла от жениха. Решительно не желая по-прежнему стоять здесь подобно влюбленному глупцу, пытаться уговорить ее выйти за него замуж и бормотать нежные слова, в которые он сам не верит, Джордан подумал, что поцелуй будет самым коротким и наиболее действенным способом выполнить долг и развеять ее опасения, а также поскорее вернуться к оставленным делам.

Алекс нервно подпрыгнула, когда его ладони неожиданно сжали ее лицо, вынуждая девушку резко вскинуть голову.

– Взгляни на меня, – велел он тихим незнакомым голосом, от которого по спине Алекс побежали колкие мурашки тревожного возбуждения.

Девушка с трудом оторвала взгляд от его загорелого лица. Хотя ни один мужчина до этого не пытался соблазнить ее или поцеловать, стоило ей заметить странно-дремотное выражение в глазах, полуприкрытых тяжелыми веками, как она поняла: сейчас что-то произойдет. Длинные пальцы чувственно погладили ее щеку, и герцог улыбнулся – медленной,

ленивой улыбкой, от которой подпрыгнуло и забилося сердце.

– Я хочу поцеловать вас.

И без того воспаленное воображение Александры немедленно разыгралось при воспоминании о прочитанных романах. Получив поцелуй от мужчин, которых героини тайно любили, они либо падали в обморок, либо расставались с добродетелью, либо разражались клятвами в вечной любви. Перепугавшись, что волей-неволей придется выглядеть такой же дурочкой, Александра зажмурилась и затрясла головой.

– Это совершенно ни к чему, – прохрипела она. – Я... Вам не стоит этого делать! Не сейчас. Очень мило с нашей стороны предложить, но не сейчас. Возможно, в другой раз, когда я...

Не обращая внимания на протесты и в который раз безуспешно пытаясь скрыть, как забавляется ее смущением, Джордан приподнял маленький подбородок девушки и закрыл глаза. Александра, наоборот, широко распахнула бездонные очи, готовая принять его пылкую страсть. Он легко коснулся ее губ своими. И все закончилось.

Джордан открыл глаза, чтобы увидеть ее реакцию. Отнюдь не та, что можно ожидать от наивной девочки. Во взгляде Александры застыло недоумение и... да-да, разочарование!

Сообразив, что умудрилась не показаться круглой дурочкой, подобно героиням романов, Александра с облегчением вздохнула и сморщила маленький носик.

– Именно это и считается поцелуем? – осведомилась она у аристократа, чьи жгучие ласки заставляли девственниц презреть свою невинность, а замужних женщин – забыть о супружеских обетах.

Несколько мгновений Джордан не шевелился, изучая девушку прищуренными пронизательными глазами. И неожиданно Александра заметила, как в их глубине зажглось нечто тревожащее.

– Нет, – пробормотал он, – гораздо больше. – И, стиснув ее запястья, привлек к себе так близко, что крошечные холмики почти коснулись его груди.

Однако его совесть, которая, по предположению Джордана, давным-давно почилла в бозе, выбрала именно этот неподходящий момент, чтобы напомнить о себе после долгих лет молчания.

«Ты соблазняешь ребенка, Хоторн! – с отвращением предостерегла она. Джордан поколебался, более удивленный неожиданным воскрешением давно забытого внутреннего голоса, нежели сознанием собственной вины. – Ты намеренно совращаешь доверчивое дитя, заставляя его покориться, потому что не желаешь тратить время на уговоры».

– О чем вы сейчас думаете? – настороженно спросила Александра.

Герцог попытался было уклониться от ответа, но, вспомнив, как она ненавидит вежливые отговорки, решил сказать правду.

– О том, что я совершаю непростительный поступок, соблазняя ребенка.

Александра, чувствуя скорее облегчение, чем разочарование по поводу того, что его поцелуй не произвел на нее ни малейшего воздействия, рассыпалась звонким смехом.

– Меня? – удивилась она и покачала головой, так что непокорные локоны разметались в очаровательном беспорядке. – О нет, из-за этого вы можете не волноваться! Как выяснилось, я сделана совсем из другого теста, чем большая часть женщин, которые от поцелуя теряют сознание или забывают о добродетели. Я думала, – чистосердечно призналась она, – что это будет поистине ужасно, но заверяю, на самом деле все очень... мило.

– Благодарю вас, – с невозмутимым видом отвечивал Джордан. – Вы очень добры. – И, решительно взяв девушку под руку, повернулся и повел ее в беседку.

– Куда мы идем? – без особенного интереса осведомилась Александра.

– Туда, где нас не будет видно из окон дома, – сухо объяснил Джордан, останавливаясь под низко нависшей веткой цветущей яблони. – Целомудренные поцелуи помолвленной парочки вполне позволительны в розарии, однако более страстные ласки уместны в уединении беседки.

Девушка, введенная в заблуждение наставлением, наложенным к тому же весьма деловитым тоном, не сразу осознала истинное значение услышанного.

У аристократов на все есть правила! Неужели все можно найти в книгах? – Но не успел Джордан ответить, как Александра ахнула:

– С-страстный поцелуй?! Н-но зачем?!

Джордан посмотрел на вход в беседку, желая убедиться, что им не помешают, и обратил всю чарующую силу серебристого взгляда и ленивой улыбки на стоящую перед ним девушку.

– Во всем виновато мое тщеславие, – тихо пошутил он, – никак не могу смириться с тем, что вы едва не задремали прямо посреди поцелуя! Ну а теперь посмотрим, смогу ли я пробудить вас.

И во второй раз за последние несколько минут так долго спящая совесть Джордана взбунтовалась.

«Ублюдок несчастный, что ты творишь!»

Но на этот раз герцог ни секунды не колебался. Он уже точно знал, что делает.

– Нужно сказать, – объявил он, ободряюще улыбаясь и сопровождая свои слова наглядной демонстрацией, – женщина должна отвечать на поцелуй. Смотрите: я кладу руки вам на плечи и привлекаю к себе.

Недоумевая, почему такая простая вещь, как поцелуй, требует стольких церемоний, Александра невольно опустила глаза на сильные длинные пальцы, осторожно сжавшие ее плечи, на безукоризненно белую тонкую сорочку, прежде чем смущенно взглянуть на Джордана.

– А куда девать мои руки?

Джордан с трудом подавил взрыв смеха, а вместе с ним и многозначительный ответ, так и просившийся на язык.

– А куда бы вы хотели их девать? – поинтересовался он.

– В карманы? – с надеждой предположила Александра. Джордан, на уме у которого было теперь не столько обольщение, сколько стремление не выказать неуместное веселье, тем не менее был вынужден продолжить.

– Я имел в виду, – мягко пояснил он, – что нет ничего плохого в том, если вы меня коснетесь.

«Не хочу!» – с ужасом подумала она. «Захочешь», – так же молчаливо пообещал он, верно истолковав мятежное выражение овального личика и ухмыляясь про себя. Приподняв ее подбородок, он окунулся в эти широко распахнутые светящиеся озера, и в груди у него расцвела неизведанная доселе нежность – чувство такое же новое для него, как и голос совести... Доныне, пока не встретил это неиспорченное, непредсказуемое, безыскусное, простодушное дитя. На мгновение вообразив, что смотрит в глаза ангела, Джордан с неосознанным почтением дотронулся до ее гладкой щеки.

– Знаете ли вы, – тихо пробормотал он, – сколько в вас очарования и прелести?

Эти вкрадчивые слова вместе с прикосновением кончиков пальцев к щеке и глубоким, бархатистым тембром голоса произвели на Александру такое же неотразимое впечатление, как и предвкушение будущего поцелуя. Девушке показалось, что внутри у нее все словно тает и плавится. Она не могла отвести глаз от его гипнотического взгляда... и не хотела пытаться. Сама не понимая, что делает, Алекс подняла дрожащие пальцы к его лицу, коснувшись щеки точно так же, как перед этим сделал он.

– Мне кажется, – прошептала она, – что вы прекрасны.

– Александра...

Это единственное сорвавшееся с его губ слово было наполнено такой мучительной нежностью, что девушка не смогла сдержать то, что таилось в душе. Не ведая, что творят с Джорданом робкая ласка и светящиеся

чистосердечием бирюзовые глаза, она продолжала по-прежнему едва слышно:

– По-моему, вы так же прекрасны, как «Давид» Микеланджело...

– Не нужно, – из последних сил выдохнул он, припадая к ее губам в поцелуе, не имеющем ничего общего с первым, – исступленном и обжигающем, пылком и безумном. Сильная рука поддерживала ее голову, пальцы ласкали чувствительную кожу; другая рука обняла ее талию, прижимая теснее к мужскому телу.

Погруженная в море восхитительных ощущений, Александра затрепетала. Ее руки скользнули по мускулистой груди Джордана, обвили его шею. Девушка, сама того не сознавая, лънула к нему, боясь упасть, и, когда эта гибкая, стройная фигурка прильнула к нему, произошло невероятное – искуситель превратился в соблазняемого. Желание изорвалось в Джордане, как только девочка в его объятиях стала неотразимой, манящей женщиной. Его губы неотрывно двигались с голодной настойчивостью, сминая ее – неопытные и неумелые. Александра, сотрясаемая мощными приливами безумного наслаждения, по-прежнему цеплялась за него, запустив пальцы в жесткие темные волосы, достигавшие воротничка, но Джордан продолжал долго, томительно целовать ее и наконец коснулся языком дрожащих губ, безмолвно уговаривая приоткрыть их.

Александра тихо застонала, то ли от страха, то ли от желания, но этот робкий звук проник в затуманенное сознание Джордана и тотчас отрезвил его. Снова сжав тоненькую талию, он неохотно поднял голову, глядя в прелестное, потрясенное юное личико, не в силах поверить той страсти, которую Алекс сумела в нем пробудить.

Опьяненная любовью и желанием, девушка ощутила под ладонью тяжелые удары сердца, уперлась взглядом в чувственный рот, всего минуту назад так яростно овладевший ее несопротивляющимися губами, и затем посмотрела в пылающие серые глаза.

И поняла.

Вот оно. Нечто чудесное. Свершилось. Этот великолепный, загадочный, утонченный, умный человек и есть обещанный дар судьбы. И ей позволено любить его!

Храбро отбросив мучительные воспоминания о том, как относился к ней когда-то такой же красивый, загадочный, утонченный человек, ее отец, Александра приняла этот дар со смиренной благодарностью своего преданного сердечка. Не замечая, что к Джордану вновь вернулся рассудок и страсть сменилась раздражением, Александра, просияв бездонными

очами, спокойно, даже невыразительно, без стыда и притворного смущения громко сказала:

– Я люблю вас.

Джордан ожидал чего-то подобного.

– Спасибо, – откликнулся он, пытаясь выдать ее слова скорее за обычный комплимент, чем за нежелательное признание, которого он не хотел слышать. Трудно представить, насколько она невероятно, обезоруживающе романтична! И к тому же не понимает, что испытывает всего-навсего вожделение. Ничего больше. Такого чувства, как любовь, не существует – есть лишь различные степени сладострастия или желания, которые именуют любовью начитавшиеся дурацких романов дамы и глупые мужчины.

Он должен немедленно покончить с ее детским увлечением, откровенно объяснив, что не может ответить ей тем же и вовсе не требует от нее столь пылких чувств. Однако проклятая совесть не позволила ранить девочку. Даже он, закоренелый циник, не был настолько жесток, чтобы намеренно причинить боль ребенку, глядевшему на него со щенячьим обожанием.

Алекс действительно так напомнила ему щенка, что Джордан машинально взъерошил ее густые шелковистые волосы и с шутливой торжественностью объявил:

– Вы избалуете меня чрезмерной лестью.

Снова погладив ее по голове, он шагнул к выходу, торопясь вернуться к работе.

– Сегодня мне нужно срочно проверить счетные книги бабушки, – резко бросил он. – Увидимся утром.

Александра кивнула и осталась стоять, глядя вслед широко шагавшему Джордану. Утром она станет его женой.

Когда Алекс сказала ему, что любит, Джордан отнесся к этому совсем не так, как она ожидала, но не важно. В ее сердце кипит любовь, которой хватило на двоих.

– Алекс! – В беседку ворвалась сгорающая от любопытства Мэри Эллен. – Я все это время не отходила от окна! Вы так долго пробыли здесь! Он поцеловал тебя?

Александра рухнула на белую скамью с витыми железными ножками.

– Да...

Мэри Эллен тотчас уселась рядом.

– И ты сказала ему, что любишь?

– Да.

– Что он сделал? – жадно допытывалась девушка. – Что сказал?
Александра с печальной улыбкой пожала плечами.
– Поблагодарил меня.

В камине весело плясал огонь, прогоняя прохладу весенней ночи и отбрасывая тени, причудливо изгибающиеся и мелькающие на стенах, словно эльфы на осеннем празднике. Александра, обложенная подушками, сидела на гигантской кровати и задумчиво наблюдала за игрой света. Назавтра назначено венчание. Неужели время пролетело так быстро?

Девушка подтянула колени к подбородку и обняла их руками, не сводя глаз с огня. Несмотря на ошеломляющее открытие, что она влюблена в своего будущего мужа, Алекс была, однако, не настолько глупа, чтобы считать, будто понимает его, и не столь наивна, чтобы верить, будто она одна знает, как сделать его счастливым.

Александра не сомневалась только в одном: она хочет дать ему счастье и когда-нибудь обязательно осуществит свою мечту. Она чувствовала тяжкий груз этой новой ответственности и горячо жалела, что почти не имеет понятия, каково это – быть женой одного из самых знатных людей королевства. И вообще ее знания о семейной жизни были крайне ограничены. Отец казался очаровательным, элегантным, страстно ожидаемым незнакомцем, которого всегда встречали с пылким обожанием жена и дочь и чьи редкие визиты считались огромным событием.

Девушка с мимолетной горечью вспомнила, как они с матерью всегда носились с ним, ловили каждое слово, словно оно исходило из уст Господа. Какими же унылыми, доверчивыми провинциалками казались они с матерью! Как он, должно быть, смеялся над их благоговейной любовью!

Александра, тряхнув головой, решительно прогнала неприятные мысли и попыталась думать о собственном будущем. Она была совершенно уверена, что герцогу не понравится слепое почитание, которое мать неизменно выказывала отцу. Его светлость, кажется, предпочитает, чтобы она не скрывала своего мнения, каким бы возмутительным или вызывающим оно ни было. Иногда ей даже удавалось рассмешить его. Но как прожить с ним до конца жизни?

До сих пор единственными семейными парами, которые ей доводилось наблюдать, были деревенские жители, причем жена обычно стряпала, шила и стирала. Ей почему-то ужасно захотелось точно так же заботиться о герцоге, хотя Алекс понимала, насколько глупо-сентиментальными были эти фантазии. В доме полно слуг, предугадывающих любое желание хозяев и со всех ног бросающихся исполнять их.

Громко вздохнув, Александра решила смириться с тем, что герцог Хоторн не нуждается в той заботе и внимании, какие деревенские женщины уделяют своим мужьям. Но в непокорном воображении тут же всплыло видение: вот она сидит напротив мужа у очага, ловко зашивая рукав белоснежной сорочки. Девушка мечтательно представила выражение благодарности и удовольствия на безупречно красивом лице герцога, созерцавшего, как жена штопает рубашку. Он будет так горд...

Но тут Алекс тихо захихикала. Ведь она совершенно не умеет управляться с иглой! Если она не уколет палец и не зальет кровью белый батист, значит, наверняка наглухо зашьет рукав или сотворит что-нибудь столь же ужасное. Картина безмятежного супружеского счастья поблекла, и Александра свела брови. Интуиция подсказывала ей, что герцог – человек крайне сложный, и она мгновенно возненавидела собственную юношескую неопытность. С другой стороны, Алекс нельзя назвать легкомысленной, несмотря на то что его светлость, кажется, предпочитает считать ее милым ребенком. Но при необходимости Александра становилась воплощением здравого смысла и практичности. Разве не она с четырнадцати лет вела хозяйство?!

И вот теперь перед ней новое нелегкое испытание. Алекс должна стать достойной женой герцога Хоторна. За эти несколько дней его бабушка успела сделать сотню критических замечаний относительно манер и поведения Александры, и хотя девушку выводила из себя чрезмерная приверженность вдовствующей герцогини к условностям и этикету, она все же твердо решила учиться всему, что необходимо знать. Нужно постараться, чтобы у мужа никогда не было причин стыдиться ее.

«Мой муж», – подумала она, зарываясь в одеяла. Этот красавец великан, элегантный аристократ будет ее мужем...

Глава 8

На следующее утро Энтони, развалившись во внушительном мягком кресле, изучал кузена со смесью восхищения и недоверия.

– Хок, – хмыкнул он, – клянусь, все, что говорят о тебе, – чистая правда: у тебя совершенно нет нервов! Сегодня день твоей свадьбы, а я волнуюсь куда больше твоего!

Уже одетый в белую сорочку с жабо, черные брюки и жилет из серебряной парчи, Джордан спокойно приказывал что-то управляющему поместья и при этом мерил шагами комнату, одновременно просматривая очередной отчет, присланный его поверенным. За ним упорно семенил верный камердинер, разглаживая крошечные морщинки на сорочке хозяина и смахивая воображаемые пылинки со штанин.

– Да постой же ты смирно, Джордан, – попросил Энтони, сочувственно улыбаясь слуге. – Бедняга Мэтисон сейчас упадет от усталости.

– Хм-м-м? – Джордан, на миг остановившись, вопросительно взглянул на кузена, и доблестный лакей, немедленно воспользовавшись шансом, схватил безупречно сшитый черный фрак и поднес хозяину, так что Джордану не оставалось ничего иного, кроме как просунуть руки в рукава.

– Не можешь объяснить, почему ты так чертовски безразличен к, собственной женитьбе? Да ты хоть сознаешь, что через четверть часа станешь женатым человеком?

Кивком отпустив управляющего, Джордан отложил отчет, одернул фрак и наконец повернулся к зеркалу, проводя рукой по щеке, чтобы проверить, насколько гладко выбрит.

– Я думаю об этом не как о женитьбе, – сухо пояснил он, – а как об удочерении ребенка.

Энтони по достоинству оценил шутку, и Джордан уже серьезнее продолжал:

– Александра не будет предъявлять никаких требований, и, думаю, свадьба не отразится на привычном течении моей жизни. После остановки в Лондоне и объяснения с Элизой мы отправимся в Портсмут и поплывем вдоль побережья – я хочу проверить, как ведет себя на воде новое пассажирское судно. Ну а когда доберемся до Девона, я просто оставлю там Александру. Ей понравится Девон. Дом так велик, что, несомненно, ошеломит ее. Я буду время от времени наезжать к ней.

– Естественно, – сухо согласился Энтони.

Джордан, не позаботившись ответить, поднял отчет и продолжил его просматривать.

– Твоей обворожительной балерине вряд ли понравится эта новость, Хок, – предупредил Тони.

– Она достаточно рассудительна, – рассеянно возразил Джордан.

– Итак, – процедила герцогиня, вплывая в комнату в нарядном туалете из коричневого атласа, отделанном кремовым кружевом, – ты в самом деле намерен участвовать в этом фарсе, именуемом женитьбой? И попытаешься ввести эту сельскую девчонку в общество, выдав за молодую леди безупречного происхождения и воспитания?

– Напротив, – резко бросил внук, – я собираюсь поселить ее в Девоне и предоставить остальное вам. Однако не вижу необходимости в спешке. Надеюсь, за год-другой вы сможете наставить ее во всем, что полагается знать, дабы стать настоящей герцогиней Хоторн.

– Да мне и за десять лет не удастся совершить этот подвиг! – отрезала бабка.

До этой минуты Джордан не придавал особенного значения ее язвительным репликам, но на сей раз вдовствующая герцогиня зашла слишком далеко, и в его голосе зазвучали уничтожающие нотки, от которых подчас тряслись в страхе как слуги, так и знакомые.

– Неужели так трудно обучить умную, способную девушку изображать из себя тщеславную пустоголовую дурочку?!

Неукротимая старая леди умудрилась сохранить величавое достоинство, однако при этом изучала непреклонное лицо Джордана с чем-то весьма напоминающим изумление.

– Так вот какими ты видишь женщин своего класса? Тщеславными и пустоголовыми?

– Нет, – коротко ответил внук, – но в возрасте Александры почти все они таковы. Позже они становятся еще куда менее привлекательными.

«Как твоя мать», – подумала она.

«Как моя мать», – подумал он.

– Но далеко не все женщины таковы.

– Возможно, – без особого убеждения и интереса согласился Джордан.

Прическа и свадебный туалет заняли у Александры и обеих горничных три часа. Сама церемония длилась меньше десяти минут.

Еще час спустя новобрачные остались одни. Александра смущенно сжимала хрустальный бокал с пенящимся шампанским, стоя в центре

просторного голубого с золотом салона, и ожидала, пока Джордан наполнит свой.

Несмотря на свою решимость не обращать внимания на сгустившуюся атмосферу напряженности и нереальности происходящего, Алекс не могла отделаться от мрачных мыслей. Мать и дядюшка Монти все-таки появились на свадьбе, но и герцог, и его бабка с трудом выносили их присутствие, хотя дядюшка старался вести себя как можно лучше: добросовестно пытался воздерживаться от изучения тыльной части каждой женщины, присутствующей в комнате, и даже не смотрел на герцогиню. Лорд Энтони Таунсенд и Мэри Эллен тоже присутствовали, но сейчас все уже разъехались по домам.

Окруженная гнетущей элегантностью раззолоченного салона, одетая в великолепный подвенечный наряд матери Джордана цвета слоновой кости, Алекс еще больше, чем всегда, казалась себе незваной гостьей, назойливой выскочкой, посягнувшей на то, что ей не принадлежит. Ощущение, что она вторглась в чужие владения, в мир, где ни ей, ни ее родственникам не уготован радушный прием, почти душило ее.

Странно, что Александра чувствует себя гораздо более неуверенно и неловко именно сейчас, когда на ней надето платье, роскошнее которого она никогда не видела. К тому же в нем она выглядит куда более хорошенькой, чем обычно. Креддок, личная горничная ее светлости, сама одевала девушку этим утром. Под ее неусыпным присмотром непокорные локоны Александры расчесывали до тех пор, пока они не заблестели, а потом уложили короной на голове и закололи изумительными перламутровыми гребнями, в тон жемчужинам в маленьких ушах.

Александра взглянула в огромное зеркало от пола до потолка и замерла от восхищения. Даже Креддок, отступив, объявила, что она действительно «выглядит очень хорошо, учитывая...». Только Джордан, похоже, не обратил на нее внимания. Правда, он ободряюще улыбнулся, когда дядюшка Монти вложил ее пальцы в его ладонь, и этого оказалось достаточно, чтобы на все это время придать ей силы, но теперь они впервые остались с глазу на глаз после свадьбы, и тишину нарушали лишь шаги слуг, тащивших их сундуки в дорожный экипаж, готовый увезти новобрачных в свадебное путешествие.

Не совсем понимая, что ей делать с шампанским, Александра помешкала и, сделав глоток, поставила бокал на изящный резной столик. Повернувшись, она увидела, что Джордан изучает ее так пристально, словно увидел в первый раз. За все утро он ни словом не обмолвился о ее внешности, но сейчас медленно переводил взгляд с короны сверкающих

волос к подолу блестящего атласного платья. Поняв, что он вот-вот что-нибудь скажет, она затаила дыхание.

– Ты выше, чем я думал.

Столь неожиданное замечание вместе с искренним недоумением, написанным у него на лице, вызвало у Александры испуганный смешок.

– Вряд ли я за последнюю неделю подросла больше чем на несколько дюймов.

Джордан, рассеянно улыбнувшись, задумчиво покачал головой:

– Сначала я принял тебя за мальчишку, причем очень маленького и худенького.

Исполненная решимости отныне вносить только радость и веселье в их отношения, Александра шутиливо осведомилась:

– Но теперь, надеюсь, меня сразу можно отличить от мальчика?

Несмотря на твердое намерение относиться к Александре как можно более безразлично, особенно после вчерашнего поцелуя, Джордан, однако, не смог устоять против ее солнечной, чарующей улыбки, мгновенно изгнавшей из сердца уныние и горечь несчастной женитьбы.

– Конечно, ты не мальчик, – улыбнулся он в ответ. – И не маленькая девочка. Но и женщиной тебя трудно назвать.

– Самый опасный возраст, ничего не поделаешь, верно? – согласилась она, насмешливо сверкнув глазами.

– Очевидно, – хмыкнул Джордан. – Как бы ты описала молодую леди, которой еще нет восемнадцати?

– Мне уже восемнадцать, – серьезно заметила Александра. – Сегодня мой день рождения.

– Я не знал, – искренне огорчился герцог. – Обязательно куплю тебе подарок во время поездки. Что любят девушки твоих лет?

– Нам не нравится, когда постоянно напоминают о том, сколь неприлично мы юны, – бросив на него многозначительный взгляд, объявила Александра.

В комнате эхом отдался резкий смех Джордана.

– Клянусь Богом, ты находчива и остроумна! Удивительное качество в такой моло... красивой девушке, – поспешно поправился он. – Прошу еще раз извинить меня за то, что подшучивал над твоим возрастом и забыл о подарке.

– Боюсь, что именно вы – мой именинный подарок, хотите этого или нет!

– Весьма изысканный способ выражаться, – усмехнулся он.

Александра посмотрела на часы: прошло минут сорок с тех пор, как

Джордан объявил, что они отправляются в путешествие на корабле.

– Мне, пожалуй, надо подняться наверх и переодеться, – робко сказала она.

– А куда ушла бабушка? – поинтересовался Джордан, когда Алекс направилась к выходу.

– Насколько мне известно, легла в постель, вне себя от скорби по поводу вашего неудачного брака, – неловко пошутила Александра и уже серьезнее добавила:

– Как по-вашему, она не заболит?

– Вряд ли такая незначительная причина способна настолько потрясти ее, – отозвался Джордан с чувством, весьма напоминающим нежность и восхищение. – Леди Хоторн могла бы в одиночку вызвать на бой всю армию Наполеона и выйти победительницей. И тогда поверженный император взбивал бы ей подушки и умолял о прощении за плохие манеры и за то, что посмел объявить нам войну. Поверь мне, такие пустяки, как сегодняшнее событие, не сведут ее в могилу. И теперь, когда ты носишь мое имя, она разделается с каждым, кто посмеет сказать хоть слово против тебя.

Полчаса спустя, одетая в дорожный костюм цвета спелой вишни, Александра ступила в сверкающий черным лаком экипаж с серебряным гербом герцогов Хоторнов на дверце и уселась на роскошные сиденья, покрытые серым бархатом. Кучер поднял подножку, захлопнул дверцу и взмахнул кнутом. Четверка гнедых понесла карету по длинной подъездной аллее. Следом поскакали шестеро ливрейных лакеев.

Александра огляделась, восхищаясь тяжелыми серебряными ручками и хрустальными лампами на серебряных подставках. Наслаждаясь неожиданным комфортом просторной кареты, она пыталась уверить себя, что на самом деле замужем и отправляется в свадебное путешествие. Джордан, устроившийся напротив, вытянул ноги и погрузился в ничем не нарушаемое молчание.

ОН тоже переоделся, и Алекс восхитилась тем, как красиво облегают светло-коричневые брюки его длинные мускулистые ноги. Ворот кремовой сорочки был распахнут, обнажая загорелую шею, а редингот цвета кофе прекрасно подчеркивал ширину плеч. Алекс про себя взмолилась Богу, чтобы Джордан когда-нибудь посмотрел на нее с таким же, восхищением, как она на него, но тут же решила, что ее обязанность – вести вежливую беседу.

– Подвенечный наряд вашей матери очень красив, – тихо сказала она. –

Я беспокоилась, что случайно испорчу его, но, к счастью, все обошлось.

Джордан мельком взглянул на нее.

– Не стоило волноваться, – сухо заметил он. – Уверен, что ты куда более достойна этого символа девичьей чистоты, чем моя мать, когда его надевала.

– Вот как? – пробормотала Алекс, сознавая, что ее только сейчас наградили комплиментом, правда, в такой форме, что простое «спасибо» было бы крайне неуместно.

Видя, что Джордан не делает дальнейших попыток к разговору, Александра почувствовала, что муж старается разрешить какую-то нелегкую проблему, и решила не докучать ему, а вместо этого стала с удовольствием разглядывать проплывающие за окном живописные пейзажи.

В три часа они наконец остановились пообедать в большой гостинице, увитой плющом и огороженной аккуратной побеленной изгородью.

Очевидно, одного из сопровождающих выслали вперед, поскольку хозяин с женой встретили их на крыльце и провели через общие комнаты в уютную маленькую столовую, где уже был накрыт стол.

– Ты, кажется, проголодалась, – заметил Александре муж, когда та отложила нож и вилку и с облегчением вздохнула.

– Ужасно, – кивнула Алекс. – Мой желудок еще не привык к жизни в Роузмиде. В десять часов, когда вы ужинаете, я обычно уже лежу в постели.

– Мы остановимся на ночлег в восемь часов, так что на сей раз тебе не придется ждать ужина слишком долго, – вежливо пообещал Джордан.

Видя, что он не торопится допить вино, Алекс робко спросила:

– Не возражаете, если я подожду вас во дворе? Мне бы хотелось немного пройтись, прежде чем снова садиться в карету.

– Прекрасно. Я вскоре присоединюсь к тебе. Девушка вышла на крыльцо, наслаждаясь теплыми солнечными лучами под пристальным взглядом кучера Джордана. Во двор въехали еще две кареты, дорогие и изящные, но далеко не столь великолепные, как чудесный дорожный экипаж ее мужа. Конюхи подбежали, чтобы взять под уздцы лошадей, и несколько минут Александра с удовольствием наблюдала за необычным зрелищем.

Лошадей Джордана уже запрягли, когда девушка заметила мальчишку, скорчившегося в углу ограды и оживленно болтающего непонятно с кем. Охваченная любопытством, Алекс подошла ближе и улыбнулась, увидев резвившихся прямо на земле пушистых маленьких щенят.

– Какие милые! – воскликнула она. Щенята были коричневые, а головы и передние лапы – белые.

– Не хотите купить одного? – тут же спросил мальчик. – Я позволю вам выбрать лучшего из всего помета! Это не дворняжки!

– Правда? И какой же они породы? – поинтересовалась Александра, восторженно смеясь, когда самый маленький клубочек подкатился к Ней и, уцепившись крохотными зубками за подол платья, стал увлеченно его тянуть.

– Лучшие английские пастушьи овчарки! – гордо объявил мальчик, когда Алекс наклонилась, чтобы оторвать щенка от подола. – И такие умные! Стоило девушке коснуться шелковистой шерсти, как она почувствовала, что щенок покорила ее сердце. Когда-то у нее была колли, но после кончины отца еды и без того не хватало, и Алекс отдала собаку брату Мэри Эллен.

Подхватив щенка на руки, она поднесла его ближе к глазам. Короткие лапки болтались в воздухе, пока их обладатель жадно лизал ее руку. Алекс все еще держала щеночка, обсуждая его достоинства с не менее воодушевленным владельцем, когда за спиной раздался голос мужа:

– Пора ехать.

Алекс в голову не пришло просить Джордана позволить взять щенка, но в больших глазах и мягкой улыбке было столько бессознательной мольбы!

– В детстве у меня была колли...

– Вот как? – безразлично осведомился он. Девушка кивнула, поставила щенка на землю, погладила и ободряюще потрепала мальчика по голове.

– Желаю найти хозяев для каждого.

Но не успела она сделать и трех шагов, как что-то снова дернуло ее за подол. Александра обернулась. Щенок мгновенно отпустил юбку и уселся, высунув язык с комически-благоговейным выражением на мордочке.

– Я ему понравилась, – смеясь, беспомощно объяснила Александра. Нагнувшись, она развернула щенка к остальным и чуть подтолкнула. Но тот упрямо отказывался двинуться с места. Алекс послала извиняющуюся улыбку пушистому комочку и позволила Джордану проводить ее до кареты.

– Должно быть, этот отрезок дороги не такой гладкий, как раньше, – заметила она немного нервно через час, когда тяжелый дорожный экипаж снова сильно качнулся, наклонившись влево, но тут же выпрямился и покатился дальше.

Сидя напротив нее со сложенными на груди руками, Джордан коротко ответил:

– Ошибаешься.

– Тогда почему же карету так трясет? – удивилась Александра несколько минут спустя, едва не слетев с сиденья. Но прежде чем Джордан успел ответить, она услышала, как кучер крикнул «тпру!» и остановил лошадей у обочины.

Выглянув наружу, Александра увидела лишь густой лес. Но тут дверца распахнулась, и в окне появилось измученное лицо кучера.

– Ваша светлость, – покаянно пробормотал он, – я не могу править лошадьми и одновременно следить за этим вечным двигателем. Едва не вывалил карету в канаву, и все из-за него!

«Вечным двигателем», притулившимся на сгибе его руки, оказался извивающийся комочек коричнево-белого меха.

Джордан устало кивнул:

– Хорошо, Гримм, давайте сюда это животное... Нет, сначала немного прогуляйтесь с ним.

– Я сама его выведу, – вызвалась Александра. Джордан тоже вышел из экипажа и проводил ее к маленькой поляне недалеко от дороги. Повернувшись, Алекс подняла на мужа сияющие глаза.

– Добрее вас нет на свете человека, – прошептала она.

– С днем рождения, – покорно произнес он.

– Спасибо... огромное спасибо! – выдохнула она, чувствуя, как сердце разрывается от благодарности, особенно еще и потому, что муж, очевидно, был весьма невысокого мнения о подарке, который она так желала получить.

– Щенок совсем не станет мешать, вот увидите! Джордан устремил полный сомнения взгляд на вышеупомянутое животное, обнюхивающее каждый дюйм земли, куда только, мог дотянуться его любопытный нос, и взволнованно вилявшее коротким хвостиком. Наконец щенок нашел веточку и начал увлеченно ее грызть.

– Мальчик сказал мне, что он очень умен.

– Как все дворняжки.

– Но он не дворняжка! – запротестовала Александра, нагибаясь, чтобы нарвать розовых полевых цветов, растущих у самых ног. – Это английская овчарка.

– Что?! – потрясение воскликнул Джордан.

– Английская овчарка, – пояснила Алекс, думая, что мужу просто неизвестна эта порода. – Они очень умны и вырастают не слишком большими. – И, заметив, что муж смотрит на нее с таким видом, словно она полностью потеряла рассудок, Александра добавила:

– Этот милый маленький мальчик мне все рассказал.

– Это милый маленький честный мальчик? – саркастически переспросил Джордан. – Тот самый, что поклялся, будто пес породистый?

– Да, конечно, – подтвердила Александра, склонив голову набок и удивляясь его странному тону. – Тот самый.

– В таком случае остается надеяться, что он солгал также и насчет родословной этого крошечного чудовища.

– Так он лгал мне?

– Причем бессовестно, – мрачно подтвердил Джордан. – Если вот это – английская овчарка, он должен вырасти размером с пони, этакий неуклюжий мохнатый великан с огромными лапами! Лучше бы его отец был маленьким терьером.

Он с таким отвращением оглядел будущую «овчарку», что Александра поспешно отвернулась, скрывая улыбку, и, став на колени, подняла щенка.

Юбка ее вишневого дорожного костюма ярким красочным пятном выделялась на фоне ковра темно-зеленой травы. Джордан смотрел на прелестного ребенка, ставшего его женой: ветерок играет каштановыми локонами, упавшими на алебастровую щеку, губы сосредоточенно сжаты, в одной руке маленький букетик розовых цветов, в другой – присмиривший щенок. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви деревьев, окружали ее голову сияющим ореолом.

– Ты словно сошла с Портрета Гейнсборо, – тихо признался он.

Завороженная чувственно-хрипловатыми нотками его голоса и странным, почти благоговейным взглядом, Александра медленно встала.

– Я не такая хорошенькая.

– Разве? – шутливо удивился Джордан.

– Жаль, конечно, но, боюсь, из меня получится самая обыкновенная, ничем не примечательная женщина.

Невольная улыбка осветила смуглое лицо. Джордан медленно покачал головой:

– В тебе нет ничего обыкновенного, Александра. Его решение держаться подальше от жены, пока та не повзрослеет и не сможет играть в романтические игры по его правилам, внезапно и безжалостно было подавлено непреодолимой потребностью смять эти нежные губы своими. Всего лишь раз.

И не успел он шагнуть к ней, как сердце Александры забилось в тревожном ожидании. Она уже знала, что предвещают эти горящие страстью глаза Джордана и его низкий, чуть гортанный голос.

Сжав ладонями ее лицо, Джордан запустил пальцы в темные локоны.

Ее щеки были гладкими, как атлас, а волосы словно шелк. Джордан чуть запрокинул голову жены и с бесконечной нежностью завладел ее губами, твердя себе, что так поступать может лишь безнадежный безумец, а когда она робко ответила на поцелуй, забыл обо всем и хотел было прижать ее к себе, но пригревшийся щенок громко запротестовал, испустив пронзительный негодующий визг.

Джордан резко отстранился.

Садясь в экипаж, Александра все еще безуспешно пыталась скрыть, как разочарована внезапно прерванным поцелуем. Джордан, однако, испытывал огромное облегчение по поводу того, что все так скоро закончилось; в противном случае ему бы, несомненно, пришлось выслушать еще одно объяснение в любви от сентиментальной девочки. Вряд ли простое «спасибо» удовлетворит ее на этот раз, а он не хотел сокрушить робкие надежды молчанием или терзать малышку наставлениями. Лучше подождать годик-другой, прежде чем уложить ее в постель. К тому времени бабушка сумеет сделать из Алекса светскую даму с куда более реалистичными, чем теперь, представлениями о браке и семейной жизни.

Приняв столь нелегкое решение, Джордан мгновенно повеселел.

– Ты уже придумала для него кличку? – осведомился он, глядя на щенка, деловито обнюхивавшего каждый угол.

– Может быть, Баттеркап? ^[5] – предложила Александра, любовно улыбаясь маленькому созданию. Джордан безглаголиво поморщился.

– Дейзи? ^[6]

– Ты, должно быть, шутишь.

– Дендилайон? ^[7]

Глаза Джордана насмешливо блеснули.

– Да он не сможет смотреть в глаза другим псам! Александра недоуменно уставилась на мужа:

– Мальчик сказал мне, что это «она». – Вот уж ни в коем случае!

Не в силах поверить, что совсем еще несмышлениш смог так ловко ее провести, Александра наклонилась было, чтобы поднять щенка и проверить сама, но у нее не достало смелости.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Нельзя! – резко приказала она, когда щенок ухватился за подол юбки маленькими зубками. В ответ он потянул еще сильнее.

– Прекратить! – прогремел герцог. Мгновенно распознавший глас

свыше, щенок присмирел, отпустил юбку, вильнул хвостом и немедленно свернулся у ног Джордана, положив голову на начищенные сапоги. В награду за столь неприкрытое выражение преданности он получил взгляд, исполненный такого невыразимого отвращения, что Александра, не в силах сдержаться, звонко расхохоталась. – Вы не любите животных, милорд? – еле выговорила она задыхаясь.

– Только необученных и непослушных, – буркнул он, не сумев, однако, устоять против заразительного веселья ее мелодичного смеха.

– Я назову его Генри! – внезапно объявила Александра.

– Почему?

– Потому что если он когда-нибудь превратится, в огромного мохнатого зверя, то будет похож на Генриха Восьмого.

– Верно, – хмыкнув, согласился Джордан, чувствуя, как с каждой минутой, проведенной в ее обществе, у него улучшается настроение.

Остаток пути прошел в оживленных беседах обо всем на свете. К своей радости, Александра выяснила, что ее муж чрезвычайно образован, начитан и сам ведет дела в обширных поместьях, не говоря уже о десятках других деловых предприятий, сущность которых была ей совершенно недоступна. Из всего этого Алекс сделала вывод, что он способен взвалить на плечи любую ответственность и неукоснительно выполнить свой долг. Похоже, она уже заразилась болезнью, называемой идолопоклонством, причем в одной из самых тяжелых форм.

Джордан, со своей стороны, лишний раз убедился в том, что Александра действительно чувствительная, остроумная, неглупая и на удивление образованная. Он понял также, что жена куда более наивна во всем, что касается отношений между мужчиной и женщиной, нежели он предполагал. Доказательство он получил позже, после долгого, превосходно приготовленного ужина в гостинице, где им предстояло провести ночь. Чем дольше Джордан смаковал портвейн, тем более нервной и озабоченной казалась Александра. Наконец она вскочила и стала тщательно расправлять юбку, делая вид, что разглядывает ничем не примечательный дубовый столик.

– Превосходная работа, не так ли?

– Не особенно.

– Когда я смотрю на какую-нибудь утварь, – с отчаянием продолжала Александра, – мне всегда хочется узнать побольше о человеке, который так много трудился, чтобы ее сделать... ну... был ли он высоким или коротышкой, веселым или угрюмым... все такое.

– Неужели? – резко бросил он.

– Да. А вам?

– Нет.

Повернувшись спиной к нему, Александра осторожно Предложила:

– Думаю, мне стоит взять Генри и прогуляться с ним перед сном.

– Александра.

Спокойный, почти безразличный голос заставил девушку застыть на месте. Она обернулась:

– Да?

– Не надо так отчаянно трусить. Я не имею ни малейших намерений спать с тобой сегодня.

Александра, мечтавшая лишь о том, чтобы поскорее добраться до ночной вазы, ошеломленно уставилась на мужа:

– Мне это и в голову не приходило. Почему вам вдруг может понадобиться ложиться в моей комнате, ведь гостиница достаточно велика, и вы, конечно, без труда снимете еще одну!

На этот раз настала очередь Джордана ответить ей непонимающим взглядом.

– Прошу прощения? – пробормотал он, не веря своим ушам.

– Разумеется, я буду рада, если вы разделите со мной постель, – тут же поправилась она, почему-то чувствуя, что была по меньшей мере невежлива, – но не могу понять, к чему вам это. Сара, наша бывшая экономка, всегда утверждала, что у меня привычка метаться во сне, словно вытащенная из воды рыба, и я, конечно, стану всю ночь вас будить. Вы не возражаете, если я поднимусь наверх?

Несколько мгновений Джордан потрясенно смотрел на нее, забыв о поднесенном к губам бокале с вином, но тут же тряхнул головой, словно пытаясь собраться с мыслями.

– Конечно, нет, – ответил он странным, сдавленным голосом. – Как пожелаешь.

Глава 9

Джордан велел кучеру остановиться у следующей поляны рядом с обочиной, и Александра облегченно вздохнула. Они ехали без отдыха с самого обеда, и ей не терпелось пройтись и размять затекшие ноги. Однако муж развалился на сиденье и не выказывал ни малейших признаков утомления – должно быть, потому, что его костюм был не в пример удобнее.

Одетый в желтовато-коричневые лосины, сапоги и сорочку с широкими рукавами и распахнутым воротом, он явно был гораздо лучше подготовлен к долгому путешествию, чем Александра. Сегодня на ней три нижние юбки, ярко-желтая верхняя и белая шелковая блузка под желтой ротондой, отделанной темно-синей тесьмой. На шее красуется шарф в желто-бело-голубую полоску, руки затянуты в желтые перчатки, на голову задорно надвинута соломенная шляпка, украшенная желтыми лентами и шелковыми розами и завязанная под подбородком. Ей было жарко, душно, и при мысли о глупых молодых леди, стремившихся следовать столь дурацкой моде, в душе девушки кипела глухая ненависть. До чего же несправедливо, что джентльмены могут одеваться как захотят!

Лишь только карета остановилась и кучер опустил подножку, Александра подхватила Генри и, торопясь поскорее выбраться, наткнулась на Джордана. Тот ответил ей понимающим взглядом и откинулся на спинку сиденья. Дав жене время позаботиться о неотложных нуждах, что, по его предположению, и было причиной спешки, он спрыгнул на землю, пробрался сквозь кусты и вскоре очутился на живописной маленькой полянке.

– Разве здесь не чудесно. Генри?

Девушка стояла посреди поляны, воздев руки к небу; у маленьких ножек сидел щенок. Второй раз в жизни Джордан пожалел, что здесь нет художника; В ярко-желтом костюме, окруженная густой зеленью, пестревшей радужными красками цветов, Александра казалась воплощением юности, грации и кипучей энергии – веселая лесная нимфа, одетая по последней моде.

Усмехнувшись неожиданно поэтическому обороту, который приняли его мысли, Джордан ступил на поляну.

– О, это вы! – воскликнула она, быстро опуская руки. Но на лице при этом отразилось явное облегчение.

– Кого ты еще ожидала?

Пытаясь выиграть побольше времени, прежде чем придется вернуться в экипаж, Александра наклонилась и сломала длинную тонкую ветку с поваленного дерева.

– Никого, но когда путешествуешь с двумя кучерами, двумя форейторами и шестью сопровождающими, трудно угадать, кто появится первым. Настоящая армия! – рассмеялась Александра и, молниеносно отсалютовав прутиком, как шпагой, уперлась им в грудь Джордана. – К бою! – шутливо провозгласила она и, опустив деревянную шпагу, встала в классическую позицию. В это мгновение она выглядела необычайно хорошенькой фехтовальщицей.

Выпад деревянным оружием был сделан так безупречно, что Джордан не поверил, будто Александра подражает когда-то виденному поединку. С другой стороны, трудно предположить, что она владеет столь сложным искусством.

– Ты фехтуешь? – спросил он, удивленно подняв брови.

Алекс с широкой улыбкой кивнула:

– Хотите проверить?

Джордан колебался, сознавая, что вот-вот наступят сумерки, но любопытство быстро взяло верх над здравым смыслом. Кроме того, он тоже задышался в духоте экипажа. – Может быть, – протянул он, намеренно поддразнивая ее. – Надеюсь, ты окажешься достойным противником?

– А это можно выяснить только одним способом. Давая знать веселым взглядом, что вызов принят, Джордан повернулся в поисках ветки покрепче. К тому времени, как он нашел подходящую, Александра уже успела сбросить ротонду и шляпку. Джордан зачарованно наблюдал, как она развязывает шарф и расстегивает верхние пуговицы блузки. Услышав шаги, Алекс обернулась в вихре желтых юбок – лицо покраснелось, аквамариновые глаза возбужденно сверкают.

– Жаль, что нельзя избавиться от туфель и нижних юбок! – посетовала она и приподняла подол, обнажив изящные щиколотки и удивительно стройные ножки и хмуро с разглядывая изящные желтые туфельки. – Но если их снять, чулки порвутся... верно? Она посмотрела на мужа, очевидно, нуждаясь в совете, но Джордан в этот миг думал лишь о том, как восхитительно она выглядит в этой позе... словно статуэтка. И тут его пронзило иное, куда более неожиданное ощущение. Желание. Мгновенное, жгучее желание, горящее в крови, – непонятно откуда взявшееся, ненужное, но тем не менее неоспоримое.

– Милорд?

Он немного опомнился.

– Почему вы так свирепо – воззрились на меня? Джордан усилием воли заставил себя вспомнить о предстоящем поединке, но где-то в глубине души осознал, что намеревается овладеть ею еще до конца путешествия.

– Если ты волнуешься из-за чулок, лучше их снять, – откликнулся он, мысленно поражаясь ее наивности, когда девушка немедленно повернулась к нему спиной и стащила чулки, позволив Джордану снова увидеть крошечные ножки.

Тем временем Александра подняла «шпагу» и коснулась ею лба, как подобало настоящему дуэлянту перед началом поединка, Джордан вернул приветствие, хотя на уме у него были лишь чарующие искорки в гипнотически-притягательных, широко раскрытых глазах и неотразимо прекрасное личико.

Она успела дважды «ранить» его до того, как Джордан смог наконец сосредоточиться на поединке, но даже после этого показала себя достойным соперником. Недостающую силу Алекс восполняла молниеносными выпадами и ошеломляюще ловким маневрированием. Но в конце концов именно эти маневры стоили ей победы. Она загоняла его на край поляны и отступала лишь в том случае, когда он подавлял ее своей мощью. Теперь исход дуэли зависел только от одного укола, и Александра, увидев, что муж открылся, поспешила воспользоваться благоприятной возможностью и ринулась на него, но, к несчастью, запуталась в подоле юбки, потеряла равновесие и упала прямо на Джордана.

– Ты проиграла! – усмехнулся он, подхватывая жену.

– Да, но всему виной чересчур длинная юбка, а не ваше искусство владения шпагой! – весело парировала она, торопливо отступая и пытаясь отдышаться. Грудь тяжело вздымалась и опускалась, но темная краска, выступившая на щеках, очевидно, была результатом не столько усилий, сколько прикосновения мужа.

– Вам следовало бы дать мне фору, – упрекнула она. – Что ни говори, а вы вдвое сильнее.

– Верно, – кивнул он без малейших признаков раскаяния, – но я не воспользовался своим преимуществом. Более того, ты забываешь, что я намного тебя старше. Александра, смеясь, вызываясь подбоchenилась:

– Вы настоящая древность, милорд. Через год-другой, пожалуй, будете проводить дни в кресле, с шалью на плечах, а Генри станет мирно дремать у ваших ног.

– А где в это время будешь ты? – осведомился он, притворно хмурясь и сгорая от желания сжать ее в объятиях. Девушка кокетливо покосилась на

него:

– В детской, играть с куклами, как пристало моему нежному возрасту.

Джордан громко захохотал, представляя, что за сплетни поползли бы в обществе, знай его досточтимые члены, с каким полнейшим отсутствием почтительности обращается с ним эта деревенская восемнадцатилетняя девчонка!

– Но где же еще мне быть, – лукаво осведомилась Александра, – если не в детской?

«У меня на коленях, – безмолвно ответил он. – Или в моей постели».

Смех мгновенно замер, и девушка в ужасе прижала ладони к щекам, глядя куда-то вдаль, поверх его плеча.

– Господи помилуй!

Джордан резко обернулся, чтобы понять причину ее неожиданного оцепенения, и заметил стоявших плечом к плечу всех шестерых сопровождающих лакеев, двух кучеров и двух фореиторов. Удивленные лица прислуги недвусмысленно свидетельствовали о том, что она невольно стала очевидцем не только поединка, но и дальнейшего обмена колкостями между герцогом и герцогиней. Губы Джордана плотно сжались, ледяной взгляд лучше всяких приказов заставил слуг молниеносно исчезнуть.

– Весьма впечатляюще, – пошутила Александра, застегивая блузку. – Я имею в виду то, что вы проделываете одними глазами, – пояснила она, осматриваясь в поисках «сэра» Генри. – Вы убиваете взглядом, и шпага вам ни к чему. Это природный талант или умение, которое приобретается позднее и присуще лишь людям вашего положения и происхождения?

Она нашла Генри, увлеченно рывшего землю под кустом, и прижала к себе.

– Ваша бабушка тоже прекрасно это умеет. При одном ее виде я дрожу от страха. Вы не поддержите это немного?

И прежде чем Джордан сообразил, о чем идет речь, она сунула ему в руки шляпку, ротонду и щенка.

– Пожалуйста, отвернитесь, пока я надену чулки. Джордан покорно подчинился, невольно представляя потрясенные лица друзей, в комическом ужасе взирающих на него, двенадцатого герцога Хоторна, владельца самых обширных земель и самого огромного состояния в Англии, стоящего в эту минуту на поляне с грудой одежды и назойливым щенком, норовящим лизнуть его в губы.

– Кто научил тебя фехтовать? – поинтересовался он, когда они направились к экипажу.

– Отец. Мы часами упражнялись вместе каждый раз, когда он

приезжал домой. Ну а в его отсутствие я практиковалась с братьями Мэри Эллен и со всеми, кто соглашался, так что иногда отец даже восхищался моими способностями. Скорее всего, поскольку я не обещала стать ослепительной красавицей в будущем, его забавляла сама мысль о том, чтобы превратить меня в сына. Правда, возможно, он просто любил фехтовать и не знал, как иначе убить время.

Александра и представления не имела, какая боль и презрение к отцу звучали в ее голосе.

– Александра! Девушка оторвала взгляд от проплывавшего мимо пейзажа. Вот уже два часа, с самого их шуточного поединка, герцог наблюдал за ней со странным задумчивым видом, заставлявшим ее крайне неловко себя чувствовать.

– Да?

– Ты сказала, что отец не слишком часто появлялся дома. Где же он проводил время?

Темная тень затмила блеск глаз, но тут же исчезла, стертая намеренно равнодушной улыбкой.

– Отец навещал нас два-три раза в год и оставался недели на две. По большей части он жил в Лондоне. И скорее был гостем, чем главой семьи.

– Прости, – извинился Джордан, действительно сожалея, что вызвал ее на разговор о человеке, очевидно глубоко ранившем сердце девочки.

– Не стоит... Но если бы вы смогли относиться более снисходительно к моей матери, я была бы вам очень благодарна. Когда-то мама считалась самой очаровательной и веселой женщиной во всей округе, но после смерти отца она... она сама не своя.

– И поэтому взвалила бремя управления домом и слугами на четырнадцатилетнего ребенка, – уничтожающе бросил Джордан. – Я видел это жилище и встречался с твоими родственниками. Несладко же тебе пришлось.

Она расслышала нотки гнева в его сухом тоне, и любовь к этому человеку стала почти нестерпимой – ведь он заботился о ней!

Однако девушка покачала головой, не желая принимать его жалость:

– Это было не так плохо, как вы считаете. Боже, как прекрасно сознавать, что кто-то о тебе беспокоится! Александра не знала, как сдерживать нежность и благодарность, которые в этот момент испытывала к мужу. Не в состоянии высказать словами все, что ощущает, она осторожно вытащила из ридикюля тяжелые золотые часы с цепочкой. Для Александры эта вещь была священной – самая ценная собственность человека, которого она обожала. Девушка протянула часы Джордану и, когда тот с

недоумением их принял, пояснила:

– Они принадлежали дедушке. Подарок шотландского графа, который восхищался его знанием философов древности.

Даже сейчас, при виде часов, лежавших на большой ладони Джордана, ее глаза увлажнились. Голосом, дрожащим от мучительно-трогательных воспоминаний, она прошептала:

– Дедушка хотел бы, чтобы я отдала их вам. Вы бы ему понравились.

– Сомневаюсь! – уверенно заявил Джордан.

– Непременно понравились бы! Он часто говорил, что я должна полюбить благородного человека.

– То есть аристократа? – неверяще пробормотал Джордан.

– Нет-нет. Человека с благородной душой. Такого, как вы.

Не зная, что Джордан уже является обладателем нескольких куда более красивых золотых часов, Александра пояснила:

– Я, с разрешения герцогини, послала одного из ваших лакеев к себе домой, и Пенроуз отдал ему часы. Джордан крепко сжал подарок.

– Спасибо, – только и ответил он.

Она отдала ему две самые дорогие вещи, которые имела, – свою любовь и золотые часы. И каждый раз он отделялся сухой благодарностью. Очевидно, столь бесценные дары вызывали у него неловкость.

Смущенное молчание, неизменно наступающее вслед за тем, как кто-то открыл душу и понял, что был слишком откровенен, воцарилось и теперь. Вскоре мягкое покачивание экипажа вкупе с воздействием плотного обеда убаюкало Александру. Однако, несмотря на мягкие сиденья, она так и не смогла устроиться поудобнее и заснуть. Девушка пробовала прислониться к спинке, но при каждом толчке ударялась головой и просыпалась. Наконец, выпрямившись, Алекс скрестила руки на груди и прикрыла глаза. Но тут колеса попали в рытвину, и девушку резко бросило вправо. Она едва удержалась, чтобы не сползти на пол.

Джордан сочувственно хмыкнул и похлопал по свободному месту рядом с собой.

– Буду счастлив предложить мое плечо вместо подушки, миледи.

Александра приняла приглашение с сонной благодарностью и примостилась на мягком сиденье, но, вместо того чтобы просто подставить плечо, Джордан обнял жену, так что она уютно устроилась у него на плече.

«Миледи», – подумала Алекс, проваливаясь в сон. Как прекрасно звучит в его устах это слово.

Землю уже окутали сумерки, когда она открыла глаза и с ужасом

поняла, что лежит едва ли не на Джордане. За это время он изменил положение так, что упирался спиной в дверцу экипажа, а ноги положил поперек сиденья. Александра свернулась калачиком в объятиях мужа, обхватив его за талию и переплетаясь с ним ногами.

Испугавшись, что Джордан может проснуться и увидеть ее в такой непристойной позе, Александра осторожно подняла голову с его мускулистой груди и присмотрелась к нему сквозь полуопущенные ресницы. Сон смягчил обычно холодное выражение загорелого лица, разгладил резкие черты. Сейчас он выглядел куда менее грозным и неприветливым... совсем молодым, почти мальчишкой и... и бодрствующим!

Глаза Джордана широко распахнулись, но он тут же свел брови, пристально всматриваясь в жену. На какую-то долю секунды в его взгляде блеснуло недоумение, словно он не узнавал ее; впрочем, оно тут же сменилось восхитительно-теплой, немного ленивой улыбкой.

– Хорошо спала?

Александра, слишком потрясенная, чтобы шевельнуться, кивнула и захотела встать, но он сжал руки чуть сильнее, притягивая ее ближе.

– Не уходи, – прошептал он, жадным взглядом пожирая ее мягкие губы, прежде чем бережно коснуться трепещущих век. – Останься со мной.

Он хотел, чтобы она его поцеловала, поняла Александра, полная бурлящей радости и неясных предчувствий: в этих неотразимо манящих серых глазах сверкало недвусмысленное приглашение. Девушка застенчиво прильнула к его губам, и муж тотчас положил руку ей на поясницу, медленно погладил ее по спине, ободряя и успокаивая. Его губы шевельнулись, словно побуждая ее сделать то же самое, и когда она последовала его примеру, Джордан положил свободную руку на ее затылок; пальцы неспешно, дразняще скользили по шее, а другая рука продолжала ласкающе поглаживать спину.

Джордан целовал ее бесконечно долгими, опьяняющими поцелуями, распаляя ее страсть. Его язык обводил линию сжатых губ, стремясь приоткрыть их, потом проник внутрь, дразня легкими прикосновениями, пока Александра, сгорая от лихорадки желания, не ответила ему тем же. И тотчас мир будто взорвался. Джордан рывком притянул ее к себе, крепко прижимая к мгновенно затвердевшему доказательству своего желания, а язык стал дерзко вторгаться в ее рот в каком-то безумно возбуждающем запретном ритме, от которого тело Александры пронзали молнии неукротимого наслаждения.

Только когда его пальцы сжали грудь, а потом скользнули за вырез

шелковой блузки, девушка внезапно вынырнула из водоворота неизъяснимого наслаждения, в котором так охотно тонула. Но не отвращение, а удивление и угрызения совести заставили ее отпрянуть.

Упершись кулачками в грудь мужа, она часто и глубоко задышала и наконец подняла голову, смущенно глядя в его пылающие серые глаза.

– Я шокировал тебя, – хрипло пробормотал Джордан. И хотя это было правдой, от Александры не укрылась в его страстном взгляде легкая насмешка.

Принимая безмолвный вызов, она снова прижалась к его губам и на этот раз, сама того не сознавая, прильнула к мужу. Нечто среднее между стоном и смехом вырвалось у Джордана, но когда девушка хотела отстраниться, он обхватил ее стальным кольцом, а поцелуй стал еще настойчивее. Александра, забыв обо всем, вновь отдалась его исступленным ласкам, отвечая на них с пробуждающимся желанием.

Когда наконец Джордан отпустил Алекс, дыхание его было таким же прерывистым, как у нее. Подняв руку, он осторожно коснулся костяшками пальцев ее пылающей щеки.

– Такая мягкая, – прошептал он. – Такая невероятно невинная.

Гневно истолковав эпитет «невинная» как «наивная», Александра встрепенулась, обиженная до глубины души.

– Должно быть, такому... искушенному человеку, как вы, я кажусь ужасно скучной простушкой.

Но Джордан схватил ее за плечи и притянул обратно.

– Это был комплимент, – бросил он, приблизив к ней лицо.

Услышав чуть резковатые нотки в голосе, она совсем не к месту подумала, каков он бывает в ярости.

Слегка тряхнув ее, Джордан коротко пояснил:

– Неиспорченная, чистая, ни капли неискренности и притворства, понимаешь?

– Превосходно, – парировала Александра, отзываясь скорее на тон, чем на слова, и, как только до нее дошла абсурдность происходящего, тут же разразилась смехом. – Неужели мы ссоримся из-за того, какая я милая?

Ее неотразимая улыбка мгновенно погасила раздражение Джордана и породила ответную нерешительную улыбку в его глазах.

– Кажется, так, – тихо согласился он, наконец, хоть и неохотно, признав, что больше не может притворяться перед самим собой, будто неотвязного безумного желания, внезапно охватившего его, не существует.

Она снова прижалась щекой к его груди, но он смотрел куда-то поверх ее головы, мысленно перечисляя все возможные логические доводы,

почему он сделает ошибку, если сегодня овладеет ею:

Она молодая наивная идеалистка. Он – полная ее противоположность. Она жаждет отдать ему свою любовь, Ему же нужно только ее тело. Она стремится, чтобы он любил ее.

Он же верит лишь в ту любовь, которая бывает между мужчиной и женщиной в постели.

Она увлечена им.

Он не желает обременять себя влюбленным ребенком. С другой стороны...

Она хочет его. Он хочет ее.

Приняв наконец решение, Джордан чуть шевельнулся.

– Александра? – И когда жена вопросительно взглянула на него, спокойно, почти деловито спросил:

– Ты знаешь, как делаются дети?

У нее вырвался короткий смущенный смешок; лицо мгновенно залил горячий румянец.

– Мы... мы обязательно должны обсуждать это? Губы Джордана едва заметно насмешливо дернулись.

– Вчера я сказал бы, что в этом нет ни малейшей необходимости. Даже час назад я продолжал бы это утверждать. Теперь, боюсь, придется изменить свое мнение.

– И что заставило вас передумать?

Настал черед Джордана недоуменно взглянуть на нее.

– Наши поцелуи, – признался он откровенно.

– Но что общего это имеет с детьми?

Джордан запрокинул голову, закрыл глаза и преувеличенно изумленно вздохнул.

– Почему-то я был уверен, что ты об этом спросишь!

Присмотревшись к странному выражению на лице мужа, Александра села и смущенно одернула платье. Мэри Эллен как-то пыталась убедить ее, что дети делаются точно так же, как щенята, но светлый ум Александры отверг этот невероятный вздор. Человеческие существа просто не способны вести себя подобным образом, и только такая пустоголовая болтушка, как Мэри Эллен, прислушивается к этой чепухе. Но, с другой стороны, ее подруга свято верила, что, если повернуться спиной к радуге, тебя ждет беда и что по ночам феи и эльфы пляшут под грибами. Поэтому она всегда ходила задом наперед, когда шел дождь, и отказывалась есть грибы.

Александра украдкой взглянула на мужа и решила спросить его о том,

что так тщательно скрывали от молодых девушек и что она просто была обязана узнать. Дедушка часто повторял, что единственным лекарством от такой болезни, как невежество, служат ответы на вопросы. Поэтому Алекс с искренним, нескрываемым интересом осведомилась:

– А как делаются дети?

Джордан, явно застигнутый врасплох, открыл было рот, словно намеревался ответить, но по какой-то причине слова не шли с языка. Сначала Александра была совершенно сбита с толку его странным молчанием, но внезапное озарение заставило ее покачать головой и сочувственно вздохнуть по поводу столь затруднительного положения.

– Вам тоже неизвестно, верно?

Резкий смех Джордана взорвал тишину. Запрокинув голову, он продолжал неудержимо хохотать, пока наконец не смог пробормотать:

– Нет, Александра... известно.

Только сейчас он сообразил, что за эту неделю смеялся куда больше, чем за целый год.

Немного обиженная таким взрывом, Александра не отступала:

– В таком случае как же это делается? Веселые искорки, все еще переливавшиеся в его глазах, медленно растворились, едва он положил ладонь на ее щеку, нежно пригладил волосы и сдавленным хриплым голосом пообещал:

– Сегодня ночью я покажу тебе. Джордан еще не успел договорить, как экипаж свернул с дороги и въехал во двор ярко освещенной гостиницы.

Глава 10

Пламя свечей, оставленных горничной, убравшей остатки ужина, весело плясало на каминной полке и низком столике. Свернувшись на диване, обитом цветастым ситцем, и положив голову на плечо мужа, Александра еще никогда не чувствовала себя так восхитительно-уютно.

Она пригубила вино, которым Джордан настойчиво угощал ее весь последний час. Интересно, когда он собирается уйти к себе? Правда, она была не совсем уверена, что сегодня он снял отдельный номер. Когда она умывалась перед ужином, он тоже мылся в смежной комнатке, но там стояла только узкая кушетка, очевидно, предназначенная для горничной или лакея. Однако у Александры не было горничной, поскольку она могла прекрасно поухаживать за собой, а Джордан предпочитал в коротких поездках обходиться без камердинера. И поскольку слуг у них нет, а скорее всего в гостинице просто слишком много постояльцев, Джордану придется спать в соседней комнате.

В камине разгорался огонь, изгоняя прохладу весенней ночи, принося тепло и покой, и мысли Алекс невольно обратились к детям. Сегодня Джордан обещал показать, как делаются младенцы. Александра никак не могла взять в толк, почему женатые люди упорно прячут под непроницаемым покровом тайны этот, по-видимому, нелегкий способ. Но если к нему все же прибегают, должно быть, не настолько он ужасен, и английские супруги, похоже, достаточно часто пользуются им с целью увеличения населения страны. Возможно, его держат в секрете, потому что высшее общество не желает, чтобы девушки, подобные ей, которые хотели бы иметь ребенка независимо от того, успели они обзавестись мужем или нет, не смели даже думать ни о чем подобном.

«Должно быть, так оно и есть», – решила про себя девушка. С сотворения мира только мужчинам дана власть устанавливать законы и правила. Наверное, именно они постановили, что девушка «обесчещена», если родит ребенка, не выйдя предварительно замуж за одного из них. Да... это имеет смысл. Но все же... все же в теории оставались некоторые слабые места...

«Малыш, – с легкой тоскливой завистью подумала Александра, – малыш...»

Мысль о темноволосом пухлом мальчишке, сыне, которого можно прижимать к груди, укладывать спать, любить, наполнила Алекс

блаженным восторгом. Кроме того, она прочла достаточно много исторических трактатов, чтобы знать, как важен наследник мужского пола для титулованных особ, особенно таких влиятельных и могущественных, как герцоги. Внезапное осознание того, что именно ей предстоит подарить Джордану наследника, зажгло в Алекс неслыханные чувства гордости и радости.

Она скосила глаза на мужа, и сердце ее, казалось, замерло. Белая распахнутая сорочка обнажала смуглую кожу, отливавшую бронзой в отблесках огня. Сейчас Джордан с его слегка вьющимися волосами, точеным лицом и великолепным сложением как никогда походил на греческого бога.

Правда, она немного беспокоилась, что ведет себя до ужаса неприлично, лежа у него на плече и охотно отвечая на поцелуи, но, по правде говоря, против Джордана невозможно было устоять. Кроме того, он ее муж перед Богом и людьми, и вряд ли стоит делать вид, что она находит его ласки неприятными. Дедушка, очевидно, обеспокоенный теми впечатлениями, которые внучка вынесла из семейной жизни родителей, ненавязчиво, но часто объяснял, каким должен быть истинный брак.

– Люди склонны делать две ошибки там, где речь идет о женитьбе, – постоянно повторял он. – Первая ошибка – выйти замуж не за того, кто тебе предназначен. Но если все-таки тебе удастся этого избежать, не сделай второй ошибки: не пытайся отдать мужу лишь часть себя и своей любви. Только если подаришь ему безграничную любовь, он ответит тебе тем же.

Мысли Джордана, однако, были куда более практичны. В этот момент он обдумывал самый легкий способ избавить жену от одежды, не напугав при этом до полусмерти.

Александра ощутила, как губы Джордана прижались к ее макушке, и с нескрываемым удовольствием улыбнулась, но ничуть не удивилась, поскольку муж почти весь вечер . целовал ее. Однако она была немного шокирована, когда вслед за этим Джордан взял у нее из рук бокал и, рывком притянув Алекс к себе на колени, стал целовать долго и страстно. И когда он наконец поднял голову и тихим, но непререкаемым тоном велел ей отправиться за ширму в углу комнаты и там переодеться в пеньюар, она была совершенно ошеломлена.

Мысленно обшарив сундуки в поисках наименее неприличного пеньюара из всех сшитых французскими модистками для свадебного путешествия, Алекс встала и нерешительно осведомилась:

– А где собираетесь спать вы?

– С тобой, – последовал откровенный ответ. Глаза Александры

подозрительно сузились. Она инстинктивно почувствовала, что решение провести с ней ночь имеет какое-то отношение к детям, и, сама не зная почему, неожиданно сообразила, что вовсе не так сильно хочет узнать эту тайну. Не сейчас.

– А не могли бы вы снять для себя другую, такую же уютную, удобную комнату? – с надеждой предложила она.

– Для того чтобы сделать ребенка, необходимо спать в одной постели, – объяснил он невозмутимо.

– Почему? – выпалила Александра.

– Через несколько минут я покажу тебе.

– Неужели нельзя объяснить на словах? – упорствовала девушка.

У Джордана вновь вырвался странный приглушенный полустон, однако лицо его оставалось совершенно серьезным.

– Вряд ли.

Джордан наблюдал, как неохотно Алекс плетется к ширме, и наконец широко улыбнулся впервые за последние несколько минут. Она уже начинает паниковать, а ведь он ее даже не коснулся! Очевидно, женщины с самого рождения наделены неким шестым чувством, предостерегающим их, что мужчины опасны и не заслуживают доверия, особенно в тот момент, когда бедняжки лишаются защитного барьера своей обременительной одежды.

«Александра поистине полна сюрпризов», – размышлял он, задумчиво поглядывая на ширму. Образованность ученого, душа невинной девочки и разум мудреца. Достаточно смела и дерзка, чтобы вскинуть ружье и убить бандита, пытавшегося прикончить Джордана, и настолько мягкосердечна, что тут же способна лишиться сознания от потрясения. Расспрашивает об отношениях мужчины и женщины с хладнокровным любопытством исследователя, теперь же, когда настало время познать все на собственном опыте, дрожит от ужаса и пытается оттянуть роковую минуту.

Ее страх беспокоил Джордана, но не настолько, чтобы расхолодить неодолимое желание обладать ею. И хотя Александра была крайне молода по сравнению с утонченными, искушенными и чаще всего корыстными женщинами, бывшими в прошлом его любовницами, она все же считалась довольно взрослой, чтобы выносить его ребенка. Более того, он дорого заплатил за привилегию наслаждаться ее телом, заплатил своими титулом и именем.

Однако несмотря на это, с каждой секундой его страсть все больше остывала: две мысли не давали ему покоя. Во-первых, Александра не имеет ни малейшего представления о том, что он собирается сделать с ней, а

когда узнает, вероятнее всего, не только перепугается, но и станет сопротивляться. Во-вторых, даже если этого и не произойдет, Джордан не находил большого удовольствия в том, чтобы лишить невинности неопытную девочку, совершенно несведущую в тонком искусстве обольщения.

В отличие от других мужчин, гордившихся победами над девственницами, Джордан всегда предпочитал, чтобы его женщины были искушенными в любви, чувственными, готовыми на все партнершами, знавшими, как угодить ему, и принимавшими даримое им наслаждение без застенчивости и сдержанности. Тот факт, что обычно они пытались привлечь внимание Джордана из корыстных побуждений – либо завлечь завидного жениха в сети брака, либо погреться в лучах его славы и популярности, – не слишком волновал Джордана. В конце концов, он тоже требовал от них наслаждения и удовлетворения всех желаний, иначе говоря, потакание собственным прихотям и было той осью, вокруг которой вращался весь их пленительный мир.

Шорохи за ширмой стихли – по-видимому, Александра успела переодеться, но не выходит, боясь показаться в ночной сорочке.

Решив, что лучший способ успокоить ее – хладнокровно, деловито поговорить об одежде, вернее, о ее отсутствии, Джордан поднялся и прошел к буфету, намереваясь налить себе бокал вина.

– Александра, – не допускающим возражений тоном осведомился он, – тебе помочь раздеться?

– Нет, – испуганно пролепетала девушка, – я... я уже готова.

– В таком случае перестань прятаться и выходи.

– Не могу! Французенка, модистка вашей бабушки, – просто сумасшедшая! Во всем, что она сшила, – огромные дыры!

– Дыры? – в замешательстве переспросил Джордан. – Что еще за дыры?

Александра нерешительно выступила из-за ширмы, и при виде ее раскрасневшегося негодующего лица Джордан невольно взглянул на смелый глубокий вырез переливающейся атласной сорочки.

– Эта сорочка, – объявила она, обвиняющим жестом указывая на полуобнаженную грудь, – с дырой едва ли не до талии. В голубой – квадратная дыра, чуть не до половины спины. Ну а желтая хуже всех! Одна дыра на спине, другая – спереди, а сбоку разрез до колена! Французам, – мрачно добавила она, – вообще не следует давать в руки ножниц!

Джордан залился смехом, подхватил Александру на руки и зарылся лицом в душистые волосы. Плечи его неудержимо тряслись. И в этот миг

привычный цинизм, так глубоко укоренившийся в душе Джордана, стал безвозвратно рушиться.

– О, Алекс, – выдохнул он, – не могу поверить, что ты настоящая.

Поскольку девушка не чувствовала себя виноватой за непристойный покров этих дурацких одеяний, она не приняла его смех на свой счет, но торжественно предостерегла:

– Вам будет не до веселья, когда вы увидите все, за что заплатили такие деньги этой женщине!

Джордан сверхъестественным усилием воли подавил неуместное оживление, поднял голову и нежно посмотрел в обращенные к нему полные гнева глаза.

– Но почему?

– Потому, – расстроено сообщила она, – что те сорочки, в которых не вырезаны дыры, прозрачны... как стекло!

– Стек... – И Джордан опять ничего не смог с собой поделать. Погибая от хохота, он закружил Алекс по комнате, охваченный бесконечной радостью и неожиданным счастьем обладания этим искренним, чистосердечным созданием.

Он понес ее к постели, но, когда чуть разжал руки и ее ноги скользнули по его бедрам, едва задев за налитую желанием плоть, Алекс мгновенно оцепенела. Растерянная, испуганная, словно понявшая, что с ним происходит, она лихорадочно вглядывалась в Джордана.

– Что вы собираетесь со мной сделать? – запинаясь, пробормотала она.

– Любить тебя, – мягко объяснил он, намеренно не вдаваясь в подробности.

Алекс затрепетала:

– Но как?

Джордан ободряюще улыбнулся, тронутый ее страхом и невинностью, сиявшим в огромных влажных глазах.

– Я постепенно расскажу тебе, как все будет, – пообещал он, но, поняв, что ответ вряд ли удовлетворит ее, добавил:

– Проще говоря, что-то вроде зародышей будущего ребенка скрыто в моем теле, и я должен пересадить их в твое. Но никогда нельзя узнать, точно ли от этого получится ребенок. Поверь, Александра, – добавил он как можно убедительнее, предчувствуя, что многое из того, что он собирается делать, наверняка покажется ей «грешным», – между нами не может быть ничего дурного и не правильного. Люди занимаются этим в постели независимо от того, хотят они ребенка или нет.

– Правда? – прошептала она с душераздирающей доверчивостью. –

Почему?

Джордан, спрятав улыбку, стал развязывать атласный бант у нее на груди.

– Потому что им это приятно... доставляет удовольствие, – просто ответил он, положил ей руки на плечи, и, прежде чем Александра поняла, что он задумал, сорочка скользнула по обнажившемуся телу и легла у ног сверкающим облаком. Джордан невольно затаил дыхание, пораженный неожиданной красотой этого юного существа. При такой худенькой фигурке груди оказались поразительно полными, талия – узенькой, ноги – длинными и стройными.

Александра, застыв от ужаса и стыда под взглядом мужа, упорно смотрела в пол и лишь тихо облегченно вздохнула, когда Джордан поднял ее и уложил на кровать. Торопливо спрятавшись за столь ненадежным прикрытием, как простыня, Александра подтянула ее до самого носа и поспешно отвернулась, как только Джордан стал раздеваться. При этом она настойчиво и безуспешно напоминала себе, что женщины испокон веков рожают детей и нет ничего странного или уродливого в том, что собирается сделать с ней Джордан. Кроме того, ее прямой долг – подарить ему наследника, и она решительно отказывается начинать семейную жизнь с того, чтобы уклоняться от исполнения этого долга.

Однако несмотря на все благие намерения, как только он лег рядом и наклонился над Александрой, ее сердце словно обезумело.

– Ч-что вы хотите? – пролепетала она, не в силах отвести взгляд от загорелой мускулистой груди.

Джордан осторожно приподнял ее подбородок, вынуждая встретиться с ним глазами.

– Для начала я собираюсь поцеловать тебя и прижать к себе, – пояснил он вкрадчивым, мягким, словно бархат, голосом. – И ласкать. Позже... позже мне придется причинить тебе боль, но всего лишь на минуту, на одну минуту, – пообещал он, чтобы Александра не страшилась заранее рокового мгновения.

Глаза девушки тревожно распахнулись, но в следующем вопросе прозвучала такая неподдельная тревога за него, что в душе Джордана что-то шевельнулось. – Вам тоже будет больно? – Нет.

Девушка, которая, по мнению Джордана, должна бы сопротивляться, стараясь оттолкнуть его, улыбнулась дрожащими губами и застенчиво дотронулась до его загорелой щеки.

– Как хорошо, – шепнула она. – Я не хотела бы, чтобы вам было плохо. Огромный комочек нежности и желания подкатил к горлу Джордана.

Наклонив голову, он припал к розовому ротику в жгучем, огненном поцелуе, не в силах насытиться нежными губами. Заставляя себя не торопиться, он чуть ослабил объятия, легонько поглаживая стройную шею и дразняще проводя языком по ее губам, и не успела девушка Ответить на молчаливый призыв, как язык Джордана скользнул через преграду зубов и встретился в чувственном танце с ее языком. Пальцы властно сжали ее затылок.

Ведомая неким инстинктом и наслаждением, бурлившим в крови, Александра чуть припала к нему, и сильные руки обвились вокруг нее, прижимая к отвердевшим чреслам. Стальная плоть дерзко вдавливалась в живот, и испуганная девушка попыталась отстраниться, но Джордан тут же успокаивающе погладил ее по спине и осторожно привлек к себе. Алекс затихла, но когда его ладонь снова легла ей на грудь, нервно вскинулась, сжимаясь от его прикосновения. Джордан неохотно отодвинулся, поднял голову и взглянул на девушку, бережно обводя большим пальцем контуры ее лица.

– Не бойся меня, милая.

Александра поколебалась, пристально вглядываясь в мужа, и Джордана почему-то пронзила сверхъестественная уверенность, что она проникает взором прямо в глубины его души. Однако то, что она там увидела, заставило ее тихо но твердо заявить:

– Вы никогда не сделаете того, что пошло бы мне во зло, я знаю. Хотя внешне вы кажетесь жестоким, прекраснее вас нет на свете человека.

Ее слова задели неведомые струны в сердце Джордана. Он с тихим стоном впился в ее губы неожиданно голодным поцелуем. На сей раз она не осталась, безучастной. Алекс судорожно прижала Джордана к себе, и тот, не отрывая губ, провел ладонью по ее плечу, по руке, а затем вверх, сжимая ее груди, обводя соски кончиком пальца, чувствуя, как острые вершинки твердеют и колют ладонь. Джордан стал осыпать поцелуями ее виски, глаза, щеки, игриво прикусил шею, но стоило ему коснуться кончиком языка чувствительного ушка, как Александра немедленно прильнула к нему и застонала от сладостного томления, ногтями впиваясь ему в спину.

Быстро проведя губами по ее щеке, Джордан принялся целовать налитые полушария, вбирая закаменевшие соски в рот, дразня их языком, безмолвно умоляя отдаться. Ее пальцы запутались в шевелюре Джордана, прижимая его голову к белоснежной груди, когда он начал с силой сосать розовую ягодку, и Алекс, охнув, стала бессознательно извиваться. Он припал губами к плоскому животу, лаская нежные шелковистые бедра, и

только потом поднял голову.

Опьяненная происходящим, Александра ошеломленно смотрела в его пылающие глаза, чувствуя, как он терпелив с ней, но не подозревая о том, сколько приобретенного годами опыта потребовалось Джордану, чтобы заставить ее тело вспыхнуть под его ласками.

Она сознавала лишь, что умирает от любви и что хочет... должна подарить ему такое же восхитительное наслаждение, какое он дарит ей. И когда Джордан медленно приблизил чувственные губы к ее рту и прошептал: «Поцелуй меня, дорогая!» – иного приглашения Александре не потребовалось. Девушка была преисполнена твердой уверенности: все, что так чудесно для нее, станет таким же чудом для Джордана. И Алекс, сама того не понимая, обратила всю несокрушимую силу его искусства обольщения на самого Джордана: целовала его с таким безграничным пылом, в точности как целовал ее он сам, настойчиво проводя языком по его губам, побуждая их приоткрыться и проникая в рот с такой будоражащей притягательностью, что Джордан тихо застонал.

Под нежным натиском ее губ он откинулся на подушки, и Александра оказалась сверху, покрывая его лицо легкими возбуждающими поцелуями. Маленькая ручка погладила поросль темных волос на груди, чуть касаясь сосков; язык лизнул щеку и дерзко обвел раковину его уха. Под ее ладонью глухо, бешено колотилось его сердце, с каждым мгновением убыстряя свой ритм.

Ободренная, Александра припала губами к тому месту, где только что была ее рука, осыпая поцелуями его грудь. Когда она шаловливо сжала зубами его сосок, Джордан, задохнувшись, резко дернулся.

Его кожа была совсем как плотный атлас, и Александра наслаждалась ее вкусом, с безумной радостью замечая, как судорожно он вцепился ей в волосы, когда она стала посасывать сосок. Но как только она сползла ниже, лаская губами его живот, Джордан, издав непонятный звук, поспешно подтянул ее наверх, уложил на спину и приподнялся над ней.

Страсть сжигала каждую частичку его тела, и Джордан недоумевал, в какую минуту он превратился из охотника в добычу. Он сознавал только, что эта чарующая девочка, которую он пытался обучить радостям любви, вдруг превратилась в ослепительно неотразимую соблазнительницу, намеренно сводящую его с ума, заставляющую потерять голову от неудовлетворенного желания.

Он грубо раздвинул ее губы своими; рука медленно поползла по бедрам и животу и наконец замерла на треугольнике волос. Александра мгновенно оцепенела и, сдвинув ноги, энергично затрясла головой.

Джордан, почти лишившийся остатков воли, все-таки заставил свою руку лежать спокойно и поднял голову, глядя ей в глаза.

– Доверься мне, дорогая, – умоляюще прошептал он, начав нежно, но неустанно ласкать самое чувствительное местечко, скрытое складками плоти. Пальцы нырнули во влажное тепло в поисках наслаждения. – Не бойся.

После минутного колебания Александра обмякла, и ее бедра раскрылись словно сами собой.

Всего этого Джордан ожидал и знал, что она начнет отбиваться, как только ласки станут слишком интимными. Но Алекс дарила себя безоглядно, безудержно, презрев оковы страха, и ни на секунду не сомневалась в муже.

Волна нежности к этой невинной соблазнительнице с колдовскими глазами нахлынула на него, растопив лед в сердце. Никогда еще ему не отдавались с такой чистой, незамутненной любовью, так безрассудно-пылко.

Девушка закрыла глаза, спрятав пылающее лицо у него на груди, пока его пальцы играли с крохотным холмиком, готовя его к вторжению.

Наконец Джордан, не в силах противиться огненному желанию и страшась мысли о том, что должен причинить Александре боль, лег на нее и, опираясь на локти, бережно сжал ладонями ее щеки. Пульсирующая плоть почти касалась пока еще сомкнутых лепестков.

– Алекс, – гортанно пробормотал он удивительно робко даже для самого себя. Длинные ресницы затрепетали, и Джордан понял: она уже все знает. Девушка часто и неглубоко дышала, но, вместо того чтобы зажмуриться, она не отрывала от мужа взгляда, словно пытаясь найти утешение и ободрение у того человека, который должен был вот-вот ранить ее. Медленно двигая бедрами, Джордан с каждым толчком проникал чуть глубже в тесную расселину, пока не дошел до тонкой преграды, но, пытаясь осторожно проникнуть сквозь нее, понял, что потерпел неудачу. Последняя надежда на то, что он сумеет избавить Александру от ненужных мук, оказалась напрасной.

– Прости, дорогая, – прерывисто прошептал он и, прижав ее к постели, рывком вошел в несопротивляющееся тело. Алекс инстинктивно рванулась и тихо вскрикнула, но ни разу не оттолкнула его. Вместо этого она позволила ему держать ее в объятиях и шептать ласковые слова.

Поспешно сглотив слезы, девушка широко открыла мокрые глаза, пораженная тем, что резкая боль начинает стихать. Красивое лицо Джордана потемнело от страсти, и, встретив полный сожаления взгляд, она

крепко обняла мужа.

– Все было не так уж и плохо, – заверила Алекс нерешительно.

Боже, она еще старается утешить его! Этого Джордан уже вынести не смог. Непроступная стена цинизма, равнодушия и холодной сдержанности, окружавшая его много лет, дала трещину и рухнула, смываемая приливной волной истинной страсти, бушующей в нем. С невероятной осторожностью Джордан задвигался, то глубоко входя в нее, то отстраняясь, не отрывая глаз от прелестного раскрасневшегося личика, особенно когда Алекс интуитивно нашла нужный ритм и начала отвечать на каждый толчок.

Не сознавая, что оставляет у него на спине кровавые борозды, она сливалась с ним в древнем как мир чувственном танце, подчиняясь требовательному вторжению, пока где-то внизу живота не стало нарастать безумное, буйное возбуждение, разрывающее ее тело кинжальными ударами желания.

– Не противься, дорогая, – глухо пробормотал Джордан, дрожа от напряжения и от необходимости сдерживать сладостное освобождение, – Пусть это произойдет.

Невероятное, немыслимое блаженство словно обдало Александру жидким пламенем. Она содрогнулась в мучительных спазмах, с губ сорвался пронзительный крик. В это же мгновение Джордан неистово ворвался в нее, изливаясь в жаркие глубины с силой, снова и снова подбрасывающей его тело. Конвульсии экстаза все еще сотрясали Джордана, когда он осторожно приподнялся и лег на бок, увлекая за собой Александру. Тела их по-прежнему оставались соединенными.

Девушка медленно выплыла из сладостного забытья. До этой минуты она не представляла, что можно так любить и быть любимой. Даже сейчас, покаясь в его объятиях, она все еще чувствовала жгучие, буйные ласки и безумие томительных поцелуев.

Почти с того мгновения, как Джордан лег рядом. Алекс поняла, что она необходима мужу, но не знала, чего именно он хочет от нее. Теперь все открылось. Он желал этого шквала чистого, незамутненного наслаждения и стремился, чтобы она тоже испытала это. Гордость и радость пронизали Александру при одной мысли, что она оказалась в состоянии дать ему все, смогла заставить трепетать это сильнее тело, наполнить его восторгом обретенного блаженства.

Ей не пришло в голову стыдиться собственной раскованности, с которой она возвращала страсть Джордану. Любить означает отдавать все, ничего не утаивая, вверять себя другому человеку и принимать на себя ответственность за его счастье. И сегодня она этого добилась.

Алекс вспомнила о детях. Она никогда не понимала раньше, почему у людей рождаются подчас нежеланные дети. Вероятно, дело в том, что они не могут удержаться от того, чтобы снова и снова не проводить ночи в объятиях друг друга.

Джордан слегка пошевелился и приподнял голову, нежно глядя на жену. В неярком свете чистота ее лица была ошеломляющей. Не правдоподобно длинные ресницы, лежащие веерами на гладких щеках, высокие скулы, чуть порозовевшая кожа... В эту минуту она выглядела хрупкой, невинной и такой прекрасной! Он намеревался приобщить ее к страсти, но вместо этого она научила его бескорыстно, безудержно отдаваться возлюбленному. Сама невинность и пылкость, ни капли расчетливости и хитрости, доверчивая, искренняя и сладостная. Прирожденная искушительница.

Слабая улыбка тронула губы Джордана. Наконец-то он нашел в себе силы признать, что она использовала его собственные приемы, отвечая на его ласки. Но при этом добавила нечто новое, неуловимое и глубоко трогательное. Нечто заставляющее его чувствовать себя гордым и одновременно смиренным, счастливым обладателем и все-таки недостойным этой девочки. Но почему ему вдруг стало так неловко?

Гадая, заснула ли уже Алекс, Джордан легко прикоснулся губами ко лбу жены и, прошептав ее имя, поднял руку, чтобы отвести со лба растрепавшиеся локоны. Глаза Алекс раскрылись, и от увиденного в их мерцающих глубинах рука Джордана замерла и внезапно задрожала: он узрел то же самое, что вызывало озноб во всем теле, стоило ей коснуться его.

Вся любовь Вселенной сияла в этих бездонных очах.

– О Боже, – хрипло прошептал он.

Уже под утро, когда он овладел ею второй раз, Джордан долго держал жену в объятиях, пристально уставясь на догорающие свечи, не в силах избавиться от ревности собственника, снова и снова терзавшей душу ядовитыми уколами.

– Александра, – предупредил он куда более мрачно, чем намеревался, – никогда не слушай мужчину, который попросит довериться ему, особенно если в этот момент на тебе не окажется одежды.

Александра удивленно нахмурилась:

– Скольких мужчин, по-вашему, я должна принимать в таком виде, милорд?

– Ни одного, – наставительно сказал он. – Я пошутил. – И уклончиво пояснил:

– Вообще слишком глупо полагаться на людей. Они могут оскорбить и ранить тебя.

Александра мгновенно стала серьезной:

– Но в таком случае я сама причиню себе боль. Неужели вы не верите людям?

– Далеко не всем и не во всем.

Александра нежно провела пальчиком по его четко очерченным губам.

– Если это действительно так, – заявила она со смесью мудрости и наивности, которые столь обезоруживали Джордана, – вас никто никогда не разочарует. Но вы также лишаете себя возможности быть счастливым. Александра еще теснее прильнула к мужу, задумчиво обвела контуры его лица, не сознавая, что этот простой жест зажег в нем новую искру желания.

– Вы прекрасны, нежны, мудры и сильны, – шепнула она, наблюдая, как темнеют его глаза от ее ласк. – Но вам следует научиться доверять людям, особенно мне; без этого любовь не выживет, а я люблю в...

Джордан завладел ее губами в исступленном поцелуе, не дав договорить, и унес ее с собой в звездный волшебный мир, где не существовало ничего, кроме буйной красоты их слияния.

Глава 11

Следующим вечером они прибыли в Лондон, и, пока Джордан отправился на деловое свидание, кучер провез Александру по лондонским улицам, после чего она твердо убедилась, что на земле нет города лучше и красивее.

Солнце медленно опускалось в темнеющее на горизонте море, когда еще день спустя они наконец оказались на борту корабля. Александра с жадным восторгом упивалась звуками и запахами большого порта, наблюдая, как грузчики деловито снуют по сходням, сгибаясь под тяжестью огромных ящиков и мешков. Могучие военные суда с высокими прямыми мачтами принимали в трюмы провизию, готовые присоединиться к другим таким же кораблям, участвующим в блокаде Американского континента, или продолжать битвы с французами на морях. Широкоплечие, коренастые матросы гуляли по пристани, обнимая нарумяненных женщин в платьях, по сравнению с которыми; пеньюары Александры казались верхом скромности.

Капитан «Фейр Уиндз» лично приветствовал именитую чету и предложил им «разделить простой ужин» в его каюте. «Простой ужин» состоял из четырнадцати блюд, причем к каждому подавалось особое вино. Оживленная беседа, однако, касалась в основном войн с Францией и Америкой. Когда Алекс в Моршеме читала о кровавых сухопутных битвах с армиями Наполеона и сражениях на море, все они представлялись чем-то далеким и нереальным. Теперь же при виде стольких военных кораблей Александра поняла, что война – вещь вполне осязаемая и пугающая.

К тому времени, как Джордан проводил жену в каюту, она по настоянию капитана успела выпить столько вина, что голова кружилась, а глаза сами собой закрывались. Саквояжи уже стояли в каюте, и Александра лучезарно улыбнулась, гадая, собирается ли муж и сегодня делить с ней постель. Вернувшись со своего загадочного делового свидания, он все это время держался немного отчужденно и, когда они наконец прибыли в гостиницу, не сделал попытки овладеть ею, хотя поцеловал на ночь и держал в объятиях, пока Алекс не уснула.

– Могу я заменить на сегодня горничную? – осведомился Джордан и, не дожидаясь ответа, повернул Алекс спиной к себе и стал расстегивать длинный ряд обтянутых розовым шелком пуговиц.

– Это лодка качается? – спросила девушка, хватаясь за маленький

столик.

– Не лодка, а корабль, – весело усмехнулся Джордан, – и не он, а ты качаешься, любовь моя. Боюсь, это последствия печального злоупотребления вином за ужином.

– Но капитан упросил меня попробовать каждое. Он такой милый, – запротестовала Александра, довольная собой и всем миром в целом.

– Посмотрим, что ты скажешь завтра, когда проснешься, – предупредил Джордан. Он послушно отвернулся, пока она раздевалась, а потом уложил жену в постель и подоткнул простыню.

– Милорд, – спросила она, – вы тоже ложитесь? Неужели она навечно обречена обращаться к нему «ваша светлость» и «милорд»? Ей так хотелось бы назвать мужа по имени! Но вдовствующая герцогиня строго-настрого запретила подобную вольность, если только муж не даст ей на это разрешения. Но ему, по-видимому, подобное в голову не приходило.

– Я немного подышу воздухом на палубе, – ответил он, доставая пистолет из кармана редингота и засовывая его за пояс.

Не успел он подняться на верхнюю палубу, как Александра уже спала. Джордан подошел к поручню, вынул тонкую сигару и задумчиво уставился вдаль, пытаясь решить, что делать с Александрой. После стольких лет необременительных связей с пустыми, ограниченными, корыстными, хотя красивыми и искушенными, дамами он считал, что имеет полное право на основании собственного печального опыта судить о всех женщинах. И вот теперь женился на благородной, умной, искренней и бескорыстной девочке.

И не знает, как поступить с ней.

Александра вбила себе в голову дурацкое, совершенно донкихотское убеждение, что ее муж благороден, нежен и «прекрасен». И ей, конечно, не втолковать, что на самом деле Джордан циничен и пресыщен. За свою не слишком долгую жизнь он убил бесчисленное множество мужчин и делил постель с женщинами, имена которых трудно припомнить и пересчитать.

Александра исповедует искренность, доверие и любовь и твердо намерена обратить его в свою веру. Но Джордан не желал иметь ничего общего с ее верой.

Алекс была неисправимой мечтательницей, он – безнадежным реалистом. Подумать только, она постоянно ждет, что вот-вот случится «нечто чудесное», и это совершенно неудивительно – недаром она твердит, будто мокрая земля благоухает, как дорогие духи...

Александра желает, чтобы он увидел мир ее глазами, глазами неиспорченного, милого, умного ребенка, но для этого слишком поздно. Все, что он попытается сделать, – как можно дольше ограждать ее от

ужасов и грязи окружающей действительности. Но он не хочет и не может жить с ней в зачарованном королевстве. В Девоне она окажется в безопасности от разлагающего влияния высшего света, от пороков и продажности его мира, мира, в котором Джордан прекрасно ориентировался, был свободен от таких ненужных вещей, как любовь и доверие, и где от него не требовали обнажать сокровенные мысли и чувства...

Джордан с тоской подумал о том, какая обида и боль застынут в ее глазах, когда Александра поймет, что он не собирается остаться с ней в Девоне, но ничего не поделать. Он должен вернуться к привычной жизни.

Перед ним расстилались воды Ла-Манша; на чернильно-темной поверхности пролегла лунная дорожка. Джордан выбросил сигару за борт и тут же вспомнил, что это последняя. Он оставил золотой портсигар вчера ночью в лондонском доме Элиз.

Измученный долгими часами, проведенными в тесном экипаже, и бесплодными попытками решить, как поступить с Александрой, он отвернулся от поручня и посмотрел в сторону причала, туда, где светились огоньки таверн и пьяные матросы торговались с такими же нетрезвыми шлюхами.

Он не успел увидеть еще двоих, поспешно нырнувших в темноту и припавших к земле за огромными бухтами свернутых канатов.

Понадеявшись, что сумеет купить сигары в ближайшей таверне, Джордан направился к сходням. Две тени появились из-за канатов и последовали за ним, не приближаясь. Выжидая чего-то.

Джордан знал, что разгуливать здесь по ночам опасно – особенно теперь, когда пристань кишит вербовщиками, нападающими на зазевавшихся и неосторожных одиночек. Оглушив ничего не подозревающую жертву, они тащили бесчувственного беднягу на одно из военных судов Его Величества, где тот, очнувшись, обнаруживал, что удостоен сомнительной чести стать матросом на несколько месяцев или лет, в зависимости от того, когда корабль вернется в родной порт. Однако Джордан был вооружен и не заметил никого подозрительного, кроме подвыпивших гуляк. Недаром он смог выжить в кровавых сражениях – так чего ему бояться на коротком отрезке пути от сходней до таверны?

– Не спеши, дурень, пусть спустится на причал, – прошептала одна тень другой, и обе бесшумно скользнули вслед за Джорданом.

– Какого черта мы тянем? – прошипела другая, пока обе маячили во мраке под окнами таверны. – Всего-то и надо – врезать ему по башке да швырнуть в воду, а это было бы куда проще, пока он прохлаждался на

палубе.

Сообщник язвительно ухмыльнулся:

– Я придумал кое-что получше – и труд невелик, и денег побольше.

Из таверны показался Джордан. Три толстые сигары из дешевого табака были засунуты во внутренний карман редингота. Вряд ли ему когда-нибудь захочется их выкурить!

Тени за спиной подвинулись ближе; громко скрипнула доска. Джордан насторожился и, не замедляя шага, потянулся за пистолетом. Но прежде чем пальцы коснулись рукоятки, в голове острыми осколками взорвалась мучительная боль, и темная пропасть забытья поглотила его. Джордан увидел себя в длинном тоннеле и медленно поплыл – полетел к приветливому, зовущему свету, мерцающему в самом конце.

Александра проснулась на рассвете под крики и топот матросов, готовивших судно к отплытию. Несмотря на то что в голове гудело, а ноги отказывались повиноваться, ей очень хотелось подняться на палубу и своими глазами увидеть, как поднимут якорь и корабль отойдет от пристани.

Алекс надела новое платье и завернулась в накидку из мягкой сиреневой шерсти. Джордан, должно быть, уже встал и покинул каюту.

Розовато-серые полосы окрасили горизонт к тому времени, как Александра появилась на палубе. Вокруг нее сновали матросы, разматывая канаты и карабкаясь на ванты. Прямо перед ней возник первый помощник. Стоя спиной к Александре и широко расставив ноги, он громко выкрикивал команды матросам, взбиравшимся на мачты. Александра поискала глазами мужа, но, кроме нее, на палубе не было ни одного пассажира. Вчера за ужином она слышала, как Джордан говорил капитану Фарадею, что всегда старается быть на палубе во время отплытия.

Решительно подхватив юбки, Александра направилась к капитану.

– Капитан Фарадей, вы случайно не видели моего мужа? – Заметив, как нетерпеливо поморщился капитан, она попыталась объяснить:

– Его нет ни в каюте, ни на палубе. Есть ли еще какое-нибудь место на корабле, где он может находиться?

– Вряд ли, ваша светлость, – рассеянно пробормотал он, не отводя глаз от быстро розовеющего неба. – Прошу простить, у меня дела...

Недоумевающая Александра вернулась в каюту и растерянно огляделась, пытаясь подавить тревогу, которая с каждой минутой все сильнее овладевала ею. Решив, что Джордан, вероятно, вздумал прогуляться по причалу, она взяла со стула его небрежно брошенное

пальто, аккуратно повесила в шкаф и потерлась щекой о мягкую ткань, вдыхая слабый запахпряного одеколона. Джордан не привык обходиться без камердинера, и она с радостью заменит ему всех слуг мира.

Отойдя от шкафа, Александра поискала синий редингот, который надел Джордан, прежде – чем выйти ночью на палубу. Ни редингота, ни остальной одежды в каюте не было.

При всем сочувствии к волнению ее светлости капитан Фарадей, однако, не собирался пропустить утренний прилив и в недвусмысленных, хотя и вежливых, выражениях постарался довести это до сведения бледной как смерть девушки. Ужасное предчувствие сжимало сердце Александры, пронизывало холодным ознобом, но она догадывалась, что никакие мольбы не подействуют на стоявшего перед ней человека.

– Капитан Фарадей, – произнесла она, гордо выпрямившись и подражая манерам и непререкаемому тону вдовствующей герцогини, – если мой муж лежит сейчас раненный где-то на судне, вина падет на вашу голову не только за случившееся, но и за то, что вы поспешили вывести корабль в море, не позаботившись отыскать его светлость и отвезти к доктору. Кроме того, – добавила Алекс, стараясь, чтобы голос не дрожал, – если я верно поняла сказанное вчера мужем, он владелец части компании, которой принадлежит судно.

Глава 12

Капитан Фарадей и первый помощник, оба в парадной форме, стояли навытяжку на опустевшей палубе «Фейр Уиндз», наблюдая, как к сходням медленно подкатывает черная дорожная карета.

– Это она? – неверяще охнул помощник при виде стройной, прямой как палка дамы, неторопливо поднимавшейся по сходням под руку с сэром Джорджем Брэдберном, одним из самых значительных людей в военноморском министерстве. – Вы хотите сказать, что эта Седая старуха достаточно влиятельна, чтобы заставить министра задержать отплытие? Только для того, чтобы приехать и выслушать все, что мы можем сказать?

В дверь каюты постучали, и Александра подпрыгнула от неожиданности. Сердце заколотилось от страха и надежды, как все последние пять дней, но на пороге стоял не герцог, а его бабка, которую Алекс не видела со дня свадьбы.

– Никаких известий? – с отчаянием прошептала девушка, слишком удрученная, чтобы приветствовать ее светлость как полагается.

– Капитан и первый помощник ничего не знают, – коротко бросила герцогиня. – Пойдемте со мной.

– Нет! – Готовая вот-вот поддаться истерике, одолевавшей ее все это время, Александра гневно затрясла головой и отпрянула в дальний угол. – Он хотел бы, чтобы я осталась...

Герцогиня выпрямилась и с царственным пренебрежением взглянула на бледную, измученную девочку.

– Мой внук, – ледяным тоном сообщила она, – вправе ожидать, что вы будете вести себя с достоинством и самообладанием, подобающими его жене, герцогине Хоторн.

Александра пошатнулась, словно ее наотмашь ударили по лицу, но резкие слова мгновенно возымели действие – она немного пришла в себя и поняла, что пожилая леди права. Джордан хотел бы ее видеть именно такой. Пытаясь справиться с нарастающей паникой, Александра схватила щенка и на ватных ногах направилась к экипажу вместе с герцогиней и сэром Джорджем Брэдберном. Однако не успел кучер подхватить ее под руку и усадить в карету, как Александра отпрянула, в последний раз лихорадочно оглядывая бесконечные ряды складов и таверн, выстроившихся вдоль причала. Где-то там ее муж. Больной или раненый. Мозг отказывался допускать какую-то иную возможность.

Много часов спустя, когда экипаж наконец въехал на оживленные лондонские улицы, Александра подняла пустой взгляд на герцогиню, которая по-прежнему прямо, не меняя позы, сидела все это время напротив нее с таким бесстрастным видом, что Александра невольно задалась вопросом: да способна ли эта женщина вообще на какие-либо чувства?!

В гробовой тишине хриплый шепот девушки прозвучал как выстрел:

– Куда мы едем?

После нарочито длинной паузы, в продолжение которой стало совершенно ясно, что герцогиня терпеть не может объяснять кому-то свои намерения, она наконец соизволила ответить:

– В мой городской дом. Рамзи уже прибыл туда с небольшим штатом слуг, которым приказано держать гардины опущенными и объявлять всем визитерам, что мы в Роузмиде. Известие об исчезновении моего внука уже успело попасть в газеты, и я не имею ни малейшего желания подвергаться набегам любопытных, жаждущих узнать подробности.

Непререкаемый тон герцогини, очевидно, вызвал прилив сострадания в министре, лорде Брэдберне, поскольку тот впервые за всю поездку прервал молчание и попытался немного ободрить Александру.

– Мы переворачиваем небо и землю в поисках Хоторна, – мягко пояснил он. – Сотня сыщиков с Боу-стрит, вооруженные официальным предписанием, обшаривают причалы, а семейство Хоторн наняло еще столько же детективов с инструкциями любым путем добыть хоть какие-то сведения. Требований о выкупе не поступало, поэтому мы не думаем, что герцога похитили с этой целью.

Сияясь сдержать слезы, которых старуха, несомненно, не одобрила бы, Александра отважилась задать вопрос, ответ на который так боялась услышать:

– Каковы шансы найти его?.. – Голос девушки замер. Она не смогла заставить себя выговорить слово «живым».

– Я... – Министр колебался. – Я не знаю. По его виду было понятно, что шансы не особенно велики, и непослушные слезы все-таки затуманили глаза Александры. Она поскорее опустила голову и прижалась щекой К мягкой шерстке Генри, стараясь сглотнуть болезненный ком, сдавивший горло.

Еще четыре бесконечных дня Александра прожила в одном доме с герцогиней, упорно обращавшейся с ней так, словно она была невидимкой, и отказывавшейся разговаривать и даже смотреть на девушку. На пятый день, стоя у окна спальни, Александра увидела выходящего из дома сэра Джорджа. Слишком взволнованная, чтобы выждать хотя бы минуту, она

ринулась в гостиную, где обычно проводила время старая дама.

– Я видела, как уезжал министр! Что он сказал?! Герцогиня, явно недовольная бесцеремонным вторжением Александры, чуть свела брови.

– Визиты сэра Джорджа вас не касаются, – сдержанно ответила старуха и отвернулась, без слов давая понять, что приход молодой герцогини неуместен.

Однако эта грубость оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения Алекс. Стиснув кулаки и дрожа от ярости и бессильного отчаяния, девушка объявила:

– Несмотря на все, что вы думаете обо мне, я не безмозглая пустышка, мадам, и для меня важнее мужа нет никого в жизни. Вы не можете, не должны ничего скрывать от меня!

Герцогиня по-прежнему продолжала взирать на нее в ледяном молчании, и гнев Александры сменился мольбами.

– Поверьте, будет гораздо милосерднее сказать правду, чем скрывать ее от меня. Я не могу вынести неизвестности. Пожалуйста, не мучьте меня. Я не опозорю вас истерикой... Когда умер отец и мама не хотела больше жить я в четырнадцать лет взяла на себя дом и хозяйство. А когда скончался дедушка, я...

– Никаких новостей! – рявкнула герцогиня. – Когда я что-то узнаю, то велю довести до вашего сведения. – Но прошло столько, времени! – выпалила Александра. Пылающий презрением, взгляд старухи пригвоздил ее к месту.

– Вижу, актриса вы весьма способная, невзирая на молодость! Однако перестаньте волноваться за свое благополучие. Между вашей заботливой маменькой и моим внуком был заключен брачный контракт, который позволит ей жить в роскоши до конца дней своих. Она получила столько денег, что вполне может поделиться с вами.

Александра оцепенела, раскрыв рот. Ей и в голову не приходило, что герцогиня решит, будто она беспокоится о своем будущем, а не о муже, который именно в эту минуту, возможно, лежит мертвый на дне Ла-Манша!

Онемев от ярости, Александра с трудом расслышала последние уничтожающие слова герцогини:

– Убирайтесь с глаз моих! Больше ни минуты не желаю выносить вашей ханжеской физиономии и притворной тревоги за жизнь моего внука! Вы едва знали его! Как он мог что-то для вас значить?

– Да как вы смеете? – вскрикнула наконец Александра. – Как смеете сидеть здесь и говорить мне все это? Вы... Вам не понять, что я испытываю к нему, потому что вы отроду лишены каких бы то ни было чувств! Но даже

если это и не так, все равно вы слишком... слишком стары, чтобы помнить, что такое любовь!

Герцогиня медленно поднялась, угрожающе нависнув над Александрой, но девушка была близка к истерике, и ничто на свете не помешало бы ей продолжать бросаться бессмысленными обвинениями.

– Вы представить не можете, что такое для меня его улыбка и смех! И не знаете, что я переживаю, глядя в его глаза...

Громкое рыдание вырвалось из груди Александры, и слезы полились по бледным щекам.

– Мне не нужны его деньги... Я только хочу смотреть в его глаза и видеть, как он мне улыбается.

К ужасу девушки, колени ее внезапно подкосились, и она рухнула на пол у ног герцогини.

– Только бы увидеть его прекрасные глаза, – прерывисто всхлипнула она.

Герцогиня, казалось, чуть поколебалась, но все же гордо повернулась и вышла из комнаты, оставив Александру в одиночестве оплакивать боль потери.

Десять минут спустя в комнате появился Рамзи с серебряным чайным подносом.

– Ее светлость сказали, что вы ослабели от голода и нуждаетесь в подкреплении, – объявил он.

Александра все еще сидела на полу, закрыв лицо руками. Выслушав дворецкого, она с трудом подняла голову и смущенно вытерла слезы.

– Пожалуйста, унесите это. Меня раздражает запах еды. Однако Рамзи, неуклонно следуя приказам герцогини и не обращая внимания на протесты девушки, поставил поднос на стол и выпрямился. Впервые за все время, что Александра его знала, слуга выглядел растерянным и нерешительным.

– Поверьте, в мои намерения не входит распускать сплетни, – помолчав, сдержанно начал он, – но камеристка ее светлости сообщила, что ее светлость вот уже пятый день почти ничего в рот не берет. Горничная только сейчас принесла для леди Хоторн обед в малую столовую. Возможно, если бы вы предложили пообедать с ней, то смогли бы убедить ее светлость немного поесть.

– Эта женщина не нуждается в пище, – пробормотала Александра, неохотно вставая. – Она не похожа на простых смертных.

Холодное лицо Рамзи стало положительно каменным.

– Я прослужил у леди Хоторн сорок лет! Моя глубочайшая тревога за нее привела меня к ошибочному заключению, что вы тоже испытываете к

ней некоторое сострадание, поскольку стали членом этой семьи. Прошу простить меня за неверное суждение.

Он принужденно поклонился и вышел, оставив совершенно сбитую с толку Александру терзаться угрызениями совести. Очевидно, Рамзи был предан герцогине, хотя девушка прекрасно знала отношение последней к слугам. В Роузмиде она дважды получила строгий выговор от герцогини за «сплетни со слугами», хотя Алекс всего лишь спросила у Рамзи, женат ли он, а у горничной – есть ли у той дети. Но герцогиня считала любые разговоры с прислугой непозволительной вольностью, попыткой обращаться с ними как с равными, а это, как запомнила Александра из уничтожающе-язвительной лекции герцогини, просто неприлично. Однако, несмотря на все это, Рамзи, очевидно, волнуется за герцогиню, а стало быть, в душе старухи царят не только гордость и высокомерие. Это предположение потянуло за собой другое, и Александра в изумлении уставилась на поднос, гадая, уж не хотела ли этим герцогиня показать, что предлагает перемирие? Еще пять минут назад она не выказывала ни малейшего интереса к тому, поела ли Александра. С другой стороны, поднос может служить недвусмысленным напоминанием Александре поскорее взять себя в руки.

Девушка прикусила губу. В ушах зловещим громом отдавались слова Рамзи. Пять дней... герцогиня ни крошки не взяла в рот. Александра тоже отсылала еду нетронутой, но она молода, сильна и здорова.

Сердце девушки смягчилось еще больше, когда ей пришлось в голову, что если герцогиня не может есть, значит, расстроена гораздо сильнее, чем хочет показать.

Александра с тяжелым вздохом пригладила волосы и решила, что герцогиня все-таки собиралась предложить мир. Девушка не могла вынести мысли о том, какая тяжесть лежит на душе у семидесятилетней женщины.

Через полуоткрытую дверь голубой гостиной Александра увидела герцогиню, сидевшую на стуле с высокой спинкой и смотревшую на огонь. Даже сейчас герцогиня казалась неприступно-грозной, однако что-то в ее застывших чертах напоминало Александре мучительные страдания ее матери сразу же после кончины отца, еще до появления второй жены превратившего скорбь миссис Лоренс в ненависть.

Девушка тихо ступила в комнату. Ее тень упала на герцогиню; та резко вскинула голову и тут же отвернулась, но Александра успела заметить подозрительно блестящие глаза.

– Ваша светлость, – робко окликнула девушка, шагнув вперед.

– Я не давала вам позволения вторгаться сюда, – бросила герцогиня, но

на этот раз Александра не позволила себе обмануться резким тоном. Тем же успокаивающим голосом, которым обычно говорила с матерью, она подтвердила:

– Нет, мадам, конечно, не давали.

– Убирайтесь.

Побежденная, но не сдавшаяся, Александра, однако, упрямо возразила:

– Я не останусь надолго. Просто хотела извиниться за все то, что наговорила сейчас. Это было непростительно:

– Я принимаю ваши извинения. А теперь вон!

Игнорируя убийственный взгляд герцогини, Александра подошла ближе:

– Я думала... поскольку нам обеим необходимо поесть, наверное, мы смогли бы проглотить что-то, если бы пообедали вместе. Возможно... мы даже сумели бы вытерпеть общество друг друга.

– Если вам не хватает общества, можете отправляться к своей мамаше, как я и предлагала!

– Потому что, – сдавленно прохрипела Александра, мне необходимо быть рядом с теми, кто любит его.

Нестерпимая боль на миг исказила лицо герцогини. Она немедленно постаралась призвать на помощь обычную сдержанность, но в это кратчайшее мгновение Александра поняла, какое отчаяние кроется за внешней невозмутимостью.

Стараясь не выказать, как разрывается ее сердце от жалости и сострадания, Александра поспешно села напротив герцогини и сняла крышку с блюда. Тошнота подступила к горлу при виде еды, однако она лучезарно улыбнулась.

– Хотите кусочек этого чудного цыпленка или предпочитаете говядину?

Герцогиня поколебалась, не сводя взгляда с Александры.

– Мой внук жив! – объявила она, всем своим видом словно вынуждая девушку возразить.

– Конечно, – поспешно заверила та, зная что окажется за порогом, если выскажет хоть малейшее сомнение. – Я всей душой верю в это.

Герцогиня, по-видимому, наконец поверившая в искренность Александры, нерешительно кивнула и проворчала:

– Думаю, я смогла бы съесть кусочек цыпленка. Они ели в полнейшем молчании, прерываемом лишь потрескиванием дров в камине. Только когда Александра поднялась и пожелала герцогине спокойной ночи, старуха заговорила, впервые за все время обратившись к родственнице по имени.

– Александра, – хрипло пробормотала она.

– Да, мадам?

– Вы... – Герцогиня с трудом перевела дыхание. – Вы... молитесь?

Слезы снова перехватили горло Александры, обожгли глаза. Эта гордая женщина просит ее молиться за Джордана! С трудом сглотнув, девушка кивнула.

– Очень, очень горячо, днем и ночью, – заверила она.

Следующие три дня Александра и герцогиня провели в голубой гостиной, обмениваясь короткими, ни к чему не обязывающими фразами, произнесенными неестественно тихо, – двое чужих людей, не имеющие почти ничего общего, но связанные цепями невыразимого ужаса.

На третий день Александра спросила герцогиню, послала ли она за Энтони.

– Я просила его приехать, но он...

Она осеклась при виде возникшего в дверях дворецкого.

– Да, Рамзи?

– Прибыл сэр Джордж Брэдбери, ваша светлость. Александра встревоженно вскочила, уронив корзинку с вышиванием, которое герцогиня насильно навязала ей, но, когда величественный седовласый человек вошел в комнату, при одном взгляде на его нарочито бесстрастное лицо девушка затряслась в ознобе.

Герцогиня, очевидно, испытала то же ощущение, потому что смертельно побледнела и медленно поднялась, тяжело опираясь на палку, с которой не расставалась со времени их приезда на Гросвенор-сквер.

– Вижу, у вас новости, Джордж?

– Детективы узнали, что человека, очень похожего по описанию на лорда Хоторна, видели в таверне в ту ночь, когда исчез герцог. Хозяин, соблазнившись большим вознаграждением, тоже подтвердил, что высокий мужчина, одетый как джентльмен, покупал у него сигары. Кабачок расположен как раз напротив того места, где стоял «Фейр Уиндз». Мы уверены, что это действительно был Хоторн. – Брэдбери помедлил и тоскливо предложил:

– Не лучше ли вам присесть, леди, чтобы спокойно все выслушать?

Александра судорожно схватилась за спинку стула, но упрямо покачала головой.

– Продолжайте, – прохрипела герцогиня.

– Несколько матросов на борту «Фолкона», стоявшего на якоре около «Фейр Уиндз», видели, как за очень высоким, хорошо одетым человеком, выходившим из таверны, крались двое, похожие на обыкновенных

грабителей. Матросы не обратили особенного внимания на происходящее, поскольку были уже пьяны, но одному из них показалось, что грабитель ударил по голове высокого джентльмена. Другой матрос не видел, как все случилось, но заметил, что бандит перекинул жертву через плечо и куда-то понес.

– И они не бросились на помощь? – охнула Александра.

– Матросы едва держались на ногах и, кроме того, вряд ли посмели бы вмешаться в драку. Подобные сцены, к сожалению, нередки на пристани.

– Но это еще не все, верно? – выговорила герцогиня, не отрывая взгляда от мрачного лица министра. Сэр Джордж глубоко вздохнул:

– Мы знали, что вербовщики занимаются похищением людей, а в ту ночь подобных случаев было особенно много. Кроме того, нам сообщили, что одна из таких шаяк заплатила за человека, как две капли воды похожего на герцога Хоторна. Посчитав, что он напился до потери сознания, они отдали деньги и отнесли его на борт военного корабля флота Его Величества «Ланкастер».

– Слава Богу! – вскричала Александра, вне себя от радости, бессознательно сжимая ледяную руку герцогини. Но следующие слова кинжалом вонзились в грудь девушки, опрокинув ее надежды в самые глубины ада.

– Четыре дня назад, – сдавленно продолжал министр, – «Ланкастер» вступил в бой с французским кораблем «Версаль». Другой наш корабль, «Карлайл», еле-еле пришел в порт, под прикрытием тумана, покореженный после схватки с американцами. Не имея возможности прийти на помощь, капитан «Карлайла» наблюдал за битвой через подзорную трубу. Когда бой был окончен, «Версаль» едва держался на воде...

– А «Ланкастер»?! – вскрикнула Александра. Сэр Джордж откашлялся.

– Мой печальный долг уведомить вас, что судно пошло ко дну вместе со всей командой, включая его светлость герцога Хоторна.

Комната завертелась перед глазами Александры, из груди вырвался вопль, и она прикрыла рукой рот не отрывая взгляда от искаженного мукой лица герцогини. Та покачнулась, и Александра мгновенно обняла плачущую женщину, укачивая ее как ребенка, гладя по спине, шепча бессмысленные нежные слова, не замечая, что сама неудержимо рыдает.

Словно издалека, она услышала, как Брэдбери зовет доктора, и смутно осознала, что кто-то, кажется Рамзи, осторожно отстраняет ее от герцогини и ведет по ступенькам.

Глава 13

Кошмары преследовали Александру до самого пробуждения. Она металась, пытаясь избавиться от ужасного сна, в котором очутилась на церковном дворе в окружении надгробий, и каждое носило имя ее отца, деда или мужа.

Наконец она перевернулась на спину и попробовала разлепить налитые свинцовой тяжестью веки. Когда это в конце концов удалось, она пожалела, что вернулась к реальности. Голова раскалывалась, будто в нее вонзился боевой топор; солнечный свет, льющийся в окна, раздражал глаза. Поморщившись, она отвернулась, и ее взгляд упал на тощую женщину в черной униформе, накрахмаленном белом переднике и чепце, дремлющую в кресле. Наверное, это горничная...

– Почему вы здесь? – прошептала она неузнаваемо слабым, прерывистым голосом. Но горничная продолжала похрапывать, и Александра, с трудом приподняв голову, увидела на столике у кровати бутылку, стакан и ложку.

– Что это? – спросила она, на этот раз громче. Усталая служанка встрепенулась и, заметив, что глаза Александры открыты, вскочила.

– Опий, миледи, и доктор велел вам поесть, как только проснетесь, Я мигом принесу поднос с завтраком.

Слишком сонная, чтобы осознать происходящее, Алекс облегченно прикрыла глаза, а когда открыла их снова, на столике уже красовался поднос, а солнце поднялось гораздо выше. По-видимому, день был в самом разгаре. Перед глазами девушки все плыло, голова кружилась, но спать больше не хотелось.

Горничная теперь бодрствовала и сейчас с тревогой смотрела на хозяйку.

– Господи, вы спали как убитая, – выпалила она, но тут же зажала рукой рот и в ужасе расширила глаза.

Александра с любопытством уставилась на нее и неуклюже села, откинувшись на подушки. Горничная немедленно поставила ей на колени поднос, на котором, согласно обычаю, рядом с блюдами лежали красная роза и свежая газета.

– Почему мне давали опий? – поинтересовалась Александра, раздраженная собственной невнятной речью и неспособностью сосредоточиться.

– Так доктор велел.

Девушка недоуменно нахмурилась и машинально задала вопрос, который неизменно повторяла каждое утро:

– Сэр Джордж уже...

Нестерпимая боль пронзила тело и вырвалась из горла мучительным стоном – воспоминание о вчерашнем приезде Брэдберна всплыло с ужасающей ясностью. Девушка тряхнула головой, словно пытаясь прогнать звучащие в мозгу несвязные фразы:

...печальная обязанность сообщить... пошел ко дну вместе со всей командой... скорее за доктором... власти уведомлены... Рамзи, уложите ее в постель...

– Нет! – завопила Александра, отворачиваясь, но взгляд ее упал на огромные буквы газетного заголовка.

– Что случилось, миледи? О чем тут говорится? – испуганно повторяла горничная, непонимающе уставясь на слова, которых не могла прочесть.

Зато Александра понимала каждое. В некрологе говорилось, что Джордан Эддисон Мэттью Таунсенд, двенадцатый герцог Хоторн, маркиз Лендсдаун, граф Марлоу, барон Ричфилд мертв.

Александра рухнула на подушки и прикрыла глаза, безразличная ко всему, кроме раздиравшей сердце муки.

– О, мисс... ваша светлость... я не думала вас расстраивать, – шептала горничная ломая руки. – Сейчас побегу за доктором. Он не отходит от леди Хоторн – она очень больна.

Смысл униженных извинений наконец проник сквозь туман безысходного отчаяния.

– Я сейчас же иду к ней, – решила девушка.

– О нет, ваша светлость, все равно этим не поможешь. Креддок сказала мистеру Рамзи, что ее светлость не говорит. Не может. И никого не узнает, просто смотрит...

Тревога вытеснила скорбь, и Александра, не обращая внимания на протесты горничной, села, но тут же схватилась за кроватиный столбик, переживая приступ дурноты. С трудом натянув халат, девушка вышла из комнаты. Она не помнила, как оказалась у спальни герцогини, и постучала.

Дверь открылась, и в коридор вышел врач.

– Как она? – взволнованно спросила Александра. Доктор покачал головой:

– Плохо, очень плохо. Она уже немолода и перенесла ужасное потрясение. Не говорит, ничего не ест, лежит и смотрит куда-то в пространство.

Александра кивнула, вспомнив, как вела себя мать, узнав о существовании любовницы отца. Она тоже слегла, отказывалась от еды, не разговаривала, не позволяла никому ее утешать. И когда вышла из добровольного заключения, уже никогда не была прежней, словно горечь и печаль, угнездившиеся в душе, уничтожили все остальные чувства.

– Она плакала? – пробормотала девушка, зная, как опасно, когда тоска и печаль не находят выхода. – Конечно, нет! Женщины ее положения и воспитания не плачут! Мы с Креддок постоянно ей твердим, что каждое несчастье имеет свою светлую сторону – в конце концов, у нее есть еще один внук, и титул остается в семье.

Мнение Александры о лекарях, и без того достаточно низкое, окончательно упало после разговора с этим напыщенным, бесчувственным человеком.

– Мне бы хотелось повидать ее, с вашего разрешения.

– Попробуйте ее развеселить, – посоветовал тот, не обращая внимания на презрительный взгляд девушки. – Не заговаривайте с ней о Хоторне.

Александра вошла в полутемную комнату, ощущая, как сжимается сердце от жалости и сострадания к совсем еще недавно властной, надменной, гордой женщине, от которой сейчас осталась лишь тень. Лицо герцогини под короной белоснежных волос было смертельно бледным, в выцветших глазах, обведенных огромными синими кругами, застыла боль. Ни проблеска узнавания не промелькнуло в них, когда Александра подошла ближе и села на край постели.

Испуганная девушка схватила морщинистую, покрытую голубыми венами руку герцогини, бессильно лежавшую на золотом покрывале.

– О, мадам, так больше нельзя! – пробормотала она задыхаясь, взглядом умоляя герцогиню прислушаться. – Нельзя сдаваться! Джордану бы не понравилось видеть вас такой!

Герцогиня ничем не показала, что слышит ее, и Александра с возрастающим отчаянием стиснула тонкие пальцы.

– Да знаете ли вы, как он гордился вашим неукротимым духом и мужеством? Клянусь, это именно так! Ведь он сам хвастался передо мной и говорил, что другой такой на свете нет!

На измученном лице герцогини не дрогнул ни один мускул. Может, она просто не слышит Александру? Или не верит? А скорее всего ей просто все равно...

Неуверенная: в том, стоит ли продолжать, Александра тем не менее удвоила усилия.

– Это правда! Я прекрасно помню тот разговор, перед отъездом из Роузмида. Джордан тогда справился о вас, а я ответила, что вы наверху и, вероятнее всего, не скоро оправитесь после нашей свадьбы. Он улыбнулся... той самой, ослепительной улыбкой, от которой на душе становилось теплее, и знаете, что ответил?

Герцогиня не мигая смотрела в потолок.

– Он ответил, – упорно продолжала Александра, – что такой пустяк, как женитьба, не сломит его бабушку. Она вполне способна сразиться в одиночку с армией Наполеона и выйти победительницей, после чего сам император стал бы взбивать ей подушки и извиняться за дурные манеры и за то, что осмелился пойти войной на Англию. Именно это он...

Глаза герцогини закрылись, и Александра затаила дыхание, когда мгновение спустя из-под ресниц выкатились две слезинки. Девушка решила, что слезы – хороший знак, и очертя голову ринулась дальше.

– Он знал, как вы отважны и сильны... и преданны. Судя по словам Джордана, он считал, что ни одна женщина, кроме вас, не способна хранить верность.

Во взгляде старухи, устремленном на Александру, читались мучительная мольба и сомнение.

Прижав ладошку к щеке сломленной женщины, Александра попыталась, как могла, убедить ее, что не лжет, но остатки сил и самообладания исчезали с такой быстротой, что она едва могла говорить.

– Это чистая правда. Джордан был безоговорочно уверен в вашей преданности и даже утверждал, что, хотя вам не по душе этот брак, вы заживо сдерете шкуру с каждого, кто осмелится сказать про меня плохое слово, и все лишь потому, что я ношу его имя.

По лицу леди Хоторн струились слезы, падая на пальцы Александры. В комнате стояла ничем не прерываемая тишина. Наконец герцогиня, с трудом сглотнув, умоляюще пролепетала:

– Хоторн в самом деле говорил это... насчет Наполеона?

Александра кивнула и попыталась улыбнуться, но следующие слова герцогини острой болью отозвались в душе.

– Я любила его больше, чем сыновей, – зарыдала старуха и, обняв плачущую девушку, которая так отважно стремилась утешить ее, притянула к себе. – Александра, – всхлипывала она, – я... я никогда не говорила ему о своей любви. А теперь уже слишком поздно...

Остаток этого дня и весь следующий девушка не отходила от герцогини. Теперь, когда плотина скорби была прорвана, старая леди, казалось, испытывала неодолимую потребность говорить только о

Джордане.

На следующий вечер, часов в восемь, Александра оставила мирно уснувшую женщину и спустилась в голубую гостиную, не желая оставаться в гнетущей атмосфере своей комнаты. Стараясь хоть на мгновение забыться, она раскрыла книгу, но на пороге появился Рамзи и, вежливо откашлявшись, объявил:

– Его светлость герцог Хоторн...

Алекс радостно вскрикнула и, вскочив, метнулась к двери. Рамзи отступил. Из-за его спины выступил герцог Хоторн, и девушка оцепенела. Она не подумала о том, что со смертью кузена герцогский титул переходит к Энтони Таунсенду.

Ярость к этому человеку, посмевавшему назваться титулом Джордана, вспыхнула в ее сердце. Энтони Таунсенд – единственный, кто извлекает выгоду из этой трагедии, и, вероятно, даже рад...

Взглянув в гневно горящие глаза, Энтони остановился.

– Вы не правы, Александра, – спокойно предупредил он. – Я отдал бы все на свете, только бы видеть, как он сейчас входит в эту комнату. Знай я, что Рамзи так доложит обо мне, попросил бы его не делать этого.

Искренность и чистосердечие его слов растопили злобу. Александра, раскаиваясь, что плохо подумала о нем, попросила:

– Пожалуйста, простите меня, ваша светлость.

– Тони, – поправил он, дружески протягивая руку. – Как бабушка?

– Сейчас спит, и, по-моему, ей немного лучше.

– Рамзи сказал, что вы были неиссякаемым источником доброты и утешения для нее. Благодарю вас.

– Она держалась очень храбро и смогла обрести волю к жизни.

– А вы? – осведомился Тони, подходя к угловому столику и наливая себе шерри. – Как насчет вас? Выглядите вы ужасно.

Отблеск прежней веселости на миг зажегся в глазах девушки.

– У вас короткая память, ваша светлость, я никогда не считалась красавицей.

– Тони, – настойчиво повторил он, сядя напротив и глядя в мерцающее пламя.

– Ваша бабушка не желает оставаться в Лондоне и подвергаться нашествию соболезнающих визитеров, – сообщила Александра. – Она предпочитает немедленно отправиться в Роузмид после заупокойной службы по Джордану.

Однако Энтони покачал головой:

– Не думаю, что ей стоит запираяться одной в Роузмиде, а я смогу провести там не более недели. Хоторн, родовое поместье Джордана, – огромное имение с сотнями слуг и арендаторов, которым необходим хозяин, особенно сейчас, когда среди людей царят растерянность и уныние.

Кроме того, мне следует поучиться вести дела и взять в свои руки управление другими поместьями.

Поэтому я предпочел бы, чтобы бабушка сопровождала меня в Хоторн и отныне жила именно там.

– Да, это будет куда лучше для нее, – согласилась Александра и, решив посвятить Энтони в свои планы, объяснила, что намеревается ехать домой сразу после заупокойной службы. – Мама собиралась путешествовать и немного развлечься. Она обещала писать и сообщать, где находится, так что, если получите ее письма, не сочтите за труд переслать домой. Тогда я смогу написать ей, что мой муж...

Она попыталась сказать «мертв» и не смогла. Невозможно поверить, что этого красивого, полного сил человека, за которого она вышла замуж, больше нет.

Следующим утром старая герцогиня, грозно хмурясь и не обращая никакого внимания на Рамзи, маячившего за спиной, вошла в желтый салон, где Энтони читал газету, а Александра, сидевшая за письменным столом, задумчиво смотрела в пространство.

При виде бледной отважной девочки с глубоко запавшими глазами, которая спасла ее, забыв о собственных терзаниях, выражение лица герцогини смягчилось, но тут же претерпело мгновенную метаморфозу, стоило ее взгляду упасть на Генри, попеременно вилявшего хвостом и тянувшего за подол черного траурного платья Александры.

– Сидеть! – скомандовала она дерзкому животному. Девушка вздрогнула, Энтони подскочил, но Генри лишь задрал хвостик и возобновил неустанные попытки разорвать платье. Застигнутая врасплох столь небывалым открытым неповиновением, старуха попробовала взглядом пригвоздить негодного щенка к полу, но, когда и это не возымело ни малейшего эффекта, обернулась к величественно-невозмутимому дворецкому.

– Рамзи! – повелительно приказала она. – Немедленно уведите это мерзкое создание, и пусть его выгуливают как можно дольше!

– Да, ваша светлость. Сейчас же, – поклонился слуга, очевидно, привыкший ничему не удивляться, и, нагнувшись, подхватил несчастного Генри, но тут же отстранил его как можно дальше от себя.

– А теперь к делу! – резко бросила герцогиня, и Александра поспешно спрятала невольную улыбку. – Энтони уведомил меня, что вы намереваетесь вернуться домой.

– Да. Мне бы хотелось уехать завтра, после заупокойной службы.

– Нет! Вы поедете в Хоторн вместе со мной и Энтони.

Александра сама с ужасом думала о той минуте, когда окажется в Моршеме, где уже ничего не будет таким, как когда-то, и где ей придется влачить прежнее одинокое существование, словно Джордана вообще не было на свете. Но и в Хоторн она не собиралась ехать.

– Но зачем, ваша светлость?

– Потому что вы герцогиня Хоторн и ваше место в семье мужа.

Поколебавшись, Александра качнула головой:

– Мое место дома.

– Вздор! – невозмутимо изрекла старая женщина, и Александра порадовалась, видя, как быстро к ней вернулись непререкаемо-властные манеры. – В то утро, когда вы обвенчались с Хоторном, – решительно продолжала герцогиня, – он сам доверил мне наставлять и воспитывать вас, с тем чтобы вы в свое время смогли занять подобающее вам место в обществе. И хотя моего внука больше нет, думаю, во мне осталось достаточно преданности, чтобы выполнить его желание.

Она намеренно подчеркнула преданности, и Александра вспомнила, как уверяла герцогиню, что Джордан восхищался именно этим ее качеством. Девушка поколебалась, одолеваемая угрызениями совести, сознанием долга и тревогой за свое будущее. Что станет с нею в Хоторне, вдали от тех, кого она знает и любит? Герцогиня мужественно пытается побороть тоску, но не в силах помочь Александре исцелить разбитое сердце. С другой стороны, девушка не была уверена, что способна в одиночку нести это бремя, как в тот раз, после смерти отца и деда.

– Вы сама доброта, мадам, но боюсь, что я все-таки не смогу, – отказалась она наконец, немного подумав. – В отсутствие моей матери я должна позаботиться о других, о ком до сих пор так постыдно забывала.

– Кто эти «другие»? – осведомилась герцогиня.

– Пенроуз и Филберт. Я намеревалась просить мужа принять их в дом, но...

– Кто, – бесцеремонно перебила герцогиня, – эти Пенроуз и Филберт?

– Пенроуз – наш дворецкий, а Филберт – лакей.

– У меня почему-то давно создалось впечатление, что именно слуги должны заботиться о господах, а не наоборот. Однако, – немного оттаяла герцогиня, – я восхищаюсь вашим милосердием. Можете привезти их в

Хоторн. Лишние слуги не помешают.

– Они очень стары, – торопливо объяснила Александра, – и не могут выполнять тяжелую работу, но оба горды и считают себя незаменимыми. Я... говоря по правде, поддерживала в них это заблуждение.

– Я тоже всегда считала своим христианским долгом позволять престарелым слугам трудиться, пока они могут и хотят, – не моргнув глазом солгала герцогиня, метнув убийственный взгляд на внука. Она твердо вознамерилась превратить Александру в блестящую светскую даму и не собиралась ни на шаг отступить от цели. Герцогиня упорно отказывалась признать себе, что эта девочка с цыганскими кудряшками, которая так храбро провела ее сквозь мрачные лабиринты боли и ужаса, заняла уголок в ее сердце и что она не вынесет расставания с Александрой.

– Не думаю... – начала та, но герцогиня, поняв, что девушка снова решила отказаться, не преминула пустить в ход все средства.

– Александра, теперь вы Таунсенд и ваше место с нами. Более того, вы клялись выполнять желания мужа, а он настоятельно хотел, чтобы вы делали честь его прославленному имени.

Эти слова попали в цель и нашли отклик в душе девушки. Герцогиня права: она не все потеряла, когда лишилась Джордана. Он дал ей свое имя, и Александра вспомнила, что перед алтарем клялась почитать мужа и повиноваться ему. Джордан, несомненно, хотел бы видеть ее настоящей дамой, достойной его титула.

Подняв глаза на герцогиню и чувствуя, как переполняется нежностью сердце, девушка прошептала:

– Я все сделаю, как велел он.

– Превосходно, – проворчала герцогиня. Когда Александра отправилась собирать вещи, Энтони откинулся в кресле и насмешливо-вопрошающе уставился на бабушку. В ответ та величественно выпрямилась, пытаясь взглядом поставить Энтони на место. Однако и на этот раз у нее ничего не вышло.

– Скажите мне, – едва сдерживая смех, попросил внук, – с каких это пор у вас возникло столь горячее желание нанимать престарелых слуг?

– Когда я поняла, что это единственный способ удержать Александру, – откровенно ответила герцогиня. – Не позволю этому ребенку прозябать в захолустной деревушке и провести остаток жизни в трауре. Ей едва исполнилось восемнадцать!

Глава 14

Хоторн, наследственное поместье двенадцати поколений Таунсендов, насчитывал пятьдесят тысяч акров лесов, парков, зеленых холмов и плодородных полей. Внушительные ворота из черного кованого железа с гербом Хоторнов преградили путь элегантным дорожным каретам, и привратник в ливрее вышел из каменной сторожки, чтобы распахнуть створки.

Сидевшая подле герцогини Александра неотрывно смотрела в окно на безукоризненно подстриженный бархат газонов, рассеченный подъездной аллеей. По обе стороны от нее росли вековые деревья, простиравшие покрытые густой листвой ветви, словно зонтики, над экипажами. Невзирая на то что Хоторн теперь принадлежал Энтони, Александра не могла не думать о нем как о доме Джордана. Здесь он родился и вырос. Здесь она узнает о муже все, что не успела узнать, пока он был жив. Здесь она будет чувствовать себя ближе к нему.

– Прекраснее Хоторна нет места на свете, – выдохнула она.

– Посмотрим, что вы скажете, когда увидите дом! – улыбнулся Энтони ее детскому восторгу, и по его тону Алекс поняла, что здание должно быть настоящим дворцом. Тем не менее она затаила дыхание, когда за поворотом открылся вид на возвышавшийся в полумиле впереди трехэтажный особняк на фоне невысоких холмов, хрустально-прозрачных голубых речушек и спускавшихся уступами садов. На переднем плане, напротив здания, расстиралось большое озеро; по его спокойной глади скользили белые лебеди, а справа над озером стояла прелестная беседка в классическом греческом стиле с белыми колоннами.

– Это больше чем прекрасно, – прошептала девушка. На пологих ступеньках крыльца выстроилось с полдюжины лакеев. Подавив ощущение того, что ведет себя крайне грубо, Александра, однако, последовала примеру герцогини и прошла мимо слуг с таким лицом, словно тех не существовало.

Человек в роскошной ливрее, чей величественный облик лучше всяких слов изобличал в нем дворецкого, распахнул двери. Герцогиня представила его как Хиггинса и проследовала в холл вместе с Александрой.

Широкая изогнутая мраморная лестница поднималась изящным полукругом из холла на самый верх. Александра и герцогиня взошли по ступенькам в великолепные покои, отделанные в розовых тонах.

После ухода горничной герцогиня обратилась к Алекс:

– Не хотите ли отдохнуть? Вчерашний день оказался нелегким испытанием для всех нас.

Воспоминания о зауспокойной службе по Джордану сливались в сознании девушки в бесконечные мгновения боли и нереальности происходящего – зловещий туман, в котором выделялись лишь глаза окружающих, смотревших на нее с каким-то странным любопытством. Александра все это время простояла рядом с герцогиней. На службу приехали овдовевшая мать и младший брат Энтони, худенький хромой мальчик. Было видно, что оба искренне скорбят о Джордане. Полчаса назад их экипаж свернул на дорогу, ведущую к бывшему дому Энтони. Александра сразу же полюбила новых родственников и была рада, что они живут поблизости.

– О, мадам, можно мне вместо отдыха подняться в его комнату? Поймите, я была замужем за Джорданом, но так и не успела по-настоящему его узнать. Он рос в этом доме и жил почти до того дня, когда я его встретила. – Знакомая спазма сжала горло Александры, и она едва договорила неверным, запинаящимся голосом:

– Только здесь я смогу действительно понять, каким он был, и это одна из причин, по которой я согласилась поехать с вами.

Необъяснимая и бесконечная нежность наполнила душу герцогини, и она уже подняла руку, чтобы погладить девочку по щеке, но тут же опомнилась и немного высокомерно кивнула.

– Я сейчас же пошлю к вам Гиббонза, старшего лакея.

Гиббонз, подвижный немолодой человек, появился через несколько минут и проводил Александру в хозяйские покои – роскошно обставленные комнаты на втором этаже со стеклянной стеной от пола до потолка, выходившей на парк.

Не успев переступить порог, Александра ощутила мучительно знакомый слабый запах пряного одеколona, тот запах, который запомнился ей, когда она лежала в объятиях Джордана. Боль с новой силой завладела девушкой и свернулась в душе ядовитой змеей. Однако она испытала странное облегчение, словно, придя сюда, впервые уверилась, что ее внезапное, длившееся всего четыре дня замужество не было воображаемым.

Она медленно обвела глазами комнату, не пропустив ничего, от тонкой работы лепнины на потолке до великолепных персидских синих с золотом ковров под ногами. Два массивных камина желтоватого мрамора украшали противоположные концы просторной комнаты, на возвышении стояла

огромная кровать под синим с золотом балдахином. Справа от нее, перед камином, Александра заметила два изящных диванчика с шелковой обивкой.

– Мне хотелось бы все получше осмотреть, – пояснила она лакею почтительным шепотом, словно оказалась в святилище.

Подойдя к комоду розового дерева, девушка любовно коснулась щеток с ручками из черного оникса, все еще лежавших тут, словно в ожидании прикосновения хозяина, а потом встала на цыпочки, чтобы дотянуться до висевшего над комодом зеркала, но смогла увидеть лишь лоб и глаза.

«Какой же он был высокий», – подумала она, грустно улыбаясь.

Из спальни дверь вела еще в три комнаты – гардеробную, кабинет, уставленный книжными полками и мягкими кожаными креслами.

Войдя в третью комнату, Алекс не сдержала громкого возгласа восхищения. Перед ней было огромное полукруглое помещение, облицованное черным мрамором с золотыми прожилками, с гигантским круглым мраморным углублением в центре.

– Боже, что это такое? – удивилась девушка.

– Ванная, ваша милость, – пояснил лакей, снова кланяясь.

– Ванная? – повторила Александра потрясенно, глядя на позолоченные краны и тонкие мраморные колонны, расставленные по периметру бассейна. С застекленного потолка лился свет.

– Мастер Джордан – горячий сторонник модернизации, ваша светлость, – с трудом выговорил лакей, и Александра снова поразились – на сей раз гордости и любви, звучащим в голосе старого слуги.

– Прошу, называйте меня просто «мисс Александра», – попросила она улыбаясь. Но Гиббонз, по-видимому, настолько возмутила сама мысль о подобной вольности, что Александра поспешно поправились:

– «Леди Александра» в таком случае. Вы хорошо знали моего мужа?

– Лучше остальных слуг, если не считать мистера Смарта, старшего конюха.

Поняв, что нашел в леди Александре благодарную аудиторию, Гиббонз немедленно вызвался показать ей дом и окрестности. Экскурсия продолжалась три часа и включала посещение любимых мест Джордана и знакомство с мистером Смарт, который предложил рассказать «все о мастере Джордане», когда она спустится в конюшни.

Только к вечеру Гиббонз наконец завершил показ, отведя напоследок Александру еще в два места, одно из которых немедленно полюбилось ей – длинная галерея с двойным рядом фамильных портретов во весь рост, в одинаковых позолоченных рамах.

– Мой муж был красивее всех, – объявила Александра, изучив каждый портрет.

– Мы с мистером Хиггинсом все время твердим то же самое – Но его портрета здесь нет.

– Я слышал, как его светлость говорил мастеру Энтони, будто у него есть чем заняться и без того, чтобы выстаивать часами перед художником. – Он кивнул на два. портрета в верхнем ряду:

– Вот его светлость: на этом – совсем еще малыш, а здесь – в шестнадцать лет. Его папа велел ему позировать, и мастер Джордан рвал и метал.

Улыбка осветила бледное лицо Александры, неотрывно смотревшей на маленького мальчика с черными курчавыми волосами, стоявшего подле прелестной белокурой дамы с томными серыми глазами. По другую сторону ее троноподобного кресла, обитого красным бархатом, стоял красивый широкоплечий мужчина с неулыбчивым, гордым лицом.

Напоследок Гиббонз отвел ее в маленькую комнатку на третьем этаже, в которой было душно и пахло пылью, – по-видимому, ее давно не открывали. Перед большим письменным столом стояли три парты поменьше, а в углу красовался большой глобус на медном стержне.

– Это классная комната, – пояснил Гиббонз. – Мастер Джордан вечно старался сбежать, и за это трость мистера Ригли частенько гуляла по его спине. Однако он выучился всему, что нужно было знать. Умен, как сам дьявол!

Александра шагнула вперед и замерла как вкопанная перед партой, на которой были вырезаны буквы Д.Э.М.Т. Инициалы Джордана. Она осторожно обвела их пальцем, оглядывая комнату одновременно с удовольствием и неловкостью. Как не похожа эта унылая клетушка на уютный захламленный кабинет дедушки! Ужасно, когда вместо любви и почтения к учителю испытываешь злобу и ненависть!

Распрощавшись с лакеем, Александра снова поднялась на галерею, чтобы еще раз взглянуть на портрет мужа. Стоя перед ним, девушка торжественно прошептала:

– Ты будешь мной гордиться, дорогой, обещаю.

В последующие дни Александра взялась за осуществление цели со всем рвением, вкладывая в весьма нелегкую задачу немало сил. Она запоминала наизусть целые страницы «Книги пэров», корпела над толстыми томами руководства по этикету и поведению в обществе, врученными ей герцогиней. Ее способности быстро снискали одобрение

старой дамы, как, впрочем, все, что она делала, если не считать двух исключений, побудивших ее светлость просить Энтони прийти в ее гостиную вскоре после приезда семьи в Хоторн.

– Александра слишком подружилась с Гиббонзом и Смартон, – с недоумением и тревогой объявила герцогиня. – Я за сорок лет не сказала им и половины того, что она успела наговорить за неделю.

Однако Энтони, подняв брови, спокойно ответил:

– Она считает слуг членами семьи. Это было очевидно, еще когда она просила за своих дворецкого и лакея. Вполне безвредное заблуждение.

– Вам не покажутся безвредными Пенроуз и Филберт, когда вы их увидите, – зловеще предупредила герцогиня. – Они приехали сегодня.

Энтони припомнил, что слуги Александры уже немолоды, и попытался объяснить это герцогине:

– Они...

– Глухи и слепы! – перебила та негодуя. – Дворецкому приходится вопить в самое ухо, а лакей натывается на стены и дворецкого! Невзирая на нежные чувства Александры, придется убирать их с глаз подальше, когда приезжают визитеры. Нельзя позволить, чтобы от их криков рушились стены, а гостей обливали чаем.

Видя, что Энтони не выказывает ни малейшего беспокойства и, скорее, забавляется происходящим, герцогиня грозно нахмурилась:

– Если вы не считаете это предосудительным, по крайней мере прекратите фехтовальные упражнения с Александрой по утрам! Совершенно недопустимое поведение для молодой леди, не говоря уже о том, что ей приходится надевать мужской костюм!

Но Энтони и в этом случае не был склонен разделить точку зрения бабушки.

– Надеюсь, вы не запретите нам делать это, ради меня и Александры. Это вполне безопасно и так ей нравится! Алекс говорит, что наши поединки позволяют ей сохранить фигуру.

– А при чем здесь вы? – раздраженно спросила герцогиня.

Внук широко улыбнулся:

– Она грозный противник, и благодаря ей я в отличной форме. Мы с Джорданом считались лучшими фехтовальщиками в Англии, но с Александрой мне приходится держаться начеку, и то она из половины схваток выходит победительницей.

После ухода Тони герцогиня беспомощно уставилась на пустое кресло, прекрасно понимая, почему прибегла сейчас к поддержке внука, опасаясь вызвать Алекс на откровенный разговор. Она боялась сломить волю

девушки, особенно теперь, зная, как мужественно та старается быть веселой. За это время неизменно доброжелательная улыбка и мелодичный смех Александры совершенно изменили мрачную атмосферу Хоторна. Но улыбалась она лишь потому, что отчаянно хотела поддержать обитателей дома, помочь им справиться с горем. По мнению герцогини, Александра представляла собой уникальное сочетание чистосердечия, мягкости, решительности и мужества.

Не подозревая, как расстроила пожилую леди, Александра пыталась привыкнуть к жестким рамкам существования в герцогском доме. Весна сменилась летом, но девушка по-прежнему продолжала прилежно учиться, а в свободное время бродила по прекрасным садам и паркам или отправлялась в конюшни, Где Сарт, знавший Джордана с детства, рассказывал ей чудесные истории. Уже через несколько недель конюх был совершенно очарован Алекс.

Дни текли незаметно, но муж неизменно присутствовал в мыслях девушки. Через месяц после его гибели маленькая мраморная плита с именем и датами рождения и смерти Джордана была установлена, по настоянию Александры, не на фамильном кладбище, как велел обычай, но на другом берегу озера, у опушки леса, рядом с беседкой. Александра посчитала, что там ей будет лучше, чем на уединенном погосте, но, когда родные пошли навстречу ее желаниям, поняла, что чего-то не хватает. Она отправилась к старшему садовнику, и тот дал ей цветочные луковицы, которые девушка посадила в лесу. Каждые несколько дней она приходила за новой рассадой. И только завершив наконец труды, поняла, что смогла воссоздать ту маленькую полянку, где Джордан сказал, что она похожа на портрет кисти Гейнсборо.

Александра страстно полюбила это место и просиживала там часами, припоминая каждую минуту своей недолгой семейной жизни, доброту и нежность Джордана. Но чаще всего она воскрешала в памяти пьянящую сладость и жадную настойчивость поцелуев мужа, мучительное наслаждение его ласками. Устав перебирать истинные события, она представляла воображаемые восхитительные сцены, в которых Джордан опускался на колени и, прижав руки к груди, клялся ей в вечной любви. Чем больше Алекс думала о проведенных вместе днях, тем тверже верила, что он начинал любить ее.

Ободряемая и поощряемая Гиббонзом и Смартом, души не чаявшими в Джордане и готовыми приукрасить любые его проделки и проказы ради любимого хозяина, Александра воздвигла памятник мужу в своем сердце, наделила добродетелями святого, мужеством воина и красотой архангела.

Она обессмертила в памяти каждое нежное слово, каждую теплую улыбку, каждый томительный поцелуй.

Ей не приходило в голову, что слуги могли быть слепы к недостаткам Джордана и что по молчаливому соглашению они воздерживались от упоминания о тех поступках, которые показались бы чуть менее безупречными в глазах молодой вдовы. Кроме того, оба умолчали о некоей прелестной балерине, ее бесчисленных предшественницах или о гувернантке, делившей с ним постель в этом самом доме.

Наслушавшись чудесных историй, Александра, естественно, предположила, что ее муж обладал мужеством, смелостью и благородством. Откуда ей было знать, что Джордан прославился еще и скандальными романами, любовными похождениями и открытыми связями с женщинами, которых роднила лишь одна общая черта, правда весьма немаловажная, – исключительная красота.

Итак, Александра со всем пылом юности проводила целые дни за фортепьяно, руководствами по этикету, бесчисленными уроками с учителями музыки, хороших манер, старалась во всем подражать единственной по-настоящему светской даме, которую знала, – вдовствующей герцогине. И все это исключительно для того, чтобы по приезду в Лондон общество признало ее достойной имени и репутации Джордана Таунсенда.

И пока Александра овладевала всеми этими сложными премудростями, которые здравствующий Джордан наверняка нашел бы до смерти скучными, природа, словно потешаясь над такими чрезмерными усилиями, преподнесла ей щедрый дар, единственный, который понадобился бы свету, чтобы провозгласить ее «достойной» покойного герцога Хоторна, – редкостную красоту.

– Поразительно, – сухо заметил он, обращаясь к бабке. – Всего за один год она превратилась в настоящую красавицу.

– Ничего удивительного, – проворчала герцогиня. – Александра от рождения наделена тонкими чертами лица и стройной фигуркой, просто она тогда была слишком худой и юной. Да и сейчас как следует не оформилась – я сама была таким поздним цветком.

– Неужели? – широко улыбнулся Энтони.

– Представь себе, – кивнула герцогиня и мгновенно помрачнела. – Она по-прежнему каждый день приносит цветы на плиту Джордана. Прошлой зимой я чуть не заплакала, когда увидела, как она пробирается по снегу с букетом цветов из оранжереи.

– Знаю, – вздохнул Тони, снова оборачиваясь к окну. Александра

весело помахала ему рукой и бросила конюху поводья Сатаны. Ее блестящие растрепанные волосы отросли и непокорными волнами разметались по спине и плечам, щеки покраснелись, а обрамленные черными как смоль ресницами глаза сияли, словно огромные аквамарины.

Когда-то Джордан принял ее за мальчика, но теперь амазонка облегла соблазнительные женские формы. Энтони проводил ее глазами, восхищаясь изящной походкой, мягким покачиванием бедер и непринужденной грацией. Все в этой молодой женщине притягивало мужской взгляд.

«Через несколько недель, – подумал Тони, – после того как ее представят Его Величеству, нам придется палкой отгонять от двери поклонников».

Глава 15

Лондон

– Энтони, – позвала уже облаченная в вечерний туалет из серебристого атласа герцогиня, в который раз принимаясь нервно расхаживать по комнате, – как по-вашему, я не сделала ошибки, отказавшись нанять женщину помоложе, чтобы объяснить Александре, как вести себя в обществе?

Тони, отойдя от зеркала, перед которым вот уже полчаса без нужды поправлял безупречно лежавшие складки белоснежного галстука, ободряюще улыбнулся бабушке. Как это не похоже на вдовствующую герцогиню – поддаваться панике! Впрочем, причина была достаточно веской: сегодня Александра едет на первый бал!

– Уже поздно что-то менять, – вздохнул он.

– Да, но кто лучше меня знает о правилах хорошего тона? – промолвила герцогиня, забывая о прежних сомнениях. – Разве не я всегда считалась образцом прекрасных манер?

– Вы совершенно правы, – согласился Тони, воздерживаясь от напоминаний о том, как убеждал бабушку, что Александре вряд ли стоит пытаться подражать пусть даже «Прекрасным» манерам семидесятилетней женщины.

– Я просто не перенесу этого, – неожиданно объявила герцогиня и, помрачнев как туча, опустилась в кресло. Тони, явно потешаясь столь небывалым проявлением сомнения и нерешительности, покачал головой, за что герцогиня немедленно наградила его уничтожающим взглядом. – Через несколько часов вам будет не до смеха, – зловеще предсказала она. – Сегодня мне придется приложить все силы, чтобы убедить сливки общества принять женщину без состояния, связей и происхождения! Шансов почти никаких! Меня обличат и посчитают мошенницей!

Энтони подошел к охваченной ужасом женщине, чей презрительный взгляд, острый как бритва язык и холодное высокомерие вот уже полвека повергали в ужас как общество, так и ее собственную семью, за исключением Джордана, и неожиданно впервые в жизни поцеловал в лоб.

– Никто не осмелится пойти против вас, оскорбив Александру, даже если узнает правду о ее семье. Не волнуйтесь, все пройдет идеально. Менее

отважная женщина могла бы потерпеть неудачу, но только не вы, бабушка, с вашим невероятным самообладанием.

Герцогиня несколько мгновений обдумывала услышанное и наконец медленно склонила белую голову в царственном кивке.

– Вы, конечно, абсолютно правы.

– Конечно, – подтвердил Энтони, скрывая улыбку. – И не стоит волноваться, что Александра выдаст свое происхождение.

– Я тревожусь не столько из-за этого, сколько по поводу ее чрезмерной доверчивости и абсолютно неуместной искренности. О чем только думал ее дед, забивая девочке голову всей этой книжной чепухой? Видите ли, – с беспокойством призналась герцогиня, – я так хочу, чтобы у нее был настоящий сезон, чтобы ею восхищались, чтобы она смогла сделать прекрасную партию. Жаль, что Галверстон на прошлой неделе сделал предложение этой девчонке Уэверли. Галверстон – пока единственный неженатый маркиз во всей Англии, а это означает, что Александре, придется довольствоваться графом, если не ниже.

– Боюсь, вашим надеждам не суждено сбыться, бабушка, – вздохнул Тони. – Александру нисколько не интересуют ни развлечения света, ни внимание поклонников.

– Что за чушь! Она месяцами трудилась ради этого дня!

– Но вовсе не по тем причинам, которые вы, очевидно, считаете важными, – нахмурился Тони. – Она делала это лишь потому, что вы убедили ее, как сильно хотел бы Джордан видеть ее блестящей дамой. И все это время она была такой прилежной ученицей, дабы стать достойной чести носить его имя. Александра не имеет ни малейшего намерения снова выйти замуж. Она сама сказала об этом вчера вечером. Бедняжка убедила себя, что Джордан любил ее, и твердо решила принести себя в жертву его памяти.

– Господи милостивый! – охнула потрясенная женщина. – Да ведь ей всего девятнадцать! Конечно, она должна выйти замуж! Что вы ответили ей?

– Ничего, – произнес Тони, сардонически усмехаясь, – Как я мог объяснить ей, что стать своей в кругу Джордана означает скорее привыкнуть флиртовать, заводить романы и беспорядочные связи, нежели уметь вести светскую беседу и знать наизусть «Книгу пэров»?

– Убирайтесь, Энтони, – велела ее светлость. – Вы меня расстраиваете. Идите и узнайте, что задержало Александру, – нам давно пора ехать.

А в это время девушка стояла в коридоре перед небольшим портретом Джордана, который обнаружила в маленькой нежилой комнате и попросила

перевесить поближе к спальне. Портрет был написан в позапрошлом году: Джордан сидел, прислонившись к стволу дерева; одна нога согнута, рука небрежно покоится на колене. Александре нравились манера художника, необычайное сходство, но самое главное, ее словно магнитом притягивало выражение любимого лица – именно так Джордан выглядел, когда собирался поцеловать ее. При одном взгляде на чуть прищуренные серые глаза и лениво-задумчивую улыбку у Александры начинало сильнее биться сердце.

– Сегодня наша ночь, любимый, – прошептала она, касаясь кончиками дрожащих пальцев его губ на портрете. – Я не опозорю тебя, обещаю.

Краешком глаза Алекс заметила Энтони, поспешно отдернула руку и, не отводя глаз от картины, спросила:

– Художник, написавший это, безгранично талантлив, но я не могу разобрать имени. Кто он?

– Эллисон Уитмор, – коротко ответил Энтони. Удивленная тем, что художник оказался женщиной, и резким тоном Энтони, Александра, поколебавшись, решила переменить тему и медленно покружилась перед родственником.

– Посмотрите на меня хорошенько. Как по-вашему, он был бы доволен, если бы смог увидеть меня сейчас?

Безжалостно подавив неуместно возникшее желание немного отрезвить Александру, объявив ей, что леди Эллисон Уитмор писала этот портрет в самый разгар своего скандального романа с Джорданом, Энтони перевел взгляд на Алекс. От увиденного у него перехватило дыхание. Перед ним стояла темноволосая красавица в элегантном платье с глубоким вырезом; переливающийся аквамаринный шифон идеально гармонировал с цветом ее великолепных глаз. Задрапированное на груди, платье облегло талию и округлые бедра. Блестящие волосы цвета красного дерева ниспадали водопадом почти до пояса. Бриллианты переливались на темной головке, сверкали, словно звезды, на прозрачной ткани, стройной шее и запястьях. Но лицо... именно лицо Алекс заставило Энтони забыть обо всем.

Хотя Александра Таунсенд не могла считаться красавицей в классическом смысле этого слова, поскольку в моде того времени были светлые волосы и белоснежная кожа, тем не менее она показалась Энтони самым привлекательным созданием на свете. Чарующие глаза, опущенные смоляными ресницами, доверчиво смотрели на него, розовые полные губки так и манили поцеловать их, однако холодная улыбка предупреждала слишком настойчивых поклонников держаться подальше. Но самое

главное, Александра искренне не подозревала о том, какой эффект производит на мужчин, и умудрялась выглядеть одновременно пленительной и недостижимой, недоступной и чувственной, и именно эти контрасты делали ее столь неотразимой, как, впрочем, и очевидное непонимание собственной власти.

Не дождавшись ответа, Александра встревоженно сцепила руки; от лица отхлынула краска.

– Неужели так плохо? – вымученно пошутила она, чтобы скрыть, как расстроена.

Энтони, весело улыбнувшись, сжал ее затянутые в перчатки руки и, не кривя душой, сказал:

– Джордан был бы ослеплен вами сегодня. Уверяю, при одном взгляде на вас свет будет покорен. Вы оставите мне сегодня хотя бы один танец? Вальс?

В карете, по дороге на бал, герцогиня поспешно читала Александре последние наставления:

– Не стоит волноваться, дорогая, ни о том, хорошо ли вы вальсируете, ни о том, соблюдаете ли все правила, предписанные этикетом. Однако, – мрачно предостерегла она, – я должна еще раз напомнить вам: не обольщайтесь оценкой Энтони... – помедлив, она бросила сурово-неодобрительный взгляд на внука, – ...вашего интеллекта и не говорите ничего такого, что создало бы вам репутацию синего чулка и книжного червя. Я уже не раз твердила вам: мужчины не любят чересчур образованных женщин.

Однако Тони ободряюще стиснул руку Алекс, помогая ей выйти из кареты.

– Не забудьте оставить для меня сегодня танец, – прошептал он, улыбаясь в ее лучезарные глаза.

– Если хотите, можете получить все, – рассмеялась девушка и взяла его под руку, совершенно не подозревая, как заворочен Тони ее красотой.

– Мне придется стоять в длинной очереди, – хмыкнул он, – но думаю, даже при этом я получу столько удовольствия, сколько не испытывал за последние несколько лет!

Первые полчаса в доме лорда и леди Уилмер Тони казалось, что его предсказание сбывается. Он нарочно прошел вперед, чтобы наблюдать торжественное появление бабушки и Александры. Вдовствующая герцогиня Хоторн походила на наседку, зорко охраняющую свое потомство: грудь вперед, спина неестественно прямая, подбородок вздернут. Всем своим видом она положительно провоцировала каждого попробовать

усомниться в ее мнении или попытаться сказать хоть слово против Александры.

Зрелище приковало взгляды всех присутствующих. На целую минуту пятьсот наиболее избранных, скучающих и утонченных представителей высшего общества оставили все разговоры и изумленно воззрились на самую уважаемую, устрашающую и влиятельную аристократку, которая покровительственно распростерла крылья над молодой, никому не известной дамой. Потом все словно по команде стали перешептываться. Монокли и лорнеты, однако, были направлены не на герцогиню, а на несравненную красавицу, не имевшую ни малейшего сходства с измученной бледной девушкой, присутствовавшей в церкви во время заупокойной службы.

Стоявший подле Энтони сэра Родерик Карстерз надменно приподнял брови и процедил:

– Хоторн, надеюсь, вы откроете мне, кто эта темноволосая леди рядом с вашей бабушкой?

Энтони с непроницаемым видом обернулся к Карстерзу:

– Вдова моего кузена, герцогиня Хоторн.

– Да вы шутите! – протянул Родди с чем-то весьма напоминающим удивление, что само по себе было невероятным, поскольку его вечно пресная физиономия никогда ничего подобного не выражала. – Не хотите же вы сказать, что это очаровательное создание – тот самый тощий несчастный воробушек, которого я видел на поминальной службе по Хоку?!

Пытаясь скрыть свое раздражение, Тони сдержанно ответил:

– Она тогда была слишком молода и не оправилась от потрясения.

– По-видимому, с годами «настоялась», – сухо заметил Родди, поднимая лорнет. – Совсем как старое вино. Да, ваш кузен всегда был ценителем вин и женщин. Она делает честь его репутации. Кстати, – продолжал он, растягивая слова и все еще не отводя глаз от Александры, – говорят, что прелестная балерина Хока с тех пор не пустила в свою постель ни одного мужчину! Просто уму непостижимо, не правда ли, как подумаешь, что в наше время любовница может быть куда более верной, чем законная жена!

– На что вы намекаете? – взорвался Энтони.

– Напекаю? – переспросил Родди, обращая на него саркастический взор. – Помилуйте, ни в коей мере! Но если вы не хотите, чтобы общество пришло к тому же заключению, что и я, не советую вам неотступно наблюдать за ней с таким откровенно ревнивым блеском в глазах. Она, кажется, живет с вами в одном доме, не так ли?

– Заткнитесь! – рявкнул Энтони. Однако сэр Карстерз, настроение которого менялось с фантастической быстротой, беззлобно улыбнулся:

– Танцы вот-вот начнутся. Представьте меня даме. Я претендую на первый.

Энтони поколебался, стискивая зубы. Он не мог, не имел права отказать Родди в просьбе, более того, прекрасно знал, что, если все-таки уклонится, Карстерз не задумается уничтожить репутацию Александры, повторив только что высказанное им измышление. А Родди был самым влиятельным членом круга, в котором вращался Тони.

Энтони унаследовал лишь титул Джордана, но не его высокомерие и непробиваемую самоуверенность, завоевавшие тому непререкаемый авторитет в высшем обществе. Он понимал, что герцогиня обладала возможностями оградить Александру от холодного презрения и оскорблений, вынудить престарелых дам и джентльменов отнестись к девушке с некоторой снисходительностью, но не могла заставить поколение Тони с готовностью принять ее. В отличие от Родди Карстерза. Молодые аристократы жили в постоянном ужасе, опасаясь острого, ядовитого языка Родди, и ни один человек не желал стать объектом его утонченных издевательств.

– Конечно, – наконец выговорил Тони, исполненный самых мрачных предчувствий.

Только к концу вальса Александра немного успокоилась и перестала отсчитывать такт. Как раз в тот момент, когда она решила, что теперь уж не собьется и не наступит на лакированные сапоги элегантного партнера, со скучающим видом кружившего ее по залу, тот произнес нечто такое, отчего худшие опасения девушки едва не сбылись.

– Скажите, дорогая, – снисходительно улыбаясь, осведомился он, – каким образом вы умудрились так расцвести в замораживающем всех и вся обществе вдовствующей герцогини Хоторн?

Гром музыки все нарастал, и Александра, убежденная, что неверно расслышала, пролепетала:

– Я... Прошу прощения?

– Я выражал восхищение вашим мужеством и стойкостью: не каждому удастся выжить целый год рядом с нашей самой прославленной льдышкой – вдовствующей герцогиней. Примите мои соболезнования по поводу того, что вам пришлось вынести.

Александра, не обладавшая ни малейшим опытом ведения легкой, ни к чему не обязывающей светской беседы, не знала, что в этом и состоит величайшее искусство вращения в обществе, не понимала, что от нее

требуется всего лишь находчивый ответ, и поэтому возмущенно выпалила, мгновенно выступив на защиту женщины, которую успела полюбить:

– Очевидно, вы плохо знакомы с ее светлостью.

– Ошибаетесь. И повторяю, что искренне вам сочувствую.

– Я не нуждаюсь в вашем сочувствии, милорд. Вы, должно быть, совсем не знаете ее, если позволяете себе говорить подобные вещи.

Родди Карстерз с холодным неодобрением оглядел девушку:

– Осмелюсь заметить, я знаком с ней достаточно хорошо, чтобы временами страдать от обморожения. Старуха – настоящий дракон.

– Она благородна и добра!

– Вы, – бросил он с глумливой ухмылкой, – либо боитесь сказать правду, либо самая наивная пташка из всех, кого я знаю.

– А вы, – парировала Алекс с высокомерно-презрительным видом, сделавшим бы честь самой герцогине, – либо слишком слепы, чтобы видеть истину, либо исключительно злы от природы.

И в тот миг, когда прозвучали последние аккорды вальса, она нанесла Родди непростительное и публичное оскорбление, повернувшись спиной и оставив его стоять в центре зала.

Не замечая устремленных на нее взглядов, девушка вернулась к Тони и герцогине, но ее поступок уже был замечен гостями, многие из которых не преминули позлословить над явной неудачей гордого рыцаря с молодой герцогиней. В свою очередь, сэр Родерик не упустил случая сообщить всем своим знакомым о том, что находит герцогиню Хоторн глупым, тщеславным отродьем, невоспитанной, безмозглой девчонкой и к тому же невероятно скучной.

К несчастью, уже через полчаса Александра, сама того не желая, полностью подтвердила мнение о ней Родди и сумела убедить всех гостей, что она и в самом деле чрезвычайно глупа. Она стояла в большой компании роскошно одетых молодых людей, самому старшему из которых едва исполнилось тридцать. Несколько человек оживленно обсуждали вчерашний балет и неоспоримый талант балерины Элиз Грандо. Обернувшись к Энтони, Александра, чуть повысив голос, чтобы тот расслышал ее в толпе, невинно поинтересовалась, любил ли Джордан балет. Остальные, мгновенно замолчав, уставились на нее с непередаваемой смесью смущения и пренебрежения.

Второй инцидент произошел немного погодя. Энтони оставил Алекс среди людей, с увлечением споривших о приемлемой длине воротничков. Александра, скучая, обводила глазами зал и вперилась взглядом в двух необыкновенно красивых женщин. Обе стояли почти рядом, но спинами

друг к другу и в этот момент рассматривали Александру вполоборота. Одна – холодноватая блондинка лет двадцати восьми, другая – роскошная брюнетка, немного помоложе.

Когда-то Джордан сказал, что она напоминает ему портрет Гейнсборо, однако эти женщины были достойны кисти самого Рембрандта!

Но тут, поняв, что мистер Уоррен о чем-то ее спрашивает, Александра извинилась за рассеянность и осторожным кивком показала на женщин, которые отвлекли ее внимание.

– Ну разве они не самые прелестные существа на свете? – спросила она с искренней улыбкой и без всяких признаков ревности.

Ее соседи сначала оглядели дам, потом Александру. Брови поползли вверх, глаза широко раскрылись, а поспешно поднятые веера скрыли насмешливые улыбки. К концу бала все уже знали, что вдова Хока восхищалась двумя его бывшими любовницами – леди Эллисон Уитмор и леди Элизабет Грейнджфилд. И эта последняя сплетня оказалась столь забавной, что все увидели, как обе дамы, чью дружбу уничтожила страсть к одному мужчине, впервые за два года неудержимо смеются вместе, словно лучшие подруги.

Александра, к счастью, осталась в неведении относительно своего очередного промаха, однако все-таки заметила, что гости исподтишка над ней посмеиваются. По дороге домой девушка умоляла Тони признаться, какую оплошность она совершила, но тот лишь погладил ее по плечу и заверил, что она «имела огромный успех». Герцогиня, со своей стороны, заметила, что Александра «показала себя во всем блеске».

Однако, несмотря на это, девушка интуитивно почувствовала что-то неладное. В последующую неделю, заполненную балами, зваными вечерами и музыкальными утренниками, косые, насмешливо-язвительные взгляды, направленные на нее, становились почти невыносимыми. Сбитая с толку, оскорбленная Алекс старалась искать убежища среди ровесников герцогини, которые, казалось, не считали ее забавным, весьма странным, жалким созданием. Более того, им она иногда могла поведать очередную чудесную историю о храбрости и отваге Джордана, слышанную от слуг Хоторна, как, например, тот случай, когда он спас утопающего Смарта.

Девушке не приходило в голову, что вежливые пожилые люди, так внимательно слушавшие ее, естественно, понимали, как безнадежно и смехотворно она все еще увлечена погибшим мужем, или что те же самые люди все пересказывали родственникам помоложе, которые, в свою очередь, делились столь неожиданными открытиями с друзьями.

Ее редко приглашали танцевать, и только мужчины, мечтавшие

завладеть огромным приданым, обещанным герцогиней, или те, кто был не прочь затащить в постель женщину, бывшую замужем за человеком, пользовавшимся сомнительной славой одного из самых известных распутников Англии. Александра чувствовала, что никому из этих джентльменов она по-настоящему не нравится, и, чтобы скрыть смущение и боль, прибегала к одному лишь способу, который смогла придумать, – гордо вздергивала подбородок и холодно-вежливо давала понять, что предпочитает оставаться в обществе герцогини и ее друзей.

В конце концов ее прозвали Ледяной Герцогиней, и в обществе со смехом намекали, что Джордан Таунсенд, вероятно, предпочел гибель на дне морском медленной смерти от холода в постели жены. Кое-кто злорадно припоминал, как Джордана видели выходящим из роскошного дома, снятого им для прелестной Элиз, в тот самый день, когда объявление о его женитьбе появилось в «Таймс».

Более того, из уст в уста передавался слух, будто последняя любовница герцога, смеясь, говорила одному из его приятелей, что женитьба Джордана «была вынужденным неудобством» и что он не имел ни малейшего намерения порывать с ней.

Уже две недели спустя Александра мучительно сознавала, что стала безнадежным изгоем, хотя не понимала причины всеобщего презрения и видела лишь, что свет обращается с ней либо снисходительно, либо насмешливо, а подчас и с неприкрытым пренебрежением. По-видимому, она жестоко опозорила Джордана, и именно это ранило больнее всего. Она часами простаивала перед его портретом, пытаясь не плакать, безмолвно извиняясь за провал и умоляя ее простить.

– Ты меня слышишь, Хоторн? Очнись, парень! Джордан с почти нечеловеческим усилием подчинился произнесенному шепотом приказу и медленно приподнял веки. Слепящий белый свет лился сквозь маленькие отверстия в стенах, обжигая глаза, и невыносимая боль снова бросила его в темный провал небытия.

Когда он вновь пришел в себя, была ночь. Перед глазами маячило угрюмое лицо Джорджа Моргана, еще одного пленника с «Ланкастера», которого Джордан не видел с тех пор, как обоих три месяца назад сняли с французского корабля.

– Где я? – пробормотал он, чувствуя, как сочится кровь из пересохших, потрескавшихся губ.

– В аду, – мрачно пояснил американец. – Вернее сказать, во французской тюрьме.

Джордан попытался поднять руку и обнаружил, что тяжелые цепи тянут ее вниз. Проследив взглядом за направлением цепи, Джордан увидел, что она прикреплена к ввинченному в каменную стену железному кольцу. Он продолжал недоуменно изучать оковы, не в силах уразуметь, почему Джордж Морган может свободно передвигаться. Поняв причину его недоумения, тот объяснил:

– Неужели не помнишь? Это часть твоей награды за то, что ты напал на тюремщика и сломал ему нос, не говоря уже о том, что едва не перерезал ему глотку его же кинжалом, когда тебя привели сюда.

Джордан закрыл глаза, но так и не смог ничего припомнить.

– А остальная часть? – хрипло спросил он наконец.

– Три-четыре сломанных ребра, лицо в синяках и спина, похожая на кусок сырого мяса.

– Очаровательно, – процедил Джордан. – А по какой причине они предпочли меня покалечить, но не убить?

Холодно-бесстрастный тон герцога вызвал восхищенный смех Джорджа.

– Черт возьми, вы, британские аристократы, и глазом не моргнете, даже если вас будут распинать! – И, произнеся этот сомнительный комплимент, Джордж окунул оловянную чашку в ведро с затхлой водой, выплеснул, сколько мог, плавающей на поверхности зелени и поднес чашку к окровавленным губам Джордана.

Тот попытался сделать глоток, но тут же с отвращением сплюнул. Однако Джордж снова прижал чашку ко рту беспомощного Джордана.

– Понимаю, это не лучшая мадера, к которой ты привык, и не подана в прозрачном хрустальном кубке, но если не выпьешь, то лишишь наших тюремщиков радости прикончить тебя собственными руками и они сорвут злость на мне.

Брови Джордана сошлись, но, поняв, что американец шутит, он через силу выпил немного омерзительно пахнущей жидкости.

– Вот так-то лучше. Видать, ты вечно ищешь приключений на свою голову, – усмехнулся Джордж, продолжая, однако, с озабоченным видом бинтовать грудь Джордана полосками, оторванными от собственной рубашки. – Ты мог бы избежать побоев, научи тебя твоя мамаша вежливо обращаться с двумя тюремщиками, злыми как собаки, да к тому же вооруженными до зубов.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь перетянуть тебе ребра. Кстати, французишки не убили тебя, потому что ты вроде бы козырная карта, которую они намереваются

использовать на тот случай, если англичане захватят в плен одного из них, того, кто поважнее. Я своими ушами слышал, как какой-то офицер говорил это другому. Конечно, черта с два ты останешься в живых, если будешь все время оскорблять тюремщиков и пытаться грубо выкрасть их оружие. Видать, я зря тащил тебя из воды и помог добраться до того французского фрегата, который привез нас сюда.

– Я так плохо выгляжу? – спросил Джордан без особого интереса.

– Скажу по правде, еще одна стычка – и те две молодые дамы, которыми ты бредил, вряд ли останутся тебе верны.

Слабость вновь сжала тиски, стремясь затянуть Джордана в бездонную черную яму. Но Джордан сопротивлялся, предпочитая боль забытью.

– Какие две дамы?

– Тебе лучше знать. Одну зовут Элиз. Это твоя жена?

– Любовница.

– А Александра?

Джордан моргнул, пытаясь прояснить затуманенное сознание. Александра. Александра...

– Ребенок, – пробормотал он, смутно припоминая темноволосую девочку, размахивающую прутиком на манер шпаги. – Нет, – прошептал Джордан с болезненным сожалением, удивляясь, как быстро проносится перед глазами вся не такая уж долгая жизнь, пустая, потраченная на бессмысленные связи и распутство, единственным светлым пятном в которой была внезапная женитьба на впечатлительной, очаровательной девушке, с которой он делил постель всего однажды. – Моя жена.

– Неужели? – потрясение промолвил Джордж. – Жена, ребенок и любовница? Вот это да!

– Нет, – поспешно поправил его Джордан. – У меня нет детей. Жена. И несколько любовниц.

Джордж ухмыльнулся и потер заросший щетиной подбородок.

– Неужели? – почтительно продолжал он. – Несколько любовниц?

– Нет, – поправил Джордан, скрипя зубами от боли, – не одновременно.

– Где тебя держали все три месяца? Я не видел тебя с тех пор, как лягушатники привезли нас сюда.

– У меня были отдельные комнаты и заботливый уход, – язвительно произнес Джордан, имея в виду глубокое сырое подземелье, куда его бросали между пытками, едва не сводившими с ума от боли.

Его товарищ встревоженно оглядел Джордана, но постарался спросить как можно беспечнее:

– Что ты сделал лягушатникам такого, что они невзлюбили тебя куда больше, чем меня?

Кашель разрывал грудь, и Джордан стиснул зубы, стараясь сдержать крик.

– Назвал им свое имя.

– И что же?

– Оказалось, они его хорошо помнят... – охнул Джордан, пытаясь не потерять сознания, – еще с Испании, Джордж недоуменно пожал плечами:

– Они сотворили с тобой такое лишь потому, что ты им насолил в Испании?

Ослабевший Джордан едва кивнул:

– И... потому что... считают... будто я все еще... могу дать им... сведения... военного... характера.

– Послушай, Хоторн, – в отчаянии попросил Джордж, – ты что-то бормотал насчет побега, когда приходил в себя. У тебя есть план?

Еще один слабый кивок.

– Я хочу бежать с тобой. Но, Хоторн, ты не переживешь таких побоев еще раз. Постарайся вести себя потише. Не нужно злить тюремщиков.

Голова Джордана свесилась набок. Он наконец потерпел поражение в битве с тьмой.

Джордж, присев на корточки, тяжело вздохнул. «Версаль» потерял столько людей в кровавой битве с «Ланкастером», что французский капитан, выудивший из воды трех англичан, заменил ими погибших матросов. Один из них умер от ран через день. Не последует ли за ним и этот неукротимый строптивец?

Глава 16

Ко времени бала в доме лорда и леди Донли, который должен был состояться через две недели после дебюта Александры в обществе, девушка дошла до такого ужасного состояния, что почти не могла говорить; она чувствовала, что уже никогда не рассмеется от радости и не найдет утешения в слезах. Однако судьба распорядилась иначе.

По настойчивому требованию вдовствующей герцогини девушка вежливо, но неохотно согласилась танцевать с лордом Понсонби, неповоротливым, нудным, жеманным фатом средних лет, который, в полном соответствии с модой, пришепetyвал, грассировал, одевался как павлин и напыщенно уведомил ее во время танца, что слывет в обществе человеком необычайно тонкого ума и прекрасно образованным. Сегодня он был облачен в оранжевые атласные панталоны до колен, из которых выпирал круглый живот, атласный жилет цвета сливы и длинный желтый парчовый фрак, так что при одном взгляде на него Александре представлялась огромная перезрелая дыня.

Когда танец закончился, вместо того чтобы подвести Александру к герцогине, сэр Понсонби, который, как слышала девушка, отчаянно нуждался в богатой жене, способной заплатить его громадные карточные долги, повлек ее в противоположном направлении.

– Прошу вас посидеть немного со мной в этом чудесном алькове, ваша светлость. Вдовствующая герцогиня упоминала вчера, что вы интересуетесь философией, и я буду рад немного просветить вас насчет одного из величайших философов древности – Горация.

Девушка немедленно поняла, что герцогиня, должно быть, крайне встревожена отсутствием у нее поклонников, если вынуждена признаваться Понсонби в не совсем приличествующих даме увлечениях Александры.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – уговаривал сэр Понсонби, не правильно истолковав причину колебаний Александры. – Я постараюсь ни на минуту не забывать, что вы дама и как таковая не способны понять сложности и тонкости логических построений. Положитесь на меня, я постараюсь не вдаваться в детали.

Девушка слишком пала духом, чтобы возмутиться столь уничижительной оценкой умственных способностей прекрасного пола, и, потерпев такое крушение, испытала легкую неприязнь к человеку, имевшему наглость обращаться с ней подобным образом. Боже, у него не

хватало мозгов даже на то, чтобы не выглядеть корзиной с фруктами!

Изобразив на лице вежливый интерес, она позволила Понсонби подвести ее к алькову, отделенному от бальной залы шторами из алого бархата, подхваченными такими же бархатными шнурами. Только очутившись в алькове, Александра поняла, что там уже есть кто-то – молодая женщина в роскошном платье, с гордым патрицианским профилем и сверкающими волосами цвета золотой канители стояла у открытой стеклянной двери, полуобернувшись к ним, по-видимому наслаждаясь мгновениями одиночества и свежим воздухом.

Заслышав шаги, дама оглянулась, и Александра сразу узнала леди Мелани Камден, прелестную молодую жену графа Камдена, только что вернувшуюся в Лондон из деревни, где она гостила у сестры. Александра присутствовала на балу, где впервые в этом сезоне появилась графиня Камден. Девушка издали наблюдала, как толпа самых блестящих молодых людей и дам осаждают леди Камден, приветствуя ее с нескрываемым восторгом. Александра с легкой завистью подумала тогда, что леди Мелани в отличие от нее, несомненно, принята обществом.

Поняв, что они нарушили уединение дамы, Александра робко улыбнулась, безмолвно извиняясь за вторжение. Графиня приняла извинение легким наклоном головы и безмятежно повернулась к стеклянной двери.

Лорд Понсонби, однако, либо не заметил графиню, либо решил попросту не обращать на нее внимания. Налив себе бокал пунша из чаши, стоявшей на столе, он прислонился к одной из мраморных колонн и разразился напыщенными и крайне неточными рассуждениями на тему философских изречений Горация о честолюбии. Правда, при этом он упорно не сводил глаз с груди Александры.

Девушка, не привыкшая к тому, что ее раздевают взглядом, пусть даже такое ничтожество, как Понсонби, была настолько смущена и расстроена, что едва заметила, как он ничтоже сумняшеся приписал афоризм Сократа Горацию, а также тот интересный факт, что графиня Камден при этом быстро оглянулась, словно испугавшись.

Минуту спустя лорд Понсонби самоуверенно объявил:

– Я согласен с Горацием, который утверждает, что «честолюбие – одна из самых сильных страстей, бушующих в человеческом сердце, и каких бы высот мы ни достигали, все равно не удовлетворяемся этим и хотим большего...»

Вконец выведенная из себя этим неотступным взглядом и не сознавая, что леди Камден обернулась и слушает лорда Понсонби со смесью неверия,

удивления и плохо скрытого веселья, Александра еле слышно пробормотала:

– М-Макиавелли.

– Гораций, – возразил сэр Понсонби. Внезапно, к ужасу Александры, это нелепо одетое существо поднесло к глазам лорнет и направило его на вздымающуюся над корсажем белоснежную плоть, одновременно пытаясь небрежно опереться о колонну. К несчастью, увлекшись столь соблазнительным зрелищем, он не удосужился оглянуться, чтобы проверить, где именно находится колонна.

– Теперь вы, возможно, начали немного разбираться, – провозгласил он, откидываясь назад и широко разводя руками, – почему изречения Горация заставили... А-а-ай!

Он с шумом рухнул навзничь, перевернув столик с чашей и сорвав занавеску, и приземлился в этой неприличной позе у ног трех потрясенных джентльменов, как никогда напоминая в эту минуту огромную вазу с фруктами, политыми пуншем.

Не в силах подавить безумное желание расхохотаться, Александра зажала рукой рот, развернулась и оказалась лицом к лицу с графиней Камден, которая, в свою очередь, прикрыв рот, уставилась на Александру. Плечи Мелани тряслись, огромные зеленые глаза влажно блестели. Молодые женщины, не сговариваясь, бросились к двери так поспешно, что столкнулись при этом, и выскочили на балкон. Только оказавшись в безопасности, они прислонились к стене и разразились звонким хохотом.

Не обращая внимания на то, что холодный камень впивается в лопатки, они смеялись и смеялись, изнемогая от чистой, незамутненной радости, задыхаясь и вытирая катившиеся по щекам слезы.

Когда ураган немного утих, сменившись короткими приступами смешков, графиня Камден повернулась к Александре и, заикаясь, пробормотала:

– Л-лежа на сп-пине, он в-выглядел в точности как гигантский попугай, свалившийся с д-дерева.

– Ну а мне он показался вазой с фруктами, нет... с фруктовым пуншем, – объявила Александра, едва ворочая языком, и обе снова расхохотались.

– Б-бедняга Понсонби, – хихикнула леди Камден, – сражен во цвете лет призраком Макиавелли за то, что приписал его слова Горацию.

– Вполне в духе Макиавелли, – выдохнула Александра.

И две элегантно одетые молодые женщины в который раз предались безграничному веселью с восторгом босоногих ребятишек, резвящихся на

лугу.

Когда они наконец успокоились, Мелани, с трудом переводя дух, облокотилась на перила и с нескрываемым любопытством посмотрела на Александру.

– Откуда вы знали, что эта мерзкая личность перепутала Горация с Макиавелли?

– Я читала и того и другого, – виновато призналась Александра после долгой паузы.

– Кошмар! – с притворным ужасом охнула графиня. – Впрочем, я тоже. Александра широко раскрыла глаза:

– Но у меня создалось впечатление, что на женщину, читающую классиков, ложится несмываемое клеймо синего чулка.

– Обычно именно так и бывает, – беспечно кивнула Мелани. – Но в моем случае общество склонно смотреть сквозь пальцы на слишком... неженский интерес к вещам, выходящим за пределы вышивания и мод.

Александра наклонила голову набок, не сводя зачарованного взгляда с Мелани:

– Но почему?

В голосе леди Камден послышалась нежность:

– Потому что мой муж уничтожит любого, кто посмеет усомниться в том, что его жена – само совершенство.

Неожиданно она пристально уставилась на Александру и с подозрением осведомилась:

– Вы играете на музыкальных инструментах? И если да, предупреждаю: я все равно не приду послушать вас – я не делаю исключений даже для подруг. Простое упоминание о Бахе или Бетховене заставляет меня немедленно бежать за нюхательной солью, а вид арфы повергает в обморок.

Александра весь год училась играть на фортепьяно, поскольку герцогиня сказала, что умение владеть хотя бы одним музыкальным инструментом абсолютно необходимо каждой благородной девице. И теперь она никак не могла поверить, что слышит подобные речи из уст той, которую надменная элита считала законодательницей мод.

– Я брала уроки игры на фортепьяно, но не настолько преуспела, чтобы выступить на публике, – нерешительно пролепетала девушка.

– Превосходно, – с огромным удовлетворением заключила Мелани. – Вы любите ездить по магазинам? Делать покупки?

– Признаться, я нахожу это крайне утомительным.

– Идеально. И последнее. Вы поете?

Александра, которой не слишком хотелось признаваться в отсутствии таланта пианистки, теперь почему-то не спешила открыть, что любит петь.

– Боюсь, что так.

– Никто из нас не совершенен! – жизнерадостно и великодушно объявила графиня Камден. – Кроме того, я целую вечность мечтала о знакомстве с женщиной, читавшей Горация и Макиавелли, и не желаю упустить возможность подружиться с вами только потому, что вы поете. Надеюсь, у вас не очень хороший голос?

Александра беспомощно пожала плечами – близкие знали, что у нее прекрасный мягкий тембр и идеальный слух.

Мелани, увидев ответ в смеющихся глазах девушки, с комическим ужасом всплеснула руками:

– Но вы хотя бы не часто злоупотребляете этим талантом?

– Нет. – Поперхнувшись смехом, Александра непочтительно добавила:

– И если это поднимет меня в вашем мнении, уверяю, что я способна вести светскую беседу не больше пяти минут, после чего мгновенно увядаю.

И, с облегчением покончив с некоторыми из самых священных условностей, обе, вот уже в который раз, предались веселью.

А в это время в бальной зале дома 42 по Риджент-стрит гости танцевали, обменивались шутками и сплетнями, не подозревая, какое знаменательное событие происходит за стеклянными дверями балкона. Только мигающие звезды стали свидетелями того, что две родственные души наконец-то нашли друг друга.

– В таком случае, – торжественно провозгласила Мелани, когда они немного успокоились, – позвольте предположить, что наши беседы не подействуют на вас столь печальным образом. – И, решительно отбросив дальнейшие формальности, леди Камден тихо сказала:

– Мои близкие друзья зовут меня Мелани.

На какое-то кратчайшее мгновение ощущение счастья захлестнуло Александру, но беспощадная реальность тут же вторглась в мечты, и девушка поняла, что друзья Мелани Камден вряд ли примут ее в свое общество. Весь свет уже считал Александру круглой дурачкой. Ее осудили и вынесли приговор. Очевидно, Мелани слишком недолго пробыла в Лондоне, чтобы это знать. Внутри у Александры все болезненно сжалось при мысли о пренебрежительных взглядах, направленных на Мелани, стоит ей появиться в бальной зале об руку с Александрой.

– А как ваши друзья зовут вас? – осведомилась Мелани, пристально

наблюдая за ней.

«У меня больше нет друзей», – подумала Александра и торопливо наклонилась, делая вид, что одергивает юбку, и старательно скрывая подступившие к глазам слезы.

– Они называли... называют меня Алекс. Решив, что лучше порвать всякие отношения сейчас, чем вынести публичное унижение ледяного приема со стороны Мелани при следующей встрече, Александра набрала в грудь побольше воздуха и с мучительной неловкостью пробормотала:

– Я ценю ваше предложение дружбы, леди Камден, но, видите ли... последнее время я так занята... балы... обеды... и другие развлечения... очень сомневаюсь... что вы сможете... найти время... и уверена, что у вас десятки друзей... которые...

– Которые считают вас величайшей простушкой из всех, которые когда-либо появлялись на лондонских балах? – мягко договорила Мелани.

Но прежде чем Александра успела опомниться, на балкон вышел Энтони, и она, с облегчением метнувшись к нему, быстро заговорила, боясь, что тот возразит:

– Вы искали меня, ваша светлость? Должно быть, пора уезжать. Доброй ночи, леди Камден.

– Почему вы отвергли дружбу Мелани Камден? – рассерженно попытывался Тони по дороге домой.

– Я... Все равно ничего не вышло бы, – уклонилась Алекс от прямого ответа, не в силах забыть последнюю реплику графини. – Как говорится, мы вращаемся в разных кругах.

– Я знаю это и знаю также почему, – сухо процедил Тони. – Отчасти в этом виноват Родди Карстерз.

Александра встрепенулась, с испугом сообразив, что Тони осведомлен о ее печальной непопулярности. Она думала... надеялась... что никто из Хоторнов не подозревает о ее унижительной участи.

– Я просил Карстерза приехать к нам завтра утром, – резко продолжал Тони. – Необходимо предпринять что-то, попытаться изменить его мнение о вас и заставить забыть оскорбление, которое вы нанесли ему, покинув одного посреди залы той первой ночью...

– Заставить забыть! – взорвалась Александра. – Энтони, он говорил ужасные, отвратительные вещи о вашей бабушке.

– Карстерз постоянно это проделывает, – рассеянно согласился Тони. – И особенно веселится, стараясь шокировать, смутить или запугать женщин, и если это ему удастся, начинает презирать жертву за глупость и трусость. Карстерз словно птичка, которая перелетает с ветки на ветку и всюду сеет

семена раздора. Большая часть того, что он изрекает, весьма забавна, правда, не для тех, о ком идет речь. В любом случае вы либо должны были уничтожить его взглядом, либо ответить чем-то столь же возмутительным.

– Мне ужасно жаль. Я не знала...

– Беда в том, что вы вообще многого не знаете, – выдавил Тони. – Но как только мы доберемся до дома, я намереваюсь просветить вас.

Необъяснимое предчувствие ужасного несчастья, усиливающееся с каждой минутой, охватило Алекс. Экипаж остановился у дома на Аппер-Брук-стрит. Они вошли в гостиную. Тони, указав ей на обитое светло-зеленой парчой кресло, подошел к буфету, чтобы налить себе виски. При виде его разгневанного несчастного лица девушка тихонько охнула.

– Алекс, – резко начал он, – в этом сезоне вы должны были иметь ошеломляющий успех. Богу известно, что у вас для этого есть все необходимые качества, причем в совершенно греховном изобилии. Но вместо этого вы потерпели самый оглушительный провал за последние десять лет.

Александра едва не потеряла сознание от стыда, но Энтони, предостерегающе подняв руку, поспешно объяснил:

– Это моя вина, не ваша. Я утаил от вас истину, вещи, которые обязан был открыть раньше, но бабушка запретила мне, потому что боялась лишиться вас иллюзий. Теперь, однако, мы оба решили, что настало время открыть вам глаза, прежде чем вы собственными руками окончательно уничтожите все шансы обрести счастье... если, конечно, еще не очень поздно.

Подняв бокал, Энтони залпом осушил содержимое, словно срочно нуждаясь в подкреплении, и спросил:

– Со времени вашего приезда в Лондон вы, вероятно, не раз слышали, что друзья и знакомые Джордана прозвали его Хок? Как по-вашему, в чем причина?

– Мне казалось, это нечто вроде уменьшительного. имени, от «Хоторн».

– Многие тоже так считают, но для мужчин это слово, означает нечто совершенно иное. Ястреб – хищная птица, обладающая острым зрением и способностью схватить добычу, прежде чем та почувствует опасность.

Александра взглянула на него с вежливым интересом и полнейшим непониманием, и Тони раздраженно провел рукой по волосам.

– Джордан получил это прозвище много лет назад, когда покорила невероятно гордую молодую красавицу, по которой вздыхала половина лондонских холостяков. Хок добился своего за один вечер, всего-навсего

пригласив даму на танец.

Энтони наклонился и оперся руками о подлокотники кресла, в котором сидела Александра.

– Алекс, – настойчиво объявил он, – вы убедили себя, что любили и были любимы человеком, идеальным во всех отношениях, почти святым. Но правда заключается в том, что Хока, скорее, можно считать настоящим дьяволом, особенно во всем, что касалось женщин, и каждый знает это. Вы меня понимаете? – с горечью осведомился он, приблизив к ней свое лицо. – Все до единого, кто слышал, как вы говорите о Джордане словно о каком-то чертовом рыцаре в сверкающих доспехах, знают, что вы были очередной его жертвой, одной из бесчисленных женщин, поддавшихся роковому очарованию этого человека. Поверьте, чаще всего он не пытался их соблазнить и скорее злился, чем радовался, когда женщины влюблялись в него, но это ничего не меняло. Однако в отличие от других несчастных вы слишком бесхитростны, чтобы скрыть от общества свою ошибку.

Александра порозовела от смущения, но посчитала, что Джордана нельзя винить за его чрезвычайный успех у женщин.

– Я любил его как брата, но факт остается фактом – он считался известным повесой, заслужившим вполне оправданную репутацию распутника.

Проклиная про себя преданность и невинность Алекс, Тони выпрямился.

– Вы не верите мне, не так ли? Хорошо, вот вам остальное: в ночь своего первого бала вы при всех восхищались красотой двух женщин – леди Уитмор и леди Грейндж-филд. Обе были его любовницами. Вы, надеюсь, понимаете, что это означает?

Краска медленно отхлынула от лица Александры. Любовница делит постель с мужчиной, и он... он делает с ней все то, что Джордан проделывал с Александрой.

Энтони заметил, как она побледнела, но все же не унимался, исполненный решимости расставить все точки над "i".

– На том же балу вы спросили, любил ли Джордан балет, чем ужасно позабавили всех гостей, прекрасно осведомленных, что балерина Элиз Грандо была его содержанкой до самого последнего дня. Алекс, по пути на корабль, когда вы остановились в Лондоне, он отправился к ней. Люди видели, как Джордан покидал ее дом. Именно она распространяет слухи о том, будто он сказал, что его женитьба была вынужденным неудобством.

Александра вскочила с кресла и, зажмурившись, затрясла головой.

– Вы ошибаетесь. Я вам не верю. Он говорил про какое-то деловое

свидание. Джордан никогда бы...

– Он поступал так, как пожелает, ни с кем не считаясь, черт возьми! Знаете ли вы, что он намеревался отвезти вас в Девон и оставить там, а сам после этого вернулся бы в Лондон и продолжал бы связь с той же Элиз? Он сам мне это говорил! Джордан женился на вас из чувства долга, но не желал и не собирался жить с вами как с женой. И не испытывал к вам ничего, кроме жалости.

Алекс пошатнулась, словно ее наотмашь ударили по лицу.

– Он жалел меня? – сдавленно охнула она, сгорая от стыда и безжалостно сминая в кулаках складки платья. – Считал меня такой ничтожной?

И тут только до нее дошло, что Джордан собирался поступить с ней точно так же, как ее отец со своей семьей, – жениться, спрятать в каком-нибудь захолустье и вернуться к прежней жизни и порочным женщинам.

Тошнота подступила к горлу, и Алекс зажала рот, боясь, что ее сейчас вырвет. Энтони, подбежав, попытался обнять ее за плечи, но Алекс оттолкнула его и отступила, взирая на него с ужасом, будто считала таким же воплощением порока, как и муж.

– Как вы могли! – выпалила она голосом, дрожащим от боли. – Как могли позволить мне скорбеть о нем и разыгрывать такую безнадежную дурочку? Как могли быть настолько беспощадны, чтобы не разубеждать, будто он действительно был ко мне небезразличен?!

– Мы считали, что так будет лучше, – проворчала с порога вдовствующая герцогиня. Она вошла в комнату слегка прихрамывая, как всегда, когда была чем-то сильно расстроена. Но Александра, измученная до предела, не обратила на это внимания.

– Я еду домой, – объявила она, пытаясь побороть смертельную тоску, сдавившую сердце.

– Ни за что! – отрезал Энтони. – Ваша мать вернется из путешествия только через год. Вам нельзя жить одной!

– Я не нуждаюсь ни в вашем разрешении, ни в деньгах! По словам вашей бабушки, Хок оставил мне достаточное состояние.

– Которым я распоряжаюсь как ваш опекун, – напомнил Энтони.

– Мне ни к чему опекуны. Я со всем справлялась сама, еще с четырнадцати лет!

– Александра, выслушайте меня; – сдержанно попросил он, хватая ее за плечи и слегка встряхивая. – Я знаю, вы разгневаны и разочарованы, но не должны сбегать от нас и из Лондона, иначе случившееся будет всю жизнь преследовать вас. Вы не любили Джордана...

– Неужели? – разъяренно перебила его Александра. – В таком случае объясните, почему я провела целый год, пытаюсь стать достойной его имени?

– Вы любили иллюзию, грезу, которую создали сами, невинная идеалистка...

– Добавьте – доверчивая, слепая и глупая, – прошипела Алекс. Муки униженной души требовали от нее не принимать сочувствия и утешения, предложенных Энтони.

Девушка едва слышно извинилась и бросилась в свою комнату. Только оставшись одна, она дала волю слезам. Алекс оплакивала свои наивность, легкое верие, пропавший попусту год, в течение которого она трудилась до изнеможения, стремясь добиться одобрения человека, который не заслуживал имени джентльмена. Она рыдала, пока наконец собственные судорожные всхлипы не вызвали в ней презрения за слезы, растраченные понапрасну на ничтожное создание.

Вынудив себя сесть, она вытерла глаза, по-прежнему продолжая терзаться сознанием собственной ошибки. Подумать только, в тот день в саду она сама, первая, сказала, что любит его, стоило тому разок ее поцеловать!

Мэри Эллен говорила, что джентльмены любят, когда их восхваляют, и Алекс, очевидно, приняла советы подруги слишком близко к сердцу! Боже, она даже посмела сравнивать Джордана с «Давидом» Микеланджело!

Стыд опалил девушку, и она громко застонала, обхватив себя руками. Однако позорные воспоминания отказывались исчезнуть. Она даже подарила ему дедушкины часы! И при этом уверяла, будто дедушка посчитал бы его благородным человеком! Да дедушка выгнал бы взащей этого неверного предателя, пресыщенного, скучающего аристократа!

Потом, в экипаже, она позволяла Джордану целовать себя снова и снова... Лежала на нем, как безмозгая, опьяненная любовью распутница! А что он выделял с ней в постели, при ее полнейшем согласии... И после этого не задумываясь отправился к любовнице!

Вместо того чтобы пристрелить грабителя, напавшего на Джордана Таунсенда, ей следовало бы прикончить его светлость! Какой утомительной, должно быть, казалась ему ее неопытность! Неудивительно, что он не желал выслушивать ее наивные объяснения в любви!

– Сколько еще ждать? – прошептал в темноте Джордж Морган.

– Час, а потом попробуем прорваться, – коротко ответил Джордан, разминая затекшие мышцы в попытке подготовиться к предстоящему

побегу.

– Ты уверен, что слышал, будто сражение с англичанами идет всего в пятидесяти милях к югу отсюда? Совсем худо, если придется отшагать пятьдесят миль с моей хромой ногой и дыркой в твоей.

– Всего-навсего царапина, – отозвался Джордан, имея в виду рану, полученную от рук тюремщика, которого все же удалось одолеть.

Пещера, где они скрывались со вчерашнего дня, пока французы обыскивали ближайшие леса, была такой маленькой, что мужчинам пришлось сгибаться едва ли не в три погибели.

Боль прострелила ногу Джордана, и он замер, быстро, неглубоко дыша и стараясь вызвать в памяти образ Александры. Она словно по волшебству возникла перед его глазами, и Джордан каждой частичкой своего существа сосредоточился на ней. Он хотел представить, какой она стала, но перед ним стояла девушка на лесной поляне, со щенком на руках и глазами, сияющими любовью.

Зажмурившись, Джордан мысленно обводил пальцем контуры ее лица. Боль превратилась в нечто незначительное и хотя и неотвязное, но уже куда более терпимое. В прошлом он не раз прибегал к этому способу, и всегда с неизменным успехом.

В начале заключения, когда длившиеся неделями пытки довели его до грани безумия, именно мысли об Александре помогли избежать терзаний, раздиравших тело и пытавшихся пожрать разум. Он медленно, очень медленно воскрешал в памяти каждую секунду, которую провел с ней, каждую подробность их встреч, каждое слово, каждый жест. Он снова и снова овладевал ею в той гостинице: раздевал, держал в объятиях, цеплялся за воспоминания о ее невероятной нежности и о том, как страстно она ему отдавалась.

Но когда недели превратились в месяцы, картины их короткой семейной жизни больше не затмевали неумолимую действительность – ему понадобилось иное, более сильное средство, чтобы заглушить неотвязный голос, настойчиво побуждавший его оставить борьбу, позволить себе отдаться сладостному забытию, покориться приветливым объятиям смерти.

Поэтому Джордан принялся придумывать новые сцены: приятные, в которых Александра убегала от него, заливаясь мелодичным смехом, а потом оборачивалась, протягивая руки и ожидая, пока он придет к ней; пугающие – вот Тони выгнал Александру на улицу, и она живет в трущобах, ожидая, пока Джордан вернется и спасет ее; сладострастные, где Александра лежала во всем великолепии своей наготы на атласных простынях, ожидая, когда он возьмет ее.

Он придумывал десятки таких историй, в которых лишь одно было общим – Александра всегда ждала его. Нуждалась в нем. Джордан понимал, что это не более чем порождения фантазии, но не желал отказаться от единственного оружия против угнездившихся в мозгу демонов, твердивших, чтобы он перестал цепляться за здравый смысл, а потом и за жизнь.

Лежа в гнусной сырой камере, он придумал план побега, ведомый одной целью – вернуться домой. К ней. Целый год понадобился, чтобы понять пустоту и никчемность его существования, и теперь Джордан был готов позволить Александре показать ему ее мир, где все было живым и настоящим, подлинным и неиспорченным, где за каждым углом ожидало «нечто чудесное».

Джордан хотел очиститься от тюремной грязи и избавиться от позорного налета бездарно прожитых лет.

Но была у него и еще одна цель, менее благородная, хотя и столь же важная. Джордан хотел разоблачить негодяя, дважды стремившегося его убить. И отомстить ему. Тони получал наибольшую выгоду от его смерти, но Джордан пока гнал от себя эту мысль. Не здесь. Только когда доказательства будут в его руках. Он любил Тони как брата.

Глава 17

Александра проснулась, чувствуя себя, как ни странно, отдохнувшей и свежей после ужасной ночи слез и терзаний. Разоблачение вероломства Джордана лишило ее иллюзий, но, совершая обычный утренний туалет, девушка постепенно поняла, что избавилась от оков верности и преданности, целый год связывавших ее с памятью о муже.

Теперь она свободна от Джордана Таунсенда. Слабая улыбка тронула губы девушки. Присев перед туалетным столиком, она принялась расчесывать длинные тяжелые волосы. Как забавно – пытаясь стать достойной женой Джордана, она пошла против собственной природы, превратила себя в чопорную, сурово-добродетельную особу, которая вполне подошла бы даже священнику, но, уж во всяком случае, не беспринципному развратнику.

Александра неожиданно осознала, что всегда старалась стать той, какой хотели видеть ее люди, которых она любила. Для отца она была скорее сыном, чем дочерью, для матери – не ребенком, а опекуном, ради Джордана... превратилась во всеобщее посмешище.

Однако отныне все изменится. Александра Лоренс будет жить только для себя и попытается как можно веселее проводить время. Но для этого необходимо разрушить созданное ею же самой впечатление, уничтожить репутацию высокомерной, скучной, безмозглой дурочки, которую, сама того не желая, она приобрела в высшем обществе.

И поскольку сэр Родерик Карстерз был ее самым влиятельным, самым, красноречивым хулителем и критиком, с него, очевидно, и следовало начинать. Энтони намеревался поговорить с ним утром, но, возможно, она сама сумеет сказать или сделать что-нибудь такое, что изменит его мнение о ней.

Раздумывая, как лучше решить эту проблему, Александра неожиданно припомнила слова Мелани Камден о том, что большей простушки никогда еще не появлялось на лондонских балах. Следовательно, Мелани знала, что Александра не пользуется уважением в свете, однако все же предложила ей дружбу. Щетка застыла в руке девушки, на губах впервые за все это время заиграла улыбка. Кажется, у нее все-таки появится настоящий друг в этом городе!

Ощущая, как неожиданно легко стало на сердце, Алекс высоко заколола волосы и поспешно натянула тесные лосины и одну из рубашек,

которые надевала каждое утро для очередного поединка с Тони. Захватив рапиру и маску, девушка вышла из комнаты, беззаботно напевая веселую мелодию.

Тони стоял один посреди опустевшей бальной залы, где они упражнялись в фехтовании, и лениво похлопывал кончиком рапиры по сапогу. Повернувшись на звук ее шагов, он облегченно вздохнул:

– Я сомневался, что вы придете, особенно после вчерашней ночи.

Однако сияющая улыбка Александры свидетельствовала о том, что она не сердится на Энтони, так долго скрывавшего истинную суть кузена. Впрочем, она ничего не сказала вслух. Александра желала забыть и прошлую ночь, и Джордана Таунсенда. Она надела стеганый нагрудник, маску и коснулась лба рукоятью рапиры в знак приветствия достойному сопернику.

– К бою! – весело объявила она.

– Послушайте, Хоторн, – лениво растягивая слова, объявил Родди Карстерз в самый разгар схватки, – не слишком ли рано скакать по всей зале столь энергичным образом? – И, переведя взгляд на неизвестного партнера Тони, восхищенно заметил:

– Кто бы вы ни были, даю слово, никогда еще не встречал такого прекрасного фехтовальщика!

Александра в ожидании, пока ее затрудненное дыхание станет ровнее, стояла, упершись кулаками в бока, и поспешно взвешивала, стоит ли признаваться во всем Карстерзу или подождать, пока она не увидится с ним в салоне, как намеревалась ранее. Однако, припомнив вчерашние слова Энтони, девушка решила рискнуть. Больше она не струсит!

Заведя руки за голову, Алекс распутала завязки маски, одновременно вытащила шпильки из волос и тут же быстрым движением стащила маску и сильно тряхнула головой. Темные волосы рассыпались по плечам сверкающим каштановым покрывалом.

– Не верю! – пробормотал обычно невозмутимый сэр Родерик, ошеломленно глядя на смеющуюся молодую женщину. В эту минуту выражение его лица было почти комическим. Он явно пытался осознать ту потрясающую истину, что чопорная гусыня, на которой женился Хок, – вот эта красавица, стоящая перед ним в тугих лосинах и сорочке, и при этом куда более привлекательная, чем в самом откровенном бальном туалете. Более того, зеленовато-голубые глаза весело поблескивают – она явно наслаждается его замешательством.

– Чтоб меня черти... – начал Родди, но низкий гортанный смешок Алекс не дал ему договорить.

– Вне всякого сомнения, так оно и случится, – с деланным сочувствием кивнула она, направляясь к нему с естественной грацией молодой пантеры. – А если не случится, то лишь по ошибке, – добавила девушка, непринужденно протягивая руку, словно не она только сейчас желала ему попасть в ад.

Вообразив, что его разыграли и перед ним, вероятно, сестра-близнец Александры, Родди машинально сжал ее ладонь.

– Почему вы так считаете? – осведомился он, злясь на себя за то, что не сумел сдержаться и не выказать удивления.

– Потому, – беспечно объявила Алекс. – что вы сделали меня предметом насмешек и издевательств. Однако, вероятно, вы хотите исправить содеянное, с тем чтобы иметь возможность провести вечность в более приличном климате?

Она чуть подняла идеально изогнутые брови, и Родди едва не расплылся в улыбке, но вовремя спохватился. Энтони не вмешивался, с довольной ухмылкой прислушиваясь к перепалке. Значит, он не даром велел Хиггинсу прислать гостя в бальную залу, как только тот приедет.

– Насколько я понял, вы вините меня за собственную э-э-э... непопулярность? – вставил Родди, пытаясь вернуть самообладание.

– О нет, я виню лишь себя, – покачала головой молодая дама с милой, неосознанно манящей улыбкой. – И прошу вас помочь мне все исправить.

– Но почему именно я? – вскинулся Родди. Александра чуть пожала плечами:

– Да хотя бы для того, чтобы доказать, что вы способны на это.

Перчатка была брошена, но Родди не сразу решился ее поднять. Из чистого своенравия, каприза и невыносимой скуки он развлекался тем, что уничтожил репутацию не одной дюжины светских гордых, но ни разу не пробовал восстановить разрушенное. Подобная попытка, несомненно, подвергла бы его серьезному испытанию в глазах общества. И если к тому же он потерпит неудачу...

Однако испытание было нелегким, а задача – интригующей. Вдовствующая герцогиня обладает достаточным влиянием, чтобы вынудить старинных приятелей принять Александру, но только Карстерз мог сделать ее своей среди более молодых членов общества, во всем подражавших ему.

Снова взглянув на Александру, Родди заметил, что она, в свою очередь, искоса наблюдает за ним. В уголках нежных губ играла едва заметная неотразимая улыбка. Он словно впервые поражение заметил, как невероятно длинны ее ресницы, темными опахалами лежащие на щеках.

Почти против воли и вопреки своим убеждениям Родди Карстерз протянул ей руку:

– Ну что же, обсудим нашу стратегию позже... скажем, сегодня вечером, когда я приеду, чтобы сопровождать вас на бал к Тинсли?

– Так, значит, вы мне поможете? Сэр Родерик загадочно улыбнулся и ответил философским изречением:

Нет преград для дерзости смертных. В безумье своем мы способны Штурмовать даже небо само.

– Насколько мне помнится, это Гомер, – добавил он поучительно.

Однако девятнадцатилетняя плутовка лишь покачала головой и послала ему задорную, лукавую улыбку.

– Гораций.

Карстерз недоуменно уставился на нее, но немного подумав, кивнул.

– Вы правы, – медленно выговорил он, и в полуприкрытых глазах впервые блеснуло нечто вроде восхищения.

«Все оказалось так легко», – думала Александра с улыбкой, стоя в бальной зале в окружении толпы обожателей и друзей. По совету Мелани она заказала новый гардероб в более ярких тонах, подчеркивающих ее необычную внешность и оттеняющих цвет волос.

Кроме этого, для достижения успеха оказалось необходимым всего лишь забыть внушенные герцогиней правила поведения, подобающего истинной леди, и говорить все, что взбредет в голову, – каждое ее слово почтительно ловили и передавали из уст в уста.

Остальное довершил Родди, появившись с Алекс на публике и дав понять тем самым, что она приобрела друга и покровителя в обществе. Кроме этого, он мудро посоветовал ей постараться поддерживать хорошие отношения с бывшими возлюбленными Джордана, леди Уитмор и леди Грейнджфилд.

– Учитывая вашу поразительно наивную убежденность в воображаемых добродетелях мужа, – объяснил он, провожая ее на первый бал, – а также абсурдные восхваления красоты его бывших увлечений, не остается ничего другого, кроме как подружиться с этими дамами. И вместо того чтобы справедливо посчитать вас полнейшей простушкой, свет решит, что вы молодая леди с исключительным, хотя и не оцененным до сих пор чувством юмора.

Александра последовала этому и всем остальным советам Карстерза, и уже через месяц ее ждал оглушительный успех. На фоне юных, неопытных, по каждому поводу краснеющих девушек природный ум и врожденный

интеллект делали ее куда более утонченной и изысканной, а неподдельная искренность, мягкая улыбка и женственность выделяли ее среди умудренных жизнью замужних дам. Среди целого моря блондинок с молочно-белой кожей Александра с ее прекрасным цветом лица и роскошными волосами сверкала подобно драгоценности на поблекшем атласе.

Да, она была порывистой, остроумной и веселой, но завоевала популярность не только благодаря исключительной красоте и уму или огромному приданому и даже не влиятельным связям семейства Таунсенд, которыми, конечно, не преминет воспользоваться ее будущий муж.

Главное заключалось в другом. Она стала поразительной загадкой, тайной. Эта женщина вышла замуж за человека, пользующегося печальной славой самого известного ловеласа Англии, следовательно, ни у кого не осталось ни малейшего сомнения, что он успел посвятить ее в радости любви. Однако даже когда она была в самом веселом настроении, ее окружало такое сияние свежести и невинности, что большинство мужчин остерегались допускать с ней вольности; некая атмосфера спокойного достоинства словно удерживала поклонников на почтительном расстоянии.

Лорд Мерриуэзер, один из многочисленных безнадежно влюбленных кавалеров, во всеуслышание признавался:

«Она заставляет меня страстно хотеть добиться ее и в то же время дает понять, что недоступна. Клянусь, никому не дано узнать, какая она на самом деле, проникнуть в ее мысли. Молодая вдова Хоторна – настоящий секрет. Все так думают. Чертовски интригующе, доложу я вам».

Когда Родди повторил ей эти слова, мягкие губы Александры чуть задрожали, словно она пыталась подавить неуместный смех. Она совершенно точно знала, почему элегантные светские джентльмены находили ее «таинственной» и непонятной, – под налетом утонченности и изысканности крылась обыкновенная сельская девчонка, еще недавно сражавшаяся на рыцарских турнирах, удившая рыбу и охотившаяся на дичь.

Конечно, она сумела приобрести флер ленивой небрежности, но ни строгие условности, ни сама Александра не смогли полностью подавить здравый смысл и кипучую энергию. Ее глаза по-прежнему весело сверкали, если кто-то рассыпался перед ней в цветистых комплиментах или предлагал на пари скакать в Гайд-парке; она всегда с искренним интересом внимала рассказам известных путешественников о приключениях в джунглях далекого континента, где, по их словам, туземцы вооружены копьями, наконечники которых смазаны смертельным ядом.

Мир и люди, населявшие его, вновь стали такими же волнующими и манящими, как в ту пору, когда она, совсем еще девочкой, сидела на коленях у деда.

Один из поклонников поднес Александре бокал пенящегося шампанского. Поблагодарив его нежной улыбкой, она поднесла бокал к губам. Наблюдая за танцующими. Стоявший на другом конце комнаты Родди поднял свой бокал в молчаливом тосте, и она ответила ему тем же. Родди Карстерз во многом был для нее непостижимым явлением, но она, как ни странно, по-своему любила его и была тому чрезвычайно благодарна.

Только однажды за все это время старая неприязнь вновь всколыхнулась в Александре, когда он разгласил всему свету историю ее знакомства с Джорданом, которую девушка рассказала ему по секрету, взяв слово не говорить об этом ни единой душе.

В течение двадцати четырех часов весь Лондон бурлил сплетнями об Александре Таунсенд, в семнадцать лет спасшей жизнь самому Хоку. Не прошло и двух дней, как покров тайны, окружающей Александру, стал совершенно непроницаемым. Популярность и число обожателей увеличились вдесятеро.

Когда Александра обвинила Родди в предательстве, тот устоял на нее как на совершенную идиотку.

– Дорогая моя, – небрежно протянул он, – я дал слово не говорить никому, как вы застрелили человека, чтобы спасти обожаемого Джордана, и сдержал его. Однако я не обещал молчать о том, как вы спасли его, ибо такой лакомый кусочек невероятно восхитителен, чтобы наслаждаться им в одиночку. Видите ли, ваш покойный муж, – объяснил он с пренебрежительной ухмылкой, – слыл весьма опасным человеком, которому лучше не переходить дорогу. Он был метким стрелком и прекрасным фехтовальщиком, что испытал на себе не один соперник, включая лорда Уитмора и графа Грейнджфилда.

Хотя Александра была возмущена ханжеством обманутых мужей, простивших неверных жен, она старалась не судить их слишком строго. Она вообще старалась никого не судить слишком строго, по собственному опыту зная, каково это – быть отвергнутой обществом. И потому застенчивые молодые люди толпились около нее, зная, что прекрасная герцогиня Хоторн никогда не унизит их ни презрительным взглядом, ни язвительной насмешкой. Люди постарше и поопытнее едва не сражались друг с другом за право сидеть с ней рядом за ужином или пригласить танцевать, потому что она не требовала от них вести утомительно-

банальную, ни к чему не обязывающую беседу. Вместо этого они могли говорить с ней на любые интересные темы.

Золотая молодежь восхищалась не только ее необычайной красотой, но и искусством владения рапирой и старалась навещать в дом на Аппер-Брук-стрит как можно чаще и с утра пораньше в надежде увидеть, как она фехтует. Правда, им это позволялось крайне редко, зато все пытались сразиться с Хоторном, чтобы произвести впечатление на прекрасную герцогиню и завоевать ее улыбку.

Однако всех превзошел молодой лорд Сивли, чересчур неуклюжий, чтобы фехтовать, и чересчур робкий, чтобы пригласить ее на танец. Услышав, что леди Мелани Камден и престарелый помощник дворецкого Хоторнов, казавшийся совершенно глухим, зовут Александру уменьшительным именем, он написал и опубликовал «Оду к Алекс».

Не собираясь отдавать пальму первенства такому «молокососу», как Сивли, уже немолодой сэр Дилбек, увлекавшийся ботаникой, назвал новый сорт выведенных им роз «Несравненная Алекс».

Остальные поклонники, раздраженные такой неслыханной вольностью, тем не менее последовали примеру, и вскоре девушка навсегда превратилась в Алекс.

Глава 18

Повинуясь зову вдовствующей герцогини, Энтони как послушный внук немедленно отправился в гостиную. Стоя у окна, герцогиня смотрела на вереницу модных экипажей, возвращавшихся на Аппер-Брук-стрит после обязательного дневного променада в парке.

– Подойдите ко мне, Энтони! – строго приказала она. – Поглядите на улицу и скажите, что вы видите.

– Кареты возвращаются из парка – ничего особенно нового.

– А что еще?

– В одной сидит Александра с Джоном Холлидеем. Позади следует фаэтон Питера Уэслина, а рядом с владельцем – Гордон Бредфорд. Тот экипаж, что впереди, принадлежит лорду Тинсдейлу, а сам он уже давно ожидает в салоне в обществе Джимми Монфорта. Бедняга Холлидей! Он прислал мне записку с просьбой уделить ему несколько минут для разговора с глазу на глаз. Как, впрочем, и Уэслин, Бредфорд и Тинсдейл. И каждый, конечно, собирается сделать ей предложение.

– Конечно, – мрачно кивнула герцогиня, – именно это я имела в виду. Сегодняшний день – точное повторение вчерашнего, позавчерашнего и так далее. И все это продолжается почти месяц – поклонники прибывают толпами, задерживая движение и теснясь в нижнем салоне, но Александра не собирается выходить замуж и недвусмысленно дает им это понять. Однако несчастные продолжают осаждать дом с букетами и охапками цветов, а выходят отсюда, готовые прикончить мифического счастливого соперника.

– Но, бабушка... – успокаивающе начал Энтони.

– Не смейте задабривать меня, словно ребенка! – с неожиданной яростью обрушилась на Энтони герцогиня. – Я, конечно, стара, но отнюдь не глупа! И вижу, что у меня на глазах происходит нечто крайне неприятное и даже опасное! Александра стала чем-то вроде вызова для вашего не слишком умного брата! Как только она узнала правду о Джордане и позволила Карстерзу взять ее под свое крыло, разительные перемены произошли прямо на глазах! И теперь ее семейные связи вкупе с огромным приданым служат почти непреодолимым соблазном для каждого холостяка, вознамерившегося обзавестись женой!

Герцогиня помедлила, ожидая возражений, но Тони стойко молчал.

– Выкажи Александра предпочтение кому-то из поклонников или хотя

бы определенному типу мужчин, – не отступала герцогиня, – остальные бы поняли, что надеяться не на что, однако этого не случилось. И именно это поставило нас в весьма критическое положение, за которое я виню весь мужской пол!

– Мужской... – в изумлении пробормотал Тони. – Но что вы имеете в виду?

– Видите ли, когда мужчина сталкивается с чем-то недостижимым для него, он просто не может не стремиться заполучить это, хотя бы в попытке доказать, на что способен. – Она обвиняюще уставилась на беднягу Энтони. – Мужчины обладают этой совершенно омерзительной чертой с самого рождения, и тут ничего не поделаешь. Зайдите в детскую и понаблюдайте за малышом в окружении братьев и сестер. Вне зависимости от того, старше они или младше, он все равно попытается завладеть игрушкой, из-за которой все перессорились. Не то чтобы он по-настоящему хотел ее – отнюдь нет, – просто утверждает свою силу и ловкость.

– Благодарю, бабушка, – сухо заметил Энтони, – за огульное осуждение половины рода человеческого. – Я просто констатирую факт. Вы ведь не видели ни одной женщины, торопящейся оказаться в числе участников любого дурацкого соревнования?

– Верно.

– А именно это сейчас происходит. Все больше и больше участников, привлеченных почти неодолимыми трудностями, пытаются выйти победителями и завоевать Александру. Уже одно это весьма неприятно, однако ситуация с каждым днем становится все хуже.

– Но почему? – продолжал спрашивать Тони, втайне восхищаясь проницательностью бабушки.

– Александра стала призом, – мрачно объявила та. – Призом, который может быть выигран или просто захвачен любым мужчиной, достаточно дерзким и умным, чтобы отважиться на такое.

Энтони открыл было рот, но герцогиня властно подняла унизанную кольцами руку:

– Не трудитесь уверять меня, что такого не может случиться, – я уже все знаю. Насколько мне известно, три дня назад Марбли предложил короткую поездку в Кадбери и Александра согласилась его сопровождать. К счастью, один из отвергнутых поклонников, случайно узнав, что Марбли хвастался своими намерениями отвезти ее вместо этого в свое загородное поместье в Уилтоне и продержат там ночь, поспешил к вам. Вы, Тони, сумели перехватить экипаж Марбли как раз перед поворотом на Уилтон и вернуть Александру, объяснив Марбли, что я настоятельно требую ее

присутствия. Крайне мудро с вашей стороны, Потребуй вы удовлетворения, и дуэль вызвала бы скандал, который, в свою очередь, очернил бы репутацию Александры и неимоверно усугубил наши и без того нелегкие проблемы.

– В любом случае, – вставил Тони, – Александра ничего не знала о намерениях Марбли, ни тогда, ни сейчас. Я не видел причин расстраивать ее. Просто попросил больше не видеться с Марбли, что она и сделала.

– А что насчет Риджли? О чем он думал, когда повел ее на ярмарку? Весь Лондон только об этом и судачит!

– Александра, словно ребенок, обожает ярмарки. Она понятия не имела о том, что это предосудительно.

– Зато Риджли, кажется, именует себя джентльменом, – отрезала герцогиня, – и должен знать, как себя вести. Что на него нашло?! Повести невинную молодую леди в подобное место!

– Вы только что затронули самый сложный вопрос, – устало заметил Энтони, потирая затылок. – Александра вдова, а не девушка. Те немногие моральные принципы, которыми владеют мужчины, вряд ли применимы в их поведении с опытными женщинами, особенно обладающими способностью сводить их с ума.

– Я не стала бы говорить об Александре как об опытной женщине. Она еще почти девочка.

Энтони невольно улыбнулся, услышав эту крайне ошибочную характеристику неотразимой молодой красавицы с ослепительной улыбкой и изумительной фигурой. Однако его улыбка тут же померкла – реальность оказалась слишком суровой.

– Все это так запутанно, потому что она совсем молода и уже стала вдовой! Будь у нее муж, как у графини Камден, все бы смотрели сквозь пальцы на ее невинные проделки. Будь она старше, общество не требовало бы от нее жить по тем же законам, что остальные молодые девушки. Будь она некрасива, отвергнутые обожатели не стремились бы уничтожить ее репутацию из ревности и злобы.

– Они и на это отважились?

– Только двое или трое, зато сумели донести сплетни до сведения нужных людей. Вы так же хорошо, как и я, знаете, что слухи распространяются со скоростью лесного пожара. В конце концов все начнут верить, что дыма без огня не бывает.

– Все так плохо?

– Пока еще нет. Однако обозленные воздыхатели сумели представить в крайне сомнительном свете ее достаточно невинные проступки.

– Например?

Энтони пожал плечами:

– Последний уик-энд Александра провела в Сотби, на званом вечере. Она договорилась с одним джентльменом с утра поехать на прогулку верхом, и они покинули дом около восьми. А вернулись уже в сумерках, причем одежда Александры была порвана и в беспорядке.

– Господи Боже! – охнула герцогиня, хватаясь за сердце.

– Джентльмену было семьдесят пять лет, – улыбнулся Энтони, – и к тому же он оказался викарием в Сотби. Он намеревался показать Александре заброшенное кладбище, обнаруженное им неделю назад, чтобы она могла по достоинству оценить чрезвычайно интересные эпитафии. К сожалению, викарий не сразу припомнил, где находится это кладбище, и когда несколько часов спустя они все-таки его отыскали, старый джентльмен так измучился, что побоялся сразу сесть на коня. Александра, естественно, не хотела возвращаться без него, поэтому они явились только к концу дня.

– А ее амазонка?

– Подол был оборван.

– Но все это просто пустяки, не стоящие упоминания.

– Верно, но история столько раз пересказывалась и обрастала двусмысленностями, что приняла совершенно уродливые формы. Единственный выход – нанять компаньонку, какого-нибудь престарелого дракона, но в таком случае, особенно учитывая и последние сплетни, все подумают, что мы ей не доверяем. Кроме того, это испортит ей всю радость первого сезона.

– Ерунда! – непререкаемо бросила герцогиня. – Александра и не думает развлекаться, и именно поэтому я послала за вами. Она смеется, улыбается, флиртует, обводит мужчин вокруг пальца лишь по одной причине – доказать Джордану, что она не хуже его может играть в его игры. Если бы все ее поклонники исчезли с лица земли, она и не заметила бы, а если бы заметила, осталась абсолютно равнодушной.

Энтони негодуя выпрямился:

– Я сомневаюсь, что поездка на ярмарку или скачки на лошади Джордана и другие невинные проделки – попытки доказать что-то мужу.

– Тем не менее, – ответствовала герцогиня, не терпевшая возражений, – именно это она и делает, хотя вряд ли сознательно. Вы не согласны?

Поколебавшись, Тони нерешительно покачал головой:

– Нет, вы, по-видимому, правы.

– Еще бы! – почти яростно воскликнула герцогиня. – Надеюсь, вы согласитесь также, что нынешнее положение подвергает репутацию и будущее Александры серьезной опасности и, кроме того, с каждым днем ухудшается?

Чуть поеживаясь под пронизывающим взглядом бабушки И полностью признавая точность ее оценок, Энтони покорно вздохнул:

– Совершенно верно.

– Превосходно! – заключила герцогиня удовлетворенно. – В таком случае вы поймете, если я скажу, что не желаю скоротать свои дни в лондонском доме, осаждаемом поклонниками Александры. Поверьте, я постоянно и с ужасом жду, когда одному из них удастся либо то, что не вышло у Марбли, либо нечто еще более неслыханное! Я хочу провести остаток дней своих в Роузмиде, но не могу этого сделать, поскольку Александре придется ехать со мной, но какое будущее ждет ее там?! Оставить же ее здесь, с вами, покажется верхом неприличия и вызовет неслыханный скандал. – Она замолчала, пристально наблюдая за внуком и ожидая ответа, словно от него зависело все.

– Да, ни одно решение не кажется мне подходящим, – кивнул Тони.

Лицо герцогини осветилось плохо скрытой радостью.

– Я знала, что ваше мнение совпадет с моим. Вы человек, обладающий даром глубочайшего понимания и сострадания, Энтони.

– Э-э... спасибо, бабушка, – пробормотал Энтони, явно застигнутый врасплох столь непривычными похвалами обычно суровой, неразговорчивой родственницы.

– И теперь, когда мы выяснили, что полностью сходимся во взглядах, я должна попросить вас об одном одолжении.

– Все, что угодно.

– Женитесь на Александре.

– Все, что угодно, кроме этого, – быстро поправился Энтони, мрачно глядя на бабушку.

В ответ та лишь подняла брови и уставилась на внука с таким презрением, словно он только катастрофически упал в ее глазах. Именно таким взглядом она вот уже полвека эффективно усмиряла непокорных, запугивала слуг, заставляла замолчать детей и подавляла мятеж всякого, кто осмеливался выступить против, включая мужа и детей. Только Джордан был способен хладнокровно выдержать этот взгляд. Джордан и его мать.

Однако Энтони не обладал столь счастливым даром и сейчас чувствовал себя тем же двенадцатилетним мальчиком, которому достаточно

было этого взгляда, чтобы броситься в классную комнату и приняться зубрить ненавистную латынь. Он вздохнул и в отчаянии огляделся, словно пытаясь найти способ незаметно исчезнуть. Но ничего не вышло.

Герцогиня безмолвно выжидала. Молчание также было грозным оружием ее арсенала. В подобные минуты она всегда к нему прибегала. Это так умно, так мило, гораздо более утонченно и возвышенно – терпеть в вежливом молчании, пока жертва прекратит борьбу, нежели пытаться прикончить ее далеко не всегда необходимым словесным огнем.

– Вы, кажется, не совсем понимаете, чего просите, – рассерженно выпалил Тони.

Его отказ сдаться и выкинуть белый флаг побудил герцогиню поднять брови чуть выше, словно теперь она была не только разочарована, но и раздражена, и все потому, что сейчас ей придется дать предупредительный залп. Однако она сделала это не колеблясь и попала в цель, чего, впрочем, и ожидал Энтони. В словесных баталиях победа обычно оставалась за герцогиней.

– Я искренне надеюсь, – процедила она с едва заметным пренебрежением, – что вы не намереваетесь утверждать, будто не увлечены Александрой? – А если все же намереваюсь?

По виду герцогини стало ясно, что она готова открыть огонь из всех орудий, если услышит еще хоть малейшее возражение.

– Совершенно ни к чему пускать в ход тяжелую артиллерию, – загадочно предупредил Энтони, поднимая руки в знак перемирия. Хотя он не выносил мысли о том, что в любом поединке характеров она по-прежнему способна низвести его до уровня младенца, однако был достаточно взрослым и мудрым, чтобы понимать: спорить с бабкой, которая к тому же права, – дело совершенно безнадежное и не очень умное. – Не отрицаю, это действительно так. Более того, я сам не раз подумывал об этом...

Брови герцогини вновь приняли обычное положение, и она одарила его чуть заметным царственным наклоном головы – жест, означающий, что, возможно, у внука появился крохотный шанс завоевать ее благосклонность.

– Вы очень рассудительны. – Она всегда была великодушна к побежденным.

– Я по-прежнему не согласен с тем, что вы предлагаете, но готов все обсудить с Алекс и оставить за ней право решать.

– У Александры в этом вопросе выбора не больше, чем у вас, дорогой, – объяснила герцогиня, настолько обрадованная, что невольно употребила ласковое слово, не ожидая обычного перерыва в несколько

недель, прежде чем простить его за длительную капитуляцию. – И нет никакой необходимости мучиться вопросом, когда и где побеседовать с ней, поскольку я приказала Хиггинсу просить Александру присоединиться к нам... – она осеклась, услышав стук в дверь, – ...сейчас.

– Сейчас?! – взорвался Тони. – Но это невозможно! Внизу ждут трое, приехавшие просить ее руки.

Однако герцогиня небрежным жестом отмела все возражения:

– Я прикажу Хиггинсу их отослать.

И прежде чем Энтони смог пробормотать хоть слово, она сама распахнула дверь. На пороге показалась Александра, и Энтони потрясенно увидел, как умело меняет тактику герцогиня. Ее лицо мгновенно застыло в недовольной гримасе.

– Александра, – объявила она строго, однако не без сочувствия, – ваше поведение дает нам повод обеспокоиться. Я знаю, вы не хотели бы волновать меня, ведь я уже немолода...

– Волновать вас, мадам? – расстроено повторила девушка. – Мое поведение? Но что я сделала?

– Я объясню, – пообещала герцогиня и разразилась длиннейшей тирадой, намеренно предназначенной для того, чтобы встревожить, запугать и принудить Алекса броситься в объятия Энтони в ту минуту, как за герцогиней закроется дверь.

– Конечно, мы очутились в этой ужасной ситуации не только по вашей вине, – ринулась она в наступление. – Но совершенно ясно, что, не узнай вовремя Энтони о вашей поездке в Кадбери с сэром Марбли и не успеет догнать экипаж, вы оказались бы в Уилтоне, безнадежно скомпрометированная и вынужденная стать женой этого негодяя. Вы больше не можете перепархивать от одного поклонника к другому и беззаботно флиртовать! Все считают, что вы прекрасно проводите время, и только я знаю правду! Вы ведете себя подобным недопустимым образом, желая досадить Джордану. Хотите показать, что можете соперничать с ним, и воздать ему мерой за меру. Но ваши весьма невинные проделки не могут сравниться с тем, что вытворяют некоторые джентльмены, особенно такие, как Джордан. Кроме того, – провозгласила она, повышая голос, – Джордан мертв.

Александра недоуменно уставилась на герцогиню:

– Я знаю.

– Превосходно. Тем более нет причин продолжать эту комедию. – Герцогиня, в крайне редком проявлении нежных чувств, погладила девушку по щеке. – Уймись, прежде чем нанесете непоправимый вред

собственной гордости и фамильной чести. Вы должны поскорее выйти замуж, дорогая, и я, искренне любящая вас, желаю, чтобы этим мужем стал Энтони. Кстати, Энтони во всем со мной согласен.

Опустив руку, она дала заключительный залп из всех орудий.

– Вам необходимо чем-то занять себя, кроме развлечений, Александра, и нет ничего более подходящего, чем муж и дети. Боюсь, беспечные веселые деньки закончились. Настал час расплаты. Гардероб для лондонского сезона стоил огромных денег, а их у нас не так уж и много. Оставляю вас и Энтони обсудить детали.

Послав благосклонную улыбку Александре и многозначительную – внуку, она величественно поплыла к двери, но у самого порога обернулась.

– Надеюсь, на этот раз вы решите устроить пышную свадьбу в соборе, на которую будет приглашено все общество!

– Конечно, – сухо бросил Энтони.

Александра, все еще не очнувшаяся от потрясения, застыла, не в силах шевельнуться.

Герцогиня, мрачно нахмурившись, обратилась к Александре:

– Никогда не признавалась в этом раньше, но я очень суеверна. Мне кажется, все, что плохо начинается, редко кончается благополучно, а вашу с Джорданом свадьбу... согласитесь, трудно назвать счастливым событием. Торжественное венчание в соборе – именно то, что необходимо теперь. Весь свет будет сторгать от любопытства, и это даст ему возможность поговорить о чем-то другом, кроме ваших приключений. Думаю, три недели – вполне приемлемый срок для подготовки. – И старая дама, не дожидаясь ответа, закрыла за собой дверь. После ее ухода Александра судорожно схватилась за спинку кресла и медленно повернулась к улыбающемуся Энтони.

– Боже, она еще более жестока, чем я воображал, заметил он со смесью искренней любви и раздражения, покачивая головой. – Хок – единственный, кого она не могла заставить повиноваться подобными взглядами. Мой отец, как, впрочем, и отец Джордана смертельно ее боялись. А дед...

– Тони, – с отчаянием перебила Александра, умирая от стыда и смущения, – что я наделала? Я не сознавала, что навлекла позор на семью. Почему вы не сказали, что я слишком много трачу на наряды?

Только сейчас она с беспощадной ясностью поняла, какую бесцельную, легкомысленную, расточительную жизнь вела.

– Александра!

Девушка безучастно уставилась в веселое лицо Энтони. – Боюсь, вас

подвергли беззастенчивому шантажу, бесцеремонным уговорам, играли на вашей наивности и сознании вины. Моя бабушка пустила в ход все известные ей средства, причем без малейших угрызений совести.

Он, ободряюще улыбаясь, протянул руку, и Александра не задумываясь вложила пальцы в его теплую ладонь.

– Она совершенно здорова, вы не подтолкнули нас на путь разорения и, уж конечно, ничем не запятнали имя Таунсендов.

Однако Александра ему не поверила. Слишком многое из сказанного герцогиней приходило в голову ей самой. Вот уже больше года она жила с людьми, принявшими ее в семью, не считавшимися ни с какими расходами, чтобы окружить роскошью, подобающей молодой герцогине, а она? Чем отплатила им она? Сначала Алекс успокаивала себя тем, что вдовствующая герцогиня нуждается в ее обществе, особенно после смерти Джордана. Но последнее время она не часто бывала со старой леди; времени, казалось, хватало лишь на то, чтобы помахать друг другу, если их экипажи сталкивались на улице, или при встрече на лестнице, когда каждая спешила по своим делам.

– Она правду сказала насчет Марбли? – пробормотала девушка.

– Да.

– Но он ничем не давал знать, что влюблен в меня, как остальные денди. Не понимаю, почему он пытался меня похитить?

– По этому поводу у моей бабушки имеется весьма интересная теория, касающаяся маленьких мальчиков и игрушек. Советую как-нибудь спросить у нее.

– Пожалуйста, не говорите со мной загадками, – умоляюще прошептала Александра. – Только объясните, что происходит.

Тони вкратце поведал о разговоре с бабкой.

– Дело в том, – закончил он, – что вы слишком неотразимы, желанны и недоступны, а это не доведет до добра ни вас, ни всю семью.

– Какой ужас, – хмыкнула Александра. – Должно быть, вы все-таки что-то утаили, признавайтесь.

– Позвольте узнать, понравился ли вам лондонский сезон?

– Он именно такой, как вы обещали, – волнующий, необычайно интересный, и люди такие элегантные, я никогда не видела столько модных карет и фаэтонов и...

Тони затрясся от смеха:

– Вы совсем не умеете лгать.

– Верно.

– В таком случае нам обоим придется говорить правду. Александра

нерешительно кивнула, все еще колеблясь.

– Как мне нравится лондонский сезон? – медленно повторила она, обдумывая ответ. Подобно всем молодым аристократкам, во время сезона она спала до полудня, завтракала в постели, переодевалась не менее пяти раз на дню, К утренним визитам, променадам в парке, ужинам и балам, поглощавшим ее свободное время. Однако одна неотвязная мысль часто терзала ее среди самых изысканных: развлечений, в самые веселые мгновения: «И это все? Неужели ничего больше?»

Не в состоянии взглянуть в глаза Тони, Алекс подошла к окну и тихо призналась:

– Все это весьма забавно, однако иногда мне кажется, что я постоянно присутствую на огромной сцене, где каждый играет отведенную ему роль. Я буду скучать по Лондону, когда покину его, и стану с нетерпением ждать возвращения, но все-таки чего-то не хватает. Возможно, мне следует найти себе какую-то работу. Я чувствую себя не на своем месте, хотя еще никогда не была так занята. Надеюсь, я не очень несвязно объясняю?

– Я всегда понимал вас, Александра. Ободренная его мягким голосом, девушка обернулась и посмотрела Тони в глаза.

– Александр Поуп сказал, что развлечения – это счастье тех, кто не способен мыслить. Я не совсем с ним согласна, но при этом не удовлетворена подобной жизнью. Тони, вы никогда не устаете от бесконечных бессмысленных увеселений?

– В этом году у меня просто не было на них времени. – Тони широким жестом обвел комнату и сухо объяснил:

– Знаете, раньше я завидовал Джордану – его домам, землям, богатству. Теперь, когда они мои, я словно получил сокровище, которое весит не меньше тонны, – слишком ценное, чтобы пренебречь, слишком дорогое, чтобы выбросить, слишком тяжелое, чтобы носить. Вы даже не представляете, как разнообразны интересы Джордана и сколько времени уходит на то, чтобы сообразить, как лучше управлять тем или другим предприятием. Когда Джордан в двадцать лет унаследовал титул, владения Таунсендов были достаточно обширны, но не велики. За семь лет он увеличил капитал вдесятеро. Джордан работал как демон, но не отказывался от развлечений. Мне и в этом до него далеко.

– Именно поэтому вы не обращаете внимания на дам, которые доводят меня до безумия, каждый раз расспрашивая о том, куда вы собираетесь поехать вечером, с тем чтобы они тоже могли быть там?

– Нет, – рассмеялся Тони, – я пренебрегаю ими по тем же причинам, что вы – своими поклонниками. Польщен, но не заинтересован.

– Неужели ни одна девушка за все эти годы не затронула вашего сердца?

– Одна, – признался Тони усмехаясь.

– Кто она?

– Дочь графа, – тяжело вздохнул он.

– И что с ней случилось? – продолжала допытываться Александра. – Или вы не хотите об этом говорить?

– Вовсе нет. Обычная история. Она, казалось, отвечала на мои чувства. Я сделал предложение, но ее родители хотели подождать до конца сезона, прежде чем согласиться на такую не очень выгодную партию, как я, – человек благородного происхождения из хорошей семьи, но без титула и большого капитала. Поэтому мы договорились держать наши чувства в тайне до конца сезона.

– И что же? – спросила Александра, чувствуя, что ему хочется выговориться.

– Появился другой, с титулом, состоянием, обративший на нее внимание. Он танцевал с ней несколько раз, приезжал домой... Салли влюбилась в него с первого взгляда.

– И вышла замуж? – горестно прошептала Александра. Тони, усмехнувшись, покачал головой:

– Для этого человека Салли была всего лишь очередным завоеванием, объектом глупого, пустого, бессмысленного флирта.

– Но... это был не Джордан? – внезапно охнула Александра, поднося руку к неожиданно закружившейся голове.

– Счастлив сказать, что не он.

– В любом случае это к лучшему, – преданно объявила Александра. – Она, очевидно, была либо крайне легкомысленной, либо очень корыстной.

Губы девушки чуть раздвинулись в чарующе-теплой улыбке.

– Ну а теперь, – восторженно рассмеялась она, – когда вы стали самым знатным человеком во всей Англии, она, конечно, пожалела, что отвергла вас!

– Возможно.

– Ну а я от всей души на это надеюсь! – воскликнула девушка, но тут же виновато потупилась. – Конечно, нехорошо с моей стороны так злорадствовать.

– В таком случае мы оба грешны, – рассмеялся Тони. – Я тоже втайне частенько об этом думаю.

Несколько мгновений они в дружелюбном согласии молча взирали друг на друга. Наконец Тони, вздохнув, признался:

– Все это время я пытался объяснить, что неустанный труд приносит не больше удовлетворения, чем неумеренные развлечения.

– Вы, несомненно, правы. Я об этом не подумала.

– Вам стоит подумать еще кое о чем, – мягко посоветовал Тони.

– О чем именно?

– Поймите, то неуловимое, чего лишена ваша жизнь, не что иное, как любовь.

Он вынул табакерку и хотел было взять понюшку, когда неожиданный взрыв смеха заставил его забыть обо всем.

– Господи Боже, только этого мне не хватало, – едва выговорила она, без малейших, однако, признаков злобы и горечи. – Я была влюблена, ваша светлость, и вам известно, к чему это привело! Благодарю покорно! Скорее уж предпочитаю мигрень.

Глядя в это прелестное, сияющее весельем лицо. Тони с удивлением понял, что она говорит правду, и осознание этой весьма неприятной истины наполнило его неудержимым гневом на Джордана.

– Поверьте, Алекс, ваш опыт еще очень мал и к тому же неудачен.

– Вполне достаточен, чтобы понять: мне это совершенно не нравится.

– Но возможно, в следующий раз вам повезет больше.

– Слово «любовь» мгновенно вызывает у меня пренеприятнейшее ощущение в желудке, словно я только что съела угря, – усмехнулась девушка. – Я...

Но тут бешеное проклятие оборвало ее на полуслове.

Девушка изумленно застыла с открытым ртом.

– Черт бы побрал Джордана! Будь он жив, удушил бы его собственными руками!

– Нет, вы не так меня поняли! – запротестовала Александра, подбегая к нему. Огромные, сияющие, широко раскрытые глаза пристально, умоляюще глядели на него. – Даже когда я имела глупость думать, что безразлична ему, все время чувствовала себя так, словно хожу по канату. Постоянно тревожилась о каждой мелочи, изводила себя, боялась лишнее слово вымолвить. Мне хотелось угодить ему, и для этого я из кожи вон лезла. Должно быть, это наследственное – все женщины в моей семье влюблялись в недостойных мужчин, поклонялись им со слепой преданностью и готовы были на все ради них. – Девушка с сожалением улыбнулась. – Хотя все это довольно тошнотворная штука.

Тони невольно рассмеялся и, схватив ее в объятия, зарылся лицом в душистые волосы. Когда приступ веселья немного улегся, он заглянул ей в глаза и серьезно спросил:

– Александра, чего ты хочешь от жизни?

Их взгляды скрестились, и Алекс почувствовала, что не в силах шевельнуться.

– Не знаю, – прошептала она, неожиданно ощутив, как человек, которого она привыкла считать старшим братом, осторожно сжал ладонями ее лицо.

– Скажи, что у тебя на душе теперь, когда ты стала признанной королевой общества?

Александра не могла бы сдвинуться с места, даже если бы в это мгновение загорелся дом.

– Пусто, – прерывисто прошептала она. – И холодно.

– Выходи за меня замуж.

– Я... я не могу.

– Конечно, можешь, – заверил Тони улыбаясь, словно ожидал сопротивления. – Я дам тебе все, что по-настоящему необходимо для счастья. Все, в чем ты так нуждаешься, хотя сама этого не осознаешь.

– Что именно? – охнула Александра, уставившись на него с таким изумлением, точно видела впервые.

– То же, чего не хватает мне, – мужа, детей, тех, о ком можно заботиться, – хрипло пробормотал Тони.

– Нет! – вскрикнула Александра, чувствуя, как ее сопротивление начинает слабеть. – Ты сам не знаешь, что говоришь. Тони. Я влюблена в тебя не больше, чем ты в меня.

– Но ты ведь вообще никого не любишь, верно? Александра усердно закивала, и Тони ухмыльнулся.

– Вот видишь, это значительно облегчает принятие решения. Я тоже никого не люблю. Ты уже познакомилась с самыми выгодными и богатыми женихами этого сезона. Остальные не намного лучше, поверь мне.

Видя, что девушка по-прежнему колеблется, Тони слегка встряхнул ее.

– Александра, прекрати грезить наяву. Ты уже успела вкусить светской жизни. Больше ты не узнаешь ничего нового, разве что все-таки решишься выйти замуж... иметь семью...

Семья. Настоящая семья. У Александры ее никогда не было, во всяком случае, такой, где есть отец, мать, дети, многочисленные кузены, тетушки и дядюшки. Конечно, у их детей будет всего один дядя – брат Тони, но все же...

На что еще может надеяться женщина, кроме того, что Тони уже предложил? Впервые Александру осенило, что, хотя она и издевалась над романтическими фантазиями Мэри Эллен, сама вела себя как глупенькая,

сентиментальная школьница. Тони она не безразлична. И в ее силах подарить ему счастье. Алекс неожиданно почувствовала себя окрыленной, а на душе стало так легко и тепло, как не бывало уже много лет. Она всецело посвятит себя Тони, сделает его жизнь радостной, родит ему детей.

Дети... Мысль о малыше, которого она когда-нибудь возьмет на руки, стала решающим аргументом в споре. Из всех ее лондонских знакомых Тони был единственным, который хотел от жизни того же, что она.

Джордан из последних сил помог измученному другу подняться и, положив его руку себе на плечи, потащил Джорджа Моргана через неглубокую речушку. Оказавшись на другом берегу, улыбающийся, хотя и изнуренный, Джордан поднял глаза к низко висевшему над горизонтом солнцу, пытаясь определить время. Часов пять вечера, решил он наконец.

В пять часов вечера он впервые увидел солдат в английских мундирах, пробирающихся сквозь редкий лес. Англичане... Свобода... Дом.

Если повезет, он уже через три-четыре недели окажется дома.

Глава 19

Александра медленно спускалась по лестнице, волоча за собой шлейф платья из тяжелого светло-голубого атласа, расшитого по вырезу и широким рукавам жемчугом, бриллиантами и голубыми цирконами. Собравшиеся внизу слуги с сияющими лицами ловили каждое ее движение.

Пенроуз открыл для нее входную дверь, как делал до того сотни раз, но сегодня, провожая Алекс в собор, где должна была состояться церемония венчания он расплылся в улыбке и низко поклонился.

В близоруких глазах Филберта стояли слезы, когда Александра на прощание крепко обняла его.

– Поосторожнее, – прошептал он, – не запачкайте платье.

Он вечно донимал ее подобными наставлениями, и девушка, в свою очередь, растрогалась до слез.

Эти два старика и дядюшка Монти и были ее семьей. Мать продала дом в Моршеме, отправилась в долгое путешествие и даже не подумала приехать на свадьбу. Мэри Эллен должна была вот-вот разрешиться первым ребенком, поэтому тоже не смогла отправиться с мужем в Лондон. Зато Мелани, только недавно обнаружившая, что беременна, все-таки смогла быть подружкой Алекс, поскольку беременность еще не была заметна.

– Ты готова, дорогая? – осведомился радостный дядя Монти, предлагая ей руку.

– Постарайтесь не наступить на шлейф, – строго предупредила вдовствующая герцогиня, окидывая беднягу критическим взглядом от седоволосой макушки до начищенных черных сапог. Все последние дни она непрестанно читала наставления сэру Монтегю относительно его поведения, обязанностей на свадьбе и преимуществ трезвой жизни, третируя его так немилосердно, что совершенно запугала и уничтожила старика.

Заметив у него на щеках подозрительный – румянец, герцогиня мгновенно насторожилась.

– Сэр Монтегю! – провозгласила она, негодуя сверкая глазами. – Вы снова прикладывались к кларету?

– Конечно, нет! – возмущенно прогремел дядюшка Монти, надуваясь, словно оскорбленный петух, хотя все утро не расставался с бутылкой мадеры. – Не выношу кларет! Ни букета, ни крепости!

– Не важно, – нетерпеливо перебила его герцогиня. – Помните только,

что я вам говорила: после того как проводите Александру к алтарю, вернетесь к нашей скамье, сядете рядом со мной и не пошевелитесь до окончания церемонии. Понятно? Я дам вам знак, когда нужно подняться и выступить в проход. Все остальные будут сидеть, пока мы не встанем. Я выражаюсь достаточно ясно?

– Я еще не впал в детство, мадам. В конце концов, его величество недаром произвел меня в рыцари.

– Вы долго не проживете и покроете себя позором, если совершите хотя бы одну ошибку, – предупредила досточтимая леди, натягивая поданные Пенроузом жемчужно-серые перчатки. – Я не допущу столь омерзительного проявления непочтительности, как в прошлое воскресенье! Не могла поверить, что вы способны задремать посреди проповеди, да еще отвратительно громко храпеть при этом!

Дядюшка Монти забрался в карету и с видом мученика покосился на Александру. Его взгляд красноречиво говорил: «Не знаю, девочка, как ты умудряешься жить в одном доме с этой старой гарпией!»

Александра улыбнулась. Она так же хорошо, как и он, знала, что краска, залившая его щеки, свидетельствует о почти допитой с утра бутылке мадеры.

Устроившись поудобнее на сиденьях экипажа с гербом Хоторнов на дверце, уносившего ее к будущему мужу, Александра смотрела в окно, на оживленные улицы. Мелани ехала впереди, в другой карете, с Родериком Карстерзом, согласившимся быть шафером Энтони.

Позади на несколько миль растянулась цепочка элегантных экипажей, чьи владельцы спешили увидеть самую громкую свадьбу сезона.

«Как странно, – подумала Александра, – что я так нервничала и волновалась перед первым венчанием!» Пятнадцать месяцев назад, когда она вошла в тишину гостиной, чтобы соединить свою жизнь с жизнью Джордана, ее колени подкашивались, а сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется.

Но теперь... всего через час она станет женой Энтони перед тремя тысячами приглашенных на свадьбу гостей и чувствовала себя совершенно, абсолютно, безгранично спокойной. Безмятежной. Хладнокровной. Невозмутимой.

Александра поспешно выбросила из головы нелепые мысли.

– Почему вы еле тащитесь? – рявкнул Джордан кучеру фаэтона, предоставленного в его распоряжение капитаном «Фолкона» и невыносимо медленно пробиравшегося к дому на Аппер-Брук-стрит.

– Не знаю, ваша светлость. Похоже, что-то происходит возле собора.

Джордан по привычке взглянул на солнце, пытаясь определить, который час. У него уже давно не было такой роскоши, как часы, хотя раньше он владел едва ли не десятком шедевров часового искусства в золотых, украшенных драгоценными камнями корпусах. И при этом нисколько их не ценил. Он вообще принимал как должное все, что имел. Однако после почти полутора лет лишений и страданий Джордан сильно сомневался, что когда-нибудь снова обретет эту привычку.

Звуки и уличные сценки Лондона, которыми он, казалось, никогда не насытится, постепенно поблекли, отошли на задний план при мысли о том, какое потрясение ожидает родных.

Бабушка все еще жива – Джордан узнал это от капитана «Фолкона», который прочел в газете, что ее светлость собирается провести сезон в Лондоне. Если, на его счастье, она живет в своем городском доме, Джордан сначала пошлет ей записку, чтобы не испугать своим внезапным появлением. Тони, если он, конечно, в городе, несомненно, остановился в доме Джордана на Аппер-Брук-стрит, считая его своим.

Джордан не раз думал о том, что Тони, вероятно, не очень обрадуется, когда неожиданно вернувшийся кузен лишит его титула и поместий, но даже это было менее неприятным, чем неотвязные подозрения. Неужели Тони участвовал в заговоре с целью избавиться от двоюродного брата? Однако Джордан отказывался этому верить. Пока не получит веских доказательств.

Да, он гнал прочь эти мысли, терзавшие мозг днем и ночью. Но в ушах постоянно звучали слова одного из убийц, подслушанные им за мгновение до того, как он потерял сознание: «Тот парень заплатил, чтобы мы его прикончили, Джейми... а не тащили на судно...»

Джордан решительно выпрямился. Вполне возможно, что какой-то оскорбленный муж, например старик Грейнджфилд, послал по его следу наемников. Существует немало способов выяснить имя врага. Сегодня же Джордан жаждал насладиться домашним уютом и радостью возвращения.

Вспомнив о скором появлении на Аппер-Брук-стрит, Джордан страстно захотел сделать все сразу – пожать руку Хиггинсу, обнять бабушку и отереть слезы счастья с ее щек. Хлопнуть по плечу Тони и поблагодарить за прекрасное управление делами во время его отсутствия. И не важно, сколько денег успел потерять Тони – а Джордан был совершенно уверен, что кузен безнадежно запутался в бесчисленных финансовых тонкостях, – он всегда будет благодарен брату.

После этого Джордан примет ванну и переоденется. А потом... потом

ему нужна Александра. Из всех неотложных дел разговор с его молодой «вдовой» беспокоил Джордана больше всего. Ее детская привязанность к нему, несомненно, доставила ей немало страданий. Она была как тростинка, когда он впервые ее увидел, – теперь, вероятно, превратилась в скелет. Господи, что за ужасную жизнь она вела с тех пор, как встретилась с ним!

Правда, Александра скорее всего изменилась... хотя он надеялся, что перемены не будут слишком заметны. Разумеется, она стала настоящей женщиной, достаточно взрослой, чтобы выполнять супружеский долг и иметь детей. Он привезет ее в Лондон и сам введет в общество. Впрочем, они не останутся в столице надолго. У него хватило времени решить, как он собирается провести остаток своих дней. Теперь Джордан знал, в чем смысл истинных ценностей и чего он хочет добиться – обрести смысл жизни, иметь настоящую семью, а не тот светский брак по расчету, в котором муж и жена каждый идут своей дорогой. Он страстно желал любви, которую Александра когда-то пыталась ему подарить, любви, давшей ему стимул бороться и выжить. В благодарность за это он станет всю жизнь баловать Алекс, лелеять и оберегать. Возможно, любовь вообще защищена от окружающего мира. Или дело в доверии? Должен ли мужчина верить, что жена не изменится и останется преданной ему независимо от того, где она и в каком окружении? Очевидно, там, где речь идет об Александре, это чистая правда. Он не ведал доверия и ничего не знал о любви, но Алекс была воплощением того и другого и когда-то сама вызвалась научить его. А теперь Джордан готов позволить ей попытаться.

Он силился представить, как она выглядит сейчас, но перед глазами неизменно вставало смеющееся лицо с огромными аквамаринowymi глазами. Почти хорошенькое. Почти. Его «смешная мордашка».

Год она была в трауре, а потом под присмотром вдовствующей герцогини изучала правила этикета. Возможно, Алекс появится в обществе осенью, во время малого сезона, если, конечно, бабушка выполнила посмертное желание Джордана и решила «обтесать» ее.

Однако хуже и вероятнее всего, Александра, сломившаяся под грузом отчаяния и тоски, вернулась в свой убогий дом в Моршеме и скрывается от людей... или... о Боже, только не это... лишилась разума после всего пережитого! Наконец фаэтон остановился перед домом, и Джордан, выйдя, задержался на ступеньках крыльца, чтобы как следует оглядеть элегантный трехэтажный особняк с изящными решетками и высокими окнами. Все казалось таким знакомым и одновременно чужим.

Он поднял тяжелый полированный молоток и постучал, готовясь

увидеть Хиггинса, который, конечно, со слезами радости бросится ему на шею.

Дверь широко распахнулась, и на пороге появился незнакомый слуга.

– Что вам угодно? – осведомился он, вглядываясь в Джордана сквозь очки в проволочной оправе.

– Кто вы? – в свою очередь, недоуменно пробормотал тот.

– Я мог бы спросить то же самое у вас, сэр, – надменно ответил Филберт, оглядываясь в поисках Пенроуза, который, естественно, не слышал стука.

– Я Джордан Таунсенд, – резко бросил гость, зная, что лишь зря потратит время, убеждая слугу, что он, а не Тони носит титул герцога Хоторна. Протиснувшись мимо лакея, Джордан вошел в мраморный холл. – Пошлите мне Хиггинса.

– Мистера Хиггинса нет дома.

Джордан нахмурился, жалея, что Хиггинс или Рамзи не могут подготовить бабушку к его неожиданному появлению. Быстро шагнув вперед, он заглянул в большой салон справа и гостиную поменьше слева. Полно цветов, и ни одного человека. Повсюду расставлены корзины белых роз и зелени.

– Мы сегодня даем прием?

– Да, сэр.

– В честь возвращения блудного сына, как в конце концов окажется, – ухмыльнулся Джордан. – А где ваша хозяйка?

– В церкви, – объяснил Филберт, разглядывая высокого загорелого джентльмена. – А хозяин? – Тоже в церкви, конечно.

– Вне всякого сомнения, молится за мою бессмертную душу, – пошутил Джордан и, полагая, что Тони, конечно, оставит на прежнем месте Мэтисона, его камердинера, осведомился:

– Надеюсь, Мэтисон дома?

– Совершенно верно, – кивнул Филберт, с изумлением наблюдая, как неизвестный член семьи Таунсенд поднимается по лестнице и одновременно отдает приказы:

– Немедленно пошлите ко мне Мэтисона. Я буду в золотой комнате. Скажите, что мне нужно срочно принять ванну и побриться. И переодеться. Пусть принесет одежду, предпочтительно мою, но сойдут и вещи Тони и даже его собственные – словом, все, что он может стянуть.

Джордан поспешно прошел мимо хозяйских покоев, теперь, вероятно, занятых Тони, и открыл дверь в золотую спальню для гостей, далеко не столь роскошную, но в его глазах – самую прекрасную на свете. Сбросив

плохо сидевший редингот, одолженный капитаном «Фолкона», Джордан швырнул его на стул, расстегнул сорочку и принялся снимать штаны, когда в комнату с видом разъяренного пингвина ворвался Мэтисон – полы черного фрака развеваются, грудь выпячена, лицо покраснелось от негодования.

– Кажется, лакей перепутал ваше имя, сэр... Господи! – Камердинер застыл как вкопанный. – Господи Боже, ваша светлость! Господи Боже!

Джордан улыбнулся. Это больше походило на возвращение домой, как он его себе представлял.

– Уверен, Мэтисон, вы крайне благодарны Всевышнему за мое появление. Однако в данный момент я был бы так же благодарен вам всего лишь за ванну и приличную одежду.

– Конечно, ваша светлость. Сейчас же, ваша светлость. Как я счастлив, как рад уви... Господи Боже! – снова воскликнул Мэтисон, на этот раз в ужасе.

Джордан, никогда не замечавший за невозмутимым камердинером проявления каких-либо эмоций даже в самых тяжелых обстоятельствах, с некоторым изумлением увидел, как тот ринулся в коридор, исчез в хозяйской спальне и вылетел оттуда с сорочкой Тони, свисавшей с его руки, как белый флаг, сапогами и брюками для верховой езды, принадлежавшими когда-то Джордану.

– Я обнаружил их в гардеробе на прошлой неделе, – пропыхтел он. – Скорее! Вы должны немедленно ехать в церковь! Свадьба...

– Свадьба? Так вот почему все в церкви, – кивнул Джордан, собираясь отшвырнуть брюки, которые сунул ему лакей, и все-таки настоять на ванне. – Кто женится?

– Лорд Энтони, – выдохнул Мэтисон, пытаясь насильно облачить Джордана в сорочку.

Однако Джордан невозмутимо улыбнулся, стараясь не обращать внимания на чересчур взволнованного слугу.

– На ком?

– На вашей жене!

Потребовалось несколько минут, чтобы до Джордана дошел смысл слов камердинера, – его голова была слишком занята мрачными мыслями о том, что Тони, конечно, подписал брачный контракт новым титулом и взял на себя обязательства перед невестой и ее семьей, которые теперь, разумеется, не сможет выполнить.

– Двоемужество! – из последних сил прохрипел Мэтисон.

Наконец весь ужас происходящего обрушился на Джордана.

– Немедленно бегите на улицу и остановите любой экипаж, – коротко приказал он, натягивая сорочку. – На какое время назначена церемония и где?

– Через двадцать минут, в соборе Святого Павла.

Джордан вскочил в наемный экипаж, который успел выхватить посреди улицы из-под самого носа какой-то разъяренной вдовушки, и приказал кучеру гнать к собору.

– И можете потом удалиться на покой и жить в роскоши на то, что я вам заплачу, если доставите меня туда через четверть часа.

– Сомнительно, мистер, – покачал головой кучер. – Перед собором все забито экипажами – там сегодня свадьба.

Шли минуты, и сотни противоречивых мыслей и эмоций одолевали Джордана. Нетерпение и желание поскорее очутиться в соборе терзали его. Но, не в состоянии пробиться через невероятное скопление карет, Джордан откинулся на спинку сиденья и в мрачном молчании приготовился ждать.

За время своего отсутствия он иногда представлял, что, как это ни невероятно, Тони влюбился и сделал предложение. Но такая возможность казалась нереальной, поскольку кузен, так же как и сам Джордан, не горел желанием связать себя узами брака, даже светского, когда каждый супруг мог поступать как заблагорассудится.

Джордан также не исключал, что Александра тоже когда-нибудь может встретить кого-то и захотеть выйти замуж. Но не так чертовски скоро! Ведь она должна еще носить траур, не говоря уже о том, что была безумно влюблена в Джордана...

Но одного он и представить не мог даже в худших кошмарах: какие сложности вызовет его возвращение. Что некое ложно понятое чувство долга заставит Тони чувствовать себя обязанным жениться на несчастной вдове Джордана.

«Дьявол все это побори! – думал Джордан, разглядывая появившийся наконец впереди купол собора Святого Павла, – что толкнуло Тони на подобную глупость?!»

Джордан почти мгновенно нашел ответ. Жалость. Ничего, кроме жалости. Та же самая жалость, которую Джордан испытывал к жизнерадостной милой девочке, спасшей ему жизнь и глядевшей на него огромными обожающими глазами.

Жалость едва не стала причиной катастрофы, и у Джордана не было выбора, кроме как остановить венчание любой ценой, иначе Александра и Тони окажутся преступниками в глазах закона и света. Бедняжка Александра! Второй раз он лишает ее жениха! Снова разрушил ее покой!

Прежде чем экипаж успел остановиться, Джордан уже взбегал по длинному лестничному маршу, ведущему к дверям, молясь лишь о том, чтобы успеть вовремя и остановить проклятое венчание еще до начала церемонии. Но надежда увяла в ту секунду, когда он распахнул тяжелые дубовые двери и увидел стоявших у алтаря жениха и невесту. Джордан замер, бормоча цветистые ругательства, но тут же шагнул вперед. Стук каблучков выстрелами отдавался в благоговейной тишине.

Он добрался до первых рядов и остановился, выжидая подходящего момента. Только здесь и сейчас, стоя среди друзей, знакомых и родственников, которых знал много лет, он сообразил, что по нему не слишком скорбели. Если бы семья взяла на себя труд выдержать приличествующий случаю срок траура, ему не пришлось бы участвовать в мрачной драме, которая вот-вот разыграется в этой проклятой церкви. Внезапное озарение породило взрыв холодной ярости, охватившей Джордана. Однако его лицо оставалось совершенно бесстрастным. Джордан стоял неподвижно, скрестив руки на груди, однако кто-то уже успел узнать его, и по церкви пронесся шепоток, сначала тихий, но постепенно нараставший, как шум урагана.

Александра почувствовала неладное и нерешительно взглянула на Энтони, который, казалось, сосредоточился на словах архиепископа, как раз возглашавшего:

– Если кто-то из присутствующих здесь знает причину, по которой этот мужчина и эта женщина не могут соединиться в браке, пусть объявит об этом сейчас или вечно хранит молчание...

Какую-то долю секунды в церкви царила гробовая напряженная тишина, всегда сопровождающая этот древний призыв, – но на сей раз короткое безмолвие взорвалось. Взорвалось необратимо. Беспощадно.

– Такая причина существует, – раздался низкий иронический баритон.

Тони обернулся, архиепископ вскинул голову, Александра оцепенела, а все три тысячи гостей поднялись как один человек. Взволнованный шум голосов снова пронесся по церкви приливной волной. Из пальцев Мелани Камден выскользнул букет роз, Родди Карстерз широко улыбнулся, а Александра в полной уверенности, что сошла с ума, никак не могла осознать, что подобное происходит с ней, Причем на самом деле.

– На каком основании вы оспариваете законность этого брака?

– На том основании, что невеста уже замужем, – почти весело ответил Джордан. – За мной.

На сей раз было невозможно отрицать реальность этого мучительно знакомого глубокого голоса, и Александра покачнулась. Радость вспыхнула

в сердце, унося воспоминания о предательстве и обмане. Она медленно повернулась, боясь поднять глаза из страха, что судьба сыграла с ней злую шутку. Наконец она все-таки решилась. Перед ней стоял Джордан! Он жив! Вид этого знакомого прекрасного лица настолько потряс ее, что Алекс едва не упала на колени. Он здесь и смотрит на нее со слабой улыбкой на губах!

Вне себя от счастья, Александра едва не протянула руку, желая коснуться любимого и убедиться, что не спит. Его улыбка стала нежной, словно он почувствовал ее прикосновение. Он не сводил с нее глаз, отмечая перемену в каждой черточке. Но тут по какой-то необъяснимой причине лицо Джордана окаменело, и он наградил Тони резким осуждающим взглядом.

А в это время вдовствующая герцогиня, словно прикованная к месту, воззрилась на Джордана, схватившись рукой за горло. Один дядюшка Монти казался способным говорить и действовать, вне всякого сомнения, благодаря тому, что выпитая мадера лишила его возможности узнать Джордана. Однако старик прекрасно помнил наставления герцогини относительно необходимости соблюдения этикета и поэтому посчитал своим долгом объясниться с незваным гостем. Наклонившись к дерзкому незнакомцу, Продолжавшему стоять в проходе, сэр Монтегю громовым голосом предостерег:

– Немедленно сядьте! И не смейте шевелиться, пока говорит архиепископ, – иначе вдова с вас шкуру сдерет!

Его голос разрушил чары, державшие всех в оцепенении. Архиепископ тотчас объявил, что церемония не может продолжаться, и сошел с амвона. Тони взял дрожащую руку Александры и шагнул в проход. Джордан отступил, пропуская их. Величественная герцогиня медленно поднялась, не отрывая взгляда от Джордана. Дядюшка Монти, еще находясь под воздействием винных паров, вообразил, что венчание благополучно состоялось. Следуя полученной инструкции, он предложил руку герцогине и гордо повел ее вслед за женихом и невестой, благосклонно улыбаясь потрясенным гостям, в окаменелом изумлении наблюдавшим за ошеломительной сценой.

Выйдя на ступеньки, дядюшка громко чмокнул Александру и стал было энергично трясти руку Тони, но резкий голос Джордана остановил его:

– Вы, чертов идиот, венчание не состоялось! Сделайте что-нибудь полезное и отвезите домой мою жену!

Сам он повел старую герцогиню к ожидавшим каретам и, не оборачиваясь, бросил Тони:

– Предлагаю как можно скорее убраться отсюда, прежде чем вся толпа набросится на нас. В утренних газетах они найдут объяснение моему чудесному возвращению, и это отчасти удовлетворит их любопытство. Встретимся в моем... в городском доме на Алпер-Брук-стрит.

– Нет никакой возможности нанять экипаж, Хоторн, – сообщил Монти, видя, что ни Тони, ни Александра ни на что не способны. – Придется ехать с нами. – И, едва ли не насильно схватив за руки Александру и Тони, потащил обоих к карете.

Джордан подсадил бабушку в ее старомодный экипаж, отдал короткий приказ застывшему на козлах кучеру и сел рядом с ней.

– Джордан? – наконец прошептала она, глядя на него радостными, полными слез глазами. – Это действительно вы?

Улыбка сострадания чуть смягчила его суровое лицо. Обняв бабуку за плечи, Джордан нежно поцеловал ее в лоб:

– Да, дорогая.

Старая дама с редким для нее проявлением чувств погладила его по щеке, но тут же, отдернув руку, повелительно осведомилась:

– Хоторн, где вы были? Мы думали, что вас нет в живых! Бедняжка Александра едва не умерла с тоски, а Энтони...

– Не стоит утруждать себя измышлениями, и избавьте меня от ненужной лжи, – сухо перебил Джордан. – По виду Тони не похоже, чтобы он чересчур обрадовался мне, а моя «скорбящая» жена выглядела по-настоящему счастливой невестой.

Перед мысленным взором Джордана неотступно стояла ослепительная красавица, увиденная им в соборе. На какой-то чудесный, невероятный момент ему даже показалось, что произошла ошибка, что он неверно понял Мэтисона и Энтони женится совсем на другой девушке. Да-да, он просто не узнавал ее, до тех пор пока она не подняла на него эти незабываемые, сверкающие, словно драгоценные камни, глаза. Только тогда он окончательно уверился, кто перед ним, и с непреложной ясностью понял, что Тони женится на ней не из милосердия или жалости. Эта обольстительная женщина способна возбудить вожделение в любом мужчине, вожделение... и, возможно, более сильное чувство, но только не жалость.

– У меня создалось впечатление, – заметил. Джордан с уничтожающим сарказмом, – что поле смерти ближайшего родственника вся семья должна носить траур не меньше года.

– Несомненно, и мы действительно соблюдали траур, – немедленно вскинулась герцогиня. – Не показывались в обществе до апреля, когда

Александра представлялась его величеству, а потом...

– А где же все это время жила моя неутешная вдова? – процедил Джордан.

– В Хоторне, со мной и Энтони, конечно.

– Конечно, – язвительно согласился Джордан. – Просто поразительно, что Тони, не удовлетворяясь моими титулами, землями и деньгами, захотел получить еще и мою жену!

Герцогиня побледнела, только сейчас осознав, что мог подумать Джордан обо всем происходящем. Но еще более жестокой ошибкой было бы объяснять, что необходимость в поспешной свадьбе была вызвана именно популярностью Александры в обществе.

– Вы не правы, Хоторн. Александра...

– Александре, – перебил Джордан, – очевидно, весьма понравилось быть герцогиней Хоторн, поэтому она сделала единственную вещь, которая помогла бы ей и дальше носить этот титул. Решила выйти замуж за очередного герцога Хоторна.

– Но она...

– Коварная, расчетливая интриганка, – бросил Джордан. Ярость и отвращение словно кислотой разъедали душу. Пока он заживо гнил в тюрьме и ночами напролет тревожился об Александре, возможно, утасоющей в одиночестве, терзаемой тоской и отчаянием, Тони и она наслаждались всеми земными благами. А со временем решили насладиться и друг другом.

Герцогиня, прекрасно понимая, какие чувства обуревают внука, беспомощно вздохнула.

– Я знаю, каким отвратительным вам все это должно казаться, Джордан, – заметила она чуть виновато, – и вижу, что вы еще не готовы прислушаться к доводам рассудка. Однако мне бы очень хотелось по крайней мере услышать, где же вы были почти полтора года.

Джордан коротко рассказал о своих злоключениях, утаив самые тяжелые, но от исповеди, хотя и неполной, на душе стало еще мрачнее. Какая горькая ирония: Тони, захвативший все после предполагаемой кончины Джордана, решил присвоить и его жену!

Позади медленно двигался экипаж с позолоченным гербом Хоторнов, на который Энтони больше не имел права. Александра неподвижно сидела подле дяди Монти, напротив Энтони, неотрывно смотревшего в окно. Девушка никак не могла привести в порядок лихорадочно метавшиеся мысли. Джордан жив и здоров, если не считать того, что немного похудел.

Неужели он намеренно исчез, потому что хотел избавиться от жалкой неопытной девчонки, на которой женился, и вернулся, узнав, что кузен собирается обвенчаться с Александрой при живом муже?

Радость сменилась недоумением. Нет, он просто не может ненавидеть ее до такой степени!

Но стоило ей немного успокоиться, как безжалостные воспоминания принялись с новой силой терзать ее и без того измученную душу. Человек, возвращению которого она так радовалась, – именно тот, кто презирал ее и женился из жалости. Смеялся над ней вместе со своей любовницей. Джордан Таунсенд, каким она теперь его знает, – беспринципный, неверный, бессердечный, гнусный распутник. И не следует об этом забывать. Боже, подумать только, она была его женой!

Мысленно Александра успела обрушить на голову Джордана все известные ей проклятия, но к концу пути ярость стихла. Гнев требовал слишком большого расхода умственной и физической энергии, а ее несчастный мозг был почти парализован – столь велико оказалось потрясение.

Тони напомнил о себе легким покашливанием, и девушка внезапно осознала, что появление Джордана разительным образом изменило не только ее будущее, но и судьбу ни в чем не повинного молодого человека.

– Тони, – сочувственно произнесла Александра, – мне так жаль... Хорошо еще, что твоя мать предпочла остаться дома и ухаживать за твоим братом. Кто знает, как подействовало бы на нее возвращение Джордана!

Однако, к ее изумлению, Тони широко улыбнулся:

– Знаешь, быть герцогом Хоторном далеко не так заманчиво, как я думал когда-то. Я уже говорил: мало радости в том, чтобы обладать сказочным богатством и не иметь времени им наслаждаться. Признаться, мне только сейчас пришло в голову, что судьба вручила тебе сегодня огромный подарок.

– Интересно какой? – едва выговорила девушка, глядя на Тони как на сумасшедшего.

– Подумай сама, – продолжал он, громко смеясь. – Джордан теперь узнает, что его жена – одна из самых блестящих женщин Англии. Скажи по чести, разве не об этом ты мечтала?

Александра, мрачно улыбнувшись, представила, какой сюрприз ждет Джордана, когда тот услышит, что нежеланная, ничтожная, достойная лишь жалости девчонка, на которой он женился, превратилась в любимицу общества.

– У меня нет никакого желания оставаться его женой, – решительно

объявила она. – При первой же возможности я попрошу развода.

Тони мгновенно стал серьезным:

– Надеюсь, ты шутишь, и к тому же неудачно! Да представляешь ли ты, какой скандал разразится?! Даже если удастся получить развод, ты станешь парией. Ни в одном доме тебя не примут! Общество жестоко к разведенным женщинам!

– Мне все равно.

Тони покачал головой и уже более мягко добавил:

– Я должен поблагодарить тебя за заботу о моих чувствах, но уверяю, Алекс, не стоит из-за меня думать о разводе. Даже будь мы отчаянно влюблены друг в друга, ты все равно остаешься женой Джордана. И ничто не может этого изменить.

– А тебе не кажется, что он сам захочет все изменить?

– Ни в коем случае! – живо возразил Тони. – Готов побиться об заклад: единственное, чего он хочет именно сейчас, – потребовать удовлетворения и вызвать меня на дуэль. Неужели ты не видела, какими убийственными взглядами он награждал меня в церкви? Но не волнуйся, – заверил он при виде искаженного страхом лица девушки, – если Хок решит драться, я выберу шпагу и пошлю тебя вместо себя. Уж твою кровь он наверняка не осмелится пролить, и кроме того, у тебя куда больше шансов ранить его, чем у меня!

Александра хотела было возразить, что Джордану вряд ли есть дело, станут ли они с Тони мужем и женой, но попытка вступить в спор требовала ясного, рационального мышления, а она все еще никак не могла отделаться от ощущения нереальности происходящего.

– Позволь мне первой сказать ему, что я хочу развода, Тони. Ради спокойствия семьи он должен понять, что это решение целиком принадлежит мне и не имеет к тебе никакого отношения.

Не зная, что делать – смеяться или тревожиться, Тони сжал ее плечи и слегка встряхнул.

– Алекс, послушай меня. Я знаю, ты еще не оправилась от потрясения, и, конечно, не думаю, что тебе следует немедленно упасть в объятия Джордана, но ты чересчур далеко заходишь в своем желании отомстить!

– Вряд ли он будет возражать! – запальчиво бросила Александра. – Джордан рад от меня избавиться! Он никогда не испытывал ко мне и искорки чувства!

Тони покачал головой, безуспешно пытаясь скрыть улыбку.

– Ты совсем не разбираешься в мужчинах и их амбициях... и не знаешь Джордана, если думаешь, что он позволит тебе уйти. Он... –

Неожиданно глаза Тони весело блеснули, и он, согнувшись от смеха, повалился на сиденье. – Джордан, – едва выговорил он, – терпеть не мог делиться игрушками и никогда не пропускал случая принять вызов!

Дядюшка Монти перевел взгляд с одного на другого, сунул руку в карман и извлек маленькую фляжку.

– Подобные обстоятельства, – объявил он, осушив одним глотком едва ли не половину, – требуют подкрепляющих средств!

Для дальнейшего разговора времени не осталось – экипаж вслед за каретой герцогини остановился у дома.

Старательно отводя глаза от Джордана, помогавшего бабушке выйти из экипажа, Александра оперлась на руку Тони и ступила на землю. Однако при виде Джордана, медленно поднимавшегося на крыльцо под руку с герцогиней, шок, к счастью притупивший все ощущения Александры и снявший невероятное напряжение, быстро исчез. Стук его каблуков по каменным ступеням отдавался погребальным звоном в голове, рождая дурные предчувствия; тень Джордана, казалось, заслоняла солнце. Он – настоящий, реальный, живой и совсем рядом!.. От этой мысли Александру снова пронизала неудержимая дрожь. Это не сон... не кошмар, от которого можно очнуться.

Собравшиеся, словно по взаимному согласию, направились в гостиную. Все чувства Александры резко обострились от осознания угрозы ее будущему, не говоря уже о тревоге за судьбу Тони.

Александра замерла на пороге и быстрым взглядом окинула комнату, взвешивая преимущества и недостатки каждого места. Решив предпочесть нейтральную позицию, она устроилась не на диване, а в одном из кресел, стоявших друг против друга перед камином, и попыталась унять внезапный неудержимый стук сердца. Вдовствующая герцогиня, несомненно, придерживалась того же мнения, поскольку опустилась в другое кресло.

Оставалась софа, расположенная под прямым углом к креслам. Тони, не имея иного выбора, уселся на нее, а дядюшка Монти немедленно присоединился к нему в надежде на очередное возлияние, а также собираясь оказать племяннице, несомненно, необходимую той моральную поддержку. Джордан остановился у камина и, опершись о полку, холодно уставился на домочадцев.

Едва герцогиня успела вкратце и чрезвычайно нервно изложить приключения Джордана за последние пятнадцать месяцев, дверь отворилась и в гостиную вошел сияющий Филберт с подносом, на котором возвышались бокалы и бутылка шампанского. Не подозревая о трагических переменах в жизни хозяйки, верный лакей наполнил бокалы и, вручив один

Александра, объявил:

– Желаю вам быть всегда такой счастливой, как сейчас, мисс Алекс.

Приступ истерического смеха угрожал одолеть Александру при виде того, как Филберт торжественно вручает бокалы молчаливым обитателям комнаты.

Секунды шли, но ни у одного из присутствующих, даже у дядюшки Монти, не хватало смелости пригубить выдержанное шампанское, принесенное из погреба, чтобы отпраздновать несостоявшуюся свадьбу. Ни у кого, кроме Джордана.

Очевидно, совершенно невосприимчивый к сгустившемуся в комнате напряжению, он лениво вертел бокал в руках, рассматривая тянущиеся со дна пузырьки. Наконец, подняв голову, он с нескрываемым сарказмом обратился к Тони.

– Приятно знать, – холодно заметил Джордан, – что, несмотря на скорбь по поводу моей безвременной кончины, ты все же находишь время наслаждаться моими лучшими винами.

Герцогиня передернулась, как от боли, Александра оцепенела. Один Тони ответил на колкость беспечной усмешкой:

– Будь уверен, Хок, каждую новую бутылку мы начинали с того, что пили за тебя!

Александра из-под полуопущенных ресниц украдкой взглянула на высокую фигуру у камина, пытаясь наконец понять, что за человек ее муж. Ему, кажется, все равно, что Тони «захватил» его титул, деньги, земли и, наконец, жену. Однако он способен сердиться из-за такого пустяка, как выпитое вино!

Но следующие слова Джордана опровергли ее поспешные суждения.

– Как идут дела в Хоторне в мое отсутствие? – осведомился он.

Весь следующий час герцог осаждал кузена въедливыми вопросами, не упуская ни мельчайшей подробности, допрашивая о состоянии каждого из одиннадцати поместий, бесчисленных деловых предприятий и даже о здоровье некоторых арендаторов.

И каждый раз, когда он начинал говорить, низкий голос бил по и без того натянутым нервам Александры. Несколько раз она искоса поглядывала в его сторону, но тут же отводила глаза. Одетый в брюки, обтягивающие его длинные мускулистые ноги, и в рубашку с распахнутым воротом, льнущую к широким плечам, Джордан Таунсенд выглядел совершенно спокойным и непринужденным, словно был окружен аурой непостижимой силы, сдержанной, но готовой в любую минуту обрушиться на нее. Александра запомнила его красивым, но не таким угрожающе

огромным, наделенным грацией хищного зверя. Правда, он за это время похудел и сильно загорел, но казался куда энергичнее и здоровее, чем бледные и вялые джентльмены-аристократы. Сейчас он напоминал зловещий призрак, опасного, злобного великана, внезапно снова ворвавшегося в ее жизнь, чтобы навеки унести то скромное счастье, которого она ожидала от будущего. Она была не настолько жестока, чтобы жалеть о его возвращении! Просто для всех было бы лучше, если бы она вообще его не встречала.

Александр почудилось, что она целую вечность сидит неподвижно, изнемогая от напряжения и дурных предчувствий, с напускной невозмутимостью. Она судорожно цеплялась за остатки присутствия духа, словно за барьер, которым пыталась отгородиться от Джордана. И со смесью невыносимой тоски и угрюмой решимости ожидала, когда Джордан наконец соизволит обратить на нее внимание. Однако он, обсудив с Тони положение в поместьях, перешел к другим предприятиям, и душу Александры обуяла тревога. Далее Джордан справился обо всех событиях, что произошли за время его отсутствия, и ее паника сменилась недоумением. Однако когда речь зашла совсем уж о мелочах, вроде результата последних скачек в Фордхеме, недоумение Александры уступило место нетерпеливому раздражению.

Очевидно, он придавал ей меньше значения, чем двухлетней кобыле лорда Уэджли или чудо-жеребенку сэра Маркхема. Правда, вряд ли стоит этому удивляться, ведь она не так давно, к собственному стыду, выяснила, что Джордан Таунсенд считал ее не чем иным, как назойливым бременем.

Когда все вопросы, включая самые обыденные, были обсуждены, в комнате воцарилось неловкое молчание, и Александра, естественно, предположила, что ее время наконец пришло. Как раз в ту минуту, когда она ожидала, что Джордан попросит разрешения поговорить наедине, он резко выпрямился и объявил о своем намерении немедленно уйти!

Благоразумие предостерегало ее промолчать, но Александра больше не могла выносить эту ужасную пытку. Стараясь говорить как можно хладнокровнее, она негромко напомнила:

– По-моему, нам стоило бы обсудить еще один вопрос, ваша светлость.

Не потрудившись даже взглянуть на нее, Джордан пожал протянутую руку Тони.

– Это подождет, – холодно бросил он. – Когда я позабочусь о более важных делах, мы сможем поговорить с глазу на глаз.

Намек на то, что она не входит в число этих важных дел, не прошел незамеченным. Александра, вздрогнув, застыла при этом намеренном и

незаслуженном оскорблении. Как он смеет! Теперь она не та доверчивая, безумно влюбленная девчонка, которая пошла бы на все, чтобы только угодить ему!

Стараясь держать себя в руках, она с неоспоримой логикой возразила:

– Думаю, ваша светлость, человеческие существа заслуживают такого же внимания и времени, как жеребец сэра Маркхема, и я предпочла бы все выяснить сейчас, В присутствии остальных членов семьи.

Джордан наконец соизволил взглянуть на нее, и Александра задохнулась, увидев, какой гнев полыхает в его взгляде.

– Я сказал «с глазу на глаз»! – рявкнул он, и Александра с внезапной ясностью осознала, что под бесстрастной маской кипит неистовая ярость. Однако прежде чем она успела собраться с мыслями или хотя бы пробормотать подобающие случаю вежливые слова, герцогиня быстро поднялась и знаком велела Тони и дяде Монти следовать за ней.

Дверь закрылась за ними со зловещим стуком, и Александра осталась наедине с возвратившимся из царства теней мужем.

Чуть приподняв ресницы, она наблюдала, как Джордан направляется к столу и наливает себе шампанского. Воспользовавшись тем, что он на мгновение отвлекся, Александра присмотрелась получше, и увиденное повергло ее & ужас. Боже, как же она была когда-то наивна и влюблена, считая этого человека мягким! Да в нем нет ни капли мягкости и доброты! Подумать только, что она сравнивала его с великолепным Давидом!

Но нет, вместо идеальной красоты черты загорелого лица Джордана Таунсенда отмечены печатью жестокого благородства, непререкаемой властности и холодной решимости. Александра вздрогнула, заметив, каким презрительным цинизмом светятся его глаза, сколько уничтожающей насмешки слышится в каждом слове! Давным-давно она уверяла себя, что его серые глаза нежны, словно небо после летнего дождя, но теперь они казались ей колючими льдинками. О да, он красив, неотразимо красив, но так могут считать лишь те, кого привлекают смуглые, агрессивные, вызывающе чувственные мужчины. Она... она не относится к их числу.

Пытаясь найти слова, которыми можно было бы всего доходчивее объяснить свои чувства в этот момент, она тоже приблизилась к столу и налила шампанского, совершенно забыв о том, что не притронулась к первому бокалу. Оглядевшись в поисках ближайшего стула, она все-таки решила остаться на ногах, чтобы Джордан не подавлял ее своим ростом и грозной силой.

Он снова подошел к камину и поднес бокал к губам, исподтишка наблюдая за женой. По-видимому, у нее лишь две возможные причины

настаивать на этом разговоре. Первая состоит в том, что она искренне верит, будто влюблена в Тони, и поэтому хочет выйти за него замуж. В этом случае она признается во всем честно и откровенно, что вполне в ее характере. Или... или она попросту желает оставаться герцогиней Хоторн и потому готова стать женой любого, кто носит это имя. Тогда она постарается подольститься к Джордану, успокоить его милыми уловками, на которые женщины такие мастерицы. Но сначала подождет, пока его гнев немного остынет, – что она сейчас и делает.

Джордан допил шампанское и со стуком отставил бокал.

– Я жду, – нетерпеливо напомнил он. Александра подскочила от неожиданности и резко повернулась, возмущенная его убийственным тоном.

– Я... знаю, – произнесла она, исполненная решимости любой ценой заставить себя говорить с ним, не повышая голоса, и дать понять, что отныне не желает иметь с ним ничего общего и просит его поскорее разорвать этот брак. С другой стороны, Алекс не желала показать, как жестоко обидела, ранила и лишила ее иллюзий жестокая правда о похождениях Джордана и о причинах женитьбы на ней. Она ни за что не признается, как скорбела на глазах у всего света по первому сердцееду Лондона!

Однако с каждой минутой она понимала все яснее, что в своем нынешнем настроении Джордан вряд ли способен спокойно обсуждать столь щекотливую тему, как развод. Вероятнее всего, гнев его будет ужасен.

– Я не совсем уверена, с чего начать, – нерешительно пробормотала Алекс.

– В таком случае, – язвительно заметил Джордан, окидывая испепеляющим взглядом великолепный атласный подвенечный туалет, – позвольте мне внести несколько предложений. Если вы собираетесь мило всхлипывать и уверять, как тосковали по мне, боюсь, подобный наряд не совсем уместен. Было бы куда предусмотрительнее сначала переодеться. Кстати, он прелестен, но чересчур роскошен. Мне пришлось заплатить за него?

– Нет... то есть я точно не знаю...

– Не важно, – резко перебил он. – Сначала покончим с вашими загадками. Прежде всего вы сейчас вряд ли в том положении, чтобы броситься в мои объятия, заливаясь слезами радости, особенно еще и потому, что всего час назад готовились стать женой другого. Придется придумать что-то поизощреннее, чтобы умиловить меня и добиться прощения.

– Добиться чего? – почти взвизгнула Александра, на мгновение презрев страх.

– Почему бы не начать с пространного описания глубины вашей скорби при известии о моей трагической кончине? – прорычал Джордан, не обращая внимания на взрыв праведного негодования Алекс. – Представляете, как мило? Потом, если вы сумеете выдавить одну-две слезинки, можете поведать, как оплакивали меня, молились за мою...

Все это было так близко к правде, что голос Александры задрожал от унижения и гнева.

– Прекратите! Я вовсе не собираюсь делать ничего подобного. И кроме того, надменный вы ханжа, в вашем прощении я не нуждаюсь!

– Весьма глупо с вашей стороны, прелесть моя, – вкрадчиво промурлыкал Джордан, с силой отталкиваясь от камина. – В подобных случаях лучшее средство – нежность и приложенный к глазам платочек, и уж никак не оскорбления! Более того, сейчас ваша главная забота – попытаться смягчить мой нрав. Хорошо воспитанные леди, стремящиеся стать герцогинями, просто обязаны угождать любому герцогу, который еще не имел счастья жениться. Ну а теперь, поскольку вы пока не можете переодеться или хотя бы всхлипнуть, почему не попробовать расписать, как сильно вам меня не хватало? Вы ведь тосковали по мне, верно? И, клянусь, очень сильно. Так сильно, что решили выйти замуж за Тони, потому... скажем, потому, что он похож на меня. Ведь все так и было? – издевательски усмехнулся он.

– Почему вы так ведете себя? – вскрикнула Александра.

Но Джордан, не позаботившись ответить, шагнул ближе, нависая над ней темным зловецим облаком.

– Через день-два я сообщу решение относительно вашей дальнейшей участи.

Гнев и смущение боролись в душе Александры, внося полнейший разброд в ее и без того смятенные мысли. Джордану Таунсенду никогда не было до нее дела, и он просто не имеет ни права, ни причин вести себя как лицемерный моралист и разъяренный муж!

– Но я не безмозглая неодушевленная вещь! – вскинулась она. – И вы не можете избавиться от меня, как от ненужной мебели.

– Неужели? Хотите проверить и убедиться? – процедил он.

Александра лихорадочно соображала, как усмирить его неразумный гнев и успокоить раненое самолюбие. Рассеянно проведя рукой по волосам, она с отчаянием пустила в ход последнее оружие – логику. В конце концов, именно она невинная и оскорбленная сторона, однако он явно сильнее и

опаснее, поэтому необходимо найти способ урезонить его.

– Понимаю, что вы рассержены...

– Вы весьма наблюдательны, – злобно прошипел он. Однако Александра, стараясь игнорировать его саркастические реплики, настойчиво, негромко продолжала:

– И понимаю также, что сейчас нет смысла пытаться что-то доказать вам...

– Почему же, можете рискнуть, – вежливо разрешил он, хотя выражение глаз говорило обратное. Джордан выпрямился и угрожающе шагнул к ней.

Александра поспешно отступила.

– Не... не имеет смысла. Вы не станете меня слушать. Ярость гасит светильник разума...

Цитата из Ингерсолла застала Джордана врасплох, возвращая к мучительным воспоминаниям о смеющейся, очаровательной кудрявой девчонке, которая в зависимости от обстоятельств могла приводить любые изречения – от Будды до Иоанна Крестителя. К несчастью, это еще больше рассердило его, поскольку той девочки больше не существовало. Она превратилась в расчетливую, лживую интриганку. Он знал, что если бы Александра собиралась выйти замуж за Тони по любви, то, несомненно, призналась бы в этом. Поскольку же она промолчала, значит, очевидно, просто хотела оставаться герцогиней Хоторн.

«И поэтому попала в довольно сложное положение, – цинично думал Джордан. – Не может же она броситься мне на шею и проливать слезы, когда я едва спас ее от второго, незаконного замужества. Но Александра, конечно, побоится рисковать и не выпустит меня из дома, не предприняв первые из многих, весьма предсказуемых шагов к примирению, особенно если желает по-прежнему возвращаться в обществе и пользоваться всеми привилегиями, подобающими жене герцога Хоторна. А для этого свет должен видеть, что она не утратила расположения мужа».

Да, за последние пятнадцать месяцев она стала честолубивой. И прекрасной. Ослепительно прекрасной женщиной, с блестящими волнистыми волосами, рассыпанными по плечам и поразительно контрастирующими с алебастрово-прозрачной кожей, сверкающими зеленовато-голубыми глазами и нежными розовыми губами. По сравнению с бесцветными блондинками, считавшимися в обществе признанными красавицами, Александра была неизмеримо более привлекательна.

Он испепелял ее жестким взглядом, убежденный в правоте своих оценок, и все-таки, несмотря на все свидетельства, не мог найти и

малейшего следа хитрости и вероломства в искрившихся гневом глазах и раскрасневшемся рассерженном лице. Взбешенный собственным упорным нежеланием увидеть ее наконец в истинном свете и покончить со всеми иллюзиями, Джордан повернулся и направился к двери. Александра молча смотрела ему вслед, обуреваемая мириадами противоречивых эмоций, включающих одновременно бешенство, облегчение и тревогу. В дверях он остановился, и Алекс мгновенно сжалась.

– Я перееду сюда завтра. А пока прошу следовать моим приказам. Вы не должны нигде показываться с Тони.

Судя по голосу, в случае неповиновения ее ожидала ужасная кара. Но хотя Алекс и представить боялась, в чем она будет заключаться, тем более что ей совсем не хотелось выезжать и очутиться лицом к лицу с необходимостью терпеть последствия сегодняшнего скандала, ее все-таки задела его угрозы.

– Кроме того, вы не смеете покидать этот дом. Я достаточно ясно выразился?

Пытаясь скрыть страх и тревогу, Александра великолепно небрежным жестом отмахнулась, пожала плечами и объявила:

– Я бегло говорю на трех языках, ваша светлость. Один из них – английский.

– Вы, кажется, делаете мне замечание? – зловеще-вкрадчиво осведомился Джордан.

Мужество боролось в Александре со здравым смыслом, но ни то ни другое не взяло верх. Боясь броситься в атаку и не желая отступить, она постаралась усмирить его тоном взрослого, увещающего неразумного капризного ребенка – У меня нет ни малейшего желания обсуждать что бы то ни было, пока вы в таком безрассудном настроении.

– Александра, – прогремел он, – если вы решили проверить, до какой крайности можете довести меня, знайте, что это и есть предел. В моем нынешнем «безрассудном настроении» ничто не даст мне большего удовлетворения, чем решение запереть эту дверь и в следующие десять минут сделать все, чтобы вы не могли сидеть по крайней мере неделю. Надеюсь, вы меня поняли?

Перспектива быть высеченной, словно непослушное дитя, окончательно лишила Александру с таким трудом обретенной уверенности и заставила почувствовать себя такой же неловкой и беспомощной в его присутствии, как полтора года назад. Она гордо вздернула подбородок, но ничего не ответила, только яркая краска унижения выступила на щеках и слезы обиды обожгли веки.

Пригвоздив ее к полу долгим взглядом и убедившись, что она достаточно запугана, Джордан решительно переступил порог и даже не подумал кивнуть на прощание.

Два года назад Александра не была знакома с правилами этикета, которым неуклонно следовали воспитанные леди и джентльмены, и не понимала, что Джордан оскорбляет ее, не утруждая себя поклоном, поцелуем руки или просто вежливым обращением. Стоит только вспомнить, как он даже не разрешил называть себя по имени!

Теперь же она с бешенством и как никогда ясно припомнила все эти оскорбления, прошлые и нынешние.

Александра подождала, пока не услышала стук входной двери, и только потом, двигаясь словно во сне, вышла из гостиной и поднялась в свою комнату. Борясь с тоской и отчаянием, она побыстрее отпустила горничную и машинально сняла платье. Он вернулся! И стал еще хуже: куда более надменный, властный, совершенно бессердечный человек с диктаторскими замашками. И она замужем за ним. Замужем! При одной мысли об этом разрывалось сердце.

Еще утром все было простым и ясным. Она встала и оделась, чтобы ехать в церковь. Однако через три часа выяснилось, что она жена совсем другого человека. Недостойного. Чужого.

Сердито вытерев ладошкой слезы, Александра уселась на диван и обхватила себя руками, безуспешно пытаясь хотя бы на миг забыться. Воспоминания терзали душу, мучая ее живыми, совершенно реальными образами безмозгой, глупенькой, влюбленной девчонки, которой Алекс была когда-то. Вот она и Джордан в саду Роузмида...

«Вы прекрасны, как „Давид“ Микеланджело, – выпалила она тогда. – Я люблю вас!»

И когда он овладел ею, Алекс едва не потеряла сознание в его объятиях и тошнотворно-сентиментально лепетала о том, какой он мудрый, сильный и чудесный.

– Господи Боже, – простонала она вслух при мысли о том, как заявила Джордану, этому омерзительному развратнику, что он, очевидно, плохо знает женщин! Неудивительно, что он ухмыльнулся!

Александра всхлипнула, но тут же взяла себя в руки. Это чудовище не дождется ее слез! Она уже пролила их целое море, когда рыдала у надгробной плиты!

В памяти всплыли жестокие слова Тони: «Джордан женился на вас из жалости... не хотел и не собирался жить с вами... намеревался оставить в Девоне, а потом вернуться и возобновить связь с Элиз... уже после свадьбы

он посетил любовницу... это он сказал ей, что ваш брак вынужденный...»

В дверь негромко постучали, но Александра, погруженная в невеселые мысли и истерзанная страданиями, не слышала ничего, пока Мелани не заглянула в комнату.

– Алекс?!

Александра, встрепенувшись, повернула голову. Мелани достаточно было одного взгляда на измученное, залитое слезами лицо, чтобы броситься к подруге.

– Создатель! – прошептала она в ужасе, вставая на колени перед Александрой и вынимая платочек. – Почему вы плачете? Что он сделал с вами? Злился? Кричал? Или... или ударил?

Александра конвульсивно сглотнула и попыталась что-то сказать, но мешал комок в горле. Кроме того, муж Мелани – ближайший друг Джордана, и теперь неизвестно, чью сторону она примет.

Поэтому Алекс лишь покачала головой и взяла у Мелани платок.

– Алекс! – с растущей тревогой вскричала та, правильно истолковав настороженный взгляд Александры. – Пожалуйста, не молчите! Я ваша подруга и всегда ею останусь!

Когда-то Александра призналась Мелани, что вела себя как слепая дура во всем, что касалось Джордана, однако ни разу не упомянула о полном отсутствии чувств к ней с его стороны. Кроме того, Алекс привыкла скрывать свое унижение, весело подшучивая над собой. Однако теперь Мелани стала свидетельницей ее безмолвных терзаний, и Александра, запинаясь, поведала наконец все постыдные подробности своих отношений с Хоком, ничего не скрывая. В продолжение рассказа Мелани часто и сочувственно качала головой, пока Алекс воскрешала в памяти свои наивные признания, но ни разу не улыбнулась, когда подруга объявила о намерении мужа запереть ее в девонском доме. Кроме этого, Александра вкратце описала трагические приключения Джордана.

Мелани, погладив ее по руке, заверила:

– Все это в прошлом. Как насчет будущего? У вас есть какой-то план?

– Да, – уверенно кивнула Алекс. – Я хочу развода!

– Что?! – охнула Мелани. – Вы это серьезно? Александра заверила, что не позволила бы себе шутить на подобные темы.

– Развод немыслим, – немедленно решила Мелани. – Вы станете изгоем, Алекс. Даже муж, который позволяет мне решительно все, не разрешит бывать в вашем обществе. Никто не осмелится просто заговорить с вами!

– И все же это предпочтительнее, чем оставаться замужем за этим

человеком и прожить остаток дней в Девоне.

– Возможно, вы сейчас так считаете, но в любом случае ваши чувства нельзя принимать в расчет. Не уверена, что ваш муж согласится на развод! Кроме того, начнется долгая судебная волокита, и вам понадобится не только согласие Хока, но и основания для развода.

– Я именно об этом думала до вашего прихода и, кажется, уже получила эти основания, а его согласие не имеет значения. Прежде всего меня уговорили на этот брак и я пошла на него из-за... из-за некоторых обстоятельств. Кроме того, стоя перед священником, Джордан давал обет любить и почитать меня, хотя вовсе не намеревался его исполнять, – это ли не достаточно веские доказательства для получения либо судебного постановления о признании брака недействительным, либо развода с согласия мужа или без оногo?! Однако я не вижу причин, почему он может отказаться, – добавила Александра в новом приступе ярости. – Он с самого начала не хотел на мне жениться!

– Верно, – парировала Мелани, – но вряд ли ему понравится, если все узнают, что вы больше не хотите с ним жить!

– А по-моему, он будет только рад от меня избавиться, Однако Мелани упрямо покачала головой.

– Вот в этом я тоже не уверена. Потому что видела, как Хок смотрел на лорда Энтони – словно вот-вот задушит его собственными руками!

У него вообще злобный нрав, – с отвращением бросила Александра, припоминая недавний разговор с мужем. – Хотя нет никаких причин сердиться на Энтони или На меня!

– Нет причин?! – ошеломленно повторила Мелани. – ведь вы едва не вышли за другого!

– Не вижу, в чем тут разница, – как я уже говорила, он вообще не желал на мне жениться! – Но это не значит, будто он желает, чтобы на вас женился кто-то еще, – мудро заметила Мелани. – В любом случае это не важно. О разводе не может быть и речи. Надо найти иное решение. – И, внезапно просветлев, радостно воскликнула:

– Сегодня вернулся из Шотландии мой муж! Я попрошу у него совета. Джон такой умный! – Но лицо ее тут же вновь помрачнело. – К несчастью, он также считает Хока своим лучшим другом, и это, несомненно, повлияет на его суждение. Однако, как бы там ни было, никаких разводов! Выход обязательно найдется!

Несколько долгих минут обе молчали, погруженные в невеселые мысли.

– Неудивительно, что вы влюбились в него с первого взгляда, –

наконец вздохнула Мелани, сострадательно улыбаясь. – Вы не одиноки. Десятки самых прожженных кокеток в Англии совершили ту же ошибку. Но если не считать мимолетных романов, он никогда ничем не дал понять, что отвечает на их чувства. Теперь, когда Хоторн вернулся, все, естественно, ожидают, что вы упадете к его ногам, особенно еще и потому, что весь свет именно в эту минуту вспоминает, как слепо вы были увлечены им, когда приехали в столицу.

– При мысли о том, что Мелани, несомненно, права, Александре стало плохо. Чувствуя, что ее сейчас вырвет, девушка положила голову на спинку кресла, поспешно сглотнула и в тоскливом ужасе закрыла глаза.

– Я не подумала об этом, но вы, конечно, как всегда, судите здраво.

– Конечно, – рассеянно согласилась подруга. – С другой стороны, – провозгласила она обрадованно, – разве не восхитительно, если случится совершенно противоположное?!

– О чем вы?

– Идеальное решение всех проблем – заставить его влюбиться в вас! В этом случае вы сохраните и мужа, и гордость!

– Мелани, – покачала головой Александра без всякого воодушевления, – прежде всего я не думаю, что этот человек вообще способен влюбиться, поскольку у него отродясь не было сердца. Во-вторых, даже если оно у него все-таки есть, он абсолютно ко мне равнодушен. В-третьих...

Но Мелани, смеясь, схватила Александру за руку и, стащив с дивана, подвела к зеркалу.

– Это все в прошлом. Взгляните на себя, Алекс! Весь Лондон у ног женщины, которая глядит из этого стекла! Мужчины перессорились из-за вас...

Однако Александра грустно вздохнула:

– Все потому, что я стала чем-то вроде дурацкой бессмысленной моды, как платья с завышенной талией! Просто сейчас среди мужчин модно воображать, что они в меня влюблены.

– Как восхитительно! – воскликнула Мелани, почему-то очень довольная. – Хоторна ждет настоящее потрясение!

В глазах Александры на мгновение промелькнули смешливые искорки, но тут же погасли.

– Теперь это не важно.

– Ошибаетесь, – засмеялась Мелани. – Только представьте: впервые в жизни у Хоторна появился соперник – и кто же?! Собственная жена! Подумать только, как будет наслаждаться обществом этим спектаклем, –

самый распутный повеса Англии безуспешно пытается соблазнить и покорить собственную жену!

– Так или иначе, все равно ничего не выйдет, – твердо объявила Александра.

– Не верю!

– Я на это не пойду. И даже если бы смогла добиться своего, что крайне маловероятно, не хочется и пробовать.

– Но почему? – вырвалось у Мелани. – Почему нет?

– Потому, – вскинулась Александра, – что я терпеть его не могу. И не желаю, чтобы он любил меня. Видеть его не хочу!

– Тем не менее я не вижу лучшего способа распутать этот узел. – Схватив перчатки и ридикюль, Мелани поцеловала Алекс в лоб. – Вы измучились, отчаялись и не способны мыслить здраво. Предоставьте все мне.

Она уже взялась за ручку двери, когда Александра, сообразив, что Мелани решила действовать на свой страх и риск, с подозрением осведомилась:

– Куда вы едете, Мел?

– Хочу отыскать Родди. Можете быть совершенно уверены: он обязательно постарается первым сообщить Хоторну, что вы больше не наивная, простодушная деревенская мышка, какой тот вас считает. Клянусь, Родди будет счастлив сделать это для меня, – жизнерадостно предсказала Мелани. – Недаром он прирожденный подстрекатель.

– Мелани, подождите, – пробормотала Александра, хотя на самом деле не слишком противилась этой части плана подружки, особенно сейчас, когда усталость все сильнее одолевала ее. – Пообещайте, что не предпримете ничего, не посоветовавшись со мной.

– Прекрасно! – весело кивнула Мелани и, помахав на прощание рукой, исчезла.

Дремота смежила веки Александры, и она свернулась клубочком в уголке дивана. Разбудил ее звон часов, пробивших десять, и шум голосов бесконечных визитеров в холле. Приподнявшись на локте, Александра недоуменно заморгала, удивленная тем, что уснула так рано. Наконец она села, прислушиваясь к громким шагам и непрерывному стуку входных дверей и сонно удивляясь, почему, кажется, весь свет стремится сегодня побывать у них... И тут она вспомнила.

Хок вернулся!

Очевидно, все считали, что он дома, и спешили поскорее увидеть его и поговорить – вопреки правилам этикета, предписывающим подождать хотя

бы до завтра.

«Хок, должно быть, предвидел это», – решила Александра, переодеваясь в шелковый пеньюар и ложась в кровать. Возможно, именно потому и предпочел провести ночь в доме герцогини, предоставив остальным домашним справляться с назойливыми посетителями.

Муж, без сомнения, сейчас уже спит, наслаждаясь покоем и одиночеством.

Глава 20

Однако Александра ошиблась. Джордану было вовсе не до сна, и уж тем более он не наслаждался сегодняшним вечером.

Сидя в гостиной дома герцогини в обществе троих друзей, приехавших навестить его, он с непроницаемым выражением лица слушал повествование четвертого гостя, Родди Карстерза, явившегося, по видимому, специально для того, чтобы поведать «забавные» истории о похождениях Александры.

Джордан с неослабевающим вниманием вот уже почти час слушал рассказы Родди. Нельзя сказать, что он при этом был немного недоволен, сильно раздражен или раздосадован. Он был вне себя от бешенства. Пока он ночи напролет тревожился, что случилось с обезумевшей от горя любящей молодой женой, та успела взбудоражить весь Лондон! Пока он заживо гнил в тюрьме, поклонники дрались за малейший знак ее внимания! Пока он лежал в оковах Алекс выиграла скачки в Грешем-Грин и даже вызвала на шуточный поединок лорда Мейберри, причем своими облегающими мужскими лосинами сумела так интриговать противника, что прославленный фехтовальщик был вынужден признать поражение. Она посещала ярмарки, оказалась замешанной в какую-то двусмысленную историю с викарием Сотби, которому, как мог поклясться Джордан, было не менее семидесяти лет. И это еще далеко не все!

Если верить Карстерзу, более шести дюжин поклонников просили у Тони ее руки. Отвергнутые обожатели сначала спорили, потом ссорились из-за Александры, и, наконец, один из них, Марбли, пытался похитить ее; какой-то молодой щеголь, Сивли, опубликовал стихотворение, прославляющее ее прелести, под заглавием «Ода Алекс»; старый дурень Дилбек назвал в ее честь сорт роз...

Откинувшись в кресле, Джордан скрестил ноги, поднес к губам бокал с бренди, продолжая прислушиваться к голосу Родди. Однако на его лице не отражалось ничего, кроме легкого удивления. Он знал: иной реакции от него и не ожидали; предполагалось, что таковы все светские браки – мужья и жены были вольны делать что заблагорассудится, пока открыто не нарушали правил приличия. С другой стороны, среди связанного тесными узами братства высокородных джентльменов было принято, чтобы самые близкие друзья извещали мужчину – со всей возможной деликатностью, конечно, – когда поведение его жены угрожало перейти допустимые

границы и навлечь позор на доброе имя. Вероятно, именно поэтому его приятели не слишком старались заставить Родди придержать язык.

Карстерз ухитрился приехать одновременно с остальными и только по этой причине был впущен в дом. Джордан относился к Родди как к случайному знакомому и к тому же невыносимому сплетнику. И хотя остальные неоднократно пытались вынудить Карстерза сменить тему, по их деланно-безразличным лицам было видно, что тот скорее всего говорит правду.

Джордан задумчиво взглянул на него, размышляя, почему тот не поленился примчаться сюда и поскорее просветить «обманутого» мужа. Всякому в обществе было известно, что Джордан считал женщин годными лишь на то, чтобы развлекать его в постели. Вряд ли кто-то мог заподозрить, что он способен потерять голову из-за хорошенького личика или роскошного тела. Как были бы они потрясены, узнав, что он сходил с ума по очаровательной темноволосой куколке задолго до того, как она расцвела и стала настоящей красавицей.

Четыре человека, собравшиеся в гостиной на Глочестер-стрит, были бы одинаково ошеломлены, поняв, что внешне бесстрастный, вежливо улыбающийся Джордан кипит от ярости. Почему, черт побери. Тони позволил Александре зайти так далеко и как могла его властная бабка быть настолько слепа? Очевидно, носительнице титула герцогини Хоторн все сходит с рук! Джордан не мог переделать прошлое, однако в его власти изменить будущее этой женщины! Но сильнее всего его злили не выходки жены и даже не ее увлечения.

Как ни странно, больше всего его приводило в бешенство то, казалось бы, совершенно незначительное обстоятельство, что все называли ее Алекс. Все. Все общество, похоже, было на короткой ноге с герцогиней Хоторн, особенно его мужская половина.

Джордан взглянул на маячившего в дверях лакея и едва заметно качнул головой, давая знать, что не следует вновь наполнять бокалы гостей. Подождав, пока Родди переведет дыхание, Джордан без зазрения совести солгал:

– Надеюсь, вы извините нас, Карстерз. Мне и этим джентльменам необходимо заняться делами.

Родди дружелюбно кивнул и направился к двери, но не раньше, чем нанес последний удар.

– Рад, что вы снова среди нас, Хоторн. Жаль, однако, беднягу Тони. Он так же безнадежно влюблен в Алекс, как Уилстон, Грешем, Файтс, Морсби и несколько десятков других...

– Включая вас? – холодно осведомился Джордан. И Родди невозмутимо поднял брови:

– Конечно.

После его ухода двое из друзей Джордана, лорд Хастингс и лорд Фейрфакс, тоже поднялись, смущенно переглядываясь. Чтобы немного ослабить напряжение, лорд Хастингс счел за лучшее затронуть тему Королевских скачек, двухдневного стипль-чеза [\[8\]](#), участвовать в которых считалось делом чести каждого аристократа.

– Вы собираетесь скакать на черном жеребце, Хок? – осведомился он.

– Не знаю. Вероятно, на одной из своих лошадей, – ответил Джордан, одновременно сiallyсь подавить злость на Карстерза и вызвать в памяти бесшабашную радость полета и победы на самых престижных скачках года.

– Я так и знал. Готов поставить на вас, если выберете Сатану.

– А сами вы разве не участвуете? – без особого интереса осведомился Джордан.

– Естественно. Но если вы поскачете на этом черном звере, я буду ставить не на себя, а на вас. Чертовски резвый, дьявол!

Джордан в недоумении свел брови. Почти полтора года назад Сатана, лучший жеребец его конюшен, был непредсказуемым злонравным трехлеткой.

– Каким образом вам удалось его увидеть?

– Ну как же! Ваша жена летела на нем как вихрь в... – Хастингс в ужасе осекся, видя, что лицо Джордана зловеще потемнело.

– Она... она прекрасно держится в седле... и не... слишком его гнала, Хок, – в отчаянии вмешался Фейрфакс, бросаясь на выручку приятелю.

– Уверен, Хок, ваша жена просто чересчур горяча и полна юного задора, – вставил не очень убедительным тоном лорд Хастингс, дружески хлопнув Джордана по плечу.

– Да, можно сказать, она просто не перебесилась, вот и все, – кивнул лорд Фейрфакс. – Натяните немного узду, и она станет покорной, как ягненок.

– Именно как ягненок, – эхом отозвался лорд Хастингс.

Оказавшись на улице, оба джентльмена, заядлые лошадики и неисправимые игроки, остановились и обменялись полными сомнениями взглядами.

– Покорной, как ягненок? – повторил лорд Хастингс, иронически усмехнувшись. – Если Хок всего-навсего натянет узду? Вы действительно так считаете, Фейрфакс?

Лорд Фейрфакс расплылся в улыбке:

– Конечно, только сначала ему придется вставить ей в зубы мундштук, а для этого он должен по крайней мере связать ее по рукам и ногам. Уж поверьте мне, Хоку не удастся укротить ее так легко: леди станет сопротивляться что есть сил! У нее куда больше отваги, чем у остальных женщин, не говоря уже о гордости.

Однако Хастингс насмешливо покачал головой:

– Вы забываете о том впечатлении, которое Хок неизменно производит на женщин. Дайте ему несколько недель, и она голову потеряет от любви! В день Королевских скачек она повяжет свою ленту ему на рукав и станет болеть за него. Молодой Уилсон и его друг Фейрчайлд уже заключают пари. В книге записей пари клуба «Уайтс» ставки четыре к одному в пользу Хока.

– Ошибаетесь, друг мой. Хоку с ней не справиться.

– Ничего подобного. Вспомните, как она была увлечена им, когда впервые появилась в обществе! Неужто забыли, какой глупышкой она выглядела, во всеуслышание признаваясь ему в любви совсем недавно? С той самой минуты, когда Хок появился сегодня в церкви, все только об этом и говорят.

– Знаю и бьюсь об заклад, она тоже об этом не забыла, – кивнул Фейрфакс. – Я знаком с леди Хоторн и должен заметить: она слишком горда и хладнокровна, чтобы сразу поддаться его чарам.

Хастингс, вызывающе подняв брови, объявил:

– Ставлю тысячу фунтов на то, что мы увидим ее ленту на рукаве Хоторна в день Королевских скачек.

– Идет, – не колеблясь согласился Фейрфакс, и друзья отправились в «Уайтс», чтобы отдохнуть и провести время за игрой в карты. Однако оба не имели ни малейшего намерения отметить это пари в клубной книге. Из уважения к другу оно останется между ними.

После ухода джентльменов Джордан подошел к столу и наполнил бокал. Гнев, тщательно скрываемый от посторонних, сейчас пылал в глазах.

– Искренне надеюсь, – с уничтожающей иронией протянул он, глядя на ближайшего друга, Джона Камдена, – вы остались здесь не для того, чтобы посвятить меня в, мягко говоря, несколько неблагоприятные выходки моей жены, о которых вы чувствуете себя обязанным сообщить с глазу на глаз?

– Отнюдь, – коротко рассмеялся лорд Камден. – Говоря о скачках, устроенных вашей женой в Гайд-парке, и ее дуэли с Мейберри, Карстерз

упомянул имя Мелани. Насколько я понял, Мелани в обоих случаях болела за вашу жену.

Джордан сделал глоток и безразлично пожал плечами.

– И что из этого?

– Мелани, – объявил Джон, – моя жена.

Бокал, поднесенный Джорданом ко рту, застыл в воздухе.

– Что?!

– Я женат.

– Неужели? – сухо процедил Джордан. – Зачем?

– Ничего не мог с собой поделать, – усмехнулся лорд Камден.

– В таком случае позвольте принести свой, хотя и запоздалые, поздравления, – язвительно раскланялся Джордан и поднял бокал в издевательском тосте, но тут же вспомнил о правилах хорошего тона и осекся. – Прошу прощения за грубость, Джон. Просто в данный момент я не считаю женитьбу поводом для ликования. Я знаю вашу жену?

– Надеюсь, нет! – шутливо ужаснулся лорд Камден. – Она представилась Его Величеству как раз после вашего отъезда, что, конечно, к лучшему. Вы, несомненно, нашли бы ее неотразимой, а мне пришлось бы вызвать вас за это на дуэль.

– В то время ваша репутация была не многим лучше.

– Но мне было далеко до вас, – заверил Джон, явно стараясь развеселить друга. – Стоило мне бросить одобрителный взгляд на привлекательное личико, как мамаша мгновенно приставляла к дочке еще одну компаньонку. Если же это делали вы, любая маменька разрывалась между ужасом и робкой надеждой. Конечно, я не мог предложить невесте герцогского титула и поэтому считался куда менее завидным женихом.

– Не помню, чтобы когда-либо обращал внимание на невинных девиц, – пробурчал Джордан, уставясь в бокал.

– Совершенно верно. Однако у наших жен оказалось немало общего, чтобы немедленно подружиться, поэтому предполагаю, что они во многом похожи. В таком случае вас ждет жизнь, полная терзаний и пыток.

– Почему? – вежливо осведомился Джордан.

– Потому что каждый день вы со страхом будете ожидать, что еще взбредет вашей жене в голову, а когда узнаете правду, перепугаетесь до смерти. Сегодня Мелани сообщила о своей беременности, и меня теперь постоянно терзает мысль, что она обязательно оставит где-нибудь ребенка, когда тот родится.

– Она настолько забывчива? – спросил Джордан, безуспешно пытаясь выказать интерес к жене друга.

– Должно быть, – пожал плечами Джон. – Иначе почему не позаботилась упомянуть, что она и жена моего лучшего друга, с которой я до сих пор не знаком, стали сообщницами и замешаны в весьма странных похождениях?

Поняв, однако, что ему так и не удалось хотя бы немного успокоить Джордана, Джон поколебался, но все-таки нерешительно спросил:

– Что вы намереваетесь делать с вашей женой?

– У меня несколько планов, и пока что один привлекательнее другого, – коротко ответил Джордан. – Могу свернуть ей шею, поместить под стражу, отослать завтра в Девон и держать ее там, подальше от посторонних глаз.

– Господи, Хок, вы не сделаете это! После того, что случилось сегодня в церкви, люди подумают...

– Мне в высшей степени безразлично, что подумают люди, – перебил его Хок, но оба понимали, что он кривит душой. Джордан впадал в неукротимую ярость при мысли о том, что в глазах общества он станет посмешищем лишь потому, что не может усмирить собственную жену!

– Возможно, она действительно излишне порывиста и горяча, – заметил лорд Камден. – Мелани хорошо знает ее и любит. – Он встал и, направляясь к выходу, предложил:

– Если будет настроение, приезжайте завтра в «Уайтс». Мы собираемся отпраздновать мое будущее отцовство.

– Обязательно приеду, – кивнул Джордан сделанной улыбкой.

Оставшись один, он долго смотрел невидящим взглядом на картину над камином, гадая, сколько любовников было у Александры за это время. Когда-то ее великолепные очи, устремленные на него, сияли искренностью, доверием и нежностью. Теперь их блеск затуманила холодная неприязнь.

Бешенство снова охватило Джордана при воспоминании о том, с какой настороженной враждебностью встретила его Александра. Она сожалела о том, что он вернулся! Этот чистосердечный, любящий ребенок на котором он женился, теперь вне себя от злости, потому что муж жив! Обольстительная молодая девушка превратилась в холодную, расчетливую, прекрасную... стерву.

Джордан подумал было о разводе, но тут же отбросил эту мысль. На это уйдут годы, не говоря уже о невероятном скандале, а ему нужен наследник. Мужчины рода Таунсенд отмечены проклятием недолгой жизни, и если даже Александра, как выяснилось, не обладает добродетелями, на которые Джордан рассчитывал, она все же способна родить ему детей. Необходимо знать наверняка, что эти дети – его, а не

кого-то другого.

Откинувшись на спинку кресла, он тяжело вздохнул и закрыл глаза, пытаясь взять себя в руки. Наконец Джордан немного успокоился, и тут ему пришло в голову, что он, возможно, осуждает жену на основании всего лишь обычных сплетен. В конце концов, он обязан жизнью этой милой, неиспорченной, доброй девочке. Следовательно, должен предоставить ей право защитить себя.

Завтра он прямо спросит, правда ли то, о чем распространялся Карстерз, и даст ей шанс все опровергнуть. Джордан обязан сделать это... если, конечно, она не настолько глупа, чтобы лгать. Однако если выяснится, что все обвинения правдивы, Джордан безжалостно укротит ее. Александре придется либо добровольно склониться перед его волей, либо он силой заставит ее сделать это, но так или иначе она будет вынуждена вести себя как покорная и послушная жена.

Глава 21

Александру разбудил шум шагов, непрерывно раздававшихся в коридоре и на лестнице, и приглушенные голоса слуг. Она открыла глаза и с изумлением уставилась на часы. Всего девять – слишком рано, чтобы убирать спальни, поскольку во время сезона господа зачастую ставали к полудню.

«Несомненно, готовятся к прибытию высокородного хозяина», – с отвращением подумала Александра и, не потрудившись позвонить горничной, встала и приступила к утреннему туалету, прислушиваясь, однако, к беспорядочным звукам за стеной.

Одетая в красивое сиреневое платье с короткими пышными рукавами, она открыла дверь, но тут же отступила, чтобы не столкнуться с четырьмя лакеями, шествующими по направлению к хозяйским покоям с грузом коробок и картонок с ярлыками лучших лондонских портных и сапожников.

Из передней доносились стук дверного молотка, хлопанье дверей и тихие вежливые мужские голоса. Вчерашней суматохе было далеко до сегодняшней! Очевидно, визитеры прибывали толпами – конечно, в надежде увидеть Хока. И хотя Александра и герцогиня каждое утро принимали достаточно много визитеров, никогда еще она не видела такого нашествия в столь ранний час.

Александра вышла на балкон и с любопытством посмотрела вниз, где почему-то Хиггинс, а не Пенроуз отворял дверь троим посетителям, которых Александра знала только по именам. Еще двое только что прибывших смиренно выжидали, пока их проводят в комнаты. Множество слуг деловито сновали мимо, явно стараясь побыстрее выполнить данные им поручения.

Хиггинс повел новых гостей по коридору, ведущему в библиотеку, а Александра остановила одну из горничных, спешившую в спальню со стопкой чистого белья:

– Люси!

Девушка поспешно присела:

– Да, миледи?

– Почему такая беготня? Девчушка расправила плечи и гордо провозгласила:

– Герцог Хоторн наконец вернулся домой!

Александра схватилась за перила, чтобы не упасть.

– Так он уже здесь?

– Да, миледи. Давно.

Александра с ужасом уставилась вниз, на Джордана, выходявшего из салона. Рядом с ним шел сам Джордж – принц-регент, разодетый в вызывающе яркий костюм. Широко улыбаясь Джордану, он громко говорил:

– Мы были крайне расстроены, узнав о вашем исчезновении, Хоторн. На будущее мы приказываем вам быть поосторожнее. Слишком много трагических случайностей преследует вашу семью. Прошу вас впредь остерегаться и не рисковать. Более того, мы хотим, чтобы вы поскорее подумали о наследниках.

Джордан ответил на королевский эдикт насмешливой улыбкой и тихо произнес что-то, отчего принц запрокинул голову и громко фыркнул.

Хлопнув Джордана по плечу, он извинился за то, что прибыл без предупреждения, и вышел в переднюю как раз в ту минуту, когда Хиггинс с поклоном распахнул дверь.

Прошло несколько минут, прежде чем Александра оправилась от потрясения и от осознания того, что Джордан обращался с монархом с небрежностью, граничившей с добродушной фамильярностью.

Когда в передней остался один дворецкий, Александра наконец опомнилась и медленно спустилась вниз, пытаясь обрести душевное и умственное равновесие. Вынудив себя забыть о регенте, она обратилась мыслями к гораздо более важному предмету – к предстоящему столкновению с Джорданом.

– Доброе утро, Хиггинс, – вежливо приветствовала она. – Где сегодня Пенроуз и Филберт?

– Его светлость отослал их на кухню. Он... как бы это сказать... считает... что они не подходят... то есть...

– Хотел убрать их с глаз долой, верно? – осведомилась Александра.

– Совершенно верно. Александра негодуя застыла.

– Надеюсь, вы сказали его светлости, что Филберт и Пенроуз мои др...

– Она подавила готовое сорваться неуместное слово «друзья» и заменила его привычным «слуги».

– Да, я упоминал об этом.

Александра сверхъестественным усилием поборола приступ ярости. Очевидно, два несчастных старика не способны прислуживать принцу-регенту и выдержать такой напор визитеров, и в этом Хок прав. Но унижить их, отослав на кухню, вместо того чтобы дать работу в другом крыле

дома... это несправедливо и жестоко! Кроме того, девушка заподозрила, что Хок просто мелочно мстит.

– Будьте добры предупредить его светлость, что мне нужно с ним поговорить, – велела Алекс, стараясь не сорвать гнев на Хиггинсе, – и как можно скорее.

– Его светлость тоже выразил желание видеть вас в половине второго у себя в кабинете.

Александра взглянула на огромные часы в холле. Через три с четвертью часа! Три с четвертью часа ожидания, пока она сможет сказать человеку, за которого так опрометчиво вышла замуж, что желает исправить ошибку. А пока она повидается с герцогиней и Тони.

– Алекс! – позвал Тони с другого конца коридора как раз в тот момент, когда Александра подняла руку, чтобы постучать в дверь спальни герцогини. – Как ты себя чувствуешь? – спросил он, подходя, ближе.

Александра с сестринской нежностью улыбнулась ему:

– Прекрасно. Проспала почти весь день и всю ночь. А ты?

– Глаз не сомкнул, – признался Тони. – Ты уже видела это? – Он протянул ей газету.

Александра рассеянно покачала головой, пробегая глазами страницу, заполненную сообщениями о похищении и побеге Джордана, включая полное восхвалений интервью с его товарищем по несчастью, американским матросом, которого герцог спас, рискуя собственной жизнью.

Двери комнаты герцогини распахнулись, и показались два лакея с тяжелыми сундуками на плечах. Герцогиня стояла посреди спальни, отдавая приказы горничным, складывающим ее вещи в сундуки и саквояжи.

– Доброе утро, дорогие, – приветствовала она внука и Александру, давая им знак войти. Отпустив слуг, старая леди уселась в кресло, одобрительно оглядывая окружающий беспорядок и молодых людей, поспешивших устроиться напротив.

– Почему вы укладываетесь? – с тревогой спросила Александра.

– Мы с Энтони переезжаем в мой городской дом, – сообщила она так, словно Александре следовало ожидать этого известия. – В конце концов, вы больше не нуждаетесь в моем присмотре теперь, когда ваш муж вернулся.

Слова «ваш муж» заставили сердце Александры сжаться от боли и ужасного предчувствия.

– Бедное дитя, – сказала герцогиня, заметив, как напряженно замерла девушка. – Сколько потрясений вам пришлось перенести за такую

короткую жизнь, не говоря уже о том, что случилось вчера! Этот дом осаждают все сплетники Лондона! Однако скандал скоро затихнет! Через день-два мы снова начнем выезжать как ни в чем не бывало. Общество, естественно, предположит, что Энтони намеревался жениться на вас из чувства долга по отношению к скончавшемуся кузену, а теперь, когда тот вернулся, все завершилось ко всеобщему удовлетворению.

Однако Александра не поверила, что все так благополучно закончится, и не стала скрывать своих сомнений.

– Вот увидите, дорогая, – с насмешливым высокомерием объявила графиня. – Потому что именно это я рассказала моим ближайшим друзьям, которые успели побывать здесь еще вчера, пока вы отдыхали. Более того, в прошлом году Энтони был отчаянно влюблен в Салли Фарнсуорт, что придает еще больше правдоподобия всем нашим объяснениям. Мои друзья, в свою очередь, сумеют нашептать все необходимые слова самым заядлым сплетникам, и слухи, как всегда, распространятся с молниеносной скоростью.

– Отчего вы так уверены? – спросила Александра. Герцогиня подняла брови и улыбнулась.

– Видите ли, моим друзьям есть что терять, если они не выполняют моей просьбы. Понимаете, милая старая поговорка «Самое главное – те, кого мы знаем» не совсем верна. В действительности важнее всего то, что мы знаем о своих друзьях и недругах. А мне известно достаточно, чтобы осложнить жизнь многим из моих приятелей.

– Вы совершенно беспринципны, бабушка, – смеясь, наметил Тони.

– Верно, – не краснея призналась герцогиня. – Александра, вы, кажется, все еще колеблетесь?

– Но ведь ваш план основан на том, что мы должны как ни в чем не бывало показываться на людях! Однако ваш старший внук, – объяснила Александра, намеренно избегая называть Джордана по имени, титулу и степени временного родства с ней, – вчера велел мне не покидать дома. Правда, у меня нет ни малейшего намерения подчиняться этому приказу, – воинственно добавила она.

Герцогиня на мгновение нахмурилась.

– Очевидно, он несколько погорячился, – заметила она, немного поразмыслив. – Поступить подобным образом означает объявить всему свету, что вы стыдитесь неудавшегося замужества с Тони. Нет, дорогая, – закончила она, просветлев, – Джордан совершил необдуманый поступок, и я постараюсь все разъяснить ему. Как бы там ни было, через день-другой нам необходимо появиться на людях, и против этого он вряд ли сможет возразить. Хотите, я поговорю с ним?

– Нет, бабушка, – мягко отказалась Александра, – пожалуйста, не нужно. Я уже взрослая женщина и не хочу, чтобы за меня заступались, как за напроказившую девчонку. Более того, он не смеет командовать мной – на это у него нет никаких прав!

Герцогиня застыла, потрясенная столь мятежным, отнюдь не подобающим покорной жене заявлением.

– Откуда такое высокомерие?! Муж имеет полное право распоряжаться жизнью жены по своему усмотрению! Кстати, дорогая, насчет супружеских отношений... не позволите ли дать вам маленький совет на будущее, как лучше всего обращаться с мужем?

Всякий раз, когда герцогиня, упоминая о Джордане, называла его ее мужем, Алекс стискивала зубы, однако вслух лишь вежливо ответила:

– Да, конечно.

– Вот и хорошо. Я понимаю, что вчера вы были крайне расстроены, когда настояли на немедленном разговоре с ним, но такое решение нельзя назвать мудрым. Вы не знаете его так хорошо, как я. Джордан в гневе бывает безрассуден и даже жесток. А ведь вчера у него появилась очень веская причина рассердиться из-за этой злосчастной свадьбы.

Как обидно, что женщина, которую она успела искренне полюбить, не задумываясь встала на сторону Джордана! Негодующая и оскорбленная Александра гордо выпрямилась.

– Он был непростительно груб вчера, – сухо сообщила она. – Жаль, если вы станете презирать меня, мадам, но я не могу притворяться, будто счастлива быть его женой. Вы, очевидно, забыли, что он вовсе не желал этого брака, не говоря уже о том, какие чувства испытывал при этом ко мне. Более того, поступки вашего внука безобразны, и его характер... далек от совершенства!

Однако старая герцогиня неожиданно рассмеялась:

– За что же мне ненавидеть вас, дитя мое? Вы мне как внучка, которой у меня никогда не было. – Обняв Александру, герцогиня с улыбкой добавила:

– И не буду лукавить, что отношения Джордана с женщинами приводят меня в восторг. Однако только в вашей власти все это изменить, И помните, дорогая, лучшие мужья получаются из раскаявшихся повес.

– Когда и если они исправляются, – с горечью замела Александра. – А я не хочу продолжать этот фарс, именуемый браком.

– Совершенно естественно. Конечно, не хотите, по крайней мере сейчас. Но ведь у вас нет выбора – вы уже замужем за ним. Однако, признаюсь, я с немалым злорадством ожидаю минуты, когда вам удастся

усмирить его и поставить на колени.

Александра ошеломленно раскрыла рот, услышав это необыкновенное заявление, ко всему прочему полностью совпадающее с мнением Тони и Мелани.

– Но я не сумею, и даже если бы...

– Сумеете и добьетесь своего, – провозгласила герцогиня не допускающим возражений тоном и немного мягче пояснила:

– Вы сделаете это, Александра, хотя бы ради того, чтобы отплатить ему той же монетой. У вас для этого есть все необходимое – отвага, неукротимый дух и гордость.

Девушка приготовилась было возразить, но герцогиня уже обратилась к Тони:

– Энтони, Хоторн, вне всякого сомнения, потребует объяснить, почему вы решили жениться на Александре, и нам следует тщательно продумать, что сказать.

– Вы опоздали, дорогая. Сегодня утром, а именно в восемь, то есть непристойно рано, на мой взгляд, Хок призвал меня в библиотеку и прежде всего осведомился именно об этом.

Герцогиня слегка встревожилась:

– Надеюсь... вы ответили, что этот брак – всего лишь необходимая мера. Вполне правдоподобное объяснение. Или... или можно было сказать, будто это не что иное, как каприз, или...

– Ничего подобного мне в голову не пришло, – коварно усмехнулся Тони. – Я честно признался, что пришлось жениться на ней, потому что самые блестящие женихи непрерывно осаждали наш дом с предложениями руки и сердца и делали кучу глупостей, ссорясь из-за нее, изобретая всяческие планы похищения...

Герцогиня судорожно схватила руку за горло:

– Вы все это выложили?!

– Даю слово.

– Но почему?!

– Потому что это правда, – невозмутимо сообщил Энтони. – И еще потому, что он и сам узнал бы все через несколько дней.

– Но может, нам и стоило бы выиграть время!

– Зато я не получил бы такого удовольствия, – возразил Тони, и Александра подумала, что лучше и добрее человека нет на свете. – Представляете, он узнал бы истину от кого-то еще, а меня не оказалось бы рядом и я не увидел бы его лицо в эту минуту!

– И что же он сказал? – невольно вырвалось у Александры.

– Ничего, – пожал плечами Энтони. – Хок есть Хок, что поделать? Он никогда не выражает своих чувств, И известен скорее необычайной сдержанностью, чем походя...

– Довольно, Тони, – резко оборвала герцогиня и дернула за шнур сонетки, вызывая горничных. Александра и Тони тоже поднялись.

– Будем сегодня фехтовать? – спросил он. Девушка кивнула. Прекрасный способ убить время до нелегкого разговора с Джорданом.

Около половины первого Хиггинс появился в кабинете Джордана с запиской от некоего джентльмена с Боу-стрит, в которой говорилось, что отправитель занемог и просит отложить их конфиденциальную встречу на завтра.

Решив перенести беседу с женой на более ранний час, Джордан взглянул на дворецкого:

– Где ваша хозяйка, Хиггинс?

– В бальной зале, ваша светлость, фехтует с лордом Энтони, как всегда по утрам.

Джордан открыл двери огромной бальной залы на третьем этаже и шагнул внутрь, не замеченный соперниками, легко, словно в балете, передвигавшимися по натертому полу. Слышался звон скреещающихся рапир – «дуэлянты» наступали и отступали, парируя и нанося удары.

Прислонясь плечом к стене, Джордан не отрывал взгляда от гибкой женской фигурки в облегающих лосинах, льнувших к стройным бедрам и длинным ногам. Она не просто талантливая, понял он, но по-настоящему блестящая фехтовальщица, с безупречной координацией, молниеносной реакцией и великолепной техникой.

Все еще не подозревая о его присутствии, Александра неожиданно объявила о конце поединка. Задышавшись и смеясь, она отбросила маску и тряхнула головой. Тяжелые локоны рассыпались по плечам спутанной волной цвета красного дерева, пронизанной золотыми прядками.

– Тони, ты стареешь и становишься неповоротливым, – насмешливо заявила она, снимая стеганный нагрудник. Энтони что-то ответил, и она с улыбкой взглянула на него через плечо. Джордана внезапно отбросило назад, сквозь время, и образ соблазнительной красавицы неожиданно слился с другим – очаровательной кудрявой девочки, размахивающей самодельной шпагой на лесной полянке... прижимающей к себе щенка... девочки, в глазах которой сияла неприкрытая, самоотверженная, готовая на все любовь.

И Джордан ощутил ошеломляющий приступ ностальгии, смешанной с

острым чувством потери, потому что та девочка навсегда осталась в прошлом. Тони наконец заметил кузена.

– Хок! – шутливо воскликнул он. – Как по-твоему, я становлюсь неповоротливым, потому что старею?

Александра поспешно повернулась. Лицо ее мгновенно застыло.

– Надеюсь, нет, – сухо откликнулся Джордан. – В конце концов, я старше тебя. – И, обращаясь к Александре, добавил:

– Я освободился раньше, чем ожидал, и потому подумал, что мы можем поговорить сейчас.

Куда девалась холодная неприязнь, звучавшая в каждом слове! Сегодня Джордан был безупречно вежлив, невозмутим и деловит. Немного успокоенная, но по-прежнему настороженная, Александра оглядела свой костюм, ошибочно считая, что если встретится с ним в таком виде, раскрасневшаяся и растрепанная, то окажется в явно невыгодном положении.

– Я бы хотела сначала переодеться.

– В этом совершенно нет нужды.

Не желая обострять отношения препирательствами из-за пустяков, Александра величественно наклонила голову в знак согласия и в напряженном молчании последовала за мужем в его кабинет. По дороге она снова и снова повторяла про себя все, что хотела сказать.

Закрыв за собой двойные двери, Джордан подождал, пока жена сядет на один из стульев, расставленных полукругом перед массивным резным дубовым столом. Сам он небрежно присел на край столешницы, скрестил руки на груди и бесстрастно оглядел Александру, покачивая ногой. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он наконец заговорил, спокойно и властно:

– Вышло так, что мы дважды начинали семейную жизнь, один раз в Роузмиде, почти полтора года назад, другой – в этом доме, только вчера. Обстоятельства сложились таким образом, что оба раза трудно назвать удачными. Сегодня третья, и последняя, попытка для нас с вами. Через несколько минут я смогу решить, каким станет наше будущее. Однако в первую очередь мне бы хотелось услышать, что вы скажете об этом... Он поднял со стола листок бумаги и протянул ей.

Александра с любопытством развернула листок пробежала глазами и едва не вскочила со стула подброшенная взрывом бешеной ярости. Как выяснить, Джордан взял на себя труд скрупулезно перечислить более дюжины сомнительных проделок, включая «дуэль» с Родди, скачки в Гайд-парке, неудавшееся похищение, затеянное лордом Марбли, и несколько

других эскапад. Сравнительно невинные, они, однако, были изложены в таком свете, что казались почти преступлением.

– Прежде чем вынести окончательное решение, – невозмутимо повторил Джордан, не обращая внимания на зловещий блеск ее глаз, – я посчитал справедливым дать вам шанс оправдаться по каждому пункту этого списка или привести правдоподобные... или по крайней мере разумные объяснения.

Александра еще никогда не испытывала такого ослепляющего бешенства. Именно оно, как ни странно, дало ей силы сдержаться. Она медленно встала, сжимая кулаки. Ей ни разу не приходило в голову, что у него хватит наглости осуждать ее поведение. Боже, да по сравнению с жизнью, которую он ведет, она невинна как дитя!

– Из всех омерзительных, ханжеских, лицемерных... – взорвалась было она, однако тотчас взяла себя в руки и усмирила бушующий гнев. Гордо вздернув подбородок, Алекс взглянула в непроницаемые серые глаза и, испытывая злорадное наслаждение от собственной дерзости, торжественно объявила:

– Виновна. Виновна в каждой бессмысленной, безвредной, безобидной проделке, перечисленной в этом грозном списке!

Джордан молча смотрел на неукротенную красавицу, стоящую перед ним. Глаза сверкают, как у разъяренной тигрицы, грудь тяжело вздымается, но ни тени страха, ни малейшего признака покорности. Гнев Джордана уступил место невольному восхищению ее честностью и отвагой. Однако Александра не собиралась ограничиваться лишь коротким подтверждением верности полученных им сведений.

– Да как вы посмели предъявлять мне подобные смехотворные обвинения и считать себя вершителем моей судьбы? – процедила она и, прежде чем Джордан успел ответить, повернулась и направилась к двери.

– Немедленно вернитесь! – приказал Джордан.

Александра обернулась так быстро, что волосы хлестнули ее по лицу.

– Обязательно вернусь, – мрачно заверила она. – Дайте мне десять минут.

Джордан, задумчиво нахмурясь, уставился на захлопнувшуюся дверь. Он не ожидал, что Александра так отнесется к его попытке изобличить ее. Говоря по правде, он и сам не знал, чего надеется добиться этим, разве... разве что попробовать по ее реакции выяснить, все ли это, на что она отважилась в его отсутствие. Единственное, что он хотел... нет... жаждал узнать, но боялся спросить: кто делил с ней постель и наслаждался этим прекрасным телом, пока его не было.

Потянувшись к стопке бумаг, он взял какой-то контракт и принялся рассеянно читать.

«Да, идея со списком была не самой блестящей», – честно признался себе Джордан несколькими минутами позже. И мысль эта получила немедленное подтверждение, когда Александра наконец постучала в дверь, ворвалась в комнату, не дожидаясь ответа, и бросила перед ним лист бумаги.

– Поскольку вы выразили желание обменяться обвинениями и предложили возможность их опровержения, – прошипела она, – придется и мне оказать вам ту же любезность, прежде чем предъявить ультиматум относительно нашего будущего!

Джордан, едва заметно подняв брови, перевел взгляд с прекрасного раздумывавшегося личика на таинственный документ. Коротким кивком показав жене на стул, он подождал, пока та усядется, и развернул лист. Там было всего шестнадцать слов. Восемь имен. Имен его бывших любовниц.

Отложив список, Джордан пожал плечами и ничего не ответил.

– Ну? – требовательно спросила Алекс, – Надеюсь, список достаточно полон?

– Не совсем, – с раздражающей невозмутимостью Ответил он. – Одна неточность и несколько имен пропущено.

– Неточность? – пробормотала Александра, замороженная веселыми искорками в глазах мужа.

– Марианна Уинтроп пишет свое имя через два "н".

– Благодарю за ценные сведения, – парировала она. – И если когда-нибудь вздумаю послать ей кричащий бриллиантовый браслет в дополнение к ожерелью, которое, если верить слухам, подарили ей вы, уж конечно, постараюсь правильно написать ее имя на карточке.

На сей раз уголки губ Джордана чуть дернулись в лукавой усмешке, и Александра величественно поднялась – разгневанная, гордая юная богиня, казавшаяся совсем маленькой рядом со смуглым надменным гигантом.

– Теперь, когда вы признали свою вину, я скажу, каким мне видится наше будущее, – торжествующе заявила она и, набрав в грудь побольше воздуха, договорила:

– Я собираюсь получить свидетельство о признании нашего брака недействительным!

Безжалостные слова прогремели в оглушительной тишине, словно раскаты грома. Но на лице Джордана не дрогнул ни один мускул.

– Недействительным, – повторил он наконец и с терпением наставника, объясняющего очередную грубую ошибку ленивому,

неспособному ученику, мягко предложил:

– Не будете так добры объяснить мне, каким образом вы намереваетесь этого добиться?

Его несокрушимое спокойствие снова взбесило Александру; она едва удерживалась от желания пнуть его в коленку.

– Не стану затруднять себя перечислением подробностей. О выдвинутых мной причинах вы узнаете от... от тех людей, которые занимаются всеми этими вещами.

– Поверенные, – услужливо подсказал Джордан. – Этими вещами обычно занимаются поверенные.

Муж продолжал вести себя с таким снисходительным превосходством, что Александра терпела из последних сил, но окончательно рассвирепела, когда он вкрадчиво добавил:

– Я могу порекомендовать превосходных адвокатов, в которых совершенно уверен, поскольку обычно оплачиваю их услуги.

Он к тому же позволяет себе говорить с ней как с безмозглой дурочкой! От оскорбления на глаза Александры навернулись слезы.

– Неужели я была такой доверчивой простушкой полтора года назад, – с болью прошептала она, – что теперь вы искренне считаете, будто я попрошу вашего адвоката дать мне совет?!

Джордан сдвинул брови, не зная, как справиться с несколькими ошеломляющими открытиями, случившимися одновременно. Первое: несмотря на великолепную маску безразличия и несомненное мужество, Александра, очевидно, была на грани истерики. Кроме того, храбрая невинная милая девочка, на которой он женился, превратилась в поистине экзотическую красавицу, неукротимую и манящую, приобретя при этом весьма нежелательную черту – вызывающую и дерзкую непокорность. Третьим – и самым тревожащим – оказался тот неоспоримый факт, что его по-прежнему влекло к ней, так же сильно, как полтора года назад. Нет, сильнее. Гораздо сильнее.

– Я искренне хотел избавить вас от весьма неприятного и ненужного испытания в конторе какого-нибудь неизвестного и, вероятнее всего, болтливого адвоката.

– Почему же ненужного?

– Вы, кажется, забыли, что брак был заключен? – холодно осведомился он.

Недвусмысленное напоминание о той ночи, когда она обнаженная лежала в его объятиях, оказалось последней каплей, и натянутые нервы Александры не выдержали.

– Я еще в своем уме! – рявкнула она, отчаянно пытаясь пробиться сквозь стену его хваленного хладнокровия, даже если для этого потребуется объяснить, каким образом она собирается получить разрешение на признание брака незаконным. – Наш брак не имеет силы, потому что я выходила за вас замуж не по собственной воле!

Однако Хок, вместо того чтобы встревожиться, казалось, вот-вот расхохочется.

– Попробуйте сказать это поверенному, и он рассмеется вам в лицо. Если браки должны считаться незаконными лишь потому, что невесте пришлось выйти замуж не по своему выбору, значит, почти все супружеские пары лондонского света живут в грехе!

– Но мне не просто «пришлось», – вскипела Александра. – Меня обманули, уговорили, запугали и совратили!

– В таком случае найдите адвоката и выскажите ему все это, но не забудьте прихватить с собой нюхательные соли, чтобы привести его в чувство!

Алекс с ужасом поняла, что он, возможно, прав, и сердце тошнотворно сжалось. За последние четверть часа она обрушила на Джордана так давно копившиеся ярость и негодование, но не увидела на его лице ни малейшего признака эмоций... И вот теперь в душе не осталось ничего, кроме ненависти и надежды. Подняв глаза, она оглядела его так, словно перед ней был незнакомец... совершенно чужой человек, к которому она ничего не испытывала.

– В таком случае я желаю получить развод. Джордан стиснул зубы. Тони, вероятно, лгал, утверждая, что между ними нет ничего, кроме чисто дружеской симпатии.

– Не воображайте, что я дам на это согласие, – процедил он. – И не мечтайте о том, что когда-нибудь выйдете за Тони.

– При чем здесь Тони? – выкрикнула она так гневно, что Джордан облегченно вздохнул. – Я просто не собираюсь больше оставаться вашей женой.

Не замечая, что настроение его значительно улучшилось после уверений Алекс в том, что она не собирается становиться женой Тони, Джордан уже без всякой злости изучал ее лицо.

– Простите за столь упорную непонятливость, но я удивлен вашим желанием получить развод.

– Вероятно, вы потрясены, обнаружив, что на земле появилась женщина, которая отнюдь не находит вас неотразимым, – с горечью заметила Александра.

– И именно поэтому вы решили со мной расстаться?

– Я хочу разойтись с вами, – ответила Алекс вежливым тоном, противоречащим смыслу ее слов, и глядя мужу Прямо в глаза, – потому что вы мне не нравитесь.

Но Джордан, как ни странно, улыбнулся.

– Вы слишком мало меня знаете, чтобы испытывать ко мне столь сильную неприязнь, – поддразнил он.

– Ошибаетесь, – мрачно заметила Алекс. – Я отказываюсь быть вашей женой.

– У вас нет выбора, прелесть моя.

Небрежно брошенное нежное слово вызвало на щеках Алекс краску гнева. Именно подобного рода комплиментов следовало ожидать от прославленного распутника, а с ее стороны, несомненно, требуется немедленно упасть к его ногам.

– Не смейте так меня называть! Я избавлюсь от вас, чего бы это ни стоило! И у меня есть выход! Я вернусь в Моршем и куплю там коттедж.

– И каким образом, – сухо осведомился Джордан, – вы намереваетесь за него заплатить? У вас нет своих денег!

– Но... но когда мы поженились, вы сказали, что положили на мое имя целое состояние.

– Да, которое вы можете тратить только с моего одобрения.

– Весьма удобно для вас, – с уничтожающим презрением выговорила Алекс. – Подумать только, как мило – дарить деньги себе самому!

Джордан впервые посмотрел на это с точки зрения Александры и был поражен правдивостью ее замечания. Глядя в потемневшие зеленовато-голубые глаза и нахмуренное личико, он снова и снова гадал, почему она с самой первой встречи была способна заставить его смеяться и отчего он чувствует такое всепоглощающее, неутолимое желание завладеть ею и укротить, не сломив, однако, этот неукротимый дух. Она почти неузнаваемо изменилась и все же подходит ему куда лучше, чем любая женщина, которую он когда-либо надеялся найти.

– Весь этот спор о судебных тонкостях невольно напомнил мне о некоторых законных правах, которыми я не пользовался вот уже больше года, – объявил он и, схватив ее за руки, насильно притянул к себе.

– Стыдитесь! – взорвалась Алекс, охваченная безрассудной паникой, и попыталась вырваться. – Я все еще помолвлена с вашим кузеном!

– Поистине убедительный аргумент! – усмехнулся Джордан.

– Не смейте меня целовать! – разъяренно предупредила Александра, упираясь ладонями ему в грудь.

– Очень жаль, – тихо ответил он, прижимая ее к мускулистой груди, так что ее руки оказались в плену между их телами, – потому что мне интересно убедиться, по-прежнему ли я могу заставить тебя пылать в жару.

– Вы зря тратите время! – вскричала Александра, поворачивая голову и умирая от стыда при безжалостном напоминании о том, как безнадежно она была увлечена Джорданом, когда утверждала, что от его поцелуев тело горит огнем. Если верить слухам, поцелуи Джордана Таунсенда были причиной повышенной температуры у половины женщин Англии. – Я была наивным ребенком. Теперь же стала взрослой женщиной и познала поцелуи других мужчин, которые ни в чем вам не уступают... а может, и превосходят!

Вместо ответа Джордан запустил пальцы в тяжелую копну волос на затылке и резко дернул, так что ее голова беспомощно запрокинулась.

– Сколько их было? – процедил он сквозь зубы, не замечая, как дергается жилка на щеке.

– Десятки! Сотни! – задохнулась Алекс.

– В таком случае, – вкрадчиво-угрожающе протянул он, – вы, должно быть, достаточно опытны, чтобы заставить пылать в жару меня.

И прежде чем она успела ответить, его губы прижались к ее рту, яростно, властно, в безжалостном, терзающем поцелуе, совершенно непохожем на нежные поцелуи Тони или на те украденные потерявшими голову поклонниками, стремившимися узнать, не позволит ли она им большие вольности. Этот поцелуй не был похож на другие еще и потому, что, несмотря на внешнюю жестокость, в нем крылась некая требовательная сила – будто он безмолвно убеждал ее ответить ему, обещая, что, если она покорится, поцелуй станет куда нежнее... томительнее... сладострастнее...

Алекс затрепетала от ужаса и потрясения, как только его губы стали чуть мягче и шевельнулись со сладостной настойчивостью, упиваясь ее прохладным ртом, побуждая к ответной ласке.

Раздавшееся позади сдавленное восклицание побудило Джордана разжать руки, и Александра стремительно развернулась, но муж немедленно прижал ее к себе еще крепче. Оба уставились на оцепеневшего Хиггинса, за спиной которого виднелись трое не менее ошеломленных джентльменов; один из них был лорд Камден. Все четверо замерли как вкопанные.

– Прощу... прошу прощения, ваша светлость, – выдавил Хиггинс, потерявший самообладание впервые с тех пор, как Александра его знала. – Кажется, вы сами велели... что, как только приедет граф...

– Проводите гостей в библиотеку. Я присоединюсь к вам через четверть часа, – коротко приказал Джордан.

Посетители вышли, но Александра заметила едва скрываемые улыбки на их лицах и обернулась к Джордану, стора от бешенства и унижения.

– Они, конечно, посчитают, что мы будем целоваться еще пятнадцать минут! – взорвалась она. – Надеюсь, вы удовлетворены, вы...

– Удовлетворен? – насмешливо перебил Джордан, продолжая изучать неукротимую, незнакомую, безумно желанную молодую женщину. Куда делись ее непокорные локоны? Куда пропало обожание? Куда исчез озорной сорванец, на котором он женился? Перед ним стояла поразительно красивая дама, при взгляде на которую его охватывало неудержимое, непонятное, необъяснимое желание покорить и заставить отвечать на ласки, как когда-то.

– Удовлетворен? – повторил Джордан. – Этой жалкой пародией на поцелуй? Сомневаюсь.

– Я не это хотела сказать! – в отчаянии выкрикнула Александра. – Всего лишь накануне я стояла перед алтарем с другим человеком. Неужели вы не понимаете, какой странной должна была показаться посторонним вся эта сцена?

– Вряд ли то, что мы делали, может показаться странным кому бы то ни было, – пожал плечами Джордан, – ведь они уже успели стать свидетелями всего, что произошло на вашей неудавшейся свадьбе, когда я ворвался в церковь, чтобы положить конец церемонии.

Только сейчас Александра поняла, как, должно быть, забавлялись собравшиеся и какой позор, вероятно, пришлось пережить Джордану, и ощутила разгорающийся в душе крохотный огонек злорадства.

– Смейтесь, – сухо разрешил он, наблюдая, как Алекс изо всех сил сдерживает неуместный хохот. – Это действительно было чертовски весело.

– Нет, – покачала головой Алекс, стараясь выглядеть как можно серьезнее, – по крайней мере не в тот момент.

– Тут вы правы, – согласился Джордан с лениво-неотразимой улыбкой, неожиданно осветившей его бездонные глаза. – Вам следовало бы видеть свое лицо, когда вы обернулись и заметили меня стоящим в проходе, – будто вам явился призрак.

Правда, какое-то кратчайшее мгновение она просто светила от счастья, будто встретила кого-то бесконечно дорогого, вспомнил сейчас Джордан.

– А вы выглядели словно сам гнев Господень, – заметила она, остро сознавая идущие от него магнетические лучи неотразимого очарования.

– Зато чувствовал себя идиотом.

Невольное восхищение его способностью смеяться над собой расцвело в сердце Александры, и в этот миг время повернуло вспять. Джордан снова превратился в улыбающегося, доброго, все понимающего, невероятно красивого человека, который был снисходителен к ней, подарил щенка, шутил и смеялся и не задумываясь фехтовал с Алекс прутиками на лесной полянке.

Не замечая, как бегут секунды, она смотрела в его дерзкие, завораживающие серые глаза, пока наконец в опьяненный разум не проникла единственная здравая мысль – Джордан жив, действительно жив, и это не сон, который кончится так же, как все остальные. Он жив. И, как ни невероятно это звучит, остается ее мужем. По крайней мере пока.

Александра, поглощенная собственными мыслями, не сразу поняла, что его взгляд прикован к ее губам, а руки, словно стальные тиски, обхватывают ее все туже, привлекая к широкой груди...

– Нет! Я...

Джордан заглушил ее возражения голодным, безумно возбуждающим поцелуем. Тело Александры словно по волшебству предательски обмякло. Какое счастье – снова очутиться в объятиях мужа, которого она считала погибшим!

Огромная ладонь легла ей на затылок, другая рука гладила спину, притягивая Алекс все ближе к сильному мужскому телу.

Его теплые губы, неумолимо твердеющая плоть, вжимавшаяся в живот, – все было так мучительно, трепетно-знакомо, потому что в грезах Алекс переживала это сотни раз. Зная, что играет с огнем, она позволила ему поцеловать себя и разрешила себе – всего один раз – почувствовать запретную мимолетную радость ласк его губ, рук и тела. Но сама не отвечала. Не смела отвечать.

Джордан, чуть отстранившись, дотронулся губами до ее виска.

– Поцелуй меня, – шепнул он, обдавая ее горячим дыханием, зажигающим огонь в крови. – Поцелуй меня, – настойчиво повторил он, проводя губами по щеке, прокладывая цепочку из поцелуев к ее чувствительной шее и раковине уха. Его руки запутались в ее волосах, чуть приподняли лицо, и взгляды их скрестились.

– Забыла, как это делается? – насмешливо осведомился Джордан.

Алекс скорее умерла бы, чем позволила ему понять, что он был единственным мужчиной, целовавшим ее в губы за последние пятнадцать месяцев. Однако она видела, что он начинает угадывать правду.

– Нет, – задыхаясь пролепетала она.

Его раскрытые губы вновь обожгли ее долгим поцелуем.

– Поцелуй меня, принцесса, – хрипло настаивал он, целуя ее шею и плечи. – Я хочу убедиться, так ли это хорошо, как помнится.

Так, значит, он тоже воскрешал в памяти их поцелуи! Это ошеломляющее открытие сломало остатки сопротивления... С тихим отчаянным стоном она повернула голову и припала к его губам. Руки против воли поднялись, чтобы обвить его шею. На этот раз она отдалась его грубому, властному и одновременно нежному поцелую, приоткрывая губы под чувственным нажатием, и в это же мгновение его язык завладел ее ртом.

Затерянная в бурном море желания, страсти и смущения, Александра ощутила, что его ладонь гладит ее бедра, но вместо того, чтобы вырваться, сжала его плечи, припадая к нему всем своим словно плавающим от горячечного накала телом. По спине Джордана пробежала дрожь. Не прерывая поцелуя, он бережно сжал ее грудь, перекатывая между пальцами мгновенно затвердевший сосок. Язык проник еще глубже и неожиданно удалился. Пронзающие выпады повторялись снова и снова в головокружительном, все убыстряющемся, сводившем с ума ритме. Бесконечный, опьяняющий поцелуй, жар его рук, ласкающих грудь, напряженная сила ног и бедер, прижимающихся к ней, творили колдовство, и Александра отвечала на поцелуи с тем же беспомощным пылом, который ощущала когда-то, только на этот раз ее застенчивость поглотило желание прижать его к себе, притвориться хотя бы ненадолго, что он – тот, о ком она мечтала всю жизнь.

Джордан признавал только одно – женщина в его объятиях дарит ему неземное наслаждение, и не мог дольше ждать. Когда она робко коснулась языком его губ, он стиснул жену, втягивая ее язык в свой рот, изнемогая от первобытного, примитивного желания, бурлящего в чреслах. Борясь с яростной потребностью бросить ее на ковер и взять тут же, на полу кабинета, Джордан с трудом оторвался от Алекс и прерывисто вздохнул. Очевидно, жена многому научилась за то время, пока он гнил в тюрьме!

Медленно выбираясь из сладострастного тумана, Александра посмотрела в его чарующие глаза, как сквозь сон отмечая, что по мере того, как он возвращается к реальности, их цвет быстро меняется от дымчато-темного до обычного, светло-серебристого. И... и она все еще обнимает его, а загорелая кожа под ее пальцами обжигает горяча. – Заставь меня пылать... – упрасивал он. Давно забытое ощущение удовлетворенной гордости пронизало Алекс при мысли о том, что, очевидно, ей это удалось; мягкие губы изогнулись в бессознательно-манящей усмешке. Джордан

настороженно глянул на нее и, ми что-то, опустил руки и резко отступил. Лицо мгновенно окаменело, челюсти сжались.

– Мои комплименты, – резко бросил он, и Александра с упавшим сердцем поняла, что его непредсказуемо-изменчивое настроение самым неожиданным образом испортилось. – За последний год, вы, по-видимому, многому научились. «Всего пятнадцать месяцев назад, – подсказал ей все еще ошеломленный разум, – этот человек считал меня жалкой, ни на что не годной простушкой».

С трудом изобразив на лице сияющую, искусственную улыбку, Алекс беспечно заметила:

– Немногим больше года назад вы находили меня омерзительно наивной. Теперь жалуетесь на то, что я чересчур опытна. На вас никак не угодить!

К ее величайшему огорчению, Джордан и не подумал отрицать, что считал ее наивной.

– Сегодня ночью, в постели, после того как я вернусь из «Уайтса», мы сможем обсудить, что я предпочитаю. А пока, – продолжал он жестким, властным тоном правителя, провозглашающего непреложный закон, – я требую, чтобы вы поняли следующее: ни о признании брака незаконным, ни о разводе не может быть и речи. Далее, никаких шуточных дуэлей и поединков, никаких мужских костюмов, скачек в парках и тому подобного. Запрещаю вам также появляться на людях с каким бы то ни было мужчиной, кроме меня. Надеюсь, я выразился достаточно ясно? Вашим спутником могу быть только я, и никто иной.

Утихшая было ярость снова взорвалась в мозгу Александры.

– Да какое право вы имеете приказывать мне? Кто вы такой? – вскричала она, краснея от негодования. Он и вправду нисколько не изменился! По-прежнему стремится убрать ее с глаз долой! Еще несколько дней, и он велит ей отправляться в Девон!

– Мне известно, кто я такой! – рявкнул он. – Беда в том, что я не знаю, кто вы. Раньше мне казалось, что знаю. Но не теперь.

– Совершенно согласна с вами, – процедила Алекс, мудро подавляя порыв объяснить мужу заранее, что не намеревается подчиняться его приказам. – Вы считали, что женились на доверчивой, покорной, обожающей вас девочке, которая по малейшему знаку бросится выполнять любое ваше желание?

– Что-то вроде этого, – сухо признал Джордан.

– Вы просчитались.

– Все еще впереди.

– Александра вскинула голову и повернулась, подчеркнуто отказываясь сделать реверанс.

– Ошибаетесь, ваша светлость, – произнесла она, направляясь к двери.

– Меня зовут Джордан, – со злостью напомнил он. Александра остановилась. Изящно очерченные брови приподняты в деланном удивлении, на щеках горят багровые пятна. Когда-то она мечтала, чтобы он попросил ее обращаться к нему по имени... Теперь же ей доставит огромное удовольствие поставить его на место.

– Мне это известно... – объявила она и со спокойным вызовом добавила:

– ...ваша светлость.

Дав ему понять, что не собирается допускать ни малейшей близости и уж тем более обращаться к нему по имени, Алекс снова шагнула к порогу, чувствуя, как его взгляд впивается в ее лопатки, молясь, чтобы трясущиеся ноги не подкосились, и стараясь скрыть, как нервничает.

Она уже коснулась дверной ручки, когда тишину разорвал низкий зловеющий голос:

– Александра!

Алекс невольно вздрогнула.

– Да? – вежливо бросила она, оборачиваясь.

– Хорошенько подумайте, прежде чем совершить ошибку и пренебречь приказами. Уверяю вас, вы горько пожалеете.

Превозмогая ледяной озноб тревоги и страха, Александра гордо подняла подбородок:

– Вы закончили?

– Да. Пошлите мне Хиггинса, пожалуйста. Эта просьба напомнила Алекс о судьбе ее слуг, и она круто развернулась, готовясь к последней схватке.

– В следующий раз, когда вздумаете отомстить мне за очередное воображаемое преступление, будьте добры оставить моих слуг в покое. Эти два ни в чем не повинных старика, которых вы сослали сегодня на кухню, заменили мне отца! Пенроуз учил меня удить рыбу и плавать, Филберт сколотил кукольный домик, а позже и плот и показал, как им управлять! Я не позволю вам унижать и оскорблять...

– Велите Хиггинсу, – невозмутимо перебил Джордан, – дать им работу, где вам будет угодно, кроме, конечно, передней и холла.

Дверь за Алекс захлопнулась. Джордан, мрачно хмурясь, в задумчивости опустил на стул. Он сделал все, как хотел, – заставил жену понять правила, по которым ей придется отныне жить, и был уверен, что

она покорится. Немыслимо, чтобы молодая женщина, когда-то неприкрыто боготворившая мужа, посмела бросить ему вызов! Однако безумное, непреодолимое желание, охватившее Джордана всего несколько минут назад, поразило, расстроило и крайне его обозлило... Правда, наиболее вероятной причиной стало, видимо, вынужденное воздержание.

Джордан понимал, что Александра никогда не станет услужливой, покорной женой его грез, но ее поистине непокорный дух станет более чем достаточной наградой. Она не лгунья, не трусиха и никогда ему не наскучит. Лишь за последние полчаса она представила ему список его любовниц, честно призналась во всех грехах и сумела возбудить так, что он едва не потерял голову. Нет, ему не придется с ней скучать.

Он взял со стола перо, рассеянно повертел его в пальцах и вдруг нехотя улыбнулся. Боже, как она прекрасна, с этими неистовыми огромными глазами, мечущими зеленое пламя, и порозовевшими от гнева алебастровыми щеками. И все же, пока Александра будет держаться в рамках приличия, он готов позволить ей наслаждаться всеми преимуществами положения герцогини Хоторн. Пока будет держаться в рамках.

В дверях возникли Хиггинс и Джон Камден.

– Насколько я понимаю, – усмехаясь, спросил граф, – вы решили помириться с женой?

– Она сделает, как ей велено, – с полнейшей уверенностью ответил Джордан.

– В таком случае вы, конечно, присоединитесь к нам сегодня и приедете в «Уайтс»?

– Превосходно, – согласился Джордан, и мужчины принялись обсуждать дела их горнодобывающей компании.

Глава 22

Прямо из кабинета Джордана Александра направилась в переднюю, где сообщила дворецкому, что Филберт и Пенроуз ни в коем случае не будут работать на кухне, и попросила послать их в малую столовую, а сама с приклеенной к лицу улыбкой пересекла холл.

Обычно эта комната, отделанная в солнечных тонах и выходившая в сад, неизменно придавала ей бодрости, но сегодня, войдя и закрыв за собой дверь, Александра устало вздохнула и медленно, словно старуха, побрела к окнам. Она чувствовала себя так, словно только что вступила в битву с армией великанов. И проиграла.

Стыд и ужас бушевали лесным пожаром, и Алекс в отчаянии закрыла лицо руками, пытаясь честно признать страшную правду: теперь, как и год назад, стоит Джордану прикоснуться к ней, и она готова на все! О, она может противостоять его гневу, но не улыбке и поцелуям! Сладостное насилие этих поцелуев зажгло пламя в душе, сердце и теле. Несмотря на приобретенный за последние несколько месяцев опыт, невзирая на все, что знала о нем, Джордан Таунсенд все еще способен превратить ее в задыхающееся, охваченное страстью создание. В точности как когда ей было всего семнадцать.

И спустя все это время от его улыбки по-прежнему таяло сердце, а поцелуи вынуждали, требовали покориться его воле. Прикусив губу, Алекс безвольно прислонилась лбом к гладкому прохладному стеклу. С того момента, как они вышли из церкви, она была совершенно убеждена, что никогда больше ничего не испытает к нему. Но как быстро и легко он доказал обратное – и для этого понадобились всего лишь ленивая улыбка, поцелуй и прикосновение... Безвольная, жалкая, ничтожная трусиха! Что за дьявольский дар у этого человека, какими чарами он покоряет женщин?! Ведь у нее нет ни малейших сомнений относительно тех «нежных» чувств, которые он к ней питает.

Что в нем вообще такого особенного и почему она ощущает, будто совершила нечто прекрасное и необыкновенное, всякий раз, когда заставляет его рассмеяться? И по какой причине Алекс все еще приходится бороться со странной, наивной уверенностью в том, что, если очень постараться, в один прекрасный день выяснится, что она все-таки что-то значит для него и именно ей судьба предназначила сделать его другим: смягчить характер, приручить, растопить льдинки холодного цинизма в

глазах. Вне всякого сомнения, в том же убеждены все остальные женщины, и именно потому самые прожженные, опытные кокетки из кожи вон лезут, чтобы ему угодить. И сегодня ночью Джордан, конечно, не ограничится поцелуями.

«Сегодня ночью, в постели, после того как я вернусь из „Уайтса“, мы можем обсудить, что я предпочитаю...» Сегодня ночью... в постели... Предательская память услужливо воскресила ту незабываемую ночь в гостинице, и Александра рассерженно тряхнула головой, пытаясь затушить уже загоревшийся в крови огонь. Она не может и не хочет позволить ему овладеть ею! Никогда! Как он смеет врываться в ее жизнь и предъявлять какие-то супружеские права, даже не пытаясь, хотя бы для виду, ухаживать за ней, добиваться расположения, как подобает джентльмену из общества!

Джордан с самого начала не дал себе труда хотя бы поцеловать ей руку!

Но сегодня он может отправляться в любую из десятков чужих постелей, к бесчисленным женщинам, готовым отдаться ему по первому зову. И в прошлую ночь он, конечно, не преминул этим воспользоваться. Вероятнее всего, посетил свою последнюю любовницу. Ну а сегодня успеет завлечь другую, прежде чем окажет «честь» законной жене.

Лихорадочные мысли неотступно вертелись в голове, пока Алекс не почувствовала, что ее сейчас стошнит. Отняв руки от лица, она оглядела светлую уютную комнату, словно в поисках спасения. Необходимо любым способом скрыться, уехать от него как можно дальше. Еще одного подобного потрясения она просто не выдержит!

Осознав, что при этом придется оставить Лондон и новых друзей, Александра ощутила боль потери, но впереди ждали свобода и бесконечный покой. Джордан всего день как дома, а ревность уже терзает ее!

И тут она вспомнила о Моршеме. Да, там она обретет утерянную силу духа. Маленькая деревушка маячила на горизонте, как убежище от всех бед и забот.

Но если она собирается вернуться, нет смысла сидеть и ждать, пока судьба смиростивится и поможет. Судьба явно не на ее стороне... Именно капризы рока вынудили Алекс выйти замуж за развратного негодяя, который к тому же с самого начала не хотел ее. Именно судьба вернула его, и теперь Александре придется покорно выполнять прихоти человека, который, как и прежде, не хотел ее, но к тому же оказался еще и распутником, высокомерным, бесчувственным тираном!

Как ни больно, приходилось признать, что женщина, особенно в кругу

аристократов, не что иное, как вещь. Их выбирают, словно призовых кобыл, ради получения наследников, а потом забывают и покидают без зазрения совести. только она не беспомощная, бессильная, ни на что не способная мисс из благородной семьи! Едва ли не с детства АЛЕКС заботилась не только о себе, но и о других! Теперь же став взрослой, она еще лучше сумеет устроить свою жизнь. Займется тем, чего всегда хотел от нее дедушка, – начнет учить детей читать и писать. Теперь, когда она станет уважаемой замужней женщиной, деревенские жители не будут ее избегать и, вероятнее всего, забудут единственный давний промах, а если и нет. Александра, пожалуй, скорее предпочтет жизнь парии, чем ту, что предназначена ей здесь, – существование сорванного с дерева листочка, отданного на волю переменчивых ветров судьбы И капризов грубого, необузданного человека.

Настало время самой выбирать путь, по которому отныне она отправится. В конце концов, это не так уж сложно, и она знает, как поступить. Вернется домой и станет сама себе хозяйкой! Но для того чтобы добиться этого, необходимо прежде всего отговорить мужа от совершенно абсурдного решения сохранить их брак. И нужно раздобыть денег.

Именно это сильнее прочего беспокоило Александру. Все, что у нее было, – остаток и без того не слишком большой суммы, получаемой ежеквартально от Тони «на булавки», но этого не хватит на арендную плату за коттедж, дрова на зиму и припасы, которые придется купить, пока Филберт и Пенроуз не помогут ей посадить огород. А на все это необходимо раз в десять больше, чем у нее оставалось. Александра не могла продать украшения, подаренные Тони и герцогиней, – они не принадлежат ей по-настоящему, это фамильные драгоценности. Единственная дорогая вещь, которая у нее хранилась, – дедушкины часы. Придется продать их, несмотря на то что сердце Александры разрывалось от боли. Но это нужно сделать быстро, не теряя ни минуты. К величайшему унижению Алекс, оказалось, что время – союзник Джордана и ее враг. Пройдет еще несколько дней, и она снова будет таять в объятиях нежеланного, нелюбимого мужа.

Сразу почувствовав себя немного лучше, Алекс подошла к столу, за которым пила чай после поединков с Тони, и уселась. Она уже успела поднести к губам чашку, когда на пороге появились ее преданные, хотя и не очень молодые друзья.

– Иисусе, мисс Александра, ну и впутались же вы в историю на этот раз! – не заботясь о правилах приличия и даже не поздоровавшись, воскликнул Филберт. Близоруко вглядываясь в Александру сквозь

купленные ею же очки и встревоженно ломая руки, он устроился напротив нее, как всегда, когда они жили в Моршеме одной семьей.

Пенроуз придвинулся поближе к ним и приложил к уху ладонь, пытаясь разобрать слова.

– Я слышал, – продолжал Филберт, – что вчера сказал вам герцог, когда вы остались одни. Пенроуз тоже все знает. Ваш муж, мисс, – человек бессердечный, иначе не набросился бы так на вас, бедняжку. Что же нам теперь делать?

Он явно волновался за нее, и Александра, взглянув на двух стариков, всю жизнь бывших ей помощью и опорой, слабо улыбнулась. Нет смысла лгать: хотя прежних сил у них не осталось, у обоих сохранилось достаточно ясное мышление. Говоря по правде, ни сейчас, ни раньше Александре никогда не удавалось одурачить их и ни одна проделка не сходила ей с рук.

– Я хочу взять вас и уехать в Моршем, – сообщила она, устало проводя рукой по волосам.

– Моршем! – благоговейно прошептал Пенроуз, словно речь шла о рае.

– Но для этого нужны средства, а у меня осталось совсем немного от карманных денег, которые выдал Тони.

– Деньги, – мрачно пробормотал Филберт. – Вечно у вас нет денег, мисс Александра! Даже когда ваш папа был жив, да покарает Господь его предательскую...

– Не нужно, – машинально запротестовала Алекс. – нельзя говорить плохо о покойниках.

– По моему мнению, – брезгливо бросил Пенроуз, – напрасно вы спасали жизнь Хоторну. Вместо того чтобы прикончить грабителя, лучше бы пристрелили его.

– А потом, – кровожадно вставил Филберт, – нужно было вбить кол ему в сердце, чтобы упырь не восстал из мертвых и не явился мучить вас!

Александре хотелось плакать и смеяться, но она постаралась взять себя в руки и решительно, не допускающим возражений тоном объявила Пенроузу:

– Часы дедушки лежат в комоде у моей кровати. Я хочу, чтобы вы отнесли их на Бонд-стрит и продали, не торгуясь, за те деньги, что предложит ювелир.

Пенроуз открыл было рот, чтобы возразить, но заметил упрямо выдвинутый вперед подбородок и неохотно кивнул.

– Сделайте это сейчас, Пенроуз, – выдохнула Алекс, – прежде чем я передумаю.

После ухода Пенроуза Филберт, подавшись вперед, осторожно накрыл ее ладонь своей, морщинистой, со вздутыми венами.

– У нас есть сбережения, которые мы отложили за последние двадцать лет. Правда, совсем небольшие, всего семнадцать фунтов и два шиллинга... – Нет. Ни в коем случае! – твердо отказалась Александра. – Вы должны оставить их...

В коридоре слышались громкие неспешные шаги Хиггинса, и Филберт с поразительным проворством вскочил.

– Хиггинс краснеет и надувается, как индюк, когда видит нас вместе, – пояснил он и, схватив желтую салфетку Александры, весьма правдоподобно притворился, что сметает крошки со стола. При виде этой умильной сцены Хиггинс расплылся в одобрителной улыбке и объявил, что сэр Родерик Карстерз приехал навестить ее светлость.

Несколько минут спустя появился Родди. Усевшись за стол, он кивком велел Филберту налить чаю и стал с воодушевлением пересказывать подробности своего вчерашнего визита к Хоку.

Не дослушав его ошеломляющего повествования, Александра приподнялась с кресла и трагически вскрикнула:

– Вы рассказали ему все эти вещи обо мне? Вы?!

– Прекратите смотреть на меня с таким видом, словно я мерзкая гадина, только что выползшая из-под камня! – с усталым равнодушием бросил Родди, подливая молоко в чай. – Я объяснил все это ему лишь для того, чтобы он понял: вы бесспорная королева лондонского общества. Поэтому, если даже его светлость узнает, сколько глупостей вы наделали из-за него, когда впервые появились в свете, – а ему обо всем доложат, не сомневайтесь, – у него не останется причин для самодовольства. Мелани приезжала вчера вечером именно с этим планом, но у меня уже раньше возникла точно такая же идея, которую я благополучно осуществил. – И, не обращая внимания на потрясенное лицо Александры, Родди как ни в чем не бывало продолжал:

– Кроме того, я хотел видеть его лицо, когда он услышит новости, хотя не это было главным. Говоря по правде, вчера я совершил первый истинно великодушный поступок в жизни – свидетельство того, что я, к сожалению, проявил явную слабость характера, за которую стоит винить вас.

– Меня? – недоуменно повторила Александра, чувствуя, как от всех переживаний закружилась голова. – Что это за слабость характера?

– Благородство, дорогая. Стоит вам взглянуть на меня своими огромными выразительными глазами, и в моей душе немедленно возникает невыносимая, совершенно убийственная убежденность в том, что вы

видите во мне нечто неизмеримо лучшее и куда более прекрасное, чем замечают я сам, смотрясь в зеркало. И вот вчера ночью я вдруг испытал настоящее побуждение сделать что-то доброе справедливое, поэтому и отправился к Хоку с возвышенной целью спасти вашу гордость. При зрелом размышлении сейчас я понимаю, какое омерзение вызвал у него. В эту минуту Родди, очевидно, был настолько преисполнен ненависти к себе, что Александра поспешно скрыла улыбку, поднеся к губам чашку с чаем.

– К несчастью, – продолжал он, – мой великолепный поступок, вероятнее всего, окажется напрасным. Не уверен, что Хок обратил на меня внимание, хотя я битый час не закрывал рта.

– Он прекрасно все слышал, – сухо пояснила Александра. – И сегодня утром представил мне список всех моих преступлений с требованием, чтобы я все подтвердила или по крайней мере объяснила.

Глаза Родди восторженно блеснули.

– Неужели? Мне показалось, что вчера я задел его за живое, но по виду Хока судить трудно. Так вы признались или решили все отрицать?

Слишком расстроенная, чтобы усидеть за столом, Александра поднялась, бросила извиняющийся взгляд на гостя и, подойдя к стоявшему у окна диванчику, стала взбивать желтые подушки.

– Разумеется, призналась.

Родди резко повернулся и с неподдельным интересом уставился на нее.

– Так, значит, между воссоединившимися супругами далеко не все так гладко?

Дождавшись, пока Александра рассеянно покачала головой, гость радостно ухмыльнулся:

– Надеюсь, вы понимаете, что весь свет мучится неизвестностью и, конечно, ожидает, что вы снова не устоите перед легендарным обаянием Хока. Пока ставка четыре к одному за то, что ко дню Королевских скачек вы снова превратитесь в обожающую, покорную женушку.

Александра, вне себя от ярости, вскочила как ужаленная.

– Что?! – охнула она, не веря своим ушам. – О чем вы говорите?!

– Пари, – с удовольствием пояснил Родди. – Ставка четыре к одному за то, что вы повяжете свою ленту на руку Хока и будете болеть за него в день Королевских скачек. Чрезвычайно мило. Семейный дуэт, можно сказать!

Александра даже не представляла, что можно испытывать такое отвращение к друзьям, которых успела полюбить.

– И уважающие себя люди заключают пари на подобные вещи? – выпалила она.

– Естественно. По традиции, в день Королевских скачек любая дама, желающая выказать свою благосклонность джентльмену, участвующему в скачках, снимает ленту со шляпки и собственноручно повязывает ее на его рукав, на; удачу и в знак расположения. Это одно из немногих публичных проявлений симпатии, одобряемое светом, – в основном, мне кажется, потому, что бесконечные споры о том, кто чьи цвета носил, позволяют коротать долгие зимние месяцы за восхитительно щекочущими нервы сплетнями. Как я уже упоминал, почти все ставят на то, что вы повяжете ленту на рукав Хока.

На мгновение отвлеченная от собственных бесчисленных бед такой, казалось бы, не стоящей внимания мелочью, Александра с подозрением взглянула на Родди:

– А вы на кого поставили?

– Я еще не сделал ставку. Хотел сначала повидать вас, чтобы узнать, куда ветер дует, а уж потом отправиться в «Уайтс». – Изящно вытерев губы салфеткой, Родди встал, поцеловал ее руку и хитро прищурился. – Ну так как же, дорогая? Проявите ли вы любовь к супругу, повязав ему при всех ленту седьмого сентября?

– Конечно, нет! – вознегодовала Александра, вздрагивая при мысли о том, что способна устроить подобный спектакль на людях, да еще ради человека, который, как всем известно, совершенно к ней равнодушен.

– Вы уверены? Мне не хотелось бы потерять тысячу фунтов.

– Ваши деньги в безопасности, – с горечью заверила Александра, почти рухнув на обитый цветастым атласом диванчик. Родди уже направлялся к двери, но тут Александра ликующе выкрикнула его имя и вскочила с дивана так быстро, словно под ней загорелись подушки. Смеясь от радости, она бросилась к остолбеневшему аристократу.

– Родди, вы великолепны! Вы гений! Не будь я замужем, обязательно сделала бы вам предложение!

На это весьма лестное заявление Родди ничего не ответил, лишь поднял брови, продолжая настороженно рассматривать ее.

– Пожалуйста, пожалуйста, сделайте мне одно маленькое одолжение, – взмолилась Алекс, мило надув губки.

– Какое именно?

Александра глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, не В силах поверить, что судьба только сейчас наградила ее великолепным решением казавшейся совершенно безнадежной задачи.

– Не могли бы вы... сделать для меня ставку? Родди с комически-недоуменным видом развел руками. Потрясенный взгляд, однако,

мгновенно сменился понимающим и к тому же исполненным откровенного злорадства.

– Почему бы нет? А вы в состоянии заплатить, если проиграете?

– Но я не могу проиграть! – весело объявила Алекс. – Насколько я поняла вас, для того чтобы выиграть, мне достаточно присутствовать на Королевских скачках, но при этом не повязывать ленту на рукав Хока?

– Да.

С трудом сдерживая волнение, Александра сжала руку Родди и испытующе заглянула ему в глаза.

– Обещайте, что сделаете это для меня, Родди. Это гораздо важнее, чем вы предполагаете.

Язвительная усмешка чуть искривила губы сэра Родерика.

– Разумеется, сделаю, – кивнул он, взирая на нее с небывалым доселе уважением. – Говоря по правде, мы с вашим мужем терпеть друг друга не можем, как вы уже, без сомнения, догадались.

Заметив, однако, ее смущенную улыбку, Родди преувеличенно громко вздохнул, досадуя на такую невероятную наивность.

– Если бы ваш муж не вернулся с того света и если бы Тони отправился на небо, не оставив сыновей, я... или мои наследники стали бы следующими обладателями титула герцогов Хоторнов. Вы видели Бerti, брата Тони, – хрупкий, слабенький мальчик, который вот уже двадцать лет находится на грани жизни и смерти. Насколько мне известно, у матери были трудные роды, и ребенку пришлось немало страдать.

Александра, не имевшая ни малейшего представления о том, что Родди едва ли не первый в списке претендентов на титул, медленно покачала головой.

– Я знала, что вы родня Таунсендов, но... думала, что очень дальний, четвероюродный или пятиюродный брат. – Совершенно верно. Но если не считать отцов Джордана и Тони, почти все остальные Таунсенды обладают печальной особенностью производить на свет дочерей, да и тех не очень часто. Мужчины нашей семьи, как правило, умирают молодыми. И... и плодovitостью мы тоже не славимся, – добавил он, намеренно стараясь шокировать ее, – правда, не потому, что плохо стараемся.

– Боюсь, слишком часты браки между родственниками, – заметила Александра, стараясь не показать, как смутил ее откровенный намек Родди на супружеские отношения. – Взять для примера хотя бы колли! Общество нуждается в притоке свежей крови, иначе вскоре все начнут чесать за ушами и катастрофически лысеть.

Родди, запрокинув голову, громко расхохотался.

– Непочтительная девчонка! – широко улыбнулся он. – Научились делать равнодушное лицо, даже если выслушали что-то крайне неприличное, но меня не обманешь!

Продолжайте практиковаться! Однако к делу. Скаль ко вы хотите поставить?

Александра прикусила губу, боясь жадностью оскорбить госпожу Фортуну, которая наконец-то смиростивилась ней.

– Две тысячи фунтов, – начала было она, но тут же осеклась, слышав громкий многозначительный кашель Филберта, все это время простоявшего за стулом Родди.

Александра, словно заискрившись весельем, взглянула на лакея, потом на Родди и поспешно поправилась:

– Две тысячи семнадцать фунтов...

– Гм, – снова кашлянул Филберт. – Гм.

– Две тысячи, – послушно исправились Александра, – семнадцать фунтов и два шиллинга.

Родди, которого никто не мог бы посчитать глупцом, медленно обернулся и оценивающе осмотрел лакея, который, как он успел узнать от Александры, был рядом с ней с самого детства.

– Как вас зовут? – осведомился он с нескрываемой насмешкой.

– Филберт, милорд.

– И, насколько я полагаю, именно вам принадлежат семнадцать фунтов и два шиллинга?

– Да, милорд. Мне и Пенроузу.

– А кто этот Пенроуз?

– Помощник дворецкого, – пояснил Филберт, но тут же, забывшись, гневно добавил:

– То есть был помощником, пока его благородное высочество не появился здесь сегодня утром и не сместил его!

Лицо Родди приняло несколько отсутствующее выражение.

– Ну просто восхитительно, – пробормотал он и тут же, опомнившись, вежливо поклонился Александре:

– Думаю, вряд ли вы собираетесь посетить бал у Линдуорти?

Александра поколебалась какую-то долю секунды, прежде чем лукаво улыбнуться:

– Поскольку мой муж занят сегодня вечером, почему бы и мне не развлечься немного?

Какое невероятное, необыкновенное везение! Случилось чудо, и вскоре у нее будет достаточно денег, чтобы безбедно жить в Моршеме лет

десять. Впервые за всю жизнь деревенская девчонка узнает, что такое настоящая независимость. Как прекрасен вкус свободы! Божественный, сладостный, куда более пьянящий, чем любое вино! Он делал Алекс непобедимой. Неукротимой. Дерзкой.

Светясь от неудержимого восторга, Александра прибавила:

– И, Родди, если вы все еще хотите помериться со мной силами и испытать свое искусство владения рапирой, думаю, лучше всего нам встретиться завтра утром. Пригласите побольше зрителей! Хоть все общество!

Впервые за все это время Родди неловко поежился.

– Даже наш дорогой Тони, который ради вас готов был лечь на плаху, отказался позволить вам фехтовать с посторонними. Думаю, ваш муж придет в ярость, если услышит об этом.

– Простите, Родди, – покаянно вздохнула Александра. – Я не хотела бы доставлять вам неприятности...

– Я беспокоюсь за вас, дорогое дитя, не за себя. Мне опасность не грозит. Хок не осмелится вызвать меня... Мы оба слишком цивилизованны, чтобы опуститься до столь вульгарно публичного проявления вспыльчивости, как дуэль. С другой стороны, не сомневаюсь, что Хок вскоре найдет возможность с глазу на глаз несколько подправить черты моего лица. Но не бойтесь, – небрежно заверил он, – я тоже умею работать кулаками. В противоположность тому, что вы могли обо мне подумать, под этой модной одеждой все-таки кроется настоящий мужчина. – И, запечатлев на ее руке галантный поцелуй, сухо объявил:

– Сегодня вечером жду вас на балу у Линдуорти.

После ухода Родди Александра обхватила себя руками и, смеясь, подняла глаза к небу.

– Спасибо, спасибо, спасибо, – воззвала она к Богу, судьбе и лепному потолку. Родди решил самую серьезную часть ее проблемы, открыв источник получения денег, и вот теперь ее осенила блестящая идея. Она нашла способ освободиться от мужа! Насколько Алекс поняла, Джордан Таунсенд – человек, привыкший и требующий неуклонного, полного, немедленного повиновения всех окружающих, включая собственную жену. Он не потерпит ослушания.

Следовательно, именно демонстративное, вызывающее пренебрежение его приказами и есть ключ к долгожданной свободе! Открыто смеясь над его деспотизмом, она сумеет сделать так, что он потеряет покой и сон и, самое главное, ясно поймет, насколько будет лучше, если Александра навеки уйдет с его пути и из его жизни.

– Его величеству, – невежливо хмыкнул Филберт, – небось не понравится, когда он узнает, что вы поставили против него и к тому же собрались выезжать сегодня. – И, обеспокоенно нахмурившись, прибавил:

– Я подслушивал под дверь и знаю, что он запретил вам выходить из дома.

Александра, разразившись смехом, обняла встревоженного старика.

– Он никогда не узнает о пари, – весело объявила она, – а если не желает, чтобы я показывалась на людях, может... может отослать меня обратно в Моршем! Или дать развод!

Весело напевая, она пересекла холл и стала подниматься по лестнице. Придется потерпеть, но всего через два месяца она получит выигрыш, станет, по меркам Моршема, богатой женщиной и наконец-то навсегда избавится от Джордана Таунсенда. Не менее восхитительным было сознание того, что она заработала деньги собственным умом и для Джордана навсегда останется загадкой, каким образом она их раздобыла.

Джордан, как раз в эту минуту провожавший гостей, остановился на пороге кабинета и обернулся, наблюдая за женой, беспечно взбегавшей по лестнице. Легкая улыбка коснулась его губ. Только сейчас он услышал, какой красивый у нее голос. Просто чудесный. И бедра так маняще покачиваются... Неотразимо маняще.

Уверенность, служившая источником радости и поддержки весь день, не покидала Александру и теперь. Она стояла перед туалетным столиком, неотрывно глядя на часы. Полтора часа назад она слышала, как Джордан вошел в свою спальню и, отдавая приказание камердинеру, упомянул, что собирается ехать в «Уайтс». После его отъезда прошло двадцать пять минут.

«Уайтс» совсем недалеко от особняка Линдуорти, и вряд ли стоит рисковать на тот случай, если Джордан вдруг задержится внизу или их пути пересекутся. Лучше уж дать ему побольше времени и убедиться, что он приехал в клуб, прежде чем отправляться самой на бал.

Решив, что наконец можно ехать, Алекс повернулась к горничной, француженке средних лет, нанятой для нее герцогиней.

– Надеюсь, я сносно выгляжу, Мари? – весело спросила она, прекрасно зная, что никогда еще не была такой красивой.

– Они просто онемеют, ваша светлость, – улыбаясь, объявила Мари.

– Именно этого я и боюсь, – с сожалением хмыкнула Александра, в последний раз оглядывая в зеркало великолепный туалет из лимонно-

желтого шифона, собранный на плечах крохотными складочками, пересекающими грудь по диагонали и образующими смелое глубокое декольте, из которого соблазнительно вздымались белоснежные полушария. Широкая полоса таких же горизонтальных складок обхватывала узкую талию, от которой водопадом струились прозрачные юбки. Туалет дополняли длинные перчатки; в ушах и на шее сверкали бриллианты. Блестящие волосы были уложены элегантным узлом на затылке и перевиты бриллиантовой нитью. Простая прическа оттеняла тонкие точеные черты лица, придавая Александре более взрослый вид, прекрасно подчеркивающий, однако, молодость и необычный покррой платья.

Захватив маленький, расшитый бисером ридикюль, Александра весело предупредила:

– Не стоит дожидаться меня, Мари. Я проведу ночь в доме подруги.

И хотя она покривила душой, однако все же не собиралась позволить Джордану Таунсенду снова овладеть ею и по крайней мере сегодня знала, как этого избежать.

«Уайтс», самый привилегированный и закрытый мужской клуб в Англии, выглядел в точности как полтора года назад. Однако, переступив порог величественного здания, Джордан мгновенно понял, что какие-то неуловимые перемены все же произошли.

Правда, обстановка была все той же: удобные кресла, расставленные вокруг низких столов, дабы джентльмены смогли отдохнуть и расслабиться, выиграв или проиграв в карты целое состояние. Большая книга, где записывались пари, – вещь, такая же священная для игроков, как Библия для методиста, – лежала на прежнем месте. Но сегодня вокруг нее толпилось куда больше людей, чем обычно.

– Хоторн! – воскликнул кто-то сердечно... пожалуй, чересчур сердечно, и мужчины, собравшиеся у книги, словно по команде, встrepенулись и устремились к нему.

– Счастлив, что вы вернулись, Хок! – объявил лорд Харли, энергично пожимая руку Джордана.

– Рады видеть вас, Хок, – добавил кто-то, и все друзья и знакомые наперебой спешили поздравить его с благополучным прибытием в лоно семьи и общества, с пылом, показавшимся Джордану несколько преувеличенным.

– Выпьете что-нибудь, Джордан? – мрачно предложил Джон Камден и, бесцеремонно схватив бокал мадеры с подноса проходившего мимо лакея,

втиснул его в пальцы друга.

Полностью сбитый с толку и ошеломленный столь странным поведением, Джордан отдал мадеру лакею.

– Виски, – коротко велел он и, извинившись, направился к книге пари. – Каким вздором забивает себе голову молодежь в наши дни? – осведомился он. – На что ставят? Надеюсь, не на свиные бега, как в прошлый раз?

Однако перед ним мгновенно возникли шесть человек, загородив дорогу, и выстроились полукругом возле книги. Все шестеро одновременно разразились взволнованными тирадами:

– Странная погода сегодня... Должно быть, вам чертовски тяжело пришлось... Расскажите нам о... Как поживает лорд Энтони?.. Надеюсь, ваша бабушка здорова?

За спиной Джордана Джон Камден покачал головой, давая знать благородным джентльменам, что их усилия бесплодны, и компания сочувствующих мужей в смущении расступилась.

– Моя бабушка здорова, Харли, – отозвался Джордан, шагнув к книге. – Как, впрочем, и Тони.

Опершись о спинку стула, он слегка наклонился вперед, быстро переворачивая страницы. Азартные игроки, как всегда, спорили обо всем – начиная с даты следующего снегопада до точного веса первенца старого Баскома.

Джордан с отвращением отметил, что восемь месяцев назад лорд Торнтон поставил тысячу фунтов на то, что его молодой друг граф Стенли сляжет в постель с желудочным недомоганием через два месяца, двадцатого декабря. Девятнадцатого декабря Торнтон побился об заклад на сто фунтов, что Стенли не сможет съесть две дюжины яблок в один присест. Стенли выиграл. Но на следующий день был вынужден выложить Торнтону тысячу фунтов. Джордан покачал головой и сухо заметил:

– Вижу, Стенли за это время ничуть не поумнел. Подобные замечания по поводу безрассудств молодежи были весьма традиционными среди умудренных жизнью членов клуба. Так поступали их отцы, деды и прадеды. Раньше друзья в ответ на реплику Джордана рассказали бы десятки других, не менее забавных историй или напомнили бы о его бесшабашных проделках.

Недоуменно покосившись на джентльменов, Джордан вновь обратился к книге. В клубе воцарилась мертвая тишина, и даже игроки отложили карты, чего-то выжидая. Минуту спустя Джордан посчитал, что обнаружил истинную причину столь странного поведения – страницы за май и июнь

были заполнены условиями лишь одного пари: кто из поклонников леди Александры Таунсенд окажется счастливее остальных и получит руку недоступной дамы.

Раздраженный, но не удивленный, Джордан перевернул листок. На этот раз почти все члены клуба бились об заклад, повяжет ли леди Александра ленту на рукав мужа в день Королевских скачек.

Лениво проглядывая список имен, Джордан выяснил, что стал поистине фаворитом, хотя были и такие, кто не верил в него. Только сегодня Карстерз поставил тысячу фунтов! Впрочем, и неудивительно. Следующая ставка тоже против... большая, хотя весьма странная сумма – две тысячи семнадцать фунтов и два шиллинга, гарантированные Карстерзом и помещенные от имени...

До этого момента Джордан не подозревал, что такое настоящая ярость, неукротимая и первобытная, кровожадная и слепящая, когда в мозгу остается одна мысль, одна настоятельная потребность – убивать.

Пролетело несколько напряженных мгновений, прежде чем он сумел взять себя в руки и выпрямиться.

– Прошу простить, джентльмены, – зловеще-мягко процедил он. – Я только сейчас вспомнил, что должен быть в другом месте. – И, ни на кого не взглянув, быстро вышел.

Шестеро джентльменов, по-прежнему стоявших у книги, обменялись беспомощными взглядами.

– Он собирается разыскать Карстерза, – мрачно предсказал Джон Камден, и остальные молча кивнули.

Но они ошиблись. – Домой! – рявкнул Джордан, бросившись на сиденье экипажа.

К тому времени как карета остановилась перед домом номер три по Аппер-Брук-стрит, Джордан уже пребывал в состоянии убийственного спокойствия и успел продумать несколько весьма эффективных способов преподать своей возмутительно своевольной, заблудшей жене давно заслуженный незабываемый урок.

Он в жизни не поднимал руку на женщину, но сейчас со злорадным удовлетворением представлял, как входит в комнату Александры, перекидывает ее через колено, берет в руки трость и трудится со всем усердием, так чтобы она неделю не смогла сесть. Вполне подходящее наказание за столь ребяческую демонстрацию публичного неповиновения!

Ну а потом он швырнет ее на кровать и заставит выполнять данное Господом предназначение!

Возможно, что в своем нынешнем настроении Джордан так и

поступил бы. Однако когда он, промчавшись мимо Хиггинса, устремился к лестнице, дворецкий уведомил его светлость, что Александры нет дома.

Минуту назад Джордан мог поклясться, что разозлить его больше уже невозможно. Но известие о том, что Александра и не подумала покориться его приказу и остаться дома, заставило кровь закипеть в жилах.

– Немедленно приведите ее горничную, – велел Джордан голосом, от которого Хиггинс на мгновение прижался к стене, прежде чем помчаться выполнять распоряжение.

Через пять минут, в половине одиннадцатого, карета Джордана вновь отъехала от дома.

А в этот миг дворецкий Линдуорти громко объявил о прибытии герцогини Хоторн.

Подчеркнуто не обращая внимания на поворачивающиеся головы и испытующие взгляды, Александра грациозно спустилась по мраморной лестнице. Она никогда еще не осмеливалась появиться в столь смелом туалете, но он идеально подходил ее настроению – Алекс чувствовала себя восхитительно-дерзкой и независимой.

На середине лестницы она небрежно оглядела бальную залу в поисках Родди, Мелани или вдовствующей герцогини. Первой ей на глаза попала герцогиня, стоявшая в окружении престарелых друзей, и Александра направилась к ней – сияющее воплощение юности и красоты; глаза сверкают ярче бриллиантов, голова высоко поднята. Лишь иногда она останавливалась, чтобы величественно кивнуть знакомым.

– Добрый вечер, дорогая мадам, – весело приветствовала Александра, прикасаясь губами к пергаментной щеке герцогини.

– Вижу, вы в прекрасном настроении, дитя мое, – откликнулась ее светлость, расплываясь в улыбке и сжимая руки Александры. – Я также счастлива видеть, что Хоторн принял близко к сердцу мой мудрый совет и отменил свой омерзительно грубый приказ, запрещающий вам показываться в обществе.

Александра с лукавой улыбкой опустила в низком почтительном безупречном реверансе и задорно объявила:

- Нет, мадам, не отменил.
- Вы хотите сказать...
- Совершенно верно!
- Вот как!

Поскольку Александра знала отношение герцогини к супружеским обязанностям, эта весьма обескураживающая реакция отнюдь не омрачила

ее настроения. Говоря по правде, сегодня вряд ли что-нибудь могло ее расстроить. Однако все оказалось не так. Около нее появилась Мелани, по всей видимости охваченная паникой.

– О, Алекс, как вы отважились на такое! – выпалила она, слишком взволнованная, чтобы обратить внимание на стоявшую рядом герцогиню. – В Лондоне не осталось ни одного мужа, который не выразил бы желания свернуть вам шею, включая и моего. Вы зашли чересчур далеко. И не можете...

– О чем вы? – перебила Александра, но сердце уже тревожно заколотилось: ее обычно невозмутимая подруга никогда не выглядела столь безумно расстроенной.

– Я говорю о пари от вашего имени, которое вы заставили Родди заключить сегодня! Оно записано в книге «Уайтс-клуба», и все об этом знают!

– На мое имя? – в ужасе охнула Александра. – Не может быть! Он не посмеет...

– Какое пари? – строго осведомилась герцогиня.

– Еще как посмел! И все в зале знают об этом!

– Господи Боже, – слабо пролепетала Александра.

– Какое пари? – угрожающе повторила герцогиня. Слишком потрясенная и злая, чтобы ответить, Александра предоставила это Мелани, а сама, подхватив юбки, обернулась в поисках Родди. Но увидела только десятки выжидающих недружелюбных лиц.

Заметив наконец Родди, Алекс, изнемогая от боли и гнева, преградила ему дорогу.

– Александра, любовь моя, – улыбнулся он, – да вы выглядите куда великолепнее, чем...

Он потянулся к ее руке, но Алекс поспешно отстранилась, обвиняюще глядя на него.

– Как вы могли поступить со мной так? – с горечью пробормотала она. – Как могли записать это пари в какой-то книге, да еще и упомянуть мое имя?!

Второй раз на ее памяти Родди Карстерз на секунду потерял самообладание и не сумел сохранить на лице вежливо-язвительную маску.

– Что вы имеете в виду? – холодно осведомился он. – Я исполнил ваше желание. Вы хотели показать обществу, что не собираетесь пасть к ногам Хока, и я поместил ваше пари в таком месте, где оно сразу же станет достоянием всех. И поверьте, это не так легко сделать. Только членам «Уайтса» позволено записывать пари в книге, и мне пришлось сначала

поместить свое имя и гарантировать...

– Я хотела, чтобы вы поставили деньги за меня, но от своего имени, и именно потому обратилась к вам, – перебила Александра хриплым от волнение голосом. – Не вызывающее никаких подозрений, конфиденциальное, нигде не упоминающееся джентльменское соглашение!

Родди сдвинул брови; гнев уступил место праведному негодованию.

– Не будьте дурочкой! Чего вы надеялись добиться этим конфиденциальным джентльменским соглашением?

– Денег, – смущенно призналась Александра. Рот Родди сам собой открылся.

– Денег? – тупо повторил Карстерз. – Вы побились об заклад, потому что нуждаетесь в деньгах?

– Конечно, – наивно ответила Александра. – Почему же еще люди заключают пари?

Глядя на нее так, словно перед ним внезапно появился любопытный, уникальный образец человеческой породы.

Родди все-таки снизошел до объяснений:

– Джентльмены обычно бьются об заклад ради того, чтобы насладиться чувством победы. Вы замужем за одним из богатейших людей Европы. Почему вам вдруг понадобились деньги?

Вопрос, хотя и достаточно логичный, требовал подробного ответа, но Александра по вполне понятной причине не хотела никому открывать свои намерения.

– Я пока не могу объяснить, – жалко пролепетала она, – но прошу простить меня за несправедливые обвинения.

Кивнув в знак того, что извинения приняты, Родди остановил проходившего мимо лакея, взял с подноса два бокала шампанского и протянул один Александре.

– Как по-вашему, – взволнованно спросила она, не замечая внезапно сгустившейся напряженной тишины, – есть ли шанс, что Хок не узнает о пари?

Родди, которому никак нельзя было отказать в наблюдательности, быстро осмотрелся и поднял глаза, следуя по направлению взглядов собравшихся.

– Вряд ли, – сухо заметил он и взмахом руки привлек ее внимание к верхнему балкону как раз в тот момент, когда дворецкий громко объявил:

– Его светлость герцог Хоторн!

Нервный шепоток пронесся по толпе, и Александра в отчаянии увидела знакомую высокую фигуру в черном, спускавшуюся по

ступенькам. Лестница находилась менее чем в пятнадцати ярдах от Александры, и, когда Джордан оказался внизу, огромное людское море словно девятым валом нахлынуло на него. Послышался гул приветствий.

Он был на голову выше почти всех присутствующих, и. Александра из своего угла заметила, как Джордан, слегка улыбаясь, прислушивается к тому, что говорят гости, однако при этом внимательно рассматривает толпу – без сомнения, пытаясь разглядеть жену.

Александра в панике осушила бокал и вручила его Родди, Который взамен отдал ей собственный.

– Выпейте и мой, – посоветовал он. – Вам это необходимо.

Александра лихорадочно огляделась, словно затравленная лиса в поисках подходящей норы. Не в силах двинуться с места, она прижалась к стене и машинально поднесла бокал к губам. В этот момент она заметила стоявшую справа герцогиню. Та ответила ей странно-успокаивающим взглядом и что-то быстро сказала Мелани. Молодая женщина стала обходить толпу, собравшуюся вокруг Джордана, спеша пробиться к Родди и Алекс.

– Ваша бабушка передала, – настойчиво прошептала она, встав перед Александрой, – чтобы вы, ради Бога, не вздумали впервые в жизни чрезмерно злоупотребить шампанским, поскольку, по ее словам, Хоторн знает, как себя вести, когда обнаружит вас.

– Она сказала что-нибудь еще? – умоляюще спросила Алекс, крайне нуждавшаяся в эту минуту в ободрении.

– Да, – энергично кивнула Мелани. – Велела, чтобы я прилипла к вам, как клей, и ни за что не отходила, что бы ни случилось сегодня.

– Господи милостивый! – выдохнула Александра. – А я думала, она скажет – мне не о чем беспокоиться.

Родди едва заметно пожал плечами:

– Возможно, Хок еще не успел узнать о пари, поэтому не стоит расстраиваться заранее.

– Я тревожусь не только из-за пари, – мрачно сообщила Александра, наблюдая, как Джордан безуспешно пытается выбраться из круга почитателей, стараясь улучшить момент, чтобы ускользнуть в противоположную сторону. – Боюсь, он обнаружит, что я...

В эту минуту кто-то стоявший слева от Джордана что-то сказал; стараясь лучше расслышать, он повернул голову и скользнул взглядом по стене, у которой она стояла... мимо Мелани... мимо Родди... мимо... нее... и тут же его глаза вновь остановились на жене, словно пара несущих смерть дуэльных пистолетов. – ...здесь, – едва слышно dokonчила она,

пригвожденная к месту разъяренным взглядом, не оставляющим сомнения в том, что Джордан приехал сюда ради нее.

– По-моему, он только сейчас это обнаружил, – усмехнулся Родди.

Найдя наконец в себе силы отвернуться, Александра осмотрелась в поисках подходящего убежища, пока он не отрезал пути к отступлению. Все должно выглядеть так, словно она и не думает прятаться. Безопаснее всего раствориться среди семисот человек приглашенных, так чтобы Джордан потерял ее из виду.

– Возможно, нам стоит побродить среди гостей, дорогая? – предложил Родди, очевидно, придя к тому же решению.

Александра, облегченно вздохнув, кивнула, но идея «побродить среди гостей» потеряла свою привлекательность уже через несколько минут, когда они поравнялись с лордом и леди Моузби, которые вместе с лордом Нортом стояли у зеркальной стены. Леди Моузби протянула руку Александре и восхищенно заметила:

– Я слышала о вашем пари, Александра. Вежливая улыбка застыла на лице Алекс.

– Это... это просто шутка, – вмешалась Мелани, возникая рядом с подругой, в полном соответствии с инструкциями герцогини.

Смерив Александру неодобрительным взглядом, лорд Норт сдержанно осведомился:

– Интересно, находит ли и Хок эту шутку достаточно забавной?

– Я бы на его месте так не считал, – мрачно сообщил лорд Моузби и, взяв жену за руку, с коротким поклоном увел ее подальше от Александры. Лорд Норт последовал его примеру.

– Будь я проклят! – мягко воскликнул Родди, хмуро взирая на их удаляющиеся спины, покачал головой и медленно перевел глаза на потрясенную Александру. На этот раз взгляд его был полон раскаяния, раздражения и иронии. – Боюсь, я оказал вам плохую услугу, записав ваше пари в книгу «Уайтса». Совершенно не учел, что открытое неповиновение мужу взбесит всех остальных мужчин.

Но Александра его почти не слушала.

– Родди, – поспешно прошептала она, – вы поступаете крайне великодушно, оставаясь рядом, но при вашем росте...

– Хотите сказать, что без меня вам будет легче скрыться? – предположил Родди, и Александра кивнула.

– В таком случае, – вздохнул он, – я ухожу.

– Благодарю вас.

– Ну что ж, постараюсь хотя бы частично исправить свою вину,

исчезнув, – пообещал Родди и, коротко поклонившись, удалился.

Через пять минут, стоя спиной к бальной зале, Александра с тревогой обратилась к Мелани:

– Вы его видите?

– Нет, – покачала головой подруга, украдкой оглядывая полную людей комнату. – У лестницы его больше нет.

– В таком случае я уезжаю, – немедленно объявила Александра, поспешно целуя Мелани. – Со мной все будет хорошо, не волнуйтесь. Если смогу, увидимся завтра.

– Не сможете, – с несчастным видом пробормотала Мелани. – Муж считает, что лондонский воздух в моем состоянии вреден. Настаивает на том, чтобы увезти меня в деревню и оставить там, пока не родится ребенок.

Мысль о разлуке с единственной подругой окончательно сломила Александру. Теперь ей даже не с кем посоветоваться! Она осталась совершенно одна!

– Я напишу вам, – пообещала она, с тоской гадая, увидит ли когда-нибудь Мелани.

Не в силах вымолвить ни слова, Александра стала пробираться к лестнице. Мелани окликнула подругу, но смех и голоса заглушили ее, и Александра быстро пошла вперед, стараясь держаться поближе к стене.

Она на ходу поставила бокал и едва сдержала крик: чья-то рука безжалостно сжала ее плечо и повернула. В это же мгновение Джордан выступил вперед, почти скрыв их обоих от любопытных взоров остальных гостей. Отпустив Александру, он быстро оперся руками о стену, заключив тем самым жену в надежный плен. Со стороны, однако, казалось, что он всего-навсего погружен в интимную беседу с дамой.

– Александра, – начал Джордан зловеще-спокойным тоном, противоречившим яростному блеску его глаз, – в этой комнате почти четыреста мужчин, большинство которых уверены, что мой долг – преподать урок их женам, вытащив вас отсюда на глазах у всех, а потом увезти домой и тростью вбить в вас немного рассудка, что я совершенно готов... нет, буду рад осуществить.

И, сделав это невероятное заявление, он, к ужасу Александры, снова взял бокал с подноса и вручил ей – жест, рассчитанный на то, чтобы по-прежнему казаться мирной влюбленной парой, занятой обычным разговором.

– Несмотря на то что ваше так называемое пари и дерзкое неповиновение моим приказам более чем заслуживают публичного наказания, я собираюсь предложить вам возможность выбора, – все тем же

мертвенно-ледяным голосом продолжал он, – поэтому прошу выслушать меня крайне внимательно.

К своему полному унижению, Александра так перепугалась, что тяжело дышала, как пойманная птичка, грудь быстро вздымалась и опускалась, а слова не шли с языка. Она смогла лишь кивнуть. Ничуть не тронутый очевидным страхом жены, Джордан отчетливо выговорил:

– Вы можете уйти со мной и прямо сейчас, спокойно и по доброй воле либо вопя и брыкаясь – мне все равно.

Но так или иначе, любой в этой зале поймет, почему я вас увожу отсюда.

Он остановился, и Александра, конвульсивно сглотнув, умудрилась едва слышно прошептать:

– Или?

– Или я могу спасти ваше самолюбие, пригласив вас на танец и попытавшись притвориться, что мы оба считаем ваше пари не более чем безобидной шуткой. Но в любом случае, – зловеще dokonчил он, – я все-таки собираюсь посчитаться с вами, как только мы приедем домой. Вам это понятно?

Недвусмысленной угрозы ожидающей ее кары оказалось вполне достаточно, чтобы заставить Александру согласиться на все на свете, лишь бы отложить отъезд.

Где-то в глубине души Алекс смутно сознавала, что, предложив ей шанс сохранить гордость хотя бы на людях, он гораздо более предупредителен по отношению к ней, чем она, объявившая на весь свет о проклятом пари. С другой стороны, Алекс почему-то не находила в сердце благодарности за то, что муж избавил ее от публичного унижения, – ведь возмездие все равно неизбежно.

Сверхчеловеческим усилием воли ей удалось принять хладнокровный вид и добиться, чтобы голос не дрожал. – Я предпочитаю танцевать.

Глядя в прелестное бледное личико, Джордан невольно восхитился ее мужеством. Он вежливо предложил ей руку, и Александра положила на его рукав дрожащие пальчики.

Как только Джордан отодвинулся, Александра заметила, как быстро, виновато поворачиваются головы, и поняла, что слишком много людей наблюдало за ними. Однако она с величавым достоинством прошла под руку с Джорданом сквозь расступающуюся, словно Красное море перед евреями, толпу.

Но самообладание Александры изменило ей, когда прекрасно одетая пара отступила, чтобы дать им пройти, и Алекс узнала в даме Элизабет

Грейнджфилд, чей престарелый супруг недавно умер. Потрясение от встречи с бывшей любовницей мужа оказалось столь велико, что у Александры подогнулись колени и она едва не упала, хотя Джордан и Элизабет, казалось, чувствовали себя совершенно непринужденно.

– Добро пожаловать домой, ваша светлость, – чуть гортанно приветствовала Элизабет, протягивая руку.

– Благодарю вас, – улыбнулся Джордан, галантно целуя руку Элизабет.

Александре, наблюдавшей эту сцену, показалось, словно кто-то с силой ударил ее в живот. Она сама не понимала, каким образом ей удастся сохранять вежливо-бесстрастное выражение лица, но, когда они очутились среди танцующих и Джордан попытался положить руку ей на талию, Александра судорожно дернулась. Глаза ее метали молнии.

– Вы, кажется, решили уехать? – вкрадчиво осведомился он.

Слишком взбешенная, чтобы заметить полные любопытства глаза окружающих, Александра неохотно положила ладонь на рукав его черного фрака, хотя лицо ее красноречиво говорило, сколь отвратительным она находит его прикосновение.

Джордан сжал ее талию, и они растворились среди многоцветья кружащихся пар.

– Будь у вас хоть капля здравого смысла, – с бешенством прошептал он, – и сумей вы хотя бы немного заучить правила этикета, вы бы стерли с вашей физиономии эту мученическую гримасу и постарались бы выглядеть по крайней мере дружелюбной.

Боже, что за высокомерное превосходство! Какая снисходительность!

У Александры чесались руки отвесить ему пощечину.

– Да как вы смеете читать мне лекции о приличиях и хороших манерах, когда сами только что раболепствовали перед вашей драгоценной любовницей на глазах у собственной жены!

– А какого дьявола вы от меня ожидали? – коротко бросил Джордан. – Чтобы я сбил ее с ног? Она стояла у нас на пути!

– Вы по крайней мере могли бы вовлечь меня в свой разговор, – прошипела Александра, слишком расстроенная, чтобы понять, каким стыдом и позором обернулась бы их совместная беседа.

Обмен резкими словами между герцогом Хоторном и его заблудшей женой не прошел незамеченным. Танцоры сталкивались друг с другом, стараясь подслушать ссору во всех подробностях, музыканты клонились из стороны в сторону, чтобы лучше видеть, монокли и лорнеты взлетали к глазам.

– Вовлечь вас? – неверяще протянул Джордан. – Вовлечь в разговор с

женщиной, которая...

Он осекся, проглотив остаток фразы, но Александра не преминула договорить за него.

– ...которая делила с вами постель? – язвительно поинтересовалась она.

– Вы не в том положении, чтобы учить меня манерам, мадам. Судя по тому, что я узнал, ваше поведение за последние недели вряд ли подобает жене герцога Хоторна.

– Мое поведение?! – взорвалась Александра. – К вашему сведению, – с уничтожающим сарказмом уведомила она, – ведаю себя так, как подобает вашей жене, наверняка попыталась бы соблазнить каждого представителя противоположного пола, попавшегося мне на глаза.

Эта отповедь так ошеломила Джордана, что на какую-то долю секунды ему захотелось схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть, однако ему тут же пришлось в голову, что она просто ревнует!

Слегка смягчившись, он поднял голову и заметил, что присутствующие неприкрыто глазают на него и его разъяренную жену.

Джордан поспешно отвернулся, раздвинул губы в некоем подобии улыбки и тихо приказал:

– Улыбайтесь, черт возьми! Все уставились только на нас!

– Ничего подобного я не собираюсь делать, – нелогично объявила Александра, умудряясь, однако, выглядеть относительно спокойной. – Я все еще помолвлена с вашим кузеном.

Объяснение было настолько бессмысленно-неожиданным, что Джордан проглотил ошеломленный смешок.

– Что у вас за странные этические принципы, любовь моя! По-моему, вы замужем за мной.

– Не смейте называть меня своей любовью, и, кроме того, вам следовало бы вспомнить о Тони, – воскликнула Александра. – Подумайте, каким униженным он себя почувствует, если я сразу упаду в ваши объятия! Неужели у вас нет никакого сочувствия к кузену?!

– Весьма сложная моральная дилемма для меня, – солгал Джордан, – но в этом случае, однако, я должен прежде всего подумать о себе.

– Будьте вы прокляты!

Джордан смотрел на мятежную юную красавицу в соблазнительно-смелом лимонном туалете, с потемневшими глазами цвета Эгейского моря и губами как розовые лепестки и внезапно вспомнил, когда она в последний раз надевала светло-желтое платье, – в саду Роузмида. Очаровательное лицо поднято к небу, задумчивый нежный голос так

мелодичен...

«Каждое время года таит обещание, что когда-нибудь со мной случится нечто чудесное. Зимой это обещание сбывается с первым снегом... Летом я слышу его в раскатах грома и вижу в разрядах молний, пронизывающих небо... Однако лучше всего я это чувствую сейчас, весной, когда все вокруг черное и зеленое...»

Она так надеялась на нечто чудесное, а все, что получила, – четырехдневный брак и пятнадцать месяцев вдовства вместе с полной потерей иллюзий, особенно когда ее, по всей видимости, просветили, какую жизнь муж вел до свадьбы.

Ярость мгновенно улеглась, и Джордан, глядя в ее великолепные глаза, с ужасом ощутил, как сжалось сердце при мысли о том, что сейчас придется отвезти ее домой и безжалостно наказать, не обращая внимания на слезы.

– Скажите мне, – мягко спросил он, – вы все еще считаете, что грязь благоухает, как духи?

– Я... я что? – ошеломленно спросила Алекс, пристально изучая неожиданно осветившееся улыбкой лицо. – О... да, теперь я вспомнила. Нет, больше не считаю, – Торопливо добавила она. – Теперь я повзрослела.

– Понимаю, – прошептал Джордан, сгорая от нежности и внезапно проснувшегося желания.

Александра заметила это и поспешно отвернулась, но ее собственный гнев стал испаряться. Совесть напоминала, что ее дерзкое пари и вызывающее поведение во время танца были непростительны. Не чувствуя себя больше невинной, несправедливо обиженной стороной, она прикусила губу и покаянно вздохнула.

– Перемирие? – предложил он с ослепительной улыбкой.

– Пока мы не выберемся отсюда, – немедленно согласилась Александра и, в свою очередь, нерешительно улыбнулась, готовая поклясться, что на самом деле видела искорки одобрения в непроницаемых серых глазах.

– Что случилось со щенком, которого я купил вам? – неожиданно поинтересовался он.

– Генри в Хоторне. Кстати, вы ошиблись, – лукаво добавила Алекс. – Мальчик, продавший его, не солгал – Генри в самом деле оказался породистым.

– Огромный? С лапами как блюдца?

– Скорее, как тарелки, – покачала головой Александра. Джордан рассмеялся, и она робко присоединилась к нему. Танцующие снова стали

прислушиваться к музыке, лорнеты опустились, слышался привычный гул голосов. Когда вальс кончился, Джордан взял жену под руку и повел к выходу. Но уйти сразу они не смогли – знакомые и приятели Джордана то и дело подходили, спеша выразить радость по поводу его возвращения.

Александра, уже успевшая составить хитроумный план, как избежать на сегодня еще одной встречи с Джорданом, ожидала, что он станет ее торопить, однако следующие полчаса муж продолжал светскую беседу, легонько сжимая при этом пальцы Александры, лежавшие на его рукаве.

Выхода не было. Приходилось стоять рядом, притворяясь спокойной, и пытаться делать вид, будто для нее нет никакой разницы, кто держит ее под руку – Тони или Джордан.

Но если она и старалась обращаться с Тони, как с Джорданом, однако все же успела заметить, что свет придерживался иного мнения. Все относились к Тони с сердечным дружелюбием и подобающим его положению уважением, но далеко не с таким почтением... почти благоговением, какое выказывали Хоку сегодня. Наблюдая, как усыпанные драгоценностями леди приседают перед ним, а элегантные джентльмены низко кланяются и пожимают руку, Александра поняла, что для них Тони был всего-навсего хранителем титула, а Джордан – его олицетворением. Истинным Хоторном. Природным наследником славного имени.

Вместе с осознанием этого пришел страх. Возможно, она переоценила свою способность хитростью заставить его отпустить ее в Моршем, как только Пенроуз раздобудет деньги. Она провела в Лондоне всего несколько месяцев и ошибочно полагала, что Джордан ничем не отличается от других аристократов – такой же воспитанный, вежливый, изящный и утонченный. Но также безвольный. Бесхарактерный.

Теперь же, наблюдая за Джорданом в компании других мужчин, Алекс с тоскливой ясностью осознала, что под тонким налетом цивилизации, воспитания и хороших манер скрывается человек, несколько не похожий на тех, кого она привыкла встречать в обществе.

Наконец Джордан слегка повернул голову и вежливо, но непреклонно объявил:

– Если вы дадите слово сразу же ехать домой, можете сейчас же уйти. По крайней мере все посчитают, что мы отправились развлекаться каждый своей дорогой. Через четверть часа я последую за вами.

Пораженная такой предусмотрительностью и невыразимо обрадованная тем, что теперь ее план еще легче осуществить, Александра кивнула и попыталась отойти, но ее рука мгновенно оказалась в стальных тисках.

– Ваше слово, Александра, – коротко скомандовал он.

– Даю вам слово немедленно ехать домой, – с ослепительной улыбкой заверила она и поспешно направилась к выходу.

Джордан подозрительно прищуренными глазами продолжал смотреть вслед жене, несколько обеспокоенный своей быстрой победой и ее неестественно сияющей улыбкой. Стоило ли так слепо доверяться ей? Но он не столько верил ее слову, сколько был убежден, что после сегодняшних событий она не осмелится ему противоречить, поскольку поняла, на какие крайности он готов пойти, лишь бы подчинить жену своей воле. Кроме того, философски заключил он, возвращаясь к группе приятелей, куда еще она может отправиться, если не домой? Никто, даже его бабушка, не даст ей убежища.

Уход Александры, однако, не прошел незамеченным. Многие гости видели сцену, прощания, и далеко не все были обмануты очевидным согласием между супругами.

– Хок разделяется с ней, когда приедет домой, – заверил окружающих лорд Оугилви. – И будет прав: подобное поведение не должно остаться безнаказанным. Более того, он сумеет усмирить ее настолько, что она повяжет ему ленту в день Королевских скачек, вот увидите.

– Совершенно верно, – согласился молодой сэр Биллоуби.

– Несомненно, – вторил граф Терстон.

– Бесспорно, – объявил лорд Карлтон. Однако леди Карлтон, взглянув на поднимающуюся по лестнице герцогиню Хоторн, храбро возразила:

– Надеюсь, все вы ошибаетесь. Хоторн безжалостно разбивал сердца несчастных женщин по всей Англии. Настало время ему отведасть собственного лекарства!

Застенчивая юная жена сэра Биллоуби неожиданно вздернула подбородок и поддержала леди Карлтон:

– Полагаю, она отдаст свою ленту другому!

– Не делайте из себя посмешище, Онор! – строго приказал муж. – Я собираюсь поставить сто фунтов на то, что она отдаст ленту Хоку.

Леди, переглянувшись, посмотрели на джентльменов. – Милорд, – сообщила леди Онор своему возмущенному супругу, вынимая из ридикюля стофунтовую банкноту, – я принимаю пари.

– И я тоже! – провозгласила леди Карлтон. К тому времени, когда Александра садилась в экипаж, на карту было поставлено достаточно денег, чтоб Принни ^[9] год жил, ни в чем не нуждаясь, причем ставки были двадцать пять к одному в пользу Джордана. Только самые молодые из дам таили некоторую надежду на то, что Александра окажется первой

женщиной, устоявшей против неотразимого герцога Хоторна.

Глава 23

Лунный свет дробился в темных окнах дома, когда Александра взмахом руки отпустила кучера и сунула ключ в замочную скважину. Чуть приоткрыв дверь, она заглянула в переднюю. Как она и предполагала, Хиггинс и остальные слуги давно спали.

Скользнув внутрь, она прикрыла дверь и на цыпочках поднялась по длинной лестнице. У своей комнаты она немного поколебалась, гадая, не вздумала ли преданная горничная все-таки дожидаться ее возвращения, но решила не рисковать и пошла по длинному коридору. В самом его конце была лестница, ведущая на третий этаж. Поднявшись по ступенькам, Алекс крадучись пробежала по еще одному бесконечному коридору, пока не остановилась у последней двери справа. Повернув ручку, она оказалась в темной пустой комнате, где когда-то жила гувернантка.

Самодовольно улыбаясь при мысли о собственной изобретательности, Александра швырнула перчатки на маленький комод. Она не нарушила слова и приехала прямо домой. Вот только муж не найдет ее в спальне, когда ворвется туда с намерением примерно наказать ее!

Александра вздрогнула, представив, как он разозлится, не обнаружив жены, однако без отвращения и подумать не могла, что ждет ее при встрече с мужем.

Завтра она возьмет деньги, вырученные Пенроузом за часы, и, как только Джордан уедет из дома, вместе с верными слугами покинет Лондон.

Кое-как сняв платье, Александра вытянулась на узкой кровати, где даже не было белья, и закрыла глаза, с недоумением раздумывая над странным поведением Джордана. Он, вне всякого сомнения, пылал убийственным гневом, однако в то же время постарался избавить ее от публичного унижения. Нет, ей никогда не понять его! В эту минуту Алекс знала лишь одно: ей приходится скрываться от Джордана в его же доме, скрываться от того человека, чье исчезновение когда-то едва не довело ее до самоубийства. Да-да... в то время она была готова умереть, только бы очутиться рядом с ним. Что же теперь?..

Лорд Камден появился у Линдуорти, когда Джордан собрался уезжать. Оказалось, что Мелани уже отправилась домой, и Джон, вежливо скрыв удивление по поводу того, что Джордан отослал свою карету, намереваясь ехать вместе с Александрой, предложил другу подвезти его.

Экипаж Камденов остановился у городского дома герцогов Хоторнов, и Джордан вышел. В эту минуту мысли его были сосредоточены на жене, ожидавшей его в своей спальне, и поэтому Джордан не уделил должного внимания одинокому всаднику в низко надвинутой шляпе, прятавшемуся в тени дома на противоположной стороне улицы, хотя заметил его краешком глаза. Словно почуяв опасность, Джордан обернулся, чтобы попрощаться с Джоном, и в это мгновение увидел, что полускрытый мраком силуэт медленно поднимает руку. Джордан, молниеносно пригнувшись, метнулся влево как раз в ту минуту, когда раздался выстрел. Не теряя ни секунды, он бросился через улицу в тщетной попытке настичь убийцу, который уже успел пришпорить лошадь и умчался, ловко прокладывая путь сквозь вереницу экипажей, которая помешала Джону Камдену в свою очередь пуститься в погоню.

Эдвард Фокс, крепко скроенный джентльмен, чьей специальностью было улаживать весьма деликатные проблемы избранного круга клиентов, не желающих впутывать в свои дела власти, уже успел устроиться в доме. И хотя часы пробили четверть второго, он немедленно явился на зов герцога Хоторна, нанявшего его вчера, чтобы расследовать два предыдущих покушения и узнать, кто за ними стоит.

– Мы с женой утром уезжаем в Хоторн, – сообщил герцог. – Убийца может скрываться среди бесчисленных улиц и переулков столицы гораздо надежнее, чем в сельской местности. Если бы на карту была поставлена только моя жизнь, я остался бы в городе. Но если все эти преступления замыслил мой кузен, он не станет рисковать возможностью появления на свет моего наследника, следовательно, моя жена тоже в опасности. Фокс согласно кивнул:

– В деревне мои люди легко обнаружат присутствие в округе незнакомого человека. Мы сможем проследить за ним.

– Ваша главная обязанность – охранять мою жену, – коротко приказал герцог. – Как только мы очутимся в Хоторне, я придумаю план, который позволит выманить убийцу из укрытия. Прикажете своим четверым людям сопровождать завтра мою карету. Вместе с моими форейторами это составит двенадцать человек.

– Возможно ли, что человек, пытавшийся вчера застрелить вас, – лорд Энтони? – осведомился Фокс. – Вы сами говорили, что его не было ни в «Уайтсе», ни у Линдуорти.

Джордан устало потер затекшую шею.

– Это не он. Всадник гораздо ниже и тоньше моего кузена, и, кроме

того, я совсем не уверен, что именно Энтони задумал от меня избавиться.

До сегодняшнего дня, еще не зная, что старик Грейнджфилд умер, Джордан надеялся, что мстит именно он. Однако выяснилось, что все обстоит гораздо хуже.

– Два самых распространенных мотива убийства – месть и личная выгода, – осторожно заметил Фокс. – Ваш кузен – именно тот человек, кто после вашей смерти получит все, и сейчас даже больше, чем раньше.

Джордан не спросил, что имеет в виду сыщик, – он и так знал, что тот говорит об Александре.

Александра?!

Джордан смертельно побледнел, вспомнив смутно знакомую стройную фигуру всадника. Это вполне могла быть женщина...

– Вы подумали о чем-то важном? – проницательно спросил Фокс, правильно истолковав смысл многозначительной паузы.

– Нет, – отрезал Джордан и вскочил, давая понять, что разговор окончен. Сама мысль о том, что Александра способна попытаться убить его, смехотворна. Абсурдна. Но слова, брошенные ею сегодняшним утром, внезапно всплыли в памяти, чтобы еще долго терзать его: «Я избавлюсь от этого брака, чего бы это ни стоило!»

– Всего один вопрос, ваша светлость, – сказал Фокс, тоже вставая. – Не мог ли незнакомец, стрелявший в вас, оказаться тем бандитом, которого, как вы считаете, убили на дороге около Моршема прошлой весной? Тем самым, кого вы бросили, посчитав мертвым? Судя по вашему описанию, он худ и низкоросл.

От облегчения у Джордана едва не подкосились колени. – Вполне вероятно. К сожалению, мне не удалось разглядеть его лицо.

После ухода Фокса Джордан поднялся к себе. Уставший, раздраженный и злой на неизвестного безумца, мишенью которого стал, он отослал камердинера спать и медленно сбросил сорочку. Однако образ Александры, мирно спавшей в соседней комнате, мгновенно прогнал усталость, особенно когда Джордан решил, что разбудит жену поцелуем.

Подойдя к смежной двери, он прошел через гардеробную и оказался в погруженной во мрак спальне. Лунный свет струился в окна, бросая серебристые лучи на атласное покрывало.

Александра не вернулась домой.

Ворвавшись в свою спальню, Джордан дернул за шнур сонетки. Полчаса спустя все заспанные слуги выстроились в гостиной, отвечая на бесчисленные вопросы. Единственным исключением оказался Пенроуз, престарелый помощник дворецкого. Он тоже таинственно исчез куда-то. В

результате сурового допроса Джордан выяснил, что кучер кареты, привезшей Александру, видел, как хозяйка поднимается на крыльцо и вынимает ключ.

Потом она взмахом руки отпустила его – вещь, по словам кучера, до сих пор небывалая.

– Можете отправляться спать, – приказал Джордан. Все с облегчением разошлись, кроме одного старика в очках, в котором Джордан узнал лакея Александры. Тот продолжал стоять у двери с одновременно встревоженным и рассерженным видом.

Джордан подошел к угловому столику, вылил остаток портвейна в бокал и, бросив мимолетный взгляд на Филберта, велел принести другую бутылку. Одним глотком осушив бокал, герцог небрежно опустился в кресло. Чего бы он не дал в эту минуту за известие о пропавшей жене!

Пытаясь заглушить нарастающий страх, Джордан уставился на огонь. Почему-то ему не верилось, что с Александрой что-то случилось, однако он не мог заставить себя подумать о том, что ее отсутствие – прямое свидетельство того, что неудачливым убийцей была именно она.

Но эта ослепительная улыбка, которой Алекс наградила его, когда обещала ехать сразу домой! Вероятно, она просто поехала куда-нибудь, после того как ловко провела кучера, заставив поверить, будто собирается открыть дверь. И неудивительно – ведь Джордан обещал тростью вколотить в нее немного здравого смысла. Скорее всего отправилась к бабушке, решил он, чувствуя, как портвейн понемногу успокаивает разгулявшиеся нервы.

– Поставьте бутылку сюда, – велел Джордан с плохо скрытой неприязнью, оглядывая мрачного лакея, и, сам того не ожидая, впервые в жизни обратился к слуге не с приказом, а с просьбой:

– Скажите мне, она всегда такая... ваша хозяйка, я имею в виду?

Старик, наливавший вино в бокал, на мгновение застыл, злобно поджав губы.

– Мисс Алекс... – начал он, но Джордан бесцеремонно перебил:

– Обращайтесь к моей жене как полагается! – рявкнул он. – Она герцогиня Хоторн!

– Да, и много счастья ей это принесло, как же! – яростно прошипел слуга.

– И что это, спрашивается, означает?! – осведомился Джордан, настолько застигнутый врасплох столь небывалым проявлением вспыльчивости простого лакея, что даже не подумал поставить наглеца на место, что, естественно, ожидалось от человека его темперамента и

положения.

– То и означает, что слышите, – бросил Филберт, почти швыряя бутылку на стол. – Кроме бед и обид, ничего ей этот титул не принес! Вы такой же скверный, как ее папаша... нет, хуже, куда хуже! Он всего лишь разбил ей сердце, а вы не только сотворили то же самое, но еще пытаетесь сломить ее дух!

Он уже был почти у двери, когда опомнившийся Джордан прогремел:

– Немедленно вернитесь!

Филберт подчинился. Сжав, однако, шишковатые пальцы в кулаки и презрительно глядя на человека, искалечившего жизнь мисс Александры.

– О чем это вы толкуете, черт возьми? Филберт вызывающе выдвинул вперед челюсть.

– Если вы думаете, что я раскрою рот и выложу всю правду, которую вы потом обернете против мисс Алекс, вас ждет сюрприз, ваше высокое святейшество!

Джордан собрался было приказать невероятно дерзкому лакею немедленно собрать вещи и убраться, но еще больше, чем удовлетворения, он жаждал объяснения поразительным откровениям слуги. С некоторым усилием взяв себя в руки, Джордан ледяным тоном объявил:

– Если вы знаете что-то такое, что могло бы смягчить мое отношение к вашей любимой хозяйке, лучше говорите сейчас, и немедленно.

Однако слуга продолжал упрямо молчать.

– Послушайте, – честно предупредил Джордан, – я сейчас в таком настроении, что, если доберусь до нее, за себя не ручаюсь. Она пожалеет, что вообще вернулась!

Старик, побледнев, в отчаянии стиснул руки, но не вымолвил ни слова. Однако Джордан, чувствуя, что Филберт колеблется и все попытки запугать его ни к чему не приведут, налил портвейна в другой бокал. И тут случилось то, что привело бы все общество не только в изумление, но и полное оцепенение, – сам герцог Хоторн протянул бокал ничтожному лакею и объявил сурово, как мужчина мужчине:

– Ну а теперь, поскольку, как выясняется, я без всякого, впрочем, намерения обидел вашу хозяйку, может быть, выпьете и расскажете, чем я похож на ее отца? Что он сделал?

Филберт с подозрением взглянул сначала на герцога, потом на бокал и медленно протянул руку.

– Не возражаете, если я посижу? Ноги болят.

– Нисколько, – как ни в чем не бывало ответил Джордан.

– Ее отец был самым подлым негодяем, которого земля носила, – начал

Филберт, не замечая, как взлетели вверх брови Джордана при этом добавочном оскорблении. Сообщив это, лакей помедлил, чтобы подкрепиться вином, но, сделав глоток, поперхнулся и с нескрываемым отвращением уставился на бокал.

– Господи, – пробормотал он, – что это?

– Портвейн. Особый сорт, который делается специально для меня.

– Вероятно, потому, что никто другой его в рот не возьмет, – ничуть не смущаясь, пробормотал Филберт. – Ну и гадость!

– Боюсь, ваше мнение разделяет большинство людей. Кажется, я единственный, кто его любит. Ну так что же сделал ее отец?

– У вас, случайно, не будет немного эля?

– К сожалению.

– Виски? – с надеждой настаивал Филберт.

– Конечно. Вон в том шкафчике. Наливайте. Потребовалось шесть бокалов виски и два часа, чтобы вытянуть всю историю из упиравшегося лакея. К тому времени, как Филберт почти закончил повествование, Джордан, который почувствовал себя обязанным тоже переключиться на виски и не отстал от лакея ни на один глоток, скорчился в кресле и расстегнул сорочку, стараясь сохранить ясность мысли.

– ...И вот однажды, недель через шесть-семь после смерти ее папаша, – договорил Филберт, – перед домом останавливается шикарная карета, а в ней сидят красивая дама и ее хорошенькая светловолосая дочка. Я был там, когда мисс Алекс открыла дверь, и леди – хотя какая она леди! – как ни в чем не бывало объявляет, что она – жена Лоренса, а эта девчонка – его дочь!

Джордан встрепенулся: .

– Он оказался двоеженцем?

– Вот именно. Вы бы только слышали эти вопли, когда обе миссис Лоренс сцепились! Но мисс Алекс ничуть не рассердилась! Представляете, смотрит на желтоволосую девочку и так приветливо говорит: «Вы очень милая».

Та, вторая, молчит, только нос дерет! И тут мерзкое отродье замечает оловянное сердечко на шее у мисс Алекс. Ей отец подарил его на день рождения, и не поверите, как она носилась с этим сердечком, – вечно дотрагивалась до него да волновалась, что вдруг потеряет. Девчонка спрашивает мисс Алекс, уж не отец ли подарил ей эту штучку, и когда та кивает, вытаскивает цепочку, что висела у нее на шее, – золотую, с золотым медальоном и тоже в виде сердечка!

«Он подарил мне золото! – фыркает она с таким видом, что руки так и

чешутся отвесить ей пощечину. – А вам – дурацкую оловянную дрянь!»

Филберт снова выпил виски и облизал губы.

– Мисс Алекс ни слова не сказала, просто вздернула подбородок, как всегда, когда старается быть храброй, но в глазах застыло столько боли, что даже мужчина заплакал бы. И я плакал, – хрипло признался он, – ушел в свою комнату и ревел, как ребенок.

Джордан сглотнул, пытаясь протолкнуть невесть откуда взявшийся в горле ком.

– И что было потом?

– На следующее утро мисс Алекс спускается к завтраку, как всегда, и улыбается мне, тоже как всегда. Но медальона на ней нет. Она больше никогда его не носила.

– И вы считаете, что я похож на ее отца? – яростно взорвался Джордан.

– А разве нет? – пренебрежительно хмыкнул Филберт. – Разбиваете ей сердце каждый раз, когда появляетесь, и предоставляете нам с Пенроузом залечивать раны.

– О чем вы? – настаивал Джордан, пытаясь плеснуть себе виски и проливая его на стол. Но когда Филберт протянул бокал, Джордан послушно наклонил бутылку.

– Я говорю о том, как она рыдала день и ночь, когда считала вас мертвым. Как-то я увидел ее стоявшей перед вашим портретом. Она целые часы проводила у этого чертова портрета, а сама такая бледная и худенькая, почти прозрачная. И что же? Показывает на вас и говорит тоненьким дрожащим голосом, стараясь снова не заплакать:

«Взгляните, Филберт. Разве он не прекрасен?»

Филберт покачал головой и с отвращением поморщился, лучше всяких слов давая понять, что имеет собственное мнение относительно внешности Джордана.

Слегка умиротворенный поразительным известием, что Александра все-таки скорбела о нем, Джордан не обратил внимания на выразительное лицо слуги.

– Продолжайте, – велел он.

Глаза Филберта неожиданно вспыхнули гневом.

– Вы влюбились в нее, а она... она приезжает в Лондон и узнает, что вы вовсе не считали ее настоящей женой! Женились на ней из жалости! И хотели отослать в Девон, в точности как ее папаша свою жену.

– Она знает о Девоне? – охнул Джордан.

– Она обо всем знает! Лорду Энтони в конце концов пришлось ей рассказать! Видите ли, ваши модные лондонские друзья-щеголи смеялись

над ней, потому что бедняжка не скрывала, как вас любит! Зато каждому известно было, как к ней относился муж, потому что вы не постеснялись говорить о девочке с вашей содержанкой, а уж она раззвонила всему свету! Вы назвали этот брак вынужденным... вынужденным неудобством. Унизили мисс Алекс, и она снова плакала и плакала... так горько, что сердце разрывалось. Но больше вы ничего не сможете ей сделать – теперь она поняла, что за лживый негодяй достался ей в мужья!

И, выложив все, что хотел, Филберт поднялся, поставил бокал, гордо выпрямился и с невозмутимым достоинством объявил:

– Я говорил мисс Алекс и теперь скажу: не стоило спасать вас! Пусть бы эти самые грабители сделали свое дело!

Джордан посмотрел вслед старику, на осанку и походку которого ни в малейшей степени не подействовало невероятное количество выпитого спиртного, и тупо уставился в бокал, начиная медленно осознавать причины столь резких перемен в отношении к нему жены. Короткое, но достаточно выразительное описание болезненно худой Алекс, часами не отходившей от его портрета в Хоторне, острым кинжалом врезалось в сердце. Джордан живо представил девочку, впервые переступающую порог лондонской гостиной и не умеющую скрыть свои чувства, девочку, встреченную холодным презрением, вызванным, без сомнения, нескромностью Элиз, повторившей бездумное, шутливое замечание Джордана.

Прислонившись головой к спинке кресла, Джордан закрыл глаза, охваченный одновременно сожалением и облегчением. Образ, который он лелеял в памяти – образ очаровательного, искреннего, милого ребенка, – не был ложным, ошибочным, и почему-то эта мысль затопила душу неожиданной радостью. Сознание того, что он стал причиной ее страданий, заставляло Джордана сжиматься от стыда, но он ни на секунду не усомнился, что нанесенные раны невозможно излечить. Однако он не настолько глуп, чтобы подумать, будто она поверит его объяснениям. Единственный способ вернуть ее любовь – не говорить, а действовать.

Джордан со слабой озабоченной улыбкой устроился поудобнее, обдумывая предстоящую стратегию.

Однако к девяти часам утра ему было не до улыбок, поскольку лакей вернулся с сообщением, что Александра не ночевала в доме вдовствующей герцогини. Не улыбался он и полчаса спустя, когда сама герцогиня величественно вплыла в его кабинет, заявив, что именно он виноват в побеге Александры, и разразилась уничтожающей тирадой на тему

грубости, высокомерия, нечувствительности Джордана, не говоря уже об отсутствии здравого смысла.

Александра натянула вчерашнее платье из желтого шифона, разодрала пальцами спутанные волосы, выглянула в коридор и быстро сбежала по лестнице в свою комнату.

Если Джордан следует тому же утреннему режиму, что и предыдущие два дня, значит, сейчас он у себя в кабинете обсуждает дела с компаньонами.

Стараясь найти способ незамеченной выбраться из дома вместе с Филбертом и Пенроузом, Алекс подошла к гардеробу и открыла дверцу. Пусто. Ни одного платья... если не считать дорожного костюма.

Обернувшись, Александра оглядела комнату и заметила, что с туалетного столика убраны духи и щетки. Может, она попала не в ту комнату?

Но в этот момент дверь открылась, и в спальню вбежала горничная. Прежде чем Александра успела остановить ее. Мари метнулась к порогу и выскочила на балкон.

– Ее светлость вернулась, Хиггинс! – закричала она дворецкому.

«Все мои намерения ни к чему не привели!» – с ужасом подумала Александра. Правда, так или иначе вряд ли удалось бы избежать столкновения с мужем, и чем скорее отношения будут выяснены, тем лучше.

– Мари, – окликнула она горничную, уже спешившую вниз с радостной вестью. – Где герцог? Я сама поговорю с ним.

– В кабинете, ваша светлость.

Джордан, мрачно хмурясь, метался по огромному, уставленному книгами кабинету, словно тигр в клетке, ожидая появления Александры, отказываясь думать, что с ней случилось что-то, и не в силах изгнать неотвязный страх.

Предполагая, что Хок собирается сорвать на ней гнев в ту же минуту, как она появится, Алекс тихо вошла в кабинет, прикрыла за собой дверь и спокойно поинтересовалась:

– Насколько я поняла, вы хотели меня видеть? Джордан резко развернулся. В какую-то долю секунды его эмоции претерпели разительный переход от радости к облегчению и гневу. Подумать только, она имеет наглость стоять перед ним, свежая и невинная, очевидно, прекрасно отдохнувшая, тогда как он... он не спал всю ночь!

– Где вы были, черт возьми? – рявкнул он, устремляясь к ней. –

Кстати, напомните мне никогда больше не верить вам на слово.

Александра едва удержалась от трусливого порыва забиться в угол.

– Я сдержала слово, милорд. Поехала домой и легла спать.

Щека Джордана зловеще дернулась.

– Не лгите!

– Я спала в комнате гувернантки, – вежливо пояснила Алекс. – Ведь вы не приказывали мне идти в свою комнату.

Жажда крови взорвалась, а мозгу Джордана и немедленно сменилась столь же неразумным желанием сжать ее в объятиях и разразиться смехом при виде столь невероятного, вызывающего, демонстративного неповиновения! Так она все это время была наверху и мирно спала, пока он терзался и пил, стараясь заглушить невыносимую боль!

– Объясните, – раздраженно пробурчал он, – вы всегда такая?

– Какая именно? – настороженно спросила Александра, не совсем уверенная в том, что ее ожидает.

– Отравительница покоя!

– Ч-что вы имеете в виду?

– Сейчас объясню, – процедил Джордан, наступая на нее.

Александра так же медленно стала отступать.

– За последние двенадцать часов я грубо, без всяких объяснений покинул «Уайтс» и своих друзей; был вовлечен в публичную ссору во время танца; стерпел упреки от лакея, который, кстати, оказался в состоянии без труда меня перепить; пришлось выслушать лекцию бабушки, которая впервые в жизни забылась настолько, что повысила голос до крика! Знаете ли вы, – мрачно закончил он, пока Александра старалась скрыть невольную улыбку, – что до встречи с вами я вел достаточно упорядоченную жизнь? Но теперь каждый раз, стоит мне отвернуться, что-то... – Он осекся, услышав шаги.

В комнату, даже не позаботившись постучать, влетел Хиггинс – с такой скоростью, что полы фрака развевались.

– Ваша светлость, – пропыхтел он, – пришел констебль, который настаивает на том, чтобы увидеть вас лично!

Бросив суровый взгляд на Александру, без слов призывающий оставаться на месте до его возвращения, Джордан быстро вышел. Две минуты спустя он явился с неописуемым выражением насмешки и раздражения на загорелом лице.

– Что-то... что-то случилось? – осмелилась пробормотать Александра, поскольку муж, по всей видимости, не знал, с чего начать.

– Ничего особенного, – сухо объявил он. – Очередное незначительное

событие, довольно обычное, если учесть, что в этом доме живете вы!

– Какое событие? – настаивала Алекс, с ужасом сознавая, что Джордан каким-то образом обвиняет ее в происходящем.

– Ваш верный старый дворецкий арестован и только сейчас появился в доме под охраной констебля!

– Пенроуз?! – охнула Александра.

– Совершенно верно.

– Но... что он сделал?

– Сделал, дорогая? Отправился на Бонд-стрит и был пойман на месте преступления, когда пытался продать мои часы.

С этими словами Джордан поднял руку, с которой свисали золотые часы деда Александры.

– Попытка двоемужества, воровство и азартные игры, – подвел итог Джордан с кривившей губы иронической ухмылкой. – Есть ли у вас такие же интересные планы на будущее? Вымогательство или грабеж, например?

– Это не ваши часы, – объявила Алекс, не спуская глаз с часов, единственной надежды обрести свободу. – Пожалуйста, отдайте. Они принадлежат мне.

Джордан удивленно свел брови, однако медленно протянул руку.

– У меня сложилось впечатление, будто вы подарили их мне.

– Вы выманили их обманным путем, – рассерженно настаивала Александра. – Мой дед был благородным человеком... добродетельным, честным, порядочным и мягким. Его часы должны были перейти к такому же, как он, а не к личности, подобной вам!

– Понимаю, – тихо ответил Джордан. Лицо его на глазах приняло бесстрастное, лишенное всяких эмоций выражение, став похожим на маску. Сделав шаг вперед, он вложил часы в ее ладонь.

– Спасибо, – кивнула Александра, ощущая почему-то, что причинила ему боль. Но поскольку сердца у Джордана не было, скорее всего она ранила его самолюбие. – Где же Пенроуз? Я должна отправиться к властям и все объяснить.

– Если он подчинился приказу, вероятно, в своей комнате, – холодно пояснил Джордан. – Размышляет над восьмой заповедью.

Александра, которая тем временем пришла к весьма справедливому заключению, что ее безжалостный деспот муж позволит властям увести в тюрьму и повесить бедного Пенроуза, недоуменно уставилась на Джордана:

– И это все, что вы сделали? Отослали его в комнату?

– Вряд ли я мог позволить человеку, которого считаю почти моим

тестем, гнить в темнице, не так ли? – невозмутимо ответил Джордан.

Полностью сбитая с толку странным настроением мужа, Александра испытующе уставилась на него:

– Говоря по правде, я именно так и подумала.

– Только потому, что вы плохо меня знаете, Александра, – объяснил Джордан тоном, который, она могла бы поклясться, был примирительным. – Однако, – продолжал он, – я надеюсь это исправить ровно через час, когда мы отправимся в Хоторн.

На лестнице слышались шаги, и Александра сквозь открытую дверь увидела, как лакеи торопливо тащат вниз сундуки.

– Не поеду! – вскрикнула она, сверкая глазами.

– Думаю, вы согласитесь, когда я выставлю свои условия, но сначала мне бы хотелось узнать, зачем Пенроуз пытался продать мои... часы вашего деда.

Александра поколебалась и решила, что лучше, не высказываться.

– Очевидно, вам нужны деньги, – деловито продолжал Джордан. – И в голову мне приходят лишь две причины, по которым они вам так срочно понадобились. Либо вы решили заключить против меня еще более скандальное пари, что я решительно запретил делать. Откровенно говоря, в этом я сомневаюсь.

Александра рассерженно выпрямилась при одном предположении, будто она способна покорно подчиняться приказам, и Джордан предостерегающе поднял руку:

– Видите ли, по-моему, вы не сделали этого не потому, что я вам запретил, – просто не было времени снова бросить мне вызов.

Ленивая улыбка была настолько неожиданной и заразной, что Александра с трудом подавила желание улыбнуться в ответ.

– Следовательно, – заключил Джордан, – можно предположить, что деньги вам необходимы по той же причине, что вы привели мне два дня назад, – желаете покинуть меня и жить самостоятельно? Я прав? Он говорил с таким пониманием, что Александра, забыв о решении молчать, утвердительно кивнула.

– Я так и думал. Поэтому разрешите мне предложить вам выход из затруднительного положения, который одновременно утолит вашу несчастную страсть к азартным играм. Хотите знать какой? – вежливо спросил он, показывая ей на стул.

– Да, – согласилась Александра, устраиваясь поудобнее.

Джордан по своей привычке присел на столешницу.

– Я дам вам достаточно денег, – начал он, – чтобы провести остаток

дней в королевской роскоши, если спустя три месяца вы по-прежнему захотите меня оставить.

– Я... не совсем понимаю, – пролепетала Александра, вглядываясь в его суровое лицо.

– Это очень просто. Вы соглашаетесь быть моей послушной, любящей, покорной женой в течение трех месяцев. Все это время я как могу постараюсь сделаться настолько «приемлемым» мужем, что вы забудете о своих намерениях уйти. Если же я потерплю неудачу, вы получаете свободу. Вот и все.

– Нет! – выпалила Александра. Невыносимо даже представить Джордана, пытающегося обольстить и увлечь ее, а намеки на желание видеть в ней «любящую» жену заставили Алекс густо покраснеть.

– Боитесь, что падете жертвой моих колдовских чар?

– Конечно, нет, – с чопорным видом солгала Алекс.

– В таком случае, может, заключим пари? Я ставлю целое состояние на то, что к концу трех месяцев вы потеряете всякое желание покинуть меня. Вы, очевидно, боитесь проиграть, иначе не колебались бы.

Джордан так ловко играл на ее самолюбии, что Александра не догадывалась, что он замышляет, пока не поняла, в какую ловушку попала.

– Я... нужно учесть, что...

В эту минуту она сама не понимала, о чем говорит, слишком потрясенная, чтобы думать связно.

– Ах да, нужно учесть и то, что я, со всем пылом выполняя супружеские обязанности, могу наградить вас ребенком, не так ли?

Онемев от ужаса и тоски при этой совершенно непредвиденной возможности, Александра негодуя уставилась на него.

Джордан лениво поднял со стола пресс-папье.

– Обещаю, что приложу все силы, радость моя, – дерзко заверил он, взвешивая пресс-папье на ладони. – Однако наше пари имеет силу только при условии, что вы станете без протестов и отговорок дарить мне себя... в постели, разумеется. Иными словами, – закончил он, улыбаясь, но достаточно откровенно, – стоит вам хотя бы раз воспротивиться мне – пари проиграно.

– Да вы с ума сошли! – взорвалась Александра, вскочив со стула, хотя измученный разум подсказывал, что лучший способ покончить с ненавистным браком вряд ли можно найти.

– Вероятно, – без всякой запальчивости согласился он. – Три месяца не очень долгий срок. Думаю, полгода – куда справедливее.

– Три – более чем справедливо! – возразила Александра.

– Согласен, – вкрадчиво ответил Джордан. – Три так три. Три месяца супружеского блаженства для меня в обмен на... скажем, полмиллиона фунтов?

Александра стиснула было трясущиеся руки, но тут же спрятала их за спину. Голова кружилась от странного сочетания ликования и неприязни. Полмиллиона фунтов! Полмиллиона... Огромное состояние! Плата за услуги, оказанные в его постели. Предложив деньги, он низвел Александру до положения одной из его содержанок. От них он тоже откупался, когда все было кончено.

– Не стоит рассматривать наше пари именно с такой точки зрения, – спокойно посоветовал Джордан, наблюдая калейдоскопическую смену эмоций на ее выразительном лице и правильно ее истолковав. – Если я проиграю, считайте деньги запоздалым вознаграждением за спасение моей жизни.

Этим он, по-видимому, немного успокоил самолюбие жены: Александра поколебалась и едва заметно, нерешительно кивнула.

– Однако это крайне необычное предложение во многих отношениях...

– Наш брак с самого начала был необычным во всех отношениях, – сухо перебил Джордан. – Но скажите, должен ли я изложить условия пари в контракте или мы достаточно искренни друг с другом, чтобы сдержать клятву?

– Искренни? – саркастически бросила Алекс. – Вы сами говорили, что не верите ни одному человеку.

Джордан сказал ей об этом в постели, и Александра просила довериться ей. Убеждала, что любовь не может существовать без доверия. И, судя по виду Джордана, он тоже припомнил обстоятельства этого разговора.

Джордан поколебался и, словно придя к какому-то важному решению, торжественно объявил:

– Я доверяю вам.

Эти три негромких слова несли в себе, однако, столько скрытого значения, что Александра запретила себе думать об их подлинном смысле. Она пыталась не обращать внимания на теплоту пристального взгляда, но не смогла поддерживать в себе злобу, когда в его голосе звучала такая странная... странная нежность. Решив, что лучший способ обращения с ее загадочным мужем – оставаться спокойной и сдержанной, Алекс вежливо пообещала:

– Я подумаю над вашим предложением.

– Несомненно, – согласился он, насмешливо блеснув глазами. – Двух

минут будет достаточно? – Он кивнул на забитый сундуками коридор.

– Что?

– Через час мы отправляемся в Хоторн.

– Но...

– Александра, – невозмутимо объяснил он, – иного выхода у вас нет. – Протянув руки, он легко коснулся ее плеч, борясь с настоящей потребностью притянуть ее к себе и закрепить победу, которой смог добиться.

Александра возмутилась было, но пришлось признать его правоту. В ушах зазвучали слова Родди: «Мы не слишком плодovitая семейка...»

– Хорошо, – почти грубо буркнула она, припомнив окончание фразы: «...хотя не потому, что не пытаемся...» – Вы краснеете, – заметил Джордан, улыбаясь одними глазами. – Любая женщина покраснела бы, если бы ей предстояло провести три месяца...

– ...обнаженной и в моих объятиях? – услужливо подсказал Джордан.

Алекс наградила его взглядом, способным превратить скалу в щебенку.

– Но подумайте о том, как рискую я, – усмехнулся Джордан. – Что, если я потеряю голову и стану рабом вашего те... вашей красоты? – поспешно поправился он, положительно излучая веселость и добродушие. – А вы исчезнете, увозя с собой деньги и всякую надежду на получение законного наследника?

– Вы, кажется, ни секунды не сомневаетесь, что я способна на это, – раздраженно рявкнула Александра.

– Совершенно верно.

Именно его невыносимо дерзкая ухмылка и несгибаемое высокомерие заставили Александру круто повернуться И направиться к двери.

Джордан едва успел поймать ее за руку и потянуть назад.

– Вы не покинете меня, пока мы не придем к соглашению, – спокойно и властно бросил он. – Либо мы заключаем пари, либо я увезу вас в Хоторн под стражей, если понадобится, и не обещая ни гроша, даже если вы через три месяца решите уйти.

Он снова прав: положение самое безвыходное. Подняв голову, Александра взглянула мужу в глаза и с неприязнью прошипела:

– Пари.

– Вы согласны на условия?

– С величайшей неохотой, ваша светлость, – процедила она и, выдернув руку, шагнула к двери.

– Джордан, – сказал он ей вслед. Александра повернулась:

– Прошу прощения?

– Меня зовут Джордан. Пожалуйста, на будущее помните это.

– Предпочитаю не звать вас по имени. Предостерегающе подняв руку преувеличенно-насмешливым жестом, Джордан предупредил:

– Милая, будьте поосторожнее, иначе проиграете пари меньше чем за пять минут. Вы согласились быть послушной, любящей и покорной женой. Я предлагаю вам звать меня по имени.

Пронзив мужа негодующим взглядом, Александра, однако, величественно наклонила голову:

– Как пожелаете.

Александра уже вышла из кабинета, прежде чем Джордан сообразил, что она умудрилась вообще никак не назвать его. Едва заметно улыбаясь, он рассеянно повертел в руках пресс-папье, предвкушая чарующие, сладостные дни в сельском поместье вместе с обольстительной, хотя и чересчур упрямой женой.

Глава 24

Восемь сопровождающих в ливреях, на гарцующих конях с бордовыми флажками, на которых золотом сиял герб герцогов Хоторнов, ехали впереди процессии, состоявшей из великолепной кареты Джордана и трех других, с багажом и слугами. Еще восемь сопровождающих следовали позади. Весь день они проезжали бесчисленные деревни, поля и луга. Крестьяне выстраивались вдоль дороги, чтобы полюбоваться необычным зрелищем: трепещущие флажки, бряцающая серебряная сбруя, форейторы в бордовых с золотом ливреях и черный лакированный экипаж с гербом Хоторнов.

Они миновали подъездную аллею, ведущую к дому Тони, и Александра с удовольствием подумала, что скоро увидится с его матерью и братом. Они были так добры к ней, а особняк казался более удобным и уютным по сравнению с гнетущим великолепием Хоторна.

Едва заметная загадочная улыбка играла в уголках губ Александры, когда они приблизились к деревушке Уинслоу неподалеку от Хоторна. Их процессия повсюду привлекала всеобщее внимание, но такого она еще не видела. Все население Уинслоу высыпало на улицу и дорогу, жизнерадостно размахивая цветными шарфами и платками. Очевидно, слуги были высланы вперед, чтобы предупредить обитателей Хоторна о приезде хозяина, и новость быстро достигла деревни.

Как отличались эти радостные, взволнованные крики от равнодушного приветствия, полученного Энтони полтора года назад, когда те же самые обитатели Уинслоу отдавали долг вежливости новому герцогу!

– Вы довольны чем-то? – поинтересовался Джордан, наблюдавший за ней.

Александра, сама того не сознавая, обратила на него всю силу своей ослепительной улыбки.

– Мне нравятся такие зрелища, – призналась она, виновато смеясь. – Должно быть, это детство во мне говорит.

Джордан, всего минуту назад думавший лишь о том, чтобы поскорее, возможно даже сегодня ночью, заронить в нее семена новой жизни, попытался подавить пламя жаркого вожделения, едва не испепелившее его.

После неохотного согласия на пари он ожидал, что жена всю дорогу будет капризничать и дуться, но, к его растущему смущению, с того мгновения, как они покинули Лондон, Александра обращалась с ним с

вежливой сердечностью, хотя и немного застенчиво. Безуспешно попытавшись найти причину столь необъяснимой перемены настроения, Джордан решил наконец без обиняков спросить, в чем дело.

Александра, испуганно встrepенувшись, отвернулась от окна и смущенно взглянула на руки, прежде чем медленно поднять на него свои прекрасные глаза.

– У меня было время все обдумать, милорд, – искренне ответила она, – и я решила, что условия вашего пари более чем справедливы. Вы так же, как и я, не хотели этого брака, и никого из нас нельзя винить за то, что мы друг другу не подходим. Вы предложили мне выход из этой невозможной ситуации. Большинство мужчин на вашем месте и не подумали бы сделать это! Поэтому с моей стороны будет непростительной грубостью плохо относиться к вам следующие три месяца.

Прежде чем Джордан успел оправиться от потрясения, которое к тому же усугублялось сознанием того, что Алекс непреложно и свято верит, будто может выиграть пари, она грациозно протянула ему затянутую в перчатку руку.

– Друзья? – предложила она. Джордан сжал ее руку, легонько лаская ладонь большим пальцем.

– Друзья, – согласился он, ничем не выдавая, как задет и одновременно восхищен ее желанием вести честную игру.

– Мы дома, – выдохнула Александра, как только процессия остановилась перед высокими железными воротами с гербом Хоторнов.

– Наконец-то, – безразлично бросил Джордан, наблюдая, как привратник, кланяясь, поспешно открывает створки. Он смотрел на роскошный дворец, не чувствуя ни гордости этим царственным величием, ни радости возвращения. Хоторн олицетворял лицемерие брака его родителей и одинокую тоску детства.

– После всего виденного мной за прошлый год я по-прежнему считаю, что это самое великолепное поместье в Англии, – счастливо вздохнула Александра, с любовью оглядывая огромное эlegantное здание и поднимая глаза к флагу, развевавшемуся на крыше и означавшему, что герцог соизволил прибыть в родовое гнездо.

– Моим предкам было бы лестно слышать это, – сухо заметил Джордан, окидывая взглядом поместье, окутанное неярким сумеречным светом. – Они желали, чтобы Хоторн соперничал с королевской резиденцией. Он был построен с целью производить впечатление и устрашать.

– Вы... вам не нравится? – ахнула Александра.

– Не особенно. Я нахожу его угнетающим. У меня несколько других домов, на мой вкус куда более привлекательных, хотя не столь величественных.

Александра в изумлении воззрилась на него:

– Они красивее Хоторна?

– Уютнее.

– Да, Хоторн подавляет, – призналась Алекс. – Такой... такой угрюмый.

Все двести слуг, включая широко улыбавшихся горничных, егерей, конюхов и лакеев, выстроились на ступеньках крыльца.

Экипаж остановился, и лакеи ринулись вперед, чтобы опустить подножку, но Джордан настоял на том, чтобы самому поднять Александру. Он осторожно сжал ее талию и не сразу поставил на ноги.

– Добро пожаловать домой, – прошептал он, нежно улыбаясь. – Наши комнаты готовы, и на столе уже стоит превосходный ужин.

– Я слишком устала, чтобы есть, – поспешно возразила Александра в надежде отвлечь его от намерений затащить ее в постель по крайней мере нынешней ночью. – Мне хотелось бы принять ванну и лечь.

Однако Джордан видел насквозь все ее уловки.

– В таком случае мы оба отправимся спать без ужина, – терпеливо, но непреклонно ответил он.

– Я считала, что вы дадите мне хотя бы ночь отдохнуть после такой утомительной поездки.

– Надеюсь, вы не собираетесь манкировать своим обещанием, радость моя?

– Не называйте меня так, милорд, – предупредила Александра.

– Джордан, – поправил он.

– Наконец-то приехали, – прошептал Гиббонз Смарту, приподнимаясь на цыпочки, чтобы получше разглядеть хозяев из-за плеча егеря. – Не могу дождаться, пока увижу лицо мисс Александры теперь, когда хозяин вернулся, – объявил он, выражая мнение почти всех слуг Хоторна, знавших о ее душераздирающей преданности мужу, которого она считала мертвым.

– Она, должно быть, счастлива, как малиновка, – согласилась экономка, миссис Бримли, вытягивая шею.

– Вот уж точно. Будет сиять, как... как... Гиббонз ошеломленно осекся при виде Александры, проплывшей мимо с выражением, которое точнее всего можно было назвать разъяренным.

– Да... да будь я... – выдохнул он, глядя с полнейшим недоумением

сначала на Смарта, потом на миссис Бримли.

Супруги в натянутом молчании ужинали за маленьким столом при свечах.

– Вам не нравится вино? – осведомился Джордан. Александра вострепнулась при звуках его низкого голоса; ложка, зазвенев, покатилась по тарелке тонкого севрского фарфора.

– Я... я не люблю портвейн, ваша светлость.

– Джордан, – напомнил муж.

Александра сглотнула, не силах выговорить его имя. Крепко сжав губы, она долго смотрела на сочные ягоды клубники, прежде чем опустить ложечку; ужасное нервное напряжение тяжелым комом осело в желудке при мысли о том, что случится с ней этой ночью.

– Но вы почти не ели, – чуть гортанно заметил Джордан.

Задышающаяся, измученная его, как ей казалось, намеренными, упорными усилиями очаровать и обезоружить ее, Александра покачала головой:

– Я не голодна.

– В таком случае, – осведомился он, откладывая салфетку, – не отправиться ли нам на покой, дорогая? Лакей выступил вперед, чтобы отодвинуть ее стул, и Александра схватила вилку.

– Я с удовольствием съем кусочек фазана, – поспешно возразила она.

Джордан вежливо положил салфетку на колени, но Алекс могла поклясться, что глаза его насмешливо блеснули.

Пытаясь выиграть время, Александра тщательно разрежала аппетитный ломтик фазана на крошечные квадратики и старательно жевала каждый кусочек. Когда последний квадратик исчез с тарелки и Алекс отложила вилку, Джордан вопросительно поднял брови, желая знать, готова ли она идти.

Панический взгляд Александры метнулся к ближайшему лакею.

– Мне... мне хотелось бы попробовать восхитительной спаржи, которую так хорошо готовит повар, – в отчаянии объявила она, и на сей раз Джордан не сдержал усмешки. За спаржей последовали горошек в сливочном соусе, свинина, начиненная яблоками, омар в тесте и черника.

Когда Алекс попросила черники, Джордан даже не трудился скрыть насмешливую гримасу. Откинувшись на спинку стула, он наблюдал за отважными попытками жены проглотить каждую ягоду. Чувственные губы слегка кривились в улыбке.

Старательно избегая его взгляда, Александра наконец доела все. Хотя желудок явно протестовал против такого непривычного количества пищи.

– Что-нибудь еще, чтобы подкрепить вас, моя прелесть? – услужливо осведомился он. – Шоколадный торт?

При упоминании о десерте Алекс вздрогнула и покачала головой.

– Говядина в винном соусе?

– Нет, спасибо, – передернувшись, пролепетала Александра.

– В таком случае паланкин? – коварно улыбнулся он. – И слуг, дабы понести вас наверх?

Прежде чем Алекс успела ответить, он отшвырнул салфетку и обошел стол, чтобы помочь ей встать.

– Если будете продолжать так много есть, – шутливо заметил он, когда они стали подниматься по длинной изгибающейся лестнице, – то скоро настолько растолстеете, что придется установить ворот и грузовую сеть, чтобы поднимать вас и переваливать через балкон.

В иных обстоятельствах Александра рассмеялась бы, но постоянное напряжение отнюдь не способствовало проявлению чувства юмора. Она сознавала, что Джордан пытается отвлечь ее, но благодарности не испытывала: в конце концов, именно он виноват, что ей не по себе. Более того, Александра никак не могла взять в толк, почему он нисколько не смущается тем, что должно произойти между ними. Недаром он пользовался репутацией повесы! Вряд ли ему неловко или стыдно из-за того, что он проделывал сотни раз с десятками женщин!

Час спустя Джордан открыл смежную дверь между их покоем и вошел в ее спальню, но тут же замер, не веря глазам. Занавеси на кровати были раздвинуты, покрывало из светло-голубого атласа заманчиво откинута, открывая кремовые шелковые простыни, но Александры не было.

Джордан направился было к порогу, намереваясь приказать обыскать каждый уголок и закоулок в Хоторне, но тут же увидел ее. Алекс стояла у окна, глядя в темноту и обхватив себя руками, словно замерзла. Или боялась.

Гнев сменился облегчением. Джордан быстро приблизился к ней, бесшумно ступая по толстому обюссонскому ковру и не сводя глаз с соблазнительного видения. Волосы Александры разметались по плечам волнистым водопадом, а низкий вырез белой атласной сорочки открывал плечи, чуть поблескивавшие алебастром.

Он встал у нее за спиной, и Александра обернулась, увидев его отражение в оконном стекле. Джордан осторожно провел рукой по ее блестящим волосам. Глаза Александры неистово сверкнули, но она не

отстранилась. Гладкие, как атлас, пряди скользили между пальцами.

– Итак, – сказал Джордан, улыбаясь в эти рассерженные глаза, – маленький воробушек превратился в прекрасного лебедя?

– Пустые комплименты от...

И прежде чем она успела договорить, Джордан нагнулся и подхватил ее на руки.

– Куда вы несете меня? – встрепелась Алекс, видя, что он идет к двери.

– В мою постель, – прошептал он, щекоча губами ее шею. – Она больше.

На каминной полке мерцали свечи в большом канделябре, отбрасывая тусклые отблески на погруженную в полумрак комнату. Джордан ступил на возвышение, где стояла кровать, и осторожно опустил Александру на пол. Но когда он наконец поднял голову и взглянул в ее глаза, что-то в их бездонных зеленовато-голубых глубинах... или, возможно, хриплые звуки частого неровного дыхания заставили его понять, что Александра вовсе не злится. Она смертельно напугана.

– Александра? – мягко спросил Джордан, чувствуя, как она затрепетала, когда он провел ладонью по ее рукам до самых плеч. – Ты дрожишь. Боишься?

Не в силах выдать ответ, Александра долго смотрела на высокого, сильного мужчину с пылающими сладострастием глазами, во власти которого она сейчас окажется, прежде чем едва заметно кивнуть.

Джордан с нежной улыбкой откинул с ее лба непокорный локон.

– На этот раз тебе не будет больно, обещаю.

– Дело не в этом! – выпалила Александра, когда его руки скользнули к банту на ее груди. Она попыталась стиснуть его пальцы, уже не стесняясь открыто умолять:

– Вы не понимаете! Я даже не знаю вас.

– Ты познала меня в самом библейском смысле этого слова, – хрипло поддразнил он.

– Но... но это было так давно...

Джордан, приподняв подборок Александры, испытующе заглянул ей в глаза.

– Правда? – тихо спросил он, чувствуя, какая огромная волна облегчения окатила его. Судя по ее поведению последние три месяца и учитывая весьма свободные нравы замужних женщин своего круга, Джордан боялся надеяться на то, что она не знала других мужчин, и решительно отказывался думать, будто она вообще способна на подобную

верность. Но сейчас, видя стыдливую невинность в этих широко раскрытых глазах, он понял, как ошибался, и на сердце стало тепло от сознания, что его пленительно-прелестная жена по-прежнему полностью и исключительно принадлежит лишь ему.

– Да... столько времени... для нас обоих, – шепнул он, прикасаясь губами к ее ушку.

– Пожалуйста, не нужно! – В голосе Алекс было столько неподдельной паники, что Джордан отстранился. – Я... я боюсь, – пробормотала она, и Джордан инстинктивно понял, чего стоило это признание мужественной девочке, вот уже три дня противопоставлявшей его воле свою.

Слишком умудренный жизнью, чтобы смеяться над ее страхами, он постарался ее развеселить.

– Я тоже немного боюсь, – признался он, дружелюбно улыбаясь.

– Вы... вы?! Но почему?

– Как ты уже сказала, мы очень долго были врозь, – беспечно, успокаивающе объяснил он, развязывая ленты на ее сорочке и обнажая белоснежные полушария груди. Не отрывая от них взгляда, он осторожно спустил с ее плеч пеньюар. – А вдруг я совершенно забыл, как это делается? – с притворным ужасом охнул он. – А когда мы окажемся в постели, будет поздно спрашивать у кого-нибудь совета, верно? Конечно, я мог бы обратиться к твоему другу Пенроузу, но придется при этом громко кричать, и все слуги проснутся и прибегут сюда, чтобы узнать, из-за чего такой шум...

Несмотря на скованность, Александра не смогла подавить смешок и потому почти не заметила, как пеньюар вместе с сорочкой оказались на полу.

– Уже лучше, – пробормотал он, намеренно стараясь глядеть ей в глаза, а не на сверкающее белизной обнаженное тело, и привлек жену к себе. – Знаешь, мне так нравится, когда ты смеешься, – продолжал он, пытаясь заставить ее забыть о смущении, и поспешно развязал пояс бордового халата. – Твои глаза сияют, когда ты улыбаешься, – тихо добавил он, осторожно укладывая ее на спину и ложась рядом.

Александра задохнулась, когда он приподнялся на локте, осторожно провел ладонью по ее животу и, сжав грудь, завладел ее губами в бесконечном, пьянящем, головокружительном поцелуе.

Он целовал ее снова и снова; руки гладили, ласкали, терзали, соблазняли и обольщали, пока Александра не потеряла рассудок. Подавляемое все это время желание наконец-то вырвалось наружу, и она с беспомощным стоном прижалась к нему и ответила на поцелуй, сменяя его

губы своими, полуоткрытыми, проникая языком в его рот, путаясь пальцами в жесткой густой шевелюре. И хотя она сдалась и Джордан одержал победу, именно он на несколько мгновений забыл обо всем и едва не лишился сознания.

Обняв жену, Джордан вместе с ней перекатился на спину, не переставая гладить ее атласную кожу; ноги их переплелись. Он медленно прижимался к ее бедрам, без слов давая понять, чего хочет.

Какой-то частичкой неистовствующего, смятенного разума Джордан сознавал, что не должен торопиться, но его изголодавшееся тело не слушалось велений воли, особенно когда язык Александры коснулся чувствительной мочки его уха.

Вздрагивая от жгучего желания, требующего немедленного утolenия, Джордан прижался к жене; пальцы скользнули во влажное тепло, и он понял: она готова принять его.

– Прости, любимая, – хрипло прошептал он, сжимая округлые ягодицы и приподнимая ее бедра. – Я... не... могу... больше... ждать.

И, задохнувшись, стал медленно проникать в ее невероятно тесные глубины, боясь, что причинит ей боль, но тут же замер в мучительном удивлении, когда Алекс неожиданно повернула голову и с длинных, загнутых вверх ресниц скатились две огромные слезы.

– Алекс? – выдохнул Джордан, напрягая руки и плечи в почти бесплодной попытке усмирить неистовые потребности тела и не ворваться в нее одним рывком, до самого конца.

Высвободив руку, он осторожно взял пальцами ее подбородок и повернул лицо Алекс к себе.

– Открой глаза и взгляни на меня, – тихо приказал он.

Мокрые ресницы поднялись, и он уставился в полные слез – аквамариновые глаза.

– Я сделал тебе больно? – недоверчиво спросил он. Александра всхлипнула и покачала головой, борясь с безудержным порывом умолять его взять ее, любить всем сердцем и телом. Боже, она жаждала этого с того момента, как он лег рядом и обнял ее. Потому и плакала. Всего за несколько мгновений его ласки сломали все барьеры, воздвигнутые в ее душе, оставили такой же слабой и беспомощной, страстно стремившейся к нему, как... полтора года назад, когда она была наивной девочкой.

– Дорогая, что с тобой? – допрашивал он, наклоняясь и сцеловывая слезу с ее щеки. – Ты не хочешь меня?

Именно этот смиренный, мальчишески невинный вопрос и это нежное словечко «дорогая» окончательно лишили ее воли.

– Хочу, – прошептала Александра, глядя в его глаза и видя страсть, которую Джордан старался притушить.

– Почему же ты плачешь? – допытывался он.

– Потому, – призналась Алекс задыхаясь, – что я не хочу хотеть вас.

Полустон-полусмех сорвался с губ Джордана как раз в тот момент, когда он запустил пальцы в ее роскошные волосы и одновременно глубоко вошел в нее. Она порывисто выгнулась, и Джордан потерял голову.

– Я хочу тебя, – прохрипел он, и снова подался вперед, входя в нее глубже и глубже, а в сердце его росла радость, потому что жена, обхватив его плечи, пылко отдавалась бурному желанию. – Я так тебя хочу, – охнул он, – что не могу ждать.

Ее ногти впились в окаменевшие мышцы его спины, бедра снова приподнялись, и Джордан излился в нее с силой, сорвавшей с его губ имя жены в негромком вскрике.

Наконец он отстранился и лег рядом, не выпуская ее из объятий, ожидая, пока дыхание немного успокоится. Глядя в темноту, Джордан ощутил, что рассудок начинает потихоньку возвращаться, а вместе с ним и две невероятные, ошеломляющие мысли. Неужели он действительно спрашивал жену, хочет ли она его, словно зеленый юнец, моливший о милости? Никогда за всю жизнь он не задавал женщинам подобных вопросов. И никого так не торопил лечь в постель, как Александру, и ни разу, ни разу так быстро не растрачивал себя. Гордость его была невольно задета – до сих пор Джордан всегда старался дать наслаждение женщине.

Александра чуть шевельнулась и запрокинула голову, чтобы лучше видеть его лицо в неярком свете свечей. Губы Джордана были плотно сжаты; он казался погруженным в невеселые раздумья.

– Вы сердитесь? – прошептала она тоскливо. Джордан вздохнул и грустно улыбнулся.

– На себя.

– Почему? – с неподдельной тревогой настаивала эта прелестная, невинная обнаженная женщина, прильнувшая к нему.

– Потому что я... – Он тряхнул головой и тут же осекся.

«Потому что я слишком хочу тебя, – гневно признался он себе. – Потому что потерял самообладание. Потому что простого прикосновения твоей руки достаточно, чтобы я начал сходить с ума от желания. Потому что ты злишь меня куда больше, чем любое существо на земле, и даже в порыве самой неукротимой ярости я способен смеяться твоим выходкам. Потому что во всем, что касается тебя, я уязвим. Слаб...»

В ушах зазвучал пренебрежительный голос отца:

«Мужчина не должен быть мягок, Джордан... Мужчина жесток, негибает, силен... Мужчина должен доверять только самому себе... Мы используем женщин, чтобы получить удовольствие, но не нуждаемся в них... Мужчина ни в ком не нуждается...»

Джордан постарался выбросить из головы назойливые воспоминания и признался себе, каким фарсом была супружеская жизнь его родителей. Зря он не увез Алекс в другое поместье – здесь слишком властвуют призраки прошлого.

От тяжелых дум Джордана отвлек робкий голос Александры:

– Можно я вернусь к себе? По-моему, я чем-то расстроила вас.

Сердце Джордана неожиданно сжалось. Неужели она действительно так считает?

– Наоборот, – запротестовал он, улыбаясь, чтобы скрыть истинные чувства. – Ты чересчур мне угодила.

Александра приняла такой скептический вид, что Джордан усмехнулся.

– В постели, – шутливо поправился он. – В обычной жизни ты ухитряешься постоянно меня бесить. Думаю, единственное решение, – добавил он, ощущая, что желание загорелось в крови с новой силой, – не выпускать тебя из постели.

Наклонив голову, он завладел ее сладостными губами в дерзком поцелуе, немного успокоившем натянутые нервы. Джордан решил, что слишком много значения придает случившемуся. В конце концов, впервые с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать, он обходился без женщины пятнадцать месяцев! Естественно, он слишком волновался, слишком торопился...

И на этот раз Джордан ласкал ее целую вечность, мучительно сдерживая собственные порывы, снова и снова приводя Александру к вершинам исступленного наслаждения, прежде чем самому забыться в экстазе.

На посветлевшем небе уже протянулись широкие розовые полосы, когда Джордан, овладев ею в последний раз, наконец погрузился в сон.

Александра, осторожно подняв его тяжелую руку со своего бедра, отодвинулась и выскользнула из постели. Не привыкшая к таким долгим, безудержным ласкам, она ослабела, поникла, по телу струилась восхитительная усталость. Неслышно обойдя кровать, она подняла сорочку и пеньюар, оделась и нерешительно посмотрела на мужа. Темные волосы чернильным пятном выделялись на белизне подушки; сон смягчил неумолимо жесткие черты, и теперь его лицо казалось добрым, совсем

мальчишеским. Простыня сползла до пояса, обнажая мускулистые руки и широкую Грудь. Только сейчас Александра увидела, что торс его тоже загорел – по-видимому, на корабле он обходился без сорочки. И кроме того, сильно похудел. Очень сильно.

Она долго глядела на Джордана, наслаждаясь возможностью беспрепятственно любоваться им. Он великолепен, поистине великолепен! Говоря по правде, она была не совсем наивна и глупа, когда сравнивала мужа с Давидом.

Александра с бессознательной нежностью наклонилась, прикрыла его плечи простыней, но уходить не торопилась. При одном воспоминании о том, с какой тревогой он спросил, хочет ли она его, словно боялся услышать ответ, по телу пробежали колкие мурашки озноба.

Как он исступленно ласкал ее в самый первый раз, как дрожали его руки... Он не мог скрыть ни лихорадочной торопливости, ни мучительного желания, несмотря на немалый опыт в любовных играх. Тот, первый раз был лучше всех остальных, потому что он неожиданно потерял над собой контроль. Восторженное удивление вновь согрело ей сердце... «Прости, любимая, я не могу больше ждать...» В душе Александры оглушительно громко, ликующе пела радость – теперь она знала, что, хотя он может заставить ее пылать страстью, она тоже способна сжигать его тело огнем ласк.

После этого он снова и снова любил ее, всю ночь напролет, но неизменно оставался хозяином положения, лаская и целуя ее с искусством и умением скрипача-виртуоза, извлекающего неземные звуки из инструмента. Да, он наслаждался ею, но без прежнего сладостного забытья. И наоборот, сделал все, чтобы она потеряла самообладание. Но Александра больше не была ребенком, готовым клясться в вечной любви после одного поцелуя или бурной ночи ласк и объятий. Куда девалась наивная, безрассудная, доверчивая девочка? Теперь она стала мудрее и осторожнее.

Но по-прежнему имела несчастную склонность поддаваться чарам своего загадочного мужа, особенно когда в его характере проявлялись эти странно уязвимые стороны.

Александра вздохнула и, отвернувшись от спящего Джордана, тихо пробралась в свою спальню и прикрыла дверь.

Глава 25

Проснувшись она поздно и неохотно подчинилась хлопотам Мари, долго, до блеска расчесывавшей ей волосы и не менее получаса обсуждавшей, что следует надеть к завтраку: сиреневый туалет с узором из веточек или розовое платье с оборками.

Александра, сгорая от любопытства поскорее узнать, как будет обращаться с ней Джордан сегодня утром, принудила себя медленно и торжественно сойти по ступенькам и с деланной небрежностью приоткрыла дверь кабинета. Муж сидел за письменным столом и что-то говорил одному из управляющих. Заслышав шаги, он поднял голову, и их взгляды встретились. Он коротко кивнул жене, но в его глазах она успела прочесть что-то похожее на недовольство.

Смущенная столь непонятным приветствием, Александра ответила вежливым кивком и проследовала в малую столовую, где и позавтракала в тоскливом одиночестве; Пенроуз и Филберт все это время маячили у нее за спиной, обмениваясь тревожными взглядами.

Мудро решив, что ненавистные три месяца пролетят быстрее, если она займется чем-нибудь полезным, Александра собиралась нанести обязательные визиты арендаторам, а также возобновить уроки чтения и письма, которые она начала давать сельским ребятишкам, до того как семья переехала в Лондон.

По дороге она остановилась у конюшен и поиграла с Генри, общительная натура которого не выдерживала скованной атмосферы дома, и потому пес предпочитал вести куда более веселую жизнь рядом с лошадьми.

Вернулась Алекс только во второй половине дня. Оживленная, бодрая, радуясь возможности править собственным фаэтоном, успевшая объехать едва ли не все живописные местечки огромного поместья Джордана, она с шиком проехала мимо дома и свернула к конюшне.

Выбежавший навстречу Смарт, широко улыбаясь, торопливо взял поводья – очевидно, старшему конюху не терпелось восстановить гармонию супружеских отношений между Александром и ее мужем.

– Его светлость, – объявил он, лучась доброжелательством, – почти час ожидает вас здесь – все метался взад-вперед, просто, можно сказать, удила грыз от нетерпения!

Удивленная и постыдно обрадованная, Александра улыбнулась

Джордану, выбежавшему из конюшни, но улыбка мгновенно померкла при виде его мрачного как туча лица.

– Не смей покидать дом, не сообщив сначала, куда именно едешь и когда должна вернуться! – рявкнул он, не слишком нежно хватая ее за талию и поднимая с сиденья. – Кроме того, я запрещаю тебе выезжать за пределы двора без сопровождения грума! Олсен... – Он кивнул на огромного, мускулистого, похожего на медведя великана, стоявшего в дверях конюшни. – С сегодняшнего дня он твой личный грум.

Его гнев казался таким неоправданно несправедливым, приказы – неразумными, а отношение к ней настолько отличалось от вчерашней неотразимо манящей нежности, что несколько мгновений Александра смотрела на него широко раскрытыми от изумления глазами, чувствуя, как в ней закипает гнев. Бросив на нее косой взгляд, Смарт осмотрительно и поспешно скрылся.

– Вы все сказали? – бросила Александра, намереваясь удалиться.

– Нет, – процедил Джордан, очевидно, еще больше разозлившись. – Еще одно: никогда больше не выскальзывай из моей постели украдкой, посреди ночи, словно шлюха, которая спешит вернуться в портовый кабак!

– Да как вы смеете! – взорвалась Александра, взбешенная до такой степени, что подняла руку и размахнулась, прежде чем поняла, насколько забылась. Однако Джордан успел перехватить ее запястье – пальцы безжалостной хваткой сжали хрупкие косточки... и Александра подумала, что он вот-вот ее ударит. Но Джордан, сдержавшись, резко повернулся и направился к дому.

– Не расстраивайтесь, миледи, – уговаривал Смарт, подбегая к ней, – должно быть, у хозяина сегодня дела не ладятся. За всю жизнь я ни разу не видел, чтобы он на ком-то срывал гнев!

Однако, несмотря на ободрающий тон, добродушное сморщенное лицо исказила гримаса тревожного недоумения. Качая головой и вздыхая, конюх долго смотрел вслед удалявшемуся хозяину.

Александра молча повернула голову и уставилась на своего прежнего наперсника, едва сдерживая гнев и мучительное смущение.

– Клянусь, до сегодняшнего дня я и не подозревал, что он способен вспылить... да еще так! Я сажал его на первого пони, знал едва не с пеленок, и не было мальчика храбрее, лучше...

– Пожалуйста! – вскрикнула Александра, не в силах выслушивать очередное восхваление достоинств мужа. – Не нужно больше лжи! В моих глазах он никогда больше не станет великодушным и добрым. Теперь-то я

понимаю, какое это злобное, бессердечное чудовище!

– Нет, миледи, это не так! Говорю же, я знал его с самого детства, да и его отца...

– И его отец, конечно, тоже был чудовищем! – Александра топнула ногой, слишком обиженная и рассерженная, чтобы придержать язык. – Не сомневаюсь, они друг друга стоят!

– Нет, миледи, нет! Вы ошибаетесь, жестоко ошибаетесь! Как вы можете такое говорить?!

Ошеломленная силой его протеста, Александра постаралась взять себя в руки и даже сумела выдавить слабую улыбку.

– Дедушка всегда повторял, что, если хочешь знать, каким станет человек, взгляни на его отца.

– Ваш дедушка ошибался в отношении мастера Джордана и его папаши, – горячо возразил Смарт.

И Александра поняла, что конюх может стать поистине бесценным источником сведений о Джордане, если только попытаться вытянуть из него неприукрашенную правду. Сначала она стоически твердила себе, что ей вовсе ни к чему знать что-то о своем муже, с которым она все равно скоро разведется, но слова сами сорвались с языка.

– Поскольку мне не позволено шагу ступить без стражи, – с легким раздражением бросила она, – не потрудитесь ли подойти со мной к ограде, чтобы я могла наблюдать, как резвятся жеребята?

Смарт кивнул и, как только они подошли к ограде, резко сказал:

– Простите меня за дерзость, миледи, но вы не должны были заключать это пари!

– Откуда вам известно?

– Не только мне, но и всем. Грум лорда Хаксона проболтался кучеру Джону в тот самый день, когда оно было записано в книге.

– Ясно...

– Вы плохо поступили, дав понять каждому, что совершенно равнодушны к его светлости! Хорошо еще, что он к вам не охладил, потому и сделал вид, что все это ничуть его не задело. Клянусь, даже мамаша хозяина не посмела бы... – Смарт осекся, покраснел и пристыженно уставился в землю.

– Но я не ожидала, что все узнают о пари, – с отчаянием пояснила Александра и, притворяясь не слишком заинтересованной, небрежно спросила:

– Кстати, а какой она была, моя свекровь?

Смарт почему-то начал неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Красавицей, конечно. Любила балы... разные развлечения...
– Судя по вашим словам, веселая прелестная женщина?
– Совсем, близко на вас не похожа! – выкрикнул конюх, и Александра уставилась на него открыв рот, застигнутая врасплох столь неожиданным взрывом и сознанием того, что он, оказывается, такого высокого мнения о ней. – Она никогда не замечала тех, кто ниже ее по положению, и никого не любила, кроме себя.

– Как странно! Расскажите подробнее!
– У меня полно работы, миледи, – пробормотал Смарт. – Но всякий раз, когда захотите услышать хорошие вещи о его светлости, приходите, я что-нибудь припомню.

Понимая, что настаивать бессмысленно, Александра отпустила конюха. Однако любопытство разгорелось еще больше.

Под предлогом того, что дверь скрипит и нужно смазать петли, она позвала Гиббонза, лакея, так же горячо преданного Джордану, как Смарт. Гиббона, искренне радуясь возможности поговорить, был готов с утра до вечера распространяться о детстве и юности Джордана, но стоило ей спросить о его родителях, стал запинаться, заикаться и неожиданно вспомнил о какой-то срочной работе, которую просто необходимо выполнить, причем сейчас же.

Надев роскошный шелковый розовато-желтый туалет и распустив по плечам волнистые волосы, Александра вышла из комнаты в девять, точно в назначенный для ужина час, и медленно спустилась вниз. Ей предстояло встретиться лицом к лицу с Джорданом, впервые после сегодняшней стычки, и любопытство снова уступило место негодованию, смешанному со страхом.

Как только она повернула к столовой, Хиггинс поспешно выступил вперед и быстро открыл двери гостиной. Александра нерешительно взглянула на дворецкого.

– Его светлость, – сообщил тот, – перед ужином любит выпить бокал шерри в гостиной.

Александра переступила порог комнаты, и Джордан немедленно поднялся, чтобы налить и ей шерри. Александра смотрела на высокого, безупречно одетого мужа, с невольным восторгом отмечая, каким красивым он кажется во фраке винного цвета, облегающем широкие плечи, и серых брюках, подчеркивающих стройные длинные ноги. Единственный красный рубин сверкал в складках белоснежного галстука, резко контрастировавшего с загорелым лицом. Он молча протянул жене бокал.

Не сумев определить, в каком муж настроении, Александра робко

шагнула вперед и взяла бокал. Однако первые слова Джордана вызвали у нее неудержимое желание вылить шерри ему на голову.

– Я привык, – сообщил он тоном учителя, отчитывающего нерадивого ученика, – пить шерри в гостиной в половине девятого и ужинать в девять. На будущее постарайся не опаздывать и спускаться в гостиную ровно в половине девятого, Александра.

Глаза Алекс зловеще вспыхнули, однако голос оставался по-прежнему ровным.

– Вы уже объяснили, где я должна спать, куда могу ходить, кто должен меня сопровождать и когда я обязана есть. Не будете ли так добры отдать распоряжения, как и когда мне дышать?

Джордан свел было брови, но тут же запрокинул голову и тяжело вздохнул. Рассеянно подняв руку, он стал массировать шею, словно разминая затекшие мышцы, но тут же, забыв обо всем, выпрямился.

– Александра, – с сожалением и некоторым раскаянием произнес он, – я хотел извиниться за свою непростительную грубость сегодня днем у конюшен. Вы опоздали на час, и я волновался. И не хотел бы начать наш вечер с упреков или ненужных наставлений. Я не людоед, и...

Он осекся, услышав негромкий стук. В комнату вошел Хиггинс с запиской на серебряном подносе. Слегка умиротворенная его извинением, Александра села на стул и лениво оглядела просторную комнату с тяжелой мебелью в стиле барокко, обитой фиолетово-красным бархатом. «Какая угнетающая роскошь! Именно угнетающая», – подумала Александра, но тут же упрекнула себя. Очевидно, недоброе отношение Джордана к этому дому повлияло и на нее.

Взяв с подноса записку, Джордан сел напротив, сломал печать и быстро пробежал глазами короткое послание. Явное любопытство на его лице сменилось неверием, а потом и яростью.

– Это от Тони, – сообщил он, прищулив глаза, и так крепко сцепил челюсти, что кожа обтянула скулы. – Он, по-видимому, решил покинуть Лондон в середине сезона и приехал в свое загородное поместье.

Александра с восторгом приняла известие о приезде друга и, просияв, воскликнула:

– Я как раз хотела завтра навестить его маму и брата...

– Я запрещаю вам ехать, – грубо перебил Джордан. – Пошлю Тони записку и объясню, что следующие несколько недель он предоставлен самому себе. – И, заметив мятежное выражение на лице жены, процедил:

– Надеюсь, ты хорошо поняла меня, Александра? Я запрещаю тебе ездить туда.

Александра медленно поднялась. Джордан тоже встал, угрожающе возвышаясь над ней.

– Знаете, – выдохнула она, с бешенством уставясь на него, – по-моему, вы просто безумны.

Но Джордан, как ни странно, слегка улыбнулся.

– В этом я не сомневаюсь, – бросил он, не собираясь объяснять, что неожиданное возвращение Тони практически подтверждает подозрения Фокса и что ее жизнь тоже подвергается опасности, поскольку со вчерашней ночи Алекс, возможно, носит будущего наследника Хоторнов. Вслух же он твердо добавил:

– Но тем не менее надеюсь, что вы послушаетесь меня.

Александра открыла было рот, собираясь сказать, что не желает подчиняться каким-то глупым правилам, но Джордан с широкой улыбкой прижал палец к губам.

– Пари, Александра, – ты обещала быть моей покорной женой. Надеюсь, не хочешь сразу сдать?

Александра бросила на него красноречиво-презрительный взгляд:

– Мне не грозит опасность проиграть, милорд. Скорее, вам. Могу сказать, что вы уже проиграли. – Подняв бокал, она подошла к камину и притворилась, что рассматривает изящную вазу девятнадцатого века.

– Что это означает? – осведомился Джордан, бес-, шумно подходя сзади.

Александра провела пальцем по основанию бесценной вазы.

– Вы, со своей стороны, обязались попробовать стать настолько приемлемым мужем, что я не захочу покидать вас.

– И?

– И, – сухо сообщила она, оглянувшись, – боюсь, вам это пока не удастся.

Она думала, что Джордан высокомерно отвернется и не захочет слушать. Вместо этого он положил руки ей на плечи и повернул лицом к себе.

– В таком случае, – прошептал он улыбаясь, – придется мне постараться, не так ли?

Застигнутая врасплох необычайной нежностью, светившейся в его глазах, и неожиданным признанием вины, Александра позволила Джордану целовать себя, из последних сил цепляясь за остатки здравого смысла. Сильные руки обвили ее и привлекли к широкой груди, горячие губы прижались к губам. Он целовал ее долго, томительно, словно наслаждаясь вкусом ее губ и каждым мигмом близости.

Когда Джордан наконец разжал объятия, Александра с безмолвным изумлением взглянула на него. Как может он быть таким нежным в один момент, а в следующий – обдавать холодом, обращаться с ней как с ничтожеством, не стоящим внимания, как с глупой, непослушной девчонкой?! – гадала она, глядя в завораживающие, полуприкрытые тяжелыми веками серые глаза.

– Я очень хотела бы когда-нибудь понять вас, – едва слышно выговорила она наконец.

– Чего же ты не понимаешь? – осведомился Джордан, хотя уже предчувствовал ответ.

– Мне бы хотелось знать истинную причину, почему вы сегодня так набросились на меня у конюшни.

Александра ожидала, что он отделается шуткой или попытается перевести разговор на другую тему, но Джордан снова удивил ее, честно признавшись:

– Говоря по правде, я уже открыл тебе истинную причину, только оставил ее напоследок.

– Какую?!

– Моя гордость была задета тем, что ты оставила меня одного посреди ночи.

– Вот оно что, – охнула Александра, – и потому вы называли меня шлю... так некрасиво выразились?

Она не заметила веселых искорок в его глазах и не сразу догадалась, что он смеется не над ней, а над собой.

– Верно, – мрачно вздохнул Джордан. – Конечно, трудно ожидать, что неглупый взрослый человек, сражавшийся с армиями Наполеона, не способен набраться мужества взглянуть женщине в глаза и просто спросить ее спокойным, негромким голосом, почему она не захотела провести с ним ночь.

– Отчего же? – пробормотала она, но тут же рассмеялась, поняв, что он имеет в виду.

– Мужское самомнение, – пояснил Джордан, криво улыбнувшись. – Боюсь, мы на все готовы ради него.

– Спасибо, – мягко шепнула Александра, – за то, что сказали правду.

– Это основная причина, почему я был так непростительно груб. Но должен признать, в этом доме есть что-то такое, нагнетающее на меня тоску.

– Но вы здесь выросли!

– И возможно, – почти небрежно бросил он, беря ее под руку, – именно

поэтому я так не люблю его.

– О чем вы? – удивилась она.

Джордан снова улыбнулся, но покачал головой:

– Давным-давно, в Роузмиде, ты попросила всегда открывать все, что у меня в мыслях и сердце, вот я и стараюсь делать именно это. Однако я привык сдерживать свои чувства, и мне трудно сразу обнажить душу. Не торопи меня. Когда-нибудь я отвечу на твой вопрос.

Джордан действительно постарался стать «приемлемым» мужем и добился за ужином ошеломляющего успеха, чем полностью лишил покоя Александру.

Когда они только поженились, ей казалось, что он пытался быть снисходительным к ней, но все его тогдашние усилия были ничто по сравнению с теперешними. Пока они ужинали, он обратил на нее всю силу своего непобедимого обаяния, поддразнивал сверкающей белозубой улыбкой и развлекал скандальными и уморительными историями о лондонских знакомых.

А потом отнес ее в спальню и осыпал нежными, бурными, страстными и исступленными ласками всю ночь напролет. Только на рассвете оба заснули, но и во сне он прижимал ее к сердцу, не выпуская из объятий.

Подняв корзинку со сладостями, которые повар приготовил по ее просьбе, Александра уселась в фаэтон, намереваясь, с полнейшим пренебрежением к приказам Джордана, навестить Тони. Она убеждала себя, что не собирается вновь влюбляться в мужа, что просто очень хочет узнать о его родителях, но в глубине души знала: это не совсем так. Она опасно близка к тому, чтобы вновь отдать свое сердце Джордану, и отчаянно старается понять неотразимо-загадочного человека, женой которого стала. Тони – единственный, кто может дать ответы на все тревожащие вопросы.

Сообщив Олсену, своему личному груму, что собирается навестить Уилкинсонов и его помощь не требуется, Александра направилась к маленькому коттеджу Уилкинсонов. После короткого визита она повернула лошадь к дому Тони, не подозревая, что Олсен последовал за ней и, хотя старался держаться в тени деревьев, все-таки сумел проводить ее светлость до конца пути.

– Александра! – воскликнул Тони, широко улыбаясь и протягивая руки. Он уже успел выбежать на крыльцо и спуститься к узкой, обсаженной деревьями аллее. – Насколько я понял из записки Джордана, он намеревается ни с кем не делить тебя следующие несколько недель!

– Он не знает, что я здесь, – сообщила Александра, тепло обнимая его. – Клянешься не выдать меня? – Даю слово! – объявил Тони, прикладывая руку к сердцу. – Пойдем, здороваемся с мамой и Берти, они будут рады видеть тебя. И словом не обмолвятся о твоём визите, – заверил он, видя, что Алекс колеблется.

– После того как я здороваюсь с ними, не могли бы мы немного погулять? Мне нужно спросить тебя кое о чём.

– Конечно, – с готовностью согласился Тони. Взяв его под руку, Александра направилась к двери.

– Наверное, ты покинул Лондон, потому что все о нас сплетничали? – с сожалением осведомилась она.

– Частично. Но ещё и потому, что не терпелось узнать, как ты поживаешь. Есть и ещё одна причина, – признался он, как-то странно улыбаясь. – Салли Фарнсуорт прислала записку с просьбой о свидании.

Салли? Девушка, в которую он был влюблен?

– И вы встречались? – поспешно спросила Александра, изучая его красивое лицо.

– Да.

– Что ты сказал? Что она сделала?!

– Предложение, – сухо бросил Тони. Александра восторженно рассмеялась:

– И?

– И я попросил дать мне время подумать, – пошутил он. – Нет, честно говоря, Салли приезжает в гости на следующей неделе. Пусть увидит собственными глазами, что я могу ей предложить. Я больше не герцог, а когда был им, не верил, что она может любить меня по какой-то иной причине. Теперь я убедился, что это не так, но она должна знать: я не очень богат. Только ничего не говори маме. Я хочу сам ей все объяснить, причем крайне осторожно. Мать не жалуется Салли из-за того, что случилось... раньше.

Александра торжественно кивнула, и они вошли в дом.

– Дорогая, как я рада видеть вас! – воскликнула леди Таунсенд своим нежным, мелодичным голосом, когда Тони ввел Александру в уютную маленькую гостиную, где она сидела вместе с Берти, своим младшим сыном. – Как мы были потрясены и обрадованы, узнав о возвращении Джордана!

Александра ответила на приветствие, с тревогой отмечая, какой бледной и похудевшей кажется седовласая мать Тони. Очевидно, воскрешение Джордана из мертвых оказалось слишком большим

потрясением для ее слабого здоровья.

Леди Таунсенд с надеждой посмотрела на дверь.

– Джордан не приехал с вами? – разочарованно спросила она.

– Нет... мне очень жаль... он...

– Как обычно, с головой погружен в работу, – с улыбкой вмешался Берти, с трудом вставая и тяжело опираясь на палку, с которой не расставался. – И конечно, намерен не отпускать вас от себя, чтобы вы смогли возобновить знакомство после его долгого отсутствия.

– У него действительно много работы, – кивнула Александра, благодарная Берти за его поспешные объяснения. Чуть выше Тони, с рыжеватыми волосами и зеленовато-кариими глазами, он, однако, не отличался красотой, и, хотя в полной мере унаследовал обаяние Таунсендов, постоянная боль в изуродованной от рождения ноге оставила на его лице трагическую печать. Глубокие морщины залегли по обеим сторонам рта, придавая Берти мрачный вид. Однако это совсем не отражалось на природной жизнерадостности его характера.

– Джордан хотел, чтобы Александра немного освоилась, прежде чем навестит нас, и собирался сам сопровождать ее, – как ни в чем не бывало сочинял Тони. – Я обещал Алекс не испортить сюрприз Джордана и не проговориться, что она успела его опередить и рассказать нам, как он поживает.

– А как он поживает? – поинтересовалась леди Таунсенд.

Чувствуя неловкость оттого, что приходится обманывать этих прекрасных людей, Александра с радостью и подробно поведала о приключениях мужа. Как только она ответила на все обеспокоенные вопросы леди Таунсенд о здоровье Джордана, Тони встал и пригласил Александру немного прогуляться по саду.

– По этим крошечным морщинкам на лбу я безошибочно заключаю, что тебя что-то тревожит. Не хочешь поделиться? – спросил он, когда они пересекали маленький, безупречно подстриженный передний газон, направляясь к саду.

– Сама не знаю, – с сожалением призналась Александра. – С той минуты, как вдали показался Хоторн. Джордан почему-то изменился. Прошлой ночью он сказал, что вырос в Хоторне и потому дом всегда наводит его на мрачные мысли. Но когда я захотела узнать причину, он не ответил. А вчера Смарт говорил такие странные вещи о родителях Джордана... – продолжала она, впервые со дня возвращения мужа называя его по имени, и, по-видимому на что-то решившись, резко спросила:

– Ты можешь рассказать, какими были его родители? Его детство?

Тони не перестал улыбаться, однако неловко поежился.

– Какая теперь разница?

– Возможно, не было бы никакой, – отчаянно выпалила Александра, – если бы все, включая тебя, не начинали нервничать, стоит мне задать эти вопросы.

– А кого ты еще спрашивала?

– Смарта и Гиббонза.

– Не может быть! – охнул Тони, останавливаясь и с шутливым ужасом глядя на нее. – Не дай Бог, Джордан тебя поймает! Он не одобряет фамильярности со слугами. Это безусловное табу, хотя моей семейной ветви это не касается. У нас только шесть слуг, и невозможно не относиться к ним, скорее, как к друзьям. – Наклонившись, Тони сорвал розу. – Тебе следовало бы спросить у Джордана.

– Он не ответит. Давным-давно я сказала, что предпочитаю правду вежливой банальности. А вчера, когда попыталась узнать, почему он не любит Хоторн, Джордан сказал, что откроет мне мысли и сердце, но пройдет еще немало времени, прежде чем он сможет обнажить душу. Он утверждает, что нужно действовать постепенно. И пообещал, что когда-нибудь ответит на все мои вопросы, – с легкой улыбкой добавила Алекс, вспомнив шутливый тон мужа.

– Господи, – недоуменно пробормотал Тони, уставясь на нее. – Джордан сказал все это?! Что он готов открыть мысли и сердце?! Обнажит душу?! Должно быть, он равнодушен к тебе куда больше, чем я думал. – Тони заправил розу ей в волосы и пощекотал под подбородком.

– Я должна узнать эту тайну, – настаивала Александра, видя, что Тони, кажется, тоже не собирается откровенничать.

– Потому что снова начинаешь влюбляться в него?

– Потому что умираю от безобразного, непростительного любопытства, – уклонилась Александра от прямого ответа и, поскольку Тони был явно настроен на решительный отказ, тоскливо вздохнула:

– Ну хорошо. Я, кажется, готова полюбить незнакомца, чужого человека, а он не спешит позволить мне лучше его узнать.

Тони поколебался, однако все-таки пожалел Алекс. – Ну... поскольку это не праздное любопытство, попытаюсь просветить тебя. Что ты хочешь знать? Вынув из волос розу, Александра рассеянно повертела стебелек в пальцах.

– Прежде всего объясни, что творилось в Хоторне, когда Джордан был маленьким? Какое у него было детство?

– В аристократических семьях, – медленно начал Тони, – наследнику

обычно уделяется особое внимание. Джордан, кроме того, был единственным ребенком, и потому с него не спускали глаз. Мне позволяли лазать по деревьям и плескаться в лужах, но от Джордана требовали постоянно помнить о своем положении: быть чистым, аккуратным, пунктуальным, серьезным и ни при каких обстоятельствах не забывать, что когда-нибудь он станет герцогом. Его родители были полностью единодушны только в одном – в сознании собственного превосходства. В отличие от детей других аристократов, которым позволялось играть в компании сверстников, живущих в поместье, даже если эти дети – сыновья конюхов, тетя и дядя считали, что Джордану подобает иметь друзей только своего круга. И поскольку герцогов и графов в округе не так много, Джордан рос в полном одиночестве. – Тони взглянул на верхушки деревьев и вздохнул:

– Я часто гадал, как он способен это вынести.

– Но надеюсь, родители Джордана не находили твоё общество неприятным?

– Нет, но я редко гостил у них и приезжал, лишь когда тетя с дядей отправлялись в Лондон. Я не мог выносить их присутствия и душной атмосферы этого места. Меня просто трясло. Кроме того, дядя ясно дал понять моим родителям, что мое присутствие в Хоторне нежелательно, поскольку я мешаю Джордану заниматься и отвлекаю от серьезных вещей. В тех редких случаях, когда ему позволяли отдохнуть, он предпочитал бывать у нас, потому что обожал мою мать и пользовался случаем, чтобы побыть среди любящих его людей. – Тони печаль – но улыбнулся. – Помнится, когда ему было восемь лет, он попытался поменяться со мной, обещая отдать титул и имения за мою семью. Клялся, что позволит мне быть маркизом, если я соглашусь жить в Хоторне.

– Я совсем не так представляла его жизнь, – заметила Алекс, когда Тони замолчал. – Когда я была маленькой, воображала, что нет ничего лучше богатства.

Она вспомнила свое детство, игры с друзьями, беззаботные, беспечные времена, тепло дружбы с Мэри Эллен и ее семьей. Как грустно узнать, что Джордана лишили детства!

– Не всех отпрысков знатных семейств воспитывают в такой строгости.

– А его родители? Какими они были? Она смотрела на него с такой неподдельной озабоченностью, что Тони обнял ее за плечи в знак того, что сдаётся и готов рассказать правду.

– Чтобы не вдаваться в подробности, объясню только, что мать

Джордана пользовалась печальной славой известной кокетки, чьи любовные похождения были столь же многочисленны, сколь неразборчивы. Но моему дяде, казалось, не было до этого дела. Он считал женщин слабыми, развращенными созданиями, не способными сдерживать свои страсти. Правда, сам он был таким же распутником, как она. Однако там, где речь шла о Джордане, он не допускал ни малейших послаблений. Никогда не позволял Джордану забыть, что он – Таунсенд и будущий герцог Хоторн. Считал, что сын должен быть сообразительнее, отважнее, более гордым и достойным имени Таунсендов, чем все его предки. Чем сильнее Джордан старался угодить отцу, тем требовательнее тот становился.

Если Джордан плохо подготовил урок, наставнику разрешалось пороть его, если не появлялся к ужину с точностью до секунды, ему не позволяли есть до следующего вечера. В восемь-девять лет он уже был лучшим наездником, чем большинство мужчин, но как-то раз на охоте его конь отказался прыгнуть через живую изгородь, по другую сторону которой протекал ручей, – то ли потому, что Джордан был слишком мал, чтобы заставить его, то ли просто побаивался. Несмотря на то что ни один из всадников не осмелился сделать это, дядя в присутствии всех обвинил Джордана в трусости и заставил взять препятствие.

– Подумать только, – сдавленно прошептала Александра, – а я-то верила, что дети, которые росли с отцом, куда счастливее меня. И он прыгнул?

– Три раза, – сухо ответил Тони. – На четвертый его конь споткнулся и упал, придавив Джордана. Тот сломал руку.

Александра побледнела, но Тони, погруженный в воспоминания, уже ничего не замечал.

– Джордан, конечно, не плакал. Ему не разрешали плакать, даже когда он был совсем маленьким. Дядя считал, что слезы не подобают мужчине. У него на этот счет были самые неколебимые убеждения.

Александра подняла лицо к солнцу, смаргивая слезы.

– Какие именно?

– Дядя считал, что настоящий мужчина должен быть тверд, безжалостен, независим и уверен в себе. И твердил это Джордану с утра до вечера. Любые эмоции считались недопустимыми и недостойными мужчины. Чувствительность, любовь, искренняя привязанность – это малодушие и изнеженность. Словом, то, что делает человека уязвимым, незащищенным. Дядя не одобрял также любые легкомысленные поступки и развлечения, за исключением флирта с противоположным полом, что он

считал олицетворением мужественности. По-моему, я ни разу не видел его смеющимся веселым, неподдельным смехом. Он был способен лишь саркастически улыбаться, не более того. Потому, вероятно, и Джордан редко смеется. Для моего дяди самым главным было превзойти остальных во всем и работать, неустанно трудиться – весьма странное мировоззрение для аристократа, как ты уже, несомненно, поняла.

– Я всегда могу заставить его смеяться, – объявила Александра с грустью и гордостью.

– Да, твоя улыбка растопит сердце любого мужчины, – рассмеялся Тони.

– Неудивительно, что он не хочет говорить о своем детстве.

– Однако стремление моего дяди к превосходству дало и хорошие плоды.

– Не может быть! – недоверчиво воскликнула Алекс.

– Ошибаешься. Поскольку Джордана вынуждали учиться лучше всех, к тому времени, как настала пора поступать в университет, он настолько обогнал сверстников, что профессора читали ему лекции по предметам, о которых никто из нас не имел ни малейшего понятия. Более того, он, очевидно, сумел наилучшим образом применить свои знания, потому что, когда умер отец, Джордану было всего двадцать лет. Он унаследовал титул и одиннадцать поместий, но Таунсенды никогда не были особенно богаты, и Хоторн оставался единственным имением, дела которого были в полном порядке. Через три года все поместья процветали, а он постепенно, но верно становился одним из богатейших людей в Англии. Неплохо для молодого двадцатитрехлетнего человека, верно? Ну вот и все. Больше я вряд ли могу рассказать тебе.

Преисполненная благодарности, Александра поднялась на цыпочки и крепко обняла Тони.

– Спасибо, – прошептала она, просияв, но тут же с тревогой взглянула на солнце. – Пора. Я сказала, что отлучусь не более чем на час, а прошло гораздо больше.

– Но что из того, если ты задержишься? – удивился Тони.

– Меня разоблачат.

– И что здесь страшного? – Ты ничего не понимаешь! Я проиграю пари!

– Какое пари?

Александра принялась было объяснять, но нежность и преданность гордому властному мужу уже расцвели в ее сердце. Невозможно унижить Джордана, объяснив, что она согласилась приехать в Хоторн только потому,

что муж буквально подкупил ее.

– Просто... просто... А, все это глупости... – уклончиво пробормотала она, направляясь к тому месту, где оставила фаэтон.

Погруженная в раздумья, Александра не заметила лакея, выбежавшего из дома, чтобы взять поводья, и проехала дальше, к конюшням, расположенным позади и чуть в стороне от дома. Она не могла забыть откровений Тони, чьи рассказы о детстве Джордана терзали душу, наполняя ее состраданием. Теперь она лучше понимала мужа. Даже те вещи, которые раньше злили, ранили или приводили в замешательство, включая и неуволнимые изменения, происшедшие в нем со дня приезда в Хоторн. Подумать только, в детстве она свято верила, будто счастье заключается лишь в том, когда родители рядом! Как был прав дедушка, утверждая, что никто на самом деле не таков, каким кажется.

Она так задумалась, что ничего не сказала Смарту, когда тот поспешил помочь ей спуститься. Вместо этого Алекс просто взглянула сквозь конюха, словно того не существовало, и, повернувшись, побрела к дому.

Однако Смарт ошибочно предположил, что хозяйка не обращает на него внимания потому, что он утратил ее доверие и симпатии, отказавшись обсуждать с ней хозяина.

– Миледи! – выразительно произнес он с крайне обиженным и несчастным видом.

Александра обернулась и взглянула на него, хотя перед глазами по-прежнему стоял маленький мальчик, которого лишили детства.

– Пожалуйста, миледи, – расстроено пробормотал Смарт, – не смотрите на меня так, словно я смертельно вас оскорбил! – Понизив голос, он кивнул на ограду, за которой резвились два жеребенка:

– Если вы прогуляетесь немного со мной, я расскажу все, что хотите.

Александра с трудом заставила себя сосредоточиться и выполнить просьбу конюха.

Не сводя взгляда с жеребят, Смарт едва слышно объяснил:

– Мы с Гиббонзом все обсудили и решили, что вы имеете право знать, почему хозяин стал таким. Он не жестокий человек, миледи, но из того, что, как я слышал, происходит между вами, с тех пор как его светлость вернулся, вы все больше утверждаетесь в мыслях, будто он бессердечнее скалы Александра хотела было сказать охваченному тревогой конюху, что он вовсе не обязан быть с ней откровенным, но следующие слова Смarta приковали ее к месту:

– Мы хотим все рассказать еще и потому, что слышали, будто вы не

собираетесь оставаться его женой и через три месяца покинете Хоторн.

– Но каким образом... – охнула Александра.

– Слуги все знают и любят поболтать, миледи, – с некоторой гордостью объяснил Смарт – И клянусь, Хоторн в этом отношении превосходит любое имение в Англии – здесь слуги уже через двадцать минут знают, что происходит, если, конечно, об этом не услышали только мистер Хиггинс или миссис Бримли. У них рты запечатаны надежнее девственно... То есть они ни за что никому не скажут, – торопливо поправился он, став красным как рак.

– Это, должно быть, чрезвычайно для вас досадно, – сухо заметила Александра.

Смарт побагровел еще сильнее. Неловко переминаясь с ноги на ногу, он сунул руки в карманы, поспешно их вынул и с беспомощной тоской уставился на хозяйку. Морщинистое лицо кривила смущенная гримаса.

– Вы хотели, чтобы я рассказал о родителях его светлости, и мы с Гиббонзом считаем, что не можем отказать вам.

И Смарт тихо поведал почти ту же историю, которую Алекс уже услышала от Тони.

– И теперь, когда вы знаете, что творилось в Хоторне все это время, – закончил он, – мы с Гиббонзом надеемся, что вы останетесь здесь и принесете смех и радость в этот мрачный дом, как в те дни, когда жили здесь. Только настоящие радость и смех, которые идут от сердца. Такого хозяин никогда здесь не слышал, и, может, его душа исцелится, особенно если вы заставите его смеяться вместе с вами.

Все, что Александра успела узнать, вертелось в голове, как в калейдоскопе, где цветные стекляшки с каждым поворотом образуют новый, все более замысловатый узор. Она еще долго лежала без сна, после того как Джордан, прижав ее к себе, уснул.

Небо уже светлело, а она все еще лежала, уставясь в потолок, боясь снова довериться Джордану, предстать перед ним уязвимой и беспомощной. До сих пор ее целью было поселиться в Моршеме и зажить тихой, одинокой жизнью, и поэтому она тщательно следила за собой, опасаясь проявить ненужные эмоции и выверяя каждый свой шаг.

Алекс повернулась на бок, и Джордан обнял ее, притягивая назад, к своей груди. Он вздохнул и зарылся лицом в волосы жены; пальцы чуть сжали ее грудь в сонной ласке, пославшей по телу Александры озноб наслаждения.

Она хочет его! Несмотря на все, кем он был – распутником, бессердечным повесой, нелюбящим мужем, – она хочет его! И теперь, в

тишине и безмолвии раннего утра, Александра наконец осмелилась признаться в этом себе самой... потому что наконец поняла, отчего Джордан стал таким.

Она жаждала его любви... доверия... детей. Желала, чтобы этот дом звенел смехом и казался ему самым прекрасным на свете. И чтобы весь мир казался ему чудесным! Тони, вдовствующая герцогиня и даже Мелани, как ни странно, верили, что она может заставить Джордана влюбиться в нее. И поэтому она просто не должна сдаваться, даже не попытавшись осуществить свои мечты.

Только она просто не представляет, как будет дальше жить, если потерпит неудачу.

Глава 26

– Милорд? – прошептала она на рассвете следующего утра.

Джордан приоткрыл один глаз и увидел свежую, улыбающуюся жену, сидевшую на краю кровати.

– Доброе утро, – пробормотал он, одобрительно поглядывая на глубокий вырез шелкового халата, открывающий соблазнительно-шелковистые холмики. – Который час?

Взглянув в окно, он обнаружил, что небо еще не синее, а сероватое, со светло-розовым отблеском.

В отличие от мужа Алекс не спала всю ночь, но почему-то голова была на удивление ясной.

– Шесть, – весело ответила она.

– Да ты шутишь? – охнул Джордан и поспешно закрыл глаза, решив, однако, узнать причину столь раннего пробуждения жены. – Кто-то болен?

– Нет.

– Умер?

– Нет.

Слабая улыбка чуть раздвинула губы Джордана.

– Болезнь и смерть – вот единственные причины, по которым нормальный человек может встать в столь ранний час. Ложись в постель.

Александра весело хмыкнула на его невнятные, хотя и вполне добродушные упрёки, однако покачала головой:

– Ни за что.

Несмотря на одолевавшую его дремоту, от Джордана не укрылась сияющая улыбка жены. Кроме того, она прижималась к его бедру своим. Обычно Александра старалась улыбаться как можно сдержаннее и старательно избегала прикасаться к нему по собственной воле, кроме тех минут, когда они сплетались в объятиях на широкой постели...

Стремление поскорее узнать причину столь приятной, хотя и неожиданной перемены заставило Джордана вновь открыть глаза и взглянуть на жену. Сегодня она казалась поистине пленительной: волосы рассыпаны по плечам в очаровательном беспорядке, глаза сверкают, на лице легкий румянец. Однако Джордану показалось, будто она что-то замышляет.

– Итак? – весело осведомился он, подавляя порыв привлечь ее к себе. – Как видишь, я уже проснулся.

– Вот и чудесно, – кивнула она, стараясь скрыть нерешительность улыбкой, – потому что я придумала, чем нам заняться сегодня утром.

– В эту пору?! Разве что тайком прокрасться к большой дороге, напасть на зазевавшегося путника и потребовать его кошелек! В такой час бодрствуют лишь воры и слуги.

– Но нам необязательно уходить прямо сейчас, – вставила Александра, чувствуя, что мужество начинает ее покидать, и готовясь к неминуемому отказу. – И, если припомните, именно вы говорили, что постараетесь сделаться приемлемым для меня мужем...

– И чего же ты хочешь? – вздохнул Джордан, мысленно перечисляя все обычные дела, которыми женщины пытаются заставить мужей заняться вместе с ними.

– Угадайте.

– Собираешься отправиться со мной в деревню за новой шляпкой? – без особого восторга предположил он.

Алекс так энергично тряхнула головой, что кудряшки совершенно закрыли лоб и щеки.

– Хочешь, чтобы мы оседлали коней и поехали пораньше на прогулку посмотреть, как солнце поднимается над холмами, а потом нарисовать пейзаж?

– Да я прямую линию не могу провести на бумаге, – призналась Александра и, прерывисто вздохнув, снова набралась храбрости:

– Я решила поехать на рыбалку.

– Рыбалка? – опешил Джордан, уставясь на жену так, словно она лишилась рассудка. – В шесть часов утра?! – И прежде чем Алекс успела ответить, он натянул на себя одеяло и закрыл глаза. – Исключительно в том случае, если бы в доме не было ни крошки еды и мы оба умирали от голода.

Ободренная его достаточно мирным тоном, Александра стала упрашивать:

– Вам не придется тратить время, обучая меня держать удочку, – я уже все умею.

Джордан приоткрыл один глаз и насмешливо осведомился:

– А что заставляет тебя думать, будто я это умею?

– В таком случае я покажу.

– Благодарю, сам справлюсь, – резко заверил он, по-прежнему не сводя с нее глаз.

– Прекрасно, – с огромным облегчением выдохнула Александра. – И я тоже. Я все смогу, даже насадить червя.

Губы Джордана смешливо дернулись.

– Превосходно, в таком случае можешь насадить и моего. Я отказываюсь будить несчастных червей в столь безбожно ранний час да еще усугублять преступление, терзая их острыми крючьями.

Он так уморительно жаловался, что Александра невольно расхохоталась, но тут же решительно затянула пояс на розовом шелковом халате.

– Я обо всем позабочусь, – пообещала она, направляясь к себе.

Откинувшись на подушки, Джордан молча восхищался соблазнительным покачиванием бедер, одновременно борясь с почти непреодолимым желанием затащить ее в постель и провести следующий час в приятных и достойных всяческих похвал попытках зачать наследника. Он не желал идти на рыбалку и не понимал, почему ей взбрела в голову эта идея, однако, в полной уверенности, что у Александры есть на это свои причины, сгорал от любопытства поскорее их узнать.

Александра действительно успела обо всем позаботиться – Джордан понял это, как только их лошади перевалили через довольно высокий гребень, за которым скрывалась широкая быстрая речка. Привязав коней, Джордан зашагал вслед за женой по поросшему травой берегу к гигантскому дубу, под которым было расстелено синее одеяло и стояли две огромные корзины и одна маленькая.

– Завтрак, – объяснила Александра, бросая на него смеющийся взгляд. – И, судя по виду, обед тоже. Очевидно, повар не верит в то, что мы способны сами добыть себе пропитание.

– В любом случае я могу потратить на это не больше часа.

Александра, не успевшая поднять удочку, замерла, смущенная и разочарованная:

– Всего час?

– У меня слишком много дел сегодня. Джордан наклонился, выбрал удочку из нескольких принесенных заранее слугами и согнул, проверяя на гибкость.

– Я очень занятой человек, Александра, – рассеянно пояснил он.

– Вы, кроме того, еще очень богаты, – ответила Алекс с деланной небрежностью, проверяя собственное удище. – Зачем же трудиться с утра до вечера?

Подумав немного, Джордан хмыкнул:

– Чтобы остаться очень богатым. – Если большие деньги лишают вас права отдыхать и наслаждаться жизнью, значит, цена этого богатства чересчур высока, – объявила Алекс, глядя ему в глаза.

Джордан, задумчиво нахмурившись, попытался припомнить автора изречения, но не смог.

– Кто это сказал?

– Я, – задорно улыбнулась жена.

Джордан удивленно покачал головой, пораженный ее остроумием, и, насадив червя на крючок, направился к берегу. Он остановился у огромного поваленного дерева с ветвями, нависшими над водой, и закинул удочку.

– Здесь вряд ли поймаете большую рыбу, – произнесла жена с видом невероятного превосходства. – Подержите мою удочку, пожалуйста.

– А мне показалось, ты говорила, будто сама все умеешь делать, – пошутил Джордан, заметив, что она уже сняла ботинки и чулки. Прежде чем он понял, что задумала жена, та подоткнула юбки, показав стройные ножки, тонкие щиколотки и крошечные босые ступни, и грациозно вспорхнула на ствол.

– Благодарю, – кивнула она, протягивая руку. Джордан вручил ей удочку, ожидая, что Александра сядет, но, к его беспокойству, она с ловкостью акробата прошла по толстой ветке, протянувшейся над водой.

– Немедленно вернись! – резко приказал он, повысив голос. – Ты можешь упасть!

– Я плаваю как рыба, – сообщила Алекс с улыбкой и наконец уселась – босая герцогиня, чьи изящные ножки почти касались воды. Лучи солнца, запутавшиеся в ее волосах, переливались и играли всеми цветами радуги. – Я научилась рыбачить, еще когда была совсем маленькой, – пояснила она и забросила удочку.

– Да, Пенроуз тебя учил, – кивнул Джордан. И по-видимому, был хорошим наставником. Александра не хвасталась, утверждая, что умеет все, – недаром так ловко насадила червя на крючок!

Очевидно, мысли их текли в одном направлении, потому что минуту спустя она улыбнулась ему со своего насеста, заметив:

– Рада видеть, что вы не брезгуете червями.

– Никогда не отличался брезгливостью, – с самым серьезным видом запротестовал Джордан, – просто не могу слышать звуки, которые они издают, когда их насаживаешь на крючок. Куда гуманнее было бы сначала убить его, прежде чем использовать для наживки!

– Никаких звуков они не издают, – запальчиво возразила Александра, но он казался таким уверенным, что ее собственная убежденность несколько поколебалась.

– Только люди с идеальным слухом способны их слышать! – настаивал Джордан, стараясь не улыбнуться.

– Пенроуз говорил, что им не больно, – смутилась Алекс.

– Пенроуз глух, как столб. Он не слышит их криков.

Неописуемое выражение ужаса и раскаяния промелькнуло на лице Александры, и Джордан поспешно отвернулся, чтобы скрыть смех. Но плечи его затряслись, и Александра наконец поняла, что ее дурачат. Минуту спустя в плечо Джордана ударились пригоршня веточек и листьев.

– Негодяй! – с деланным гневом упрекнула Алекс.

– Моя дорогая глупенькая жена, – ответил он без малейшего раскаяния, спокойно отряхивая ветки с рукава, – если бы я имел неосторожность устроиться на столь ненадежной подпорке, то, уж поверь, постарался бы обращаться с мужем куда почтительнее! – И для большей наглядности осторожно покачал ветку, на которой сидела Александра.

Однако его непокорная жена лишь подняла тонкие брови.

– Мой дорогой глупенький муж, – мягко парировала она, не ведая, какое неожиданное удовольствие ее обращение доставило Джордану, – если вы столкнете меня, то сделаете ужасную ошибку и к тому же окажетесь мокрым с головы до ног!

– Я? – развеселился Джордан, наслаждаясь перепалкой. – Почему?

– Потому что, – тихо и совершенно серьезно призналась Алекс, – я не умею плавать. Джордан, побелев, вскочил с земли.

– Ради Бога, – приказал он, – не смей шевелиться! Я не знаю, насколько здесь глубоко, но вода такая мутная, что, если упадешь, я не увижу тебя, а пока стану искать, ты утонешь. Оставайся на месте, сейчас я до тебя доберусь.

•С гибкостью и проворством истинного атлета Джордан одним прыжком вскочил на ствол и пошел по ветке, пока не очутился почти рядом с женой.

– Александра, – спокойно, ободряюще начал он, – если я подойду ближе, боюсь, ветка подломится или нагнется и ты окажешься в реке.

Джордж приблизился еще на шаг и, наклонившись, протянул руку:

– Не бойся. Сожми мою ладонь посильнее и вставай. Он с облегчением отметил, что на сей раз Александра не думала спорить. Вместо, этого она крепко ухватила за верхнюю ветку левой рукой, а правой обняла его за талию. Пальцы Джордана судорожно стиснули ее запястье.

– Подбери ноги и медленно поднимайся. Обопрись на меня.

– Ни за что! – объявила жена, и Джордан ошеломленно уставился в ее сияющее лицо. Обхватив поудобнее его запястье, она многозначительно объявила:

– Предпочитаю поплавать немного. А вы?

– Только попробуй, – мрачно предупредил Джордан, не пытаясь освободиться, поскольку в этой неудобной позе целиком зависел от ее капризов и прекрасно понимал это.

– Если не умеете плавать, я вас спасу, – мило предложила она.

– Александра, – пригрозил Джордан самым зловещим тоном, на который был способен, – если ты сбросишь меня в эту ледяную воду, лучше тебе сразу плыть в противоположном направлении – спасая свою жизнь!

Алекс поняла, что муж не шутит.

– Да, милорд, – покорно пробормотала она, разжимая пальцы.

Джордан медленно выпрямился и воззрился на нее со смешанным выражением раздражения и насмешки.

– Ты самая невыносимая... – Но тут же осекся, не в силах сдержать улыбку.

– Спасибо, – жизнерадостно поблагодарила Александра. – Предсказуемость – вещь ужасно скучная, не так ли?

Вместо ответа Джордан повернулся и зашагал обратно.

– Откуда мне знать? – хмуро отозвался он наконец, растянувшись на траве и поднимая удочку. – В твоём обществе я совершенно забыл, что это такое.

Следующие три часа прошли незаметно, и Джордан еще раз убедился, что жена не только превосходная рыбачка, но, кроме того, остроумна, умна и самая занимательная собеседница из всех его знакомых.

– Смотрите, – неожиданно окликнула она, когда удилище Джордана вдруг согнулось почти пополам. – Клюет!

После пяти минут усилий, борьбы и весьма ловких маневров леска все-таки обвисла. Непочтительная молодая жена, стоявшая на ветке, откуда могла наблюдать проигранный поединок и одновременно выкрикивать советы и слова ободрения, с негодованием воздела руки к небу:

– Сорвалась! Такая рыба!

– Это была не рыба, – возразил Джордан, – а кит с огромными зубами!

– Теперь, когда она ушла, можно придумать все что угодно, – хмыкнула Алекс, звонко рассмеявшись. Ее смех оказался таким же заразительным, как энтузиазм, и Джордан не смог не последовать примеру жены, несмотря на все старания сделать строгое лицо.

– Будь добра, прекрати принижать достоинства моей рыбы и открой лучше корзинки. Я умираю с голоду.

Александра ловко пробежала по ветке, но когда, вручив мужу удочку,

попыталась прыгнуть на землю, он обнял ее за талию и медленно поставил на ноги. Она застыла, как только их тела соприкоснулись, и Джордан поскорее разжал руки.

Почему-то его счастливое настроение мгновенно померкло. Усевшись на одеяло, он прислонился спиной к дереву и в бесстрастном молчании наблюдал за женой, стараясь понять, почему ей понадобилось устраивать эту прогулку. Очевидно, она вовсе не ожидала романтического свидания на берегу реки.

– Какое чудесное утро, – заметила Алекс, не сводя глаз с солнечных зайчиков, пляшущих на поверхности воды. Джордан лишь оперся рукой о колено и коротко бросил:

– Ну а теперь, когда это наконец закончилось, может, все-таки объяснишь, в чем дело?

Александра оторвала взгляд от воды и в недоумении обернулась к мужу.

– Что вы имеете в виду?

– Почему тебе взбрело в голову проводить время подобным образом?

Она ожидала, что Джордан разделяет ее восхищение, но он требовал недвусмысленного ответа, к которому Алекс вовсе не была готова. Пожав плечами, она смущенно пробормотала:

– Я пыталась показать вам жизнь, которую хотела бы действительно вести.

Губы Джордана скривила циничная усмешка.

– И теперь, когда ты дала мне понять, что на самом деле ты совсем не та воспитанная, утонченная молодая дама, которой казалась, я должен возненавидеть тебя и отправить в Моршем, не так ли?

Он был настолько далек от истины, что Александра разразилась смехом.

– Я никогда бы не смогла выдумать такой затейливый план! – призналась она, явно потрясенная столь идеальным замыслом. – Боюсь, я не настолько изобретательна!

Александра могла бы поклясться, что на какую-то долю секунды увидела облегчение, промелькнувшее в полуприкрытых серых глазах, и ей неожиданно страстно захотелось вернуть то веселое, дружелюбное настроение, которое, казалось, безвозвратно ушло.

– Вы не верите мне?

– Сам не знаю.

– Но разве я когда-нибудь давала вам повод усомниться в моих словах и поступках?

– Представительницы слабого пола не отличаются честностью и откровенностью.

– За что следует винить мужчин, – пошутила Алекс, ложась на спину и подкладывая руки под голову, чтобы получше разглядеть пушистые белые облака. – Мужчины не вынесли бы такого.

– Неужели? – парировал он, растягиваясь рядом.

Александра повернула к нему голову.

– Будь мы искренни и чистосердечны, не смогли бы убедить мужчин, что они умнее, сообразительнее и храбрее, чем мы, хотя, говоря по правде, вы берете верх над нами исключительно грубой силой, которая необходима лишь в тех случаях, когда нужно передвинуть или поднять тяжелые предметы.

– Александра, – прошептал он, медленно наклоняясь к ней, – берегись и подумай, стоит ли так ранить мужское самолюбие. Это заставляет мужчину доказывать свое превосходство старым как мир способом.

Слегка охрипший голос и красноречивый блеск глаз заставили сердце Алекс забиться сильнее. Она умирала от желания обнять его и притянуть к себе, но вместо этого дрожащим голосом пролепетала:

– И я ранила ваше самолюбие?

– Жестоко.

– По... потому что утверждаю, будто женщины сообразительнее, умнее и храбрее мужчин?

– Нет, – вздохнул он, почти касаясь ее губ улыбающимися губами, – потому что поймала большую рыбу, чем я. – И торопливо заглушил поцелуем ее испуганный смешок.

Чувствуя восхитительную истому и полное довольство жизнью, Джордан решил, однако, не спешить с любовными ласками и после долгого страстного поцелуя отстранился и лег на спину рядом с женой. Однако, успев заметить ее удивленный и чуточку разочарованный вид, лукаво усмехнулся.

– Позже, – пообещал он с ленивой улыбкой, окончательно смутившей Александру. Она вспыхнула и поспешно отвела глаза, но уже через несколько минут казалась полностью погруженной в созерцание неба.

– На что ты смотришь? – допытывался Джордан, пытаясь проследить за ее взглядом.

– На дракона.

Джордан недоуменно поднял брови, но она показала куда-то вдаль:

– Вот там, справа, облако. Что вы видите, когда смотрите на него?

– Огромное облако.

Александра театрально закатила глаза.

– А что еще? Джордан несколько мгновений смотрел на небо.

– Еще пять больших и три маленьких.

Александра разразилась смехом, перевернулась на бок и поцеловала его в губы, но когда он попытался прижать ее к себе, вырвалась и продолжила свое занятие.

– Неужели у вас нисколько нет воображения? – мягко упрекнула она. – Взгляните на эти облака – неужели они ни о чем вам не напоминают? Сказочном или реальном? Оскорбленный намеком на то, что у него может не оказаться воображения, Джордан прищурил глаза, всмотрелся и наконец различил... Ну да, конечно! Пушистый комок слева удивительно напоминал женскую грудь!

Но не успел Джордан удивиться столь неожиданному открытию, как Александра взволнованно спросила:

– Что вы видите?!

Джордан зашелся в беззвучном хохоте.

– Я еще думаю, – объяснил он, спеша отыскать другое облако, с более приемлемыми очертаниями. – Лебедь, – внезапно произнес он, совершенно потрясенный. – Я вижу лебедя!

Вскоре Джордан понял, что изучение постоянно меняющихся облаков оказалось весьма приятным времяпрепровождением, особенно когда твоя рука сжимает узкую ладошку, а к бедру прижимается теплое бедро. Однако несколько минут спустя ее близость и тонкий запах духов заставили Джордана забыть обо всем. Приподнявшись, он наклонился над ней и медленно завладел ее губами. Александра ответила с таким неподдельным пылом, что он почувствовал, как тает лед в сердце. Чуть отстранившись, он взглянул в прелестное лицо, покоренный ее нежностью и теплом.

– Я когда-нибудь говорил, как ты сладка?

И прежде чем она успела ответить, припал к ее рту голодным, жадным поцелуем.

Только в полдень они подъехали к конюшне. Не замечая бросаемых исподтишка взглядов Смарта и еще двух дюжин грумов и конюхов, жаждавших узнать, чем кончилась сегодняшняя прогулка, Александра положила руки на плечи Джордана и улыбнулась, ожидая, пока он обнимет ее за талию, чтобы снять с седла.

– Спасибо за чудесный день, – сказала она, когда он неспешно опустил ее на землю.

– Пожалуйста, – кивнул Джордан, не разжимая рук.

– Хотите повторить? – предложила она, имея в виду рыбную ловлю.

Но у Джордана, очевидно, на уме было совершенно другое.

– Снова, – пообещал он гортанно, – и снова... и снова...

На щеках Александры расцвели розы, но глаза лукаво блеснули.

– Я имела в виду рыбалку.

– А ты позволишь мне в следующий раз поймать большую рыбу?

– Ни за что! – объявила она. – Но готова подтвердить, если вы станете рассказывать всем, что случайно упустили кита.

Джордан запрокинул голову и громко расхохотался. Веселый смех эхом откликнулся в конюшне, где у окна рядом с молодым конюхом стоял Смарт, наблюдая за герцогом и герцогиней.

– Говорил же, она сумеет сделать это! – воскликнул Смарт, подмигивая и толкая локтем конюха. – Говорил тебе, она принесет в дом счастье!

Весело напевая, он поднял скребницу и стал чистить гнедого жеребца.

Кучер Джон, начищавший отделанную серебром сбрую, на секунду поднял глаза, чтобы проводить взглядом удалявшихся любовников, и, хотя тут же вернулся к своему занятию, стал что-то громко насвистывать.

Конюх отложил вилы и, посмотрев вслед хозяевам, последовал его примеру.

Джордан взял Александру под руку и уже направился было к дому, но резко остановился, заслышав странные звуки – конюшня, неизвестно почему, наполнилась нестройным неблагозвучным пением и свистом, причем слуги, невзирая на ужасающую какофонию, продолжали выполнять работу с удвоенной энергией.

– Что-то неладно? – осведомилась Александра, проследив за его взглядом.

Джордан недоуменно нахмурился, но тут же пожал плечами, не в силах точно объяснить, что именно привлекло его внимание.

– Нет, – ответил он, провожая жену к дому. – Но я почти весь день ленился, и завтра придется работать в два раза больше, чтобы нагнать упущенное.

Разочарованная, но все-таки не потерявшая решимости, Александра весело заметила:

– В таком случае я не буду пытаться соблазнить вас иными развлечениями, по крайней мере до послезавтра.

– О каких развлечениях идет речь? – с усмешкой поинтересовался Джордан.

– О пикнике.

– Думаю, для этого время у меня найдется.

– Садитесь, Фокс. Я освобожусь через несколько минут, – сказал

Джордан, не потрудившись поднять глаза от письма своего лондонского поверенного.

Ничуть не обескураженный невежливостью клиента, которую детектив справедливо относил за счет вполне понятной досады герцога, вынужденного подозревать ближайших родственников. Фокс, считавшийся для посторонних помощником управляющего, спокойно уселся перед массивным письменным столом.

Верный своему слову, Джордан вскоре отложил перо, откинулся на спинку стула и резко спросил:

– Ну, в чем дело?

– Ваша светлость, – бодро начал Фокс, – разве вы, передавая мне записку лорда Энтони, не упомянули о том, что запретили своей жене посещать его?

Так оно и было.

– И вы уверены, что она слышала и поняла вас правильно?

– Абсолютно уверен.

– Вы достаточно ясно дали ей понять?

– Надеюсь, что так, – с раздраженным вздохом процедил Джордан.

По лицу Фокса промелькнула мгновенная тень смущения и неловкости, но сыщик немедленно взял себя в руки и, не повышая голоса, бесстрастно объявил:

– Вчера, во второй половине дня, ваша жена появилась в конюшне и попросила запрячь лошадь в фаэтон. Она сказала моему подчиненному, Олсену, что собирается отправиться в коттедж одного из арендаторов и в его услугах нет необходимости. Как мы решили позавтракать ночью, узнав, что лорд Энтони неожиданно покинул Лондон, Олсен неотступно следовал за вашей женой, стараясь не попасться ей на глаза, чтобы, как было условлено, охранять ее и не вызвать при этом подозрений. – Помолчав немного, Фокс многозначительно продолжал:

– Ее светлость пробыла в коттедже совсем недолго, а оттуда отправилась напрямик в дом лорда Энтони. В свете того, что произошло, пока она была там, я нахожу этот факт весьма тревожным, если не сказать – подозрительным. Джордан злое сдвинул брови.

– Не понимаю, почему это вас тревожит? – уничтожающе бросил он. – Она ослушалась моих приказов, что должно, скорее, беспокоить меня. Это, однако, еще не причина подозревать ее в... – Он осекся, не в состоянии выговорить ужасное слово.

– Соучастии? – невозмутимо договорил Фокс. – Возможно, нет, по крайней мере пока. Мои люди, которые наблюдают за домом лорда Энтони,

утверждают, что его мать и брат оставались в комнатах. Но должен уведомить, что уже через четверть часа лорд Энтони и ваша жена покинули дом вместе и направились в сад, подальше от любопытных глаз. Они долго разговаривали, и хотя Олсен не смог подслушать, о чем шла речь, все-таки было ясно, что беседа носила весьма серьезный характер, судя по жестам и выражениям лиц. – Сыщик перевел взгляд с молчаливого Джордана на какую-то одному ему видимую точку на противоположной стене. – За время, проведенное в саду, они обнимались и целовались. Дважды.

Боль, подозрение и сомнения раскаленными кинжалами пронзили мозг и душу Джордана. Перед глазами стояла ужасная картина: Александра в объятиях Тони... их губы слились... руки...

– Но, насколько я могу судить, поцелуи не были продолжительными, – разорвал напряженную тишину голос Фокса.

Набрав в грудь побольше воздуха, чтобы немного успокоиться, Джордан на мгновение закрыл глаза и объявил уже совершенно другим тоном – ледяным, невозмутимо-убежденным, не допускающим возражений:

– Моя жена и кузен – родственники, более того, друзья, и поскольку ее светлость не знает, что его подозревают в неоднократных попытках убить меня и что ее жизни тоже может угрожать опасность от рук того же человека, следовательно, вне всякого сомнения, посчитала мое запрещение неразумным и несправедливым и поэтому не подумала подчиниться.

– Ее светлость намеренно пренебрегает вашими приказаниями, и вы не находите это... э-э-э... подозрительным? Или по крайней мере странным?

– Я нахожу это возмутительным, – с уничтожающим сарказмом процедил Джордан, – но ни в коем случае не подозрительным и тем более странным. Моя жена, черт возьми, с самого детства привыкла поступать как ей заблагорассудится! Весьма неприятная привычка, от которой я стараюсь ее избавить, но это еще не делает герцогиню добровольной пособницей убийцы.

Поняв, что спорить бесполезно, Фокс вежливо кивнул и, нерешительно встав, направился было к двери, но следующие слова заставили его застыть на месте.

– На будущее, Фокс, – сухо велел Джордан, – велите вашим людям держаться подальше, когда мы с женой отправляемся на прогулку. Я нанял их искать возможного преступника, а не шпионить за нами.

– Ш-шпионить за в-вами? – пролепетал окончательно сбитый с толку Фокс. Джордан коротко кивнул:

– По пути домой я видел в лесу двух ваших сыщиков. Они следили отнюдь не за появлением незнакомцев, а за моей женой. Избавьтесь от них.

– Должно быть, тут какая-то ошибка, ваша светлость. Мои люди – прекрасно обученные профессионалы и знают свое дело...

– Я сказал: избавьтесь от них!

– Как вам будет угодно, – поклонился Фокс.

– Кроме того, если ваши люди будут как следует выполнять свою работу, мы с женой сможем бродить по окрестностям, не боясь опасности. Я не собираюсь жертвовать своей свободой и день и ночь скрываться в доме. И, уж поверьте, сам сумею защитить жену.

– Ваша светлость, – начал Фокс, умиротворяющим жестом протягивая руки, – по многолетнему опыту я знаю, что подобные ситуации весьма, мягко говоря, мучительны, особенно для человека вашего положения. Но я пренебрег бы своим долгом, если бы не напомнил, что ни на чем не основанное решение лорда Таунсенда покинуть столицу в самый разгар сезона делает его главным подозреваемым. Кроме того, я и мои люди стараемся лишь охранять вашу жену...

– За что я и плачу вам целое состояние, – язвительно напомнил Джордан. – Следовательно, не мешало бы вам все-таки делать по-моему!

Фокс, давно привыкший к несправедливым претензиям и нападкам знати, смиренно кивнул:

– Постараемся, ваша светлость.

– И я не потерплю никаких беспочвенных обвинений адрес моей жены.

Фокс снова поклонился и вышел. Но едва двери кабинета затворились за ним, полнейшая уверенность в собственной правоте медленно покинула Джордана. Сунув руки в карманы, он прислонился головой к спинке стула и прикрыл глаза, безуспешно пытаясь выкинуть из памяти слова сыщика, сотнями назойливых молоточков стучавшие в мозг:

«Ни на чем не основанное решение лорда Таунсенда делает его главным подозреваемым... Ваша жена и лорд Таунсенд отправились на прогулку... Серьезный разговор... они обнимались и целовались... Я нахожу их действия подозрительными...» Безмолвный протестующий вопль заглушил слова сыщика. Джордан дернулся и тряхнул головой. Это чистое безумие. Достаточно тяжело смириться с тем, что Тони, которого он любил как брата, вероятно, замышляет его убить. Но Джордан ни на секунду не позволит себе посчитать, будто Алекс тоже предает его. Эта искренняя, полная жизни чаровница, которая сегодня поддразнивала его, шутила и судорожно прижимала к себе, когда он любил ее... там... на

берегу... просто не может, не может желать Тони. Сама мысль была безумной! Непристойной! Он отказывался верить этому.

Потому что не вынесет, если это окажется правдой. Джордан тяжело, прерывисто вздохнул. Приходилось признать: Александра похитила его сердце с той минуты, когда впервые ворвалась в его жизнь. Еще девочкой она сумела завоевать его восхищение и очаровать. Но, став женщиной, манила, дарила наслаждение, бесила, завлекала и интриговала. И что бы ни делала, ее улыбка согревала душу, прикосновение зажигало огонь в крови, а мелодичный смех прогонял тоску и боль.

Даже сейчас, мучимый ревностью и снедаемый сомнениями, Джордан улыбнулся, вспомнив, какой она была сегодня утром – юбки подоткнуты, длинные голые ноги едва не касаются воды, солнце играет в волосах.

В бальном туалете она была элегантна и безмятежна, как богиня, в постели – соблазнительна и неукротима, словно волшебница из неведомой страны, но, даже сидя под деревом на одеяле, все-таки неизменно выглядела истинной герцогиней.

«Герцогиня-босоножка. Моя герцогиня-босоножка», – ревниво поправился Джордан. Она принадлежит ему перед Богом и людьми.

Джордан снова взял перо и постарался погрузиться в работу и выбросить из головы все лишнее. Но впервые в жизни не сумел этого сделать. Как забыть, что Александра не призналась, где была вчера?

Глава 27

Солнечные лучи вливались сквозь единственное узкое окно аскетически обставленной комнатки, где когда-то Джордан из-под палки усваивал уроки. Приглаживая выбившиеся из пучка прядки, Александра изучала названия книг, расставленных в низких шкафах по всей длине стены, в поисках азбуки, по которой можно было бы учить читать детей, которые скоро соберутся в коттедже егеря.

Благоговейный восторг наполнял ее сердце при виде заглавий толстых, переплетенных в кожу томов. Только сейчас Александра стала осознавать диапазон и глубину знаний, которыми обладал Джордан. Здесь хранились труды Платона, Сократа, Плутарха и других, менее известных философов, чьи имена она с трудом припоминала. Целые полки занимали руководства по архитектуре и по каждому периоду европейской истории, биографии королей и правителей всех государств Европы, написанные не только ко на английском, но и на латинском, французском и греческом. Должно быть, особенно интересовала Джордана математика – названия некоторых трактатов так и остались не вполне понятными. Работы по географии, написанные знаменитыми путешественниками, сведения о древних культурах... Каждый предмет, о котором когда-либо упоминал дедушка, был представлен здесь в полном объеме.

Слегка улыбаясь, Александра добралась до последнего шкафа и там наконец обнаружила то, что искала, – несколько букварей. Она выбрала два, по ее мнению, наиболее подходящих для начала, и, прихватив грифельную доску, медленно пошла к двери, ощущая ту же странную смесь сентиментальности и уныния, испытанную полтора года назад, когда она впервые переступила порог классной комнаты.

Как у него хватило сил провести столько лет в этом тоскливом месте? Сама она занималась в солнечной комнате или во дворе, под голубым небом... и наставником ее был человек, находивший в знаниях восторг и покой, человек, сумевший передать внучке ту же радость бытия.

Остановившись у маленькой парты, Александра долго смотрела на вырезанные на крышке инициалы и наконец любовно обвела буквы кончиком пальца.

Тогда, в первый раз, она была уверена, что Джордан мертв, и сейчас еще отчетливо помнила мучительную тоску и одиночество, терзавшие ее в тот день и последующие месяцы. Но теперь он вернулся и работает внизу,

живой, здоровый, энергичный... и такой красивый. Господь внял ее молитвам и осуществил мечты. И это знание неожиданно затопило ее ослепительным счастьем и глубокой благодарностью. Бог послал ей Джордана и даже помог немного понять этого нежного, властного, мягкого, проникательного, а иногда циничного и жестокого человека. Ее мужа.

Погруженная в свои мысли, Александра медленно переступила порог, но, когда дверь за ней захлопнулась, в комнате что-то с громким стуком упало и покатилося по полу. Александра снова приоткрыла дверь, недоуменно оглядела комнату и в ужасе отпрянула при виде толстой лакированной трости, которой безымянный наставник так часто «воспитывал» Джордана. Глаза Алекс вспыхнули. В эту минуту она была готова убить человека, Способного столь бесчеловечно издеваться над ребенком!

Подобрав трость, она вышла в коридор и сунула орудие наказания первому попавшемуся слуге.

– Немедленно сожгите это, – коротко приказала она. Стоя у окна кабинета, Джордан наблюдал за Александрой, которая направлялась к конюшне с книгой в руках. Почти непреодолимый порыв окликнуть жену и предложить провести день на воздухе едва не сорвал его с места. Он уже скучал по ней.

Два часа спустя Адамс, совершенно сбитый с толку секретарь его светлости, позванный в кабинет для обычного ежедневного составления писем под диктовку, сидел с пером наготове, спеша поскорее закончить послание к сэру Джорджу Бентли. Однако на самой середине его светлость почему-то прекратил диктовать и замер, уставившись в окно. Не понимая причин столь непривычной рассеянности, Адамс нерешительно откашлялся, гадая, уж не собирается ли герцог просто отпустить его на сегодня, но в этот момент Джордан с усилием оторвался от пристального изучения облаков и смущенно выпрямился:

– На чем мы остановились?

– Письмо сэру Джорджу, – почтительно подсказал Адамс. – Вы давали указания, как лучше использовать доходы от последнего путешествия «Ситадел».

– Да, конечно, – вспомнил Джордан, снова устремив взгляд в окно. Облако в форме колесницы сместилось и сейчас напоминало огромную чайку. – Прикажи ему поменять такелаж на «Си Галл»... то есть «Вэлкири», – поправился Джордан, – и готовить ее к плаванию.

– «Вэлкири», ваша светлость? – опешил Адамс.

Герцог неохотно повернулся к сконфуженному секретарю:

– Разве я что-то не так сказал?

– Да нет... Просто в предыдущем абзаце вы просили сэра Джорджа подготовить «Фо Уиндз»...

К полнейшему удивлению Адамса, лицо хозяина приняло выражение, могущее быть названным лишь крайним смущением. Швырнув на стол документы, герцог коротко велел:

– На сегодня достаточно, Адамс. Продолжим, как обычно, завтра днем.

Пока секретарь втайне удивлялся, какое печальное или важное событие заставило хозяина второй раз за восемь лет отменить встречу (первый раз это случилось, когда пришло известие о смерти дядюшки герцога), его светлость невозмутимо поправился:

– Нет, только не завтра.

Адамс, уже на полпути к двери, обернулся и с ужасом уставился на герцога, отказываясь понимать, почему тот пренебрегает весьма неотложными делами.

– Завтра у меня не будет времени, – спокойно пояснил его светлость. – Пикник.

Безуспешно стараясь не выдать бушевавших его чувств.

Адамс кивнул, поклонился и торопливо вышел, спотыкаясь о стулья.

Твердя себе, что он попросту устал и слишком долго сидел в душной комнате, Джордан вышел из дома и направился к конюшне. Но когда навстречу выбежал Смарт и осведомился, не желает ли его светлость приказать оседлать коня, Джордан мгновенно передумал и пошел по тропинке, ведущей к коттеджу одного из егерей на опушке леса, где, по словам Александры, и проходили уроки.

Несколько минут спустя до него донеслось пение, и Джордан, поднимаясь на крыльцо, улыбнулся, сообразив, что таким образом Алекс учила детей азбуке, – каждый куплет начинался с очередной буквы алфавита.

Джордан незамеченным остановился у порога, Прислушиваясь к звукам мелодичного голоса жены. и потрясенно оглянулся. На полу расселись и увлеченно пели не только ребятишки всех возрастов, но и несколько взрослых. Джордан узнал жен своих арендаторов и деда старшего управляющего. Остальные были ему незнакомы.

Однако его все-таки заметили, и постепенно голоса смолкли. Дружное пение расстроилось – старшие дети, очевидно, велели младшим замолчать. Неверно поняв причину неожиданной тишины, Александра склонила голову набок и сочувственно улыбнулась:

– Довольно на сегодня? В таком случае до пятницы. И вот вам изречение, которое следует запомнить: «Все люди равны. Разница не в рождении, а в добродетелях, которыми наделила их природа».

Она пошла к дверям, намереваясь проводить учеников, и, лишь столкнувшись с Джорданом, подняла голову.

– Что за странные высказывания? – смеясь, упрекнул он жену, не обращая внимания на окружающих, глазевших на супругов в благоговейном страхе. – Подобные подстрекательские цитаты могут привести к мятежу!

Он посторонился, и ученики, верно истолковав его движение как позволение расходиться, поспешно вскочили и потянулись к двери.

– Они слова вам не сказали, – удивилась Александра, глядя, как обычно дружелюбные, жизнерадостные ученики виновато пробегают мимо и скрываются в лесу.

– Потому что я слова им не сказал, – с полнейшим равнодушием объяснил Джордан.

– Но отчего же? – нерешительно спросила Александра; удовольствие от его неожиданного прихода почти затмило смущение и робость.

– В отличие от многих землевладельцев мои предки никогда не были в дружеских отношениях со своими арендаторами, – пожав плечами, ответил Джордан.

Перед ее мысленным взором снова всплыло видение: маленький одинокий мальчик, которому запрещено с обитателями поместья. Глаза разговаривать Александры наполнились слезами нежности. Сгорая от желания обрушить на него всю любовь, накопившуюся в сердце, она взяла мужа под руку и прошептала:

– Не ожидала увидеть вас сегодня днем. Что привело вас сюда?

«Мне не хватало тебя», – подумал он, но вслух солгал:

– Я рано закончил работу. – И, сжав ее ладонь, Джордан повел жену по переднему газону в беседку на дальнем берегу озера.

– Это мое любимое место в Хоторне, – признался он, прислонясь к одной из белых колонн, поддерживавших крышу беседки, и рассеянно оглядывая лес и озеро, безразличный к посаженным ею на поляне цветам.

– Думаю, если пересчитать все часы, проведенные мной здесь в детстве и юности, они сложатся в годы.

Радостно взволнованная оттого, что муж наконец-то готов открыть ей сердце, Александра улыбнулась.

– Это место стало и моим любимым. Что вы делали, когда бывали здесь? – спросила она, вспоминая собственные фантазии и грезы о счастье

с Джорданом, яркие и безнадежные, похожие на сны, которые она придумывала, сидя на цветных подушках в беседке.

– Учился. Мне не очень нравилась классная комната.

Да и гувернер тоже.

Улыбка Александры померкла при мысли о красивом одиноком мальчишке, вынужденном стараться во всем превзойти своих сверстников.

Джордан заметил сиявшую в ее глазах нежность и усмехнулся, совершенно не подозревая, почему ее отношение к нему так разительно изменилось.

– А что делала ты?

Александра неловко пожала плечами:

– По большей части мечтала.

– О чем?

Уже не помню.

К счастью, Джордан избавил ее от необходимости отвечать. Повернувшись лицом к лесу, он недоуменно нахмурился.

– Что это? – удивился он и, выпрямившись, зашагал к поляне, в середине которой возвышалась мраморная пирамида с высеченными на ней словами:

Джордан Эддисон Мэттью Таунсенд Двенадцатый герцог Хоторн
Родился 27 июня 1786 года Умер 16 апреля 1814 года
Джордан, очевидно, не поверил собственным глазам и с видом неопишуемого, почти комического отвращения осведомился у Александры:

– Энтони засунул меня сюда, в самую глушь? Неужели я, по его мнению, не заслужил даже места на семейном кладбище?!

Александра невольно хмыкнула, удивляясь столь забавной реакции на свою предполагаемую гибель, увековеченную в мраморе.

– Там тоже стоит памятник. Но я... мы посчитали, что это такое чудесное место... и решили поставить небольшой знак в память о вас.

Она помолчала, не зная, заметил ли Джордан, что полянка расчищена и вокруг высажены цветы, но, не дождавшись ответа, весело добавила:

– Вы не замечаете здесь никаких перемен? Джордан огляделся, равнодушный к безмятежной красоте, созданной руками Александры.

– Нет. А разве что-то изменилось?

Александра закатила глаза в притворном отчаянии:

– Ну как вам не стыдно! Не обратить внимания на такой чудесный цветник!

– Цветник! – воскликнул он без особенного интереса. – Да, теперь я вижу.

Он отвернулся, но Александра не желала сдаваться:

– Вы хорошо разглядели? Скажите, не оборачиваясь, какого они цвета. Джордан насмешливо покачал головой и, взяв ее под руку, повел к дому.

– Желтые? – немного подумав, объявил он.

– Розовые и белые.

– Почти угадал, – пошутил Джордан. Но по пути домой почему-то впервые заметил, что розы, обильно цветущие на ухоженных клумбах, разделены по оттенкам и нежно-розовые напоминают о губах Александры. Слегка смущенный столь не присущей ему чувствительностью, которую она пробуждала в нем, Джордан посмотрел на ее склоненную головку. Однако следующая мысль оказалась еще более постыдно-сентиментальной: до его дня рождения осталось меньше недели. Интересно, обратила ли она внимание на дату, когда они стояли у плиты?

Видение Александры, которая будит его поцелуем и поздравляет с днем рождения, согрело сердце Джордана, и ему неожиданно страстно захотелось, чтобы она запомнила число и хоть каким-нибудь пустяком дала знать, что он ей небезразличен.

– Я старею, – осторожно заметил он.

– Угу, – рассеянно согласилась Александра, в свою очередь настолько увлеченная ослепительно прекрасной, неотразимо манящей идеей, что буквально горела желанием поскорее все обдумать и привести план в исполнение.

Очевидно, понял Джордан с разочарованным вздохом, она знать не знает и совершенно не интересуется, когда у него день рождения, а он со своими намеками выглядит зеленым, потерявшим голову юнцом, жаждущим получить доказательство любви от предмета страсти.

Как только они вошли в переднюю, Джордан сразу направился в кабинет, намереваясь вызвать управляющего, но Александра остановила его:

– Милорд!

– Джордан, – коротко поправил он.

– Джордан, – повторила она, улыбаясь так чарующе, что ему захотелось сжать ее в объятиях, – вы не забыли о завтрашнем пикнике на берегу ручья?

Дождавшись, пока он кивнул, Алекс добавила:

– Мне нужно сделать несколько визитов: миссис Литл, жена егеря, недавно родила мальчика, и я должна принести ей подарок. Кроме нее, есть и другие. Не лучше ли нам встретиться у реки?

– Прекрасно.

Встревоженный и раздраженный постоянно растущим желанием быть рядом с женой, Джордан намеренно не присоединился к ней за ужином и не пришел в ее спальню ночью. Вместо этого он лежал в своей огромной постели, подложив руки под голову, глядя в потолок и вынуждая себя оставаться на месте. Он не спал до самого рассвета, мысленно переделывая покои Александры.

Нужно, чтобы у нее была просторная, отделанная мрамором ванная комната, великодушно решил он. И гардеробная очень скромна, она должна быть куда больше. Конечно, если осуществить все это, места для кровати в спальне не останется.

Слабая, но удовлетворенная улыбка заиграла на губах Джордана, и он наконец закрыл глаза. Он позволит ей спать в его постели! В конце концов, никакая жертва во имя прогресса не может быть слишком велика!

Глава 28

Сердце Александры пело от счастья. Ей все-таки удалось осуществить часть своих замыслов, и всего за одно утро!

Она въехала на поляну и спешила. Джордан стоял на берегу реки и, очевидно, в глубокой задумчивости смотрел на воду. Она, однако, не чувствовала ни тревоги, ни угрызений совести по поводу того, что вновь послушалась мужа и поехала к Тони. Джордан, конечно, не будет возражать, когда узнает все!

Бесшумно ступая во высокой траве, она нерешительно подошла к мужу. Радость боролась в ней со смущением – ведь Джордан не проявил ни малейшего желания увидеть ее вчера. Почему-то уверенная, что он охладел к ней именно в ту минуту, когда они возвращались с прогулки, Алекс поколебалась, но тут же презрела благоразумие. Она любит Джордана и намерена научить его любить и смеяться – искренне, всей душой!

Женщина приблизилась к мужу, встала на носочки и закрыла ему руками глаза. Однако Джордан, видимо, услышал ее шаги, потому что не испугался и даже не пошевелился.

– Ты опоздала, – шутливо упрекнул он.

– Быстро, – потребовала Александра, – скажите, какие цветы растут на том холме, куда вы смотрели?

– Желтые, – немедленно объявил он.

– Белые, – вздохнула она, отнимая руки.

– Я буду твердить одно и то же и в конце концов обязательно угадаю, – сухо пообещал он.

Александра в деланном отчаянии покачала головой и направилась к расстеленному на берегу одеялу.

– Вы самый бесчувственный человек на свете! – заявила она.

– Это правда? – вскинулся Джордан, сжимая ее плечи и притягивая к себе. Горячее дыхание опалило ее висок. – И ты действительно считаешь меня холодным, Александра? Александра напряглась, остро сознавая неотразимо чувственное притяжение этого сильного тела.

– Нет, совсем нет, – дрожащим голосом выговорила она, страшась постыдного желания обнять его и спросить, почему он не пришел прошлой ночью. Из всех сил стараясь подавить непрощенное вожделение, она встала на колени и быстро принялась вынимать провизию из корзинок.

– Ты так голодна? – поддразнил он, садясь рядом.

– Ужасно, – солгала Александра, понимая, сейчас он ее поцелует, и стараясь взять себя в руки. Одно дело – весело пререкаться с ним и пытаться установить что-то вроде взаимного понимания; это вполне позволительно. Но ни в коем случае нельзя дать ему понять, что она готова упасть в его объятия, едва он захочет поцеловать ее. Кроме того, она имеет полное право обижаться – вчера вечером он совсем о ней забыл!

И Александра продолжала так старательно расставлять посуду, словно от этого зависела ее жизнь.

Как только она наклонилась, чтобы расправить белоснежные салфетки, Джордан осторожно отвел с ее щеки густую прядку.

– У тебя великолепные волосы, – пробормотал он бархатистым шепотом, от которого по спине Алекс пробежал неудержимый озноб. – Сверкают на солнце, как темный мед, а кожа... мягкая, словно персик.

– Очевидно, не только я голодна, – отделалась шуткой Александра.

Джордан улыбнулся ее уклончивости и медленно провел кончиками пальцев по щеке и обнаженной руке.

– Неужели никто из арендаторов ничем тебя не угостил?

– Миссис Скотсуорт предложила, но в гости как раз пришла ее сестра, миссис Тилберри, и сидела в той части дома, которую они используют как кухню, поэтому я отказалась, – объяснила Александра, брезгливо сморщив хорошенький носик при мысли о злобной миссис Тилберри, немилосердно издевавшейся над своей родственницей даже в присутствии Александры.

Джордан сжал пальцы жены, отвлекая ее внимание от очередной салфетки, которую та сосредоточенно складывала, и в конце концов ей не осталось ничего иного, кроме как повернуться и взглянуть ему в глаза.

– А что делала миссис Тилберри в кухне миссис Скотсуорт? – пробормотал он, наклоня голову.

– Читала заклинания и размахивала палкой над горшком, – неверным голосом поддразнила Алекс.

– Читала закли...

Джордан разразился громким смехом, схватил ее за плечи и пугающе быстрым движением уложил на спину, а сам наклонился над ней.

– Если в округе и есть ведьма, способная заколдовать кого угодно, так это ты, – хрипло хмыкнул он.

Зачарованная его пристальным взглядом, Александра страстно желала его поцелуя и одновременно страшилась легкости, с которой была готова отдаться ему по первому зову. Она быстро повернула голову, так что губы Джордана лишь скользнули по щеке, но он, ничуть не удрученный, неспешно прикусил чувствительную мочку уха. Его язык внезапно проник

в розовую раковинку, и Александра дернулась, как от удара молнии.

– Я... голодна, – с отчаянием объявила она.

– Я тоже, – многозначительно кивнул он, и сердце Александры забилося, словно пойманная птичка.

Джордан поднял голову и взглянул в затуманенные аквамариновые глаза.

– Обними меня.

– Может... после обеда... когда у меня прибавится сил? – заикнулась Алекс, зачарованно наблюдая, как твердые мужские губы выговорили неумолимое «сейчас».

Прерывисто вздохнув, Александра приподнялась и обвила руками его широкие плечи. Пальцы бессознательно сжались, притягивая его ближе, но тут Алекс внезапно замерла, потрясенная силой собственного желания.

– Сейчас, – гортанным шепотом повторил Джордан.

Боже, его губы совсем близко!

– Не... не хотите ли бокал вина?

– Сейчас.

С тихим стоном покорности и отчаяния Александра обхватила его за шею и прижалась губами к губам. Сначала поцелуй был нерешительным, нежным приветствием любовников, но чем дольше он длился, тем исступленнее становился и тем теснее они льнули друг к другу. Язык Джордана осторожно раскрыл ее губы, скользнул между ними и устремился назад... потом жадно, быстро коснулся ее языка. Жаркое желание вспыхнуло, точно сухой порох.

Он рывком распахнул ее платье, спустил с плеч сорочку, обнажая груди. Горячая ладонь сжала нежный холмик, большой палец обводил напряженный сосок, на глазах превращавшийся в тугой бутон. Наконец он с намеренно мучительной медлительностью снова наклонил голову и припал ртом к упруго-податливой плоти. Язык и губы играли с твердой пуговкой, пока Александра не охнула от наслаждения, и тогда Джордан припал к другой груди.

Страсть бушевала в Александре, сводя ее с ума. Она не могла дожждаться, когда он разденет ее и сбросит свою одежду. Прошло несколько бесконечно томительных минут, прежде чем Джордан наконец растянулся рядом.

– Я не могу насытиться тобой, – прошептал он запинаясь, сверкая расплавленным серебром глаз. Его пальцы запутались в треугольнике каштановых волос внизу живота Алекс. Не отводя взгляда от жены, он раздвинул ее бедра, терзая ее упоительными ласками, окунаясь во влажное

тепло, и Александра, ощущая, как кружится голова, беспомощно извивалась под ним, выгибая спину и приподнимая бедра. Но Джордан не останавливался. Жаркие судорожные волны пробежали по ее телу, и Алекс, не выдержав, громко застонала, прижимаясь к нему. Его пальцы стали еще настойчивее, и еще один тихий стон сорвался с ее уст.

– Знаю, дорогая, – задыхаясь, прошептал он. – Я тоже тебя хочу.

Джордан так стремился, чтобы она, как позапрошлой ночью, несколько раз познала ослепительное блаженство, прежде чем он найдет собственное удовлетворение... но жена заставила его забыть об этом. Чуть отстранившись, она нежно погладила его по голове и едва слышно пробормотала:

– Так одиноко, когда ты не во мне...

Джордан мгновенно забыл о благих намерениях. По-прежнему лежа на боку, он сжал Александру в объятиях, притянул к себе и вошел в нее одним уверенным мощным рывком. Александра с отчаянной силой прильнула к нему, и Джордан, стиснув ее ягодицы, стал медленно входить в шелковисто-влажную плоть, стремясь с каждым движением проникнуть все глубже и подарить ей небывалое наслаждение. Александра, в том же исступленном стремлении довести его до вершин блаженства, выгибалась, отвечая на каждое его движение.

«Я люблю тебя, – думал он, охваченный чувственным безумием. – Я люблю тебя! – твердило его сердце каждым громовым ударом. – Я люблю тебя! – кричала его душа, когда Александра забилась в конвульсиях, сжимающих его напряженную плоть. – Я люблю тебя!»

Слова взорвались в мозгу, во всем его существе, как только он ворвался в нее последний раз, изливая всю жизнь, будущее, разочарование и крушение иллюзий прошлого в ее нежные глубины. Когда все кончилось, он еще долго не отпускал ее, исполненный почти непереносимой радости, и глядел на пушистые белые облака, плывущие по голубому небу. Теперь все они имели свою форму и значение, превратились в причудливые, замысловатые скульптуры, созданные прихотливой природой. В точности как его жизнь, которая отныне приобрела новый смысл.

Спустя целую вечность Александра пришла в себя и поняла, что лежит на боку, припав к его обнаженному телу. Одна рука Джордана медленно гладила ее голую спину, другая утонула в волосах. Александра с усилием приподняла голову, открыла затуманенные глаза и, встретившись с его понимающим взглядом, покраснела. На губах Джордана играла легкая удовлетворенная улыбка. Какой позор! Она вела себя как бесстыжая распутница, да еще среди бела дня.

Потрясенная его способностью разрушать все воздвигнутые ею барьеры, она отстранилась и тихо прошептала:

– Я голодна.

– Подожди еще несколько минут, и я смогу восстановить силы, – насмешливо пообещал он, намеренно неверно истолковав ее жалобу.

– Я есть хочу! – негодуя охнула она.

– А, это, – небрежно отмахнулся Джордан, однако все же встал и вежливо отвернулся, пока оба одевались. – У тебя травинки в волосах, – хмыкнул он, вынимая зеленые стебельки из роскошной гривы темно-каштановых волос.

Вместо того чтобы ответить улыбкой или остротой, Александра прикусила губу и, отведя взгляд, принялась распаковывать корзинки.

Поняв наконец ее невысказанное желание остаться ненадолго одной, Джордан направился к берегу, поставил ногу на булыжник и постоял несколько минут, глядя вдаль. Цветы на холме – неожиданно заметил он с ослепительной ясностью – действительно белые: веселый узорчатый белоснежный ковер на темной зелени.

Когда он вернулся, Александра подняла хрустальный Графин.

– Не хотите немного вина? – с исключительной любезностью, присущей очень смущенным людям, осведомилась она. – Особый сорт, который вы всегда пьете... его обычно наливают в этот графин.

Джордан нагнулся, взял бокал из ее протянутой руки, однако тут же отставил его и взглянул в ее глаза.

– Алекс, – мягко сказал он, – в том, что только сейчас произошло между нами, нет ничего аморального, постыдного и отвратительного.

Александра поежилась и неловко огляделась.

– Но сейчас совсем светло.

– Я объяснил слугам, что мы хотим побыть наедине, и приказал, чтобы нас никто не беспокоил. Щеки Алекс вспыхнули.

– И вне всякого сомнения, все поняли почему. Усевшись рядом, Джордан обнял ее за плечи и улыбнулся.

– Вне всякого сомнения, – согласился он без тени стыда. – В конце концов, без этого на свет не могут появиться наследники.

К удивлению Джордана, лицо Александры вытянулось, но она мгновенно спрятала его у него на груди, вздрагивая от смеха.

– Я сказал что-то забавное? – осведомился Джордан, пытаясь понять, в чем дело.

– Нет, – глухо пробормотала Александра, по-прежнему не поднимая головы. – Я... я вспомнила то, что когда-то говорила мне Мэри Эллен...

открыла, как делаются дети... Это было так невероятно, что я не поверила.

– И что же она тебе сказала?

Александра едва нашла в себе силы обратить к нему смеющееся лицо.

– Правду! – выдохнула она.

Дружный смех зазвенел в долине, вспугивая сидевших на ветвях птиц.

– У вас достаточно портвейна или хотите еще? – спросила Александра после обеда. Джордан потянулся к пустому бокалу, который случайно перевернул.

– Нет, – отказался он с ленивой белозубой улыбкой, – но мне нравится, когда ты за мной ухаживаешь. Александра, чуть покраснев, тихо призналась:

– И мне тоже.

В экипаже, по пути домой, Александра не могла забыть о буре страсти, которую пережила в этот солнечный день, о нежности, оставшейся в их сердцах.

– Коснись меня, – попросил он, – Мне так хорошо, когда ты касаешься меня. Неужели Джордан хочет, чтобы она дотрагивалась до него, когда они не лежат, вместе... именно так, как некоторые жены иногда дотрагиваются до рукава мужа во время разговора? Эта мысль показалась ей неотразимо привлекательной, однако Александра сжималась, стоило ей представить, что он может посчитать ее навязчивой девчонкой.

Она исподтишка бросила на него осторожный взгляд, гадая, что он сделает, если она... как бы между прочим прислонится головой к его плечу. Кроме того, всегда можно притвориться, будто она дремлет.

Зайдя так далеко в своем воображении, Александра решила попытаться и посмотреть, что из этого выйдет. С сильно забившимся сердцем она прикрыла глаза и слегка прислонилась головой к его плечу. Она впервые по доброй воле пожелала быть поближе к нему и по тому, как быстро Джордан повернул голову, поняла, что тот удивлен ее жестом. Однако Алекс все-таки не знала, что он подумал о ней.

– Хочешь спать? – спросил он. Александра открыла рот, чтобы спасти остатки гордости и сказать «да», но в этот момент Джордан обнял ее за плечи.

– Нет, – вместо этого призналась она и почувствовала, как напряглось его тело. Кажется, он понял: она только что попробовала на свой лад сказать ему, что больше не противится их близости.

Александра задыхнулась, боясь представить, что будет дальше. Долго ждать не пришлось. Ладонь Джордана чуть коснулась ее лица, пальцы нежно ласкали щеку. Он прижал ее к себе и стал медленно гладить по

волосам.

Когда Александра проснулась, они подъезжали к конюшне, и Джордан осторожно поднял ее с сиденья. Не обращая внимания на исполненные живейшего любопытства взгляды слуг, он поставил ее на землю и улыбнулся.

– Я утомил тебя, любимая? – спросил он и хрипловато хмыкнул, когда она покраснела.

Рука об руку они направились к дому. Позади один грум фальшиво замурлыкал что-то, другой засвистел, а Смарт во все горло запел непристойные куплеты. Джордан обернулся и в упор уставился на слуг. Под его пронизывающим взглядом веселье мгновенно угасло. Смарт ухватился за поводья и повел лошадь в конюшню; грум схватил вилы и энергично вонзил их в охапку сена.

– Что-то случилось? – встревожилась Александра.

– Должно быть, я плачу им слишком много, – недоумевающе пошутил Джордан. – Уж слишком они жизнерадостны.

– По крайней мере вы наконец заметили, что воздух наполнен музыкой, – с непочтительной улыбкой объявила жена.

– Мегера, – усмехнулся он, но улыбка тут же померкла. Глядя в ее прекрасное лицо, он спокойно подумал: «Я люблю тебя».

Слова жгли сердце, рвались из горла. Джордан знал: она хочет их услышать.

Джордан не мог оторвать от нее глаз, словно глядевших в душу. Он скажет ей сегодня. Когда они останутся одни, будут лежать вместе, в его постели, он скажет ей то, чего никогда и никому не говорил раньше. Она останется. Останется навсегда. Он знал это так же точно, как то, что прелестная, чарующая, обольстительная красавица любит его.

– О чем вы думаете? – тихо спросила она.

– Вечером скажу, – пообещал Джордан и, обняв ее за талию, привлек к себе.

Они пошли к дому, двое влюбленных, которые провели вместе чудесный, безмятежный день, запомнившийся им на всю жизнь.

Проходя через широкую, увитую розами арку у входа в сад, Джордан покаянно улыбнулся и покачал головой. Только сейчас он впервые в жизни понял, что бутоны и лепестки буйно цветущих роз – красные. Глубокого, насыщенного, изумительно красного цвета.

Глава 29

Не в силах расстаться с женой, Джордан поднялся с ней наверх, в ее спальню.

– Надеюсь, тебе понравился наш пикник, принцесса? – спросил он.

Глаза Александры сверкнули ярче драгоценных камней.

– Очень.

Он поцеловал ее и, пытаясь найти предлог задержаться еще ненадолго, медленно обошел комнату. Заметив на туалетном столике бархатный футляр с часами ее деда, Джордан остановился и принялся их рассматривать.

– У тебя есть портрет деда? – лениво спросил он, взяв часы.

– Нет. Это единственное, что осталось от него. Когда я смотрю на них, всегда вспоминаю лицо дедушки.

– Прекрасная работа, – заметил Джордан.

– И дедушка был необыкновенным человеком, – заметила Александра вежливым тоном, противоречившим тайной улыбке в ее глазах, исподтишка изучавших гордый профиль мужа.

Однако Джордан, ничего не замечая, продолжал разглядывать часы. Всего несколько месяцев назад он принял их как нечто должное. Теперь же больше всего на свете хотел вновь получить этот скромный дар. Хотел, чтобы Александра снова отдала ему часы. Хотел, чтобы она смотрела на него, как когда-то, – с любовью и восхищением. Хотел, чтобы посчитала его достойным памяти дедушки.

– Это подарок шотландского графа, восхищавшегося познаниями дедушки в философии, – тихо напомнила Алекс.

Джордан положил часы на место и отвернулся. Вновь завоевать ее доверие не так просто, но когда-нибудь Александра все-таки поймет, что он больше никогда ее не предаст. С другой стороны, кто знает, возможно, она решит подарить ему часы на день рождения, если, конечно, вспомнит, что через четыре дня он станет на год старше. – Прекрасная работа, – повторил Джордан. – К несчастью, время летит слишком быстро. Не успеешь опомниться, как год уже прошел. Грустно... Но не стоит об этом, дорогая. Поужинаем вместе? Я спущусь в гостиную к половине девятого.

Джордан наклонился поближе к зеркалу, проверяя, хорошо ли выбрит. Ему не терпелось поскорее увидеть Александру, и, заранее радуясь встрече, он широко улыбнулся камердинеру и, что бывало весьма редко, даже

соизволил пошутить:

– Ну что, Мэтисон, как вы думаете, не испортит моя физиономия аппетит леди?

Бедняга Мэтисон, терпеливо стоявший за спиной герцога с безупречно сшитым черным фраком наготове, был настолько потрясен необычайно игривым настроением своего обычно сдержанного хозяина, что дважды откашлялся, прежде чем пролепетать:

– Осмелюсь сказать, ее светлость – дама исключительно утонченного вкуса и не может не восхититься вашей внешностью сегодня вечером!

Губы Джордана дрогнули при воспоминании об «утонченной» молодой жене, устроившейся на ветке с удочкой в руках.

– Скажите, Мэтисон, – поинтересовался Джордан, натягивая фрак, – какого цвета розы на садовой арке?

Окончательно растерявшись от столь резкой смены темы Мэтисон тупо повторил:

– Розы, ваша светлость? Какие розы?

– Вам просто необходимо жениться, – заметил Джордан, наградив ошалевшего слугу братским хлопком по плечу. – Вам приходится куда хуже, чем мне. По крайней мере я знаю, какого цвета...

Он осекся от неожиданности – в дверь громко заколотили, и послышались вопли, очевидно, весьма взволнованного Хиггинса:

– Ваша светлость! Ваша светлость!

Жестом отпустив Мэтисона, Джордан устремился к выходу, распахнул дверь и рассерженно уставился на запыхавшегося дворецкого:

– Какого дьявола вы так вопите?

– Это... это Нордстром... лакей, ваша светлость, – прерывающимся голосом произнес Хиггинс и – о чудеса! – осмелился потянуть Джордана за рукав!

Вытащив его в коридор, дворецкий бессвязно забормотал:

– Я сразу же сообщил мистеру Фоксу, в точности как вы приказали сделать, если случится что-то необычное. Сразу же. Он велел мне никому больше не говорить, так что только Джин, судомойке и мне известно о печальном происшествии, которое...

– Немедленно успокойтесь! – рявкнул Джордан, уже шагнув к покрытой красным ковром лестнице.

– В чем дело. Фокс? – осведомился он, сев за письменный стол и едва дождавшись, пока сыщик устроится напротив.

– Прежде чем я объясню, – осторожно начал Фокс, – необходимо задать один вопрос, ваша светлость. Кто держал в руках графин с вином,

лежавший в корзинке для пикника, с того момента, как вы отъехали от дома?

– Вино? – повторил застигнутый врасплох Джордан. К чему этот странный разговор, ведь до этого речь шла о лакее? – Моя жена... когда наливала мне бокал...

Странное, почти печальное выражение омрачило на мгновение лицо детектива, но тут же исчезло.

– И вы пили его?

– Нет. Случайно пролил.

– Понятно. И ваша жена, конечно, тоже не пила?

– Нет, – коротко ответил Джордан. – Похоже, я единственный, кто может вынести его вкус.

– Вы останавливались где-нибудь по пути? Оставляли корзинки без присмотра? В конюшне? Каком-нибудь коттедже?

– Нигде, – отрезал Джордан, спеша поскорее закончить бессмысленный разговор и присоединиться к жене. С каждой минутой он все больше злился на непредвиденную задержку. – Какого черта вам нужно? Мне казалось, вы хотите поговорить об одном из лакеев... некоем Нордстроме.

– Нордстром мертв, – резко объявил Фокс. – Отравлен. Я сразу заподозрил, в чем причина, стоило Хиггинсу меня позвать, и местный врач, доктор Денверс, подтвердил это.

– Отравлен, – медленно повторил Джордан, не в силах поверить, что подобное произошло в его доме. – Но как, во имя Господа, подобное могло случиться?!

– Единственная случайность во всем этом деле – несчастная жертва. Яд предназначался для вас. Я виню себя за то, что не поверил, будто убийца может осмелиться предпринять очередную попытку в вашем же доме! Некоторым образом именно я повинен в смерти вашего лакея.

Джордан, как ни странно, прежде всего подумал о том, как был несправедлив к Фоксу. В противоположность первому впечатлению он был теперь склонен верить, что Фокс, скорее, не столько стремится вытянуть побольше денег, сколько всеми силами старается защитить жизнь тех, кому служит. Но тут он наконец осознал, что кто-то пытался отравить его в собственном доме. Невыносимая, отвратительная мысль.

Да этого просто быть не может!

– Что заставляет вас считать, будто покушались на меня?

– Прежде всего яд подсыпали в графин с портвейном, к которому никто, кроме вас, не прикасается. Сам же графин оказался в корзинке для

пикника. После вашего возвращения корзинки отнесли на кухню, где их распаковала судомойка по имени Джин. При этом присутствовал Хиггинс и, увидев прилипшие к графину травинки, решил, что такое вино не подбоает подавать на стол вашей светлости, поскольку какой-нибудь мусор или стебельки могли попасть и внутрь. Насколько я понимаю, здесь, в Хоторне, следуют обычаям общества, предписывающим, чтобы все не выпитое за обедом вино было отдано дворецкому?

– Совершенно верно, – сдержанно произнес Джордан. Фокс кивнул:

– Именно это мне и сказали, но я ожидал подтверждения. В соответствии с этим обычаем вино перешло к Хиггинсу. И поскольку тот не выносит именно этот сорт, он подарил его Нордстрому, лакею, чтобы отпраздновать радостное событие – вчера Нордстром стал дедушкой. В четыре часа Нордстром отнес графин в свою комнату. В семь он был найден мертвым – тело еще не успело остыть, на столе стоял бокал с недопитым вином.

Судомойка объяснила, что Нордстром сам открывал бутылку портвейна сегодня утром и попробовал немного, желая убедиться, что вино не испортилось, а потом наполнил графин и поставил его в корзину, которую потом отнес к экипажу. Хиггинс говорил, что вы торопились и почти сразу же подошли к фаэтону. Это правда?

– У крыльца стоял грум, державший лошадей под уздцы. Я не видел лакея.

– Грум не мог отравить портвейн, – уверенно заявил Фокс. – Он мой человек. Сначала я заподозрил Хиггинса, но...

– Хиггинса?! – поразился Джордан. Подобное предположение показалось ему настолько забавным, что он, несмотря на всю серьезность происходящего, едва не расхохотался.

– Да, но Хиггинс не делал этого, – заверил Фокс, ошибочно приняв недоверчивое выражение лица герцога за подозрительное. – У него не было мотива. Кроме того, он слишком слабохарактерен. Впал в истерику из-за Нордстррома, ломал руки и причитал хуже судомойки. Пришлось сунуть ему под нос пузырек с нюхательной солью.

При других обстоятельствах Джордан, конечно, немало позабавился бы, представив строгого, величественного дворецкого бьющимся в истерику, но в эту минуту ему было не до веселья. – Продолжайте.

– Именно Нордстром выгрузил после пикника вещи из корзины и принес все на кухню. Следовательно, он, и только он, держал в руках графин. Очевидно, не он отравил вино. Джин заверила, что, кроме него, никто не прикасался к графину.

– В таком случае когда яд был туда положен? – нахмурился Джордан, не имея ни малейшего предчувствия, что всего через мгновение мир, едва расцветший яркими красками, померкнет и безвозвратно рухнет.

– Поскольку мы исключили возможность того, что вино было отравлено до или после пикника, – тихо заключил Фокс, – остается одно: кто-то подсыпал его в портвейн во время пикника.

– Вздор! – процедил Джордан. – Там не было никого, кроме меня и моей жены.

Фокс деликатно отвел глаза:

– Совершенно верно. И поскольку вы этого не делали, остается... ее светлость.

Джордан не помня себя вскочил, сотрясаясь от ярости, и ударил кулаком по столешнице с такой силой, что по комнате прокатился грохот.

– Убирайтесь, – приказал он тихо, – и забирайте бездельников, которые на вас работают. Если через четверть часа вы все еще будете здесь болтаться, я выброшу вас собственноручно. А если услышу хотя бы слово беспричинной клеветы на мою жену, задушу вас голыми руками, и да поможет мне Бог!

Фокс неторопливо встал, однако не собирался так просто сдаваться. С другой стороны, он был не настолько глуп, чтобы оставаться на расстоянии вытянутой руки от взбешенного нанимателя. Осторожно отступив, он осмелился возразить.

– Я бы не назвал эти обвинения беспричинной клеветой, ваша светлость, – печально вздохнул он.

Невыразимая тоска охватила все существо Джордана, сжала сердце, пронзила мозг. Перед глазами стояла Александра на берегу реки, наклонившая над бокалом графин с портвейном. «Не хотите вина? Это ваше любимое...»

– Сегодня утром ваша жена снова тайком навещала сэра Энтони.

Джордан тряхнул головой, словно пытаясь отрицать то, что твердил ему разум, борясь с болью, потрясением и гневом, раздиравшими душу.

Верно истолковав этот жест отчаяния, Фокс негромко сказал:

– Когда вы вернулись, ваша жена уже была с ним помолвлена. Разве не кажется странным, что ваш кузен так легко от нее отказался?

Граф медленно повернул голову и взглянул на Фокса. В серых глазах стояла такая мучительная горечь, что даже ко многому привыкший сыщик содрогнулся. Но его светлость молча поднялся, направился к столику, где на серебряном подносе стоял графин с виски, и, наполнив бокал до краев, осушил его двумя глотками.

– Не позволите ли поделиться с вами моим мнением? – мягко осведомился Фокс.

Джордан слегка наклонил голову, но не обернулся.

– У вашего кузена есть мотив для умышленного убийства. Ваша смерть ему выгодна, и именно потому на него первого падет подозрение, даже без дополнительных улик.

– Каких улик?

– Сейчас я перейду и к этому. Но сначала позвольте сказать, что бандитам, напавшим на вас недалеко от Моршема, требовался не столько ваш кошелек, сколько жизнь. Это было первым покушением. Во второй раз им удалось вас похитить. И если раньше лорд Таунсенд стремился завладеть вашим титулом и богатством, то теперь у него появилась еще одна причина.

Фокс остановился, выжидая, но, видя, что герцог по-прежнему молчит и не оборачивается, снова заговорил:

– Этой причиной, конечно, является желание получить вашу жену, с которой он продолжает видеться втайне.

И поскольку именно ее светлость приезжает к нему, можно предположить, что она тоже хочет выйти за него замуж, чего им не удастся добиться, пока вы живы. А это означает, что у лорда Таунсенда появилась сообщница. – Сыщик тяжело вздохнул и объявил:

– С этой минуты я должен быть полностью откровенным. Простите мою резкость, но мне нужно заручиться вашим безоговорочным содействием. Герцог не сказал ни единого слова, и Фокс, поняв, что он колеблется, быстро проговорил:

– Если верить слухам, исходявшим от ваших слуг, в ту ночь, когда в вас стреляли, ваша жена вернулась домой лишь утром. Вы знаете, где она была?

Джордан выпил еще виски, прежде чем ответить:

– По ее словам, спала в комнате гувернантки.

– Ваша светлость, возможно ли, что стрелявший в вас человек мог быть женщиной?

– Моя жена превосходно владеет оружием, – саркастически заметил Джордан. – Вряд ли она промахнулась бы.

– Уже совсем стемнело, и она была верхом, – пробормотал Фокс скорее себе, нежели Джордану. – Возможно, лошадь дернулась в момент выстрела, однако я сомневаюсь, что она пошла на это. Слишком рискованно. Раньше с вами пробовали разделаться наемники, но теперь злоумышленники перешли к более решительным действиям и ваша жизнь подвергается куда

большей опасности, а моя работа становится в десять раз сложнее. Потому я прошу вас делать вид, будто вы не знаете о том, что Нордстром был отравлен. Пусть ваши жена и кузен считают, что вы ничего не подозреваете об их заговоре. Я велел доктору Денверсу говорить, что лакей умер от разрыва сердца. При допросе слуг я старался упоминать о графине как бы между прочим. Никто не догадается, что мы заподозрили неладное. Если мы сможем и дальше вести себя так же хитро и усилить наблюдение за вашей женой и лордом Таунсендом, то предупредим следующую попытку, поймав их на месте преступления. Возможно, они попробуют снова применить яд, так как уверены, что мы ни о чем не осведомлены, а может, и побоятся. Кроме того, они вряд ли рискнут отравить кого-то еще, ведь несколько смертей сразу вызовут определенное подозрение. Например, то виски, что вы пьете, скорее всего безопасно – ведь, кроме вас, его подают еще и гостям. Но предупреждаю: не ешьте и не пейте ничего из рук жены. Стало быть, остается только ждать и наблюдать.

Фокс наконец замолчал, ожидая хотя бы какой-то реакции, но, видя, как напряжен герцог, мягко и с искренним сожалением промолвил:

– Мне очень жаль, ваша светлость. Не успел он закрыть дверь, как мертвая тишина внезапно взорвалась оглушительным звоном бьющегося стекла. Решив, что кто-то выстрелил в окно, Фокс ворвался в кабинет и замер. Осколки великолепного, оправленного в золото хрустального графина, принадлежавшего когда-то французскому королю, валялись на полу. Сам герцог, не выказавший никаких эмоций в продолжение разговора, стоял, схватившись за каминную полку. Плечи его тряслись.

Александра повернулась в вихре ярко-зеленого шелка, слышав шаги Джордана. Однако ослепительная улыбка слегка поблекла при виде плотно сомкнутых губ мужа и холодного блеска глаз.

– Что... что-то случилось, Джордан?

Теперь она без напоминаний зовет его по имени? И таким нежным голоском!

Джордан с такой силой стиснул зубы, что на щеке дернулся мускул.

– Случилось? – цинично усмехнулся он, с оскорбительной тщательностью оглядывая тело жены, изучая груди, талию и бедра, прежде чем поднять глаза. – Ничего особенного, – с уничтожающим равнодушием соизволил он наконец ответить.

В горле Александры мгновенно пересохло, а сердце забилось тяжело, тоскливо, словно почувствовало, что Джордан неожиданно охладил к ней и что близости, нежности и смеха, которые они делили сегодня, не существовало вообще. Охваченная паникой, она попыталась взять себя в

руки и потянулась к графину с шерри. Джордан сказал, что ему нравится, когда она ухаживает за ним, и потому Алекс сделала единственное, что пришло в голову. Наполнив маленькую рюмку шерри, она повернулась и с нерешительной улыбкой протянула ее мужу.

– Не хотите немного шерри?

Джордан, прищурившись, оглядел рюмку, и щека его задергалась еще сильнее. Когда он взглянул ей в глаза, Александра в тревоге пошатнулась. Не отрывая от нее взгляда, Джордан взял рюмку. – Спасибо, – вежливо сказал он, прежде чем ножка в его руке переломилась.

Александра тихо вскрикнула и огляделась в поисках какой-нибудь салфетки, боясь, что на великолепном обюссонском ковре останется пятно. – Не стоит беспокоиться! – рявкнул Джордан, сжимая ее локоть и грубо поворачивая лицом к себе. – Это не важно.

– Не важно? – в полнейшем смятении пробормотала Александра. – Но...

– Теперь уже ничто не имеет значения, – мягко и без всякого выражения пояснил он.

– Но...

– Пойдем ужинать, прелесть моя? Борясь с необъяснимым ужасом, Александра кивнула. В его устах ласковое слово прозвучало ругательством.

– Нет, подождите, – нервно вскричала она и застенчиво добавила:

– Я хочу дать вам кое-что.

«Яд», – саркастически подумал Джордан, наблюдая за ней.

– Вот, – выдохнула она, протягивая руку. На ладони лежала ее самая большая драгоценность – часы деда.

Подняв на мужа сияющие глаза, Александра, запинаясь, выговорила:

– Я... я хочу, чтобы они были у вас.

На какое-то ужасное, невероятное мгновение ей показалось, что Джордан вот-вот откажется, но вместо этого он небрежно сунул часы в карман.

– Благодарю, – с полным безразличием бросил он. – Если предположить, что они идут точно, мы уже полчаса как должны сидеть за столом.

Если бы он даже дал ей пощечину, Александра не могла быть более оскорблена и потрясена. Она механическим жестом, словно кукла, положила руку на его рукав и позволила проводить в столовую.

Во время ужина она безуспешно убеждала себя, что ошиблась и просто вообразила себе, что он к ней переменялся.

Однако когда Джордан не пришел к ней ночью, Александра долго

лежала без сна, пытаясь понять, что она сделала мужу и почему он так холоден с ней.

На следующий день Джордан вообще перестал с ней разговаривать и обращался только за столом и при крайней необходимости. Александра терпеливо вынесла все, но лишь на следующее утро, забыв о гордости, униженно спросила, что она сделала дурного.

Джордан поднял глаза от письменного стола, взбешенный ее появлением, и презрительно оглядел жену, прятavшую за спиной дрожащие руки.

– Дурного? – холодно осведомился он, словно обращаясь к незваной гостье. – Все в полном порядке, Александра, если не считать, что ты явилась не вовремя. Как видишь, мы с Адамсом работаем.

Александра охнула, пристыженная до глубины души, – она совершенно не заметила секретаря, сидевшего, за маленьким письменным столом у окна.

– Я... я... простите, милорд.

– В таком случае, – ответил он, многозначительно кивнув на дверь, – если не возражаешь...

Александра поняла его недвусмысленный намек и больше не заговаривала до самой ночи, когда услышала его шаги в соседней спальне. Набравшись храбрости, она надела халат, открыла смежную дверь и ступила через порог. Джордан как раз снимал сорочку, но, увидев отражение жены в зеркале, резко повернул голову.

– В чем дело? – прорычал он.

– Джордан, пожалуйста, – пробормотала Александра, шагнув к нему и теребя розовый атлас халата, – невинная чаровница с разметавшимися по плечам волосами. – Чем я могла так тебя рассердить?

Джордан взглянул в ее глаза и судорожно сжал кулаки, пытаясь подавить неукротимое стремление задушить прекрасную предательницу и одновременно опасаясь, что не выдержит, подхватит ее на руки, отнесет в постель и притворится всего на один час, что перед ним по-прежнему все та же манящая, неотразимая, обольстительная босоножка-герцогиня. Он страстно желал держать ее в объятиях, осыпать поцелуями, подмять под себя и раствориться в ней, чтобы изгнать из памяти ад последних дней. Но не мог. Перед глазами стояли сплетающиеся в экстазе любовники, замышляющие его убийство. Нет, он не в силах забыть.

Даже на час. Даже на минуту.

– Я не сержусь, Александра, – ледяным тоном бросил он. – А теперь уходи. Когда мне понадобится твое общество, я дам знать.

– Понимаю, – прошептала Александра и с вымученным достоинством шагнула к двери, ничего не видя из-за слепивших глаза слез.

Глава 30

Александра тупо уставилась в лежащие на коленях пальцы. В сердце царила та же безнадежная тьма, что и за окнами гостиной. Вот уже три дня и три ночи Джордан оставался незнакомцем, холодным, равнодушным, неприветливым незнакомцем, глядевшим на нее либо с откровенным ледяным безразличием, либо с презрением... в тех редких случаях, когда их взгляды встречались. Иногда ей казалось, что в теле Джордана поселился чужой человек, которого она не знала, наблюдавший за ней исподтишка с таким злобным выражением, что Александра вздрагивала от страха.

Даже неожиданный приезд дядюшки Монти не разрядил тяжелой атмосферы. Устроившись в отведенных ему комнатах и критически оглядывая пухлый зад горничной, стелившей ему постель, он вполголоса объяснял Александре, что прибыл спасать ее, едва услышал пересуды о том, будто Хоторн выглядел словно гнев Господень, узнав о ее пари, записанном в клубной книге.

Но все упорные попытки дяди Монти вовлечь Джордана в дружескую беседу не принесли ничего, кроме коротких, чрезвычайно вежливых ответов. А попытки Александры притвориться, что все в порядке, не одурачили никого, включая слуг, и тем более не заставили поверить, что перед ними счастливые супруги. Весь дом, от Хиггинса до Генри, превратившегося в огромного пса, остро ощущал невыносимое напряжение между мужем и женой.

В гнетущей тишине гостиной неожиданно прогремел дружеский голос дядюшки Монти, заставив Александру встрепетаться:

– Чудесная погодка, Хоторн! Вопросительно вздернув белые брови и надеясь на продолжение разговора, Монти выжидающе выпрямился. Джордан поднял глаза от книги и коротко кивнул:

– Совершенно верно.

– Ни капли дождя! – настаивал дядюшка Монти, покрасневший под действием очередной бутылки мадеры.

– Ни капли, – бесстрастно согласился Джордан. Расстроенный, но не обескураженный, дядюшка объявил:

– И тепло! Урожай будет хороший.

– Неужели? – ответил Джордан тоном, положительно не допускавшим дальнейших попыток к разговору.

– Э-э-э... очень, – пробормотал сэр Монтегю, надвигаясь в глубину

кресла и бросая отчаянный взгляд на Александру. – У вас есть часы? – спросила Александра, умирая от желания поскорее подняться к себе.

Джордан искоса взглянул на нее и с намеренной жестокостью процедил:

– Нет.

– Вам следует купить часы, Хоторн, – заявил дядюшка Монти, явно считая свое предложение блестящей идеей. – Только так можно идти в ногу со временем!

Александра быстро отвернулась, чтобы скрыть, как ей больно: Джордан второй раз принял часы дедушки и тут же забыл о них! – Одиннадцать, – услужливо заметил дядюшка Монти. – Я всегда ношу часы, – похвастался он. – Ни к чему гадать, который час. Прекрасное изобретение! Нельзя не поинтересоваться, как они работают, верно? Джордан резко захлопнул книгу. – Да, – отрывисто сказал он, – нельзя. Потерпев полнейшую неудачу в безуспешных стараниях все-таки побеседовать с герцогом, дядюшка метнул на Александру очередной умоляющий взгляд, но тут на помощь пришел «сэр» Генри. Огромная английская пастушья овчарка считала своей первой обязанностью не охранять людей, а утешать их, всячески выказывая любовь и симпатию. Обычно он ухитрялся оказываться рядом в тот момент, когда они больше всего нуждались в этом. Видя несчастное лицо сэра Монтегю, пес поднялся со своего места у камина, потрусил к расстроенному рыцарю и облизал его руку длинным влажным языком.

– Черт возьми! – вырвалось у дядюшки, вскочившего с кресла куда энергичнее, чем за последние двадцать пять лет, и принявшегося старательно вытирать ладонь о брюки. – Да у этого животного язык как мокрая тряпка!

Оскорбленный «сэр» Генри бросил на свою разъяренную жертву скорбный взгляд и, повернувшись, гордо направился обратно.

– Если не возражаете, я поднимусь к себе? – пролепетала Александра, не в силах ни минуты больше выносить мучительную боль.

– В роце все готово, Филберт? – спросила она на следующий день, когда на зов появился верный старый лакей.

– Все, – с горечью ответил Филберт. – Хотя по мне, ваш муж заслуживает не праздника, а уж скорее пинка в зад за такое с вами обращение!

Александра заткнула под шляпку выбившийся локон и не стала спорить. Она замыслила устроить праздник в честь дня рождения

Джордана с того дня в беседке, самого счастливого за столь недолго продолжавшуюся супружескую жизнь.

Все это время ей пришлось выносить необъяснимое, непонятное пренебрежение мужа. С каждым часом Алекс больше бледнела и замыкалась в себе. Она была постоянно на грани истерики, и грудь болела от необходимости сдерживать рыдания. Сердце ныло, потому что она никак не могла обнаружить причины странного поведения Джордана. Но по мере того как приближалась минута осуществления сюрприза, который она готовила мужу, в душе робко расцветала надежда. Как только Джордан увидит и поймет, что она задумала и сделала с помощью Тони и Мелани, он либо вновь станет прежним, таким, как был в тот день у реки, либо по крайней мере объяснит, что его волнует.

– Все слуги с утра до вечера перешептываются о том, как он себя ведет! – разъяренно продолжал Филберт. – Едва говорит с вами, сидит в кабинете день и ночь и не думает исполнять супружеские...

– Филберт, пожалуйста! – взмолилась Александра. – Не стоит портить мне сегодняшний день!

Немного смущенный, но тем не менее исполненный решимости сорвать злость на человеке, из-за которого у Александры появились огромные черные круги под запавшими глазами, Филберт тем не менее добавил:

– Мне ни к чему все портить, он и сам прекрасно это сделает! Удивляюсь, как это он еще согласился поехать с вами в рощу, когда вы пообещали что-то ему показать.

– Я тоже удивлена, – призналась Александра и попыталась улыбнуться, но вместо этого нахмурилась. Она заставила себя прийти в кабинет Джордана сегодня утром, когда тот был занят беседой с Фоксом, новым помощником управляющего, и попросила мужа поехать с ней на прогулку в экипаже. Сначала Джордан отказывался, но потом поколебался, взглянул на Фокса и немедленно согласился.

– Все готово, – уверял в этот момент сыщик Джордана. – Мои люди расставлены по всей дороге в рощу и вокруг самой рощи. Они пробыли там уже три часа, с тех пор как ваша жена получила согласие на увеселительную поездку. Я велел своим людям скрываться от посторонних глаз, пока убийца или убийцы не выдадут себя. Поскольку они не могут покинуть укрытие и остаться при этом незамеченными, то и не могут доложить мне о том, что видят. Бог знает, почему ваш кузен выбрал рощу, а не коттедж или что-то более уединенное.

– Я вообще не верю, что такое возможно, – процедил Джордан, надевая свежую рубашку. Он на мгновение остановился, потрясенный абсурдностью происходящего. Подумать только, надевать новую сорочку лишь для того, чтобы хорошо выглядеть в тот момент, когда жена попытается убить его!

– Возможно, – коротко заверил Фокс с убийственным спокойствием бывалого солдата. – И это ловушка. Я сужу по голосу вашей жены и по взгляду тоже. Она нервничает и лжет.

Я видел ее глаза. Они никогда не обманывают.

Джордан с болью и гневом рассматривал сыщика, вспоминая, какими сияюще-невинными казались ему глаза Александры.

– Это миф, – пренебрежительно бросил он. – Сказка, которой я верил когда-то.

– Зато записка лорда Таунсенда, которую мы перехватили час назад, вполне реальна, не так ли? – с глубочайшей убежденностью возразил Фокс. – Они настолько уверены, будто мы ничего не знаем об их планах, что становятся беспечными.

При упоминании о записке Тони лицо Джордана на миг превратилось в бесстрастную, словно высеченную из камня, маску. Хиггинс, следуя приказу, принес ему послание Тони, перед тем как передать Александре, и слова до сих пор жгли мозг Джордана раскаленным железом.

«В роще все готово. Тебе остается только заманить его туда».

Час назад, читая это, он ощутил невероятную боль, едва не лишившую его разума. Теперь же не испытывал ничего. Он перешел предел, за которым осталась способность чувствовать, и теперь не было даже страха перед возможным убийством. Теперь Джордан хотел одного – чтобы этот кошмар поскорее закончился и он смог навсегда выкинуть Александру из сердца и души.

Прошлой ночью, лежа в постели, он боролся с дурацким желанием пойти к ней, обнять, погладить по голове, дать денег и предупредить о необходимости бежать, независимо от того, удастся ли сегодняшнее покушение. У Фокса уже собралось достаточно улик для того, чтобы она и Тони провели остаток жизни в тюрьме. Видение Александры в грязных лохмотьях, влачившей дни в темной, полной крыс камере, было почти невозможно вынести даже сейчас, когда он должен был вот-вот стать жертвой.

Александра ждала его внизу, в коридоре. В голубом муслиновом

платье, отделанном широкой кремовой лентой по рукавам и подолу, она выглядела свежей и невинной, как сама весна; Обернувшись, она с ослепительной улыбкой наблюдала, как он спускается по лестнице. Джордан ощутил прилив почти неукротимой ярости при мысли о том, что она так весела, поскольку надеется сегодня навсегда от него избавиться.

– Готовы? – беспечно спросила она. Джордан молча кивнул, и супруги направились к стоявшему на подъездной аллее экипажу. Александра украдкой, из-под опущенных ресниц покосилась на Джордана, сидевшего рядом. Несмотря на внешне непринужденную позу, она заметила, что он пристально вглядывается в деревья, высаженные по обеим сторонам дороги, словно ожидая или высматривая что-то.

Александра уже стала опасаться, что он каким-то образом узнал про сюрприз и сейчас из-за кустов раздастся громкий смех приглашенных, но тут фаэтон выехал в поле, и ошеломленное лицо Джордана при виде открывшегося его взору зрелища лучше всяких слов сказало Александре, что никому не удалось его предупредить.

– Что здесь?.. – потрясенно выдохнул Джордан, не веря собственным глазам. Цветные флажки трепетали на ветру, и все арендаторы с детьми и женами собрались вокруг, широко улыбаясь хозяину. Слева стоял Тони, а рядом – его мать и брат вместе с бабушкой. На праздник приехали Мелани и Джон Камден, Родди Карстерз и с полдюжины знакомых Джордана. Справа, на дальнем конце лужайки, было воздвигнуто возвышение с расставленными на нем двумя троподобными стульями и еще несколькими попроще. Над возвышением устроили полог; на высоких шестах развевались флаги с гербом Хоторнов – ястреб в полете.

Фаэтон Джордана остановился посреди поля, и четыре трубача возвестили о прибытии герцога. Толпа разразилась приветственными криками. Отдав поводья подбежавшему мальчишке, Джордан резко обернулся к Александре:

– Что все это означает?! Глаза жены сияли любовью, надеждой и смущением.

– С днем рождения, – нежно шепнула она. Однако Джордан, стиснув зубы, молча уставился на нее. Нерешительно улыбаясь, Александра пояснила:

– Так обычно празднуют в Моршеме, только здесь все гораздо роскошнее.

Видя, что муж не собирается отвечать, она положила руку ему на рукав и добавила:

– Это нечто вроде турнира и сельской ярмарки одновременно – чтобы

отметить день рождения герцога... и помочь ему немного лучше узнать своих арендаторов.

Джордан с сердитым недоумением рассматривал толпу. Неужели все эти приготовления – лишь сложная декорация к кровавому спектаклю? Ангел его жена или дьяволица? Это он узнает еще до конца дня.

Спрыгнув на землю, он помог жене сойти.

– И что мне теперь делать?

– Посмотрим, – жизнерадостно сообщила она, пытаясь не дать ему понять, какой дуручкой чувствует себя и как больно ранена. – Видите скот в загонах? Он принадлежит арендаторам, и вы должны выбрать лучшую овцу или свинью в каждом загоне и наградить их владельцев призами, которые я купила в деревне. А на огороженной веревками лужайке будет проходить турнир, а там, где установлена мишень, станут соревноваться лучники...

– Я, кажется, понял самую суть, – перебил Джордан.

– Я думала также, что будет очень мило, если вы примете участие в соревнованиях... – поколебавшись, пробормотала Александра, не уверенная, снизойдет ли муж до общения с простыми фермерами.

– Прекрасно, – коротко бросил он и, проводив ее к возвышению, отошел. Поздоровавшись с лондонскими друзьями, он, лорд Камден и Тони распили по кружке эля, пока остальные толпились вокруг четырнадцатилетнего фермерского сына, довольно ловко жонглирующего мячами.

– Итак, дорогая, – прошептал Родди Карстерз, наклонившись поближе к Александре, – он уже успел безумно влюбиться в вас? Есть ли шанс выиграть наши пари?

– Ведите себя прилично, Родди, – вдернула Мелани.

– И не смейте упоминать об этом мерзком пари в моем присутствии, – прошипела вдовствующая герцогиня.

Александра, старавшаяся не спускать глаз с Джордана, поднялась со стула и, взяв под руку Мелани, спустилась с возвышения.

– Не скажу, что не рада видеть Родди, но почему он здесь? И остальные?

– Остальные, – фыркнула Мелани, – приехали с ним по той же причине, что и Родди. Люди, которые годами не бывали в деревне, сторают от любопытства узнать, как обстоят дела между вами и герцогом. Вы знаете Родди – он гордится тем, что узнает любую сплетню раньше всех. И мне так вас не хватало, – добавила Мелани, по-сестрински обнимая Александру, но тут же немного отступила и всмотрелась в лицо подруги. – Вы счастливы с ним?

– Я?.. Да, – солгала Алекс.

– Я это знала! – воскликнула Мелани, сжимая руку Александры. Она была так рада, что у той не хватило духу сказать правду: она замужем за человеком, чьи настроения непредсказуемы, как весенняя погода, и иногда кажется, будто сходишь с ума. Однако Александра продолжала хранить молчание и со сладостно-горькой тоской наблюдала, как Джордан прохаживается между загонами с заложенными за спину руками и торжественно выносит суждение по поводу самой жирной индейки, самой породистой свиньи, лучшей овцы и вручает призы потрясенным владельцам.

К тому времени, как солнце село за вершушки деревьев и зажглись факелы, арендаторы и аристократы пришли в одинаково веселое настроение, смеялись и пили эль вместе и принимали участие во всех мыслимых соревнованиях, от серьезных до глупых. Джордан, Джон Камден и даже Родди наперебой старались показать, как ловко управляют с луком, мечами, шпагами и пистолетами.

Александра, стоявшая среди зрителей, со спокойной гордостью наблюдала, как Джордан нарочно промахнулся, чтобы тринадцатилетний сын одного из арендаторов смог выиграть.

– Победителя ждет награда, – провозгласил герцог, вручая притихшему мальчику золотой соверен. Потом он, позабыв о достоинстве, объявил, что желает участвовать в черепаших бегах, выбрал из корзины черепаху и настоял, чтобы друзья последовали его примеру. Но он ни разу не взглянул на Александру и, казалось, делал все, что полагается, желая показать гостям, как ему весело. Знатнейшие лондонские аристократы стояли бок о бок с деревенскими детьми, свистками и выкриками подбадривая черепах, и разочарованно вздыхали, когда животные отказывались подчиняться приказам и прятались в панцири.

– Терпеть не могу черепах, кроме разве что в супе, – пошутил Тони, подталкивая Джона Камдена, – но думаю, что выбрал самую резвую. Ставлю фунт, что ваша просидит под панцирем дольше, чем моя.

– Идет, – без колебаний согласился граф, пытаясь заставить свою ленивую черепаху высунуть голову.

Джордан бесстрастно выслушал дружескую перепалку и, повернувшись, зашагал к столу, где судомойки наливали желающим эль.

– Какой дьявол вселился в вашего высокородного кузена? – осведомился Родди у Тони. – Когда вы фехтовали, он выглядел так, словно был готов проткнуть вас насквозь. Неужели все еще ревнует из-за того, что его жена едва не стала вашей?

Стараясь не отводить взгляда от черепахи, Тони небрежно пожал плечами:

– Что заставляет вас думать, будто Хок способен ревновать?

– Дорогой мальчик, не забывайте, я был на балу у Линдуорти в ту ночь, когда он ринулся на нас, словно ангел мщения, и приказал Алекс ехать домой.

– И все из-за непристойного пари, на которое вы подбили Алекс, – парировал Тони и намеренно низко наклонился к черепахам.

Взяв со стола еще одну кружку с элем, Джордан отошел в сторону, прислонился плечом к дереву и стал задумчиво наблюдать за Александрой, которая, в свою очередь, окидывала взглядом толпу, явно пытаясь увидеть мужа. Она весь вечер не спускала с него глаз. Как, впрочем, и Тони. И у обоих одинаковое смущенно-озадаченное выражение лиц, словно они ожидали от него куда большей радости по поводу сюрприза.

В этот момент Александра как раз смеялась над какой-то шуткой бабушки. Он почти слышал этот негромкий мелодичный смех, почти видел, каким весельем зажглись ее глаза. Его жена. Убийца. Но даже сейчас при этой мысли сердце протестующе забилося, а с уст сорвался тихий вскрик.

– Не могу поверить! – выдавил он негромко. Девушка, которая придумала все это, не могла замышлять его смерть. Та девушка, которая прижималась к нему ночами, дразнила и подшучивала у реки, во время рыбалки, – та девушка, которая застенчиво протягивала драгоценные часы деда, не могла покушаться на его жизнь!

– Ваша светлость, – уже во второй раз настойчиво окликнул Фокс, и Джордан очнулся от раздумий и выпрямился, намереваясь принять участие в состязании на лучшего стрелка, приобретавшем с каждой минутой все более веселый характер, поскольку нетвердо державшиеся на ногах участники уже с трудом различали мишень. – Я настаиваю на том, чтобы вы немедленно уезжали, – пробормотал Фокс, шагая рядом.

– Не будьте дураком, – прошипел Джордан, совершенно потерявший терпение из-за сыщика и его бесконечных гипотез. – Смысл записки моего кузена очевиден: они вместе задумали сделать мне сюрприз и именно поэтому встречались тайком.

– На споры не осталось времени, – гневно возразил Фокс. – Через несколько минут совсем стемнеет, а мои люди не совы и не видят во мраке.

– Поскольку я все равно не успею добраться домой засветло, нет никакой разницы, уеду я сейчас или задержусь немного.

– Я не отвечаю за последствия, если вы тотчас не покинете праздник, – предупредил Фокс и, резко повернувшись, отошел.

– Ну можно ли поверить, чтобы солидные мужчины увлеченно вопили и свистели, подбадривая черепах? – усмехнулась Мелани, наблюдая за мужем и Тони. – Боюсь, придется напомнить об этикете, который обязаны соблюдать люди их положения! – Она осторожно спустилась с возвышения и направилась было к спорящим, но тут же обернулась. – Говоря по правде, мне просто хочется узнать, кто придет первым, – подмигнув, призналась она подруге.

Александра рассеянно кивнула, оглядывая открытые жизнерадостные лица фермеров, и неожиданно замерла при виде странно знакомой и почему-то мрачной физиономии. По какой-то непонятной причине Александре сразу вспомнилась та теплая летняя ночь, когда два разбойника держали Джордана под дулами пистолетов.

– Бабушка, – обратилась она к герцогине, – кто этот коротышка в черной рубашке с красной косынкой на шее? Герцогиня проследила за ее взглядом и пожала плечами.

– Не имею ни малейшего представления, – чопорно Провозгласила она. – Сегодня я видела больше фермеров, чем за те тридцать лет, что жила в Хоторне. Нет, дорогая, конечно, вас осенила превосходная мысль отпраздновать день рождения Джордана именно так... Времена изменились, и хотя я сожалею о необходимости потворствовать тем, кто служит нам, в наши дни землевладельцам лучше быть в хороших отношениях с арендаторами. Говорят, они требуют все больше и больше и становятся назойливыми и злобными...

Но тут мысли Александры вновь вернулись к той самой ночи, когда она встретила Джордана. Она нервно огляделась в поисках незнакомца в черной рубашке, но тот уже исчез. Минуту спустя она стала бессознательно отмечать в толпе лица тех, кого любила, облегченно вздыхая каждый раз, когда видела, что они в безопасности. Однако Тони нигде не было видно. Александра беспокойно искала глазами Джордана и увидела, что тот стоит у самой опушки, пьет эль и наблюдает за состязаниями.

Джордан заметил ее взгляд и слегка кивнул. Милая робкая ответная улыбка заставила сердце забиться от неуверенности и сожаления. Он поднял кружку в молчаливом издевательском тосте, но тут же замер при звуках смутно знакомого голоса, раздавшегося из темноты.

– Вам в затылок нацелен пистолет, милорд, а другой – в вашу жену. Один-единственный звук, и ее голова разлетится вдребезги. А теперь отступайте в лес, только не торопитесь.

Джордан застыл и медленно опустил кружку. Не страх, а облегчение охватило его при мысли о том, что наконец-то все выяснится и можно

схватиться с врагом лицом к лицу. Он ждал этого и приготовился дорого продать свою жизнь, хотя ни на минуту не подумал, что Александре может грозить опасность, – это, конечно, уловка, чтобы заставить его подчиниться.

Два шага – и он очутился в полнейшей темноте. Осторожно обернувшись, Джордан заметил блеск металла.

– Куда мы идем? – спросил он у тени, державшей пистолет.

– Вниз по тропинке, в уютный маленький коттедж.

Идите вперед, и никаких глупостей!

Сжавшись, словно тугая пружина, Джордан стиснул ручку тяжелой кружки.

– А что делать с этим? – осведомился он с притворной покорностью, чуть оборачиваясь и поднимая правую руку.

Бандит на мгновение опустил глаза, но Джордану и этого оказалось достаточно. Выплеснув содержимое кружки в лицо негодяя, он тотчас взмахнул тяжелым сосудом и ударил бандита в висок с такой силой, что тот упал на колени. Джордан нагнулся, схватил с земли пистолет и рывком поднял ошеломленного убийцу на ноги.

– Иди вперед, сукин сын! Мы, пожалуй, прогуляемся немного, как ты и хотел!

Головорез слегка покачнулся, и Джордан нетерпеливо толкнул его в спину. Тот отлетел на несколько шагов и, спотыкаясь, побрел по дорожке. Джордан полез в карман, пытаясь найти маленький пистолет, который всегда носил с собой после возвращения в Англию. Но пистолет, должно быть, выпал, когда он нагнулся над пленником. Приходилось довольствоваться оружием, отобранным у бандита.

Вскоре в конце тропинки показался заброшенный коттедж дровосека.

– Сколько человек внутри? – спросил Джордан, хотя сквозь щели не пробивалось ни единого лучика света.

– Никого, – проворчал негодяй, но тут же охнул, почувствовав холод прижатого к затылку смертоносного оружия. – Один или двое, не знаю, – поспешно поправился он.

Голос Джордана был ледяным, как сама смерть.

– Когда мы войдем, скажешь, что привел меня, и потребуешь зажечь лампу. Прибавишь что-нибудь от себя – и твои мозги разлетятся по полу. – И чтобы перепуганный пленник лучше усвоил сказанное, Джордан еще крепче прижал пистолет к его голове.

– Ладно, – охнул тот и ускорил шаги в надежде избежать зловещего прикосновения. – Он здесь! – воскликнул бандит, пинком открывая дверь. –

Зажгите чертову лампу, здесь темень, как в могиле!

Послышались удары кремня по огниву; чья-то тень наклонилась над столом, и вспыхнул свет. Джордан молниеносным ударом по голове свалил пленника с ног и, когда тот без сознания рухнул на пол, выпрямился, прицелившись в застывшую фигуру. Теперь он увидит настоящего убийцу!

Лицо, освещенное неверным сиянием, оказалось знакомым, таким знакомым, что Джордан едва не задохнулся от боли и потрясения.

– Джордан! – дико вскрикнула тетка. Глаза ее метнулись в дальний угол, и Джордан, инстинктивно развернувшись, пригнулся и выстрелил. Кровь хлынула из груди второго бандита, который судорожно схватился за рану и упал. Пистолет выскользнул из обмякшей руки.

Джордан удостоил наемника коротким взглядом и, убедившись, что тот мертв, снова обернулся к женщине, которую любил как родную мать. И ничего не почувствовал. Ледяная пустота с угрожающей быстротой росла в душе, сметая все эмоции и оставляя его неспособным ощутить что-либо... даже гнев.

– Почему? – спросил он безжизненным голосом. Его безупречная хладнокровная вежливость, очевидно, настолько вывела из себя тетку, что та лишь пробормотала:

– П-почему мы с-собирались у-убить тебя? Слово «мы» заставило Джордана резко вскинуть голову. Быстро подойдя к мертвецу, он поднял заряженный пистолет и отбросил тот, который держал. Беспощадно прицелившись в обожаемую когда-то женщину, Джордан подошел к ведущей в спальню двери и заглянул туда. Пусто. Однако у тетки, конечно же, есть сообщники!

И тут на него снизошло озарение. Кажется, он знает, кого ждет тетка! И от этой мысли в душе зажглись первые крошечные огоньки неудержимой ярости. Вероятнее всего, его кузен и Александра вскоре появятся здесь, желая убедиться, что на сей раз их замысел удался.

Вернувшись в большую комнату, Джордан зловеще предложил:

– Поскольку вы, очевидно, ждете подкрепления, почему бы нам не сесть и не подождать их прибытия?

Сомнение и паника промелькнули в глазах леди Таунсенд, однако она покорно опустила на грубый деревянный стул подле стола. Джордан с преувеличенной любезностью подождал, пока она усядется, прежде чем небрежно прислониться к столу, ни на минуту не выпуская входной двери из поля зрения.

– Ну а теперь, – вкрадчиво продолжал он, – надеюсь, вы будете так добры ответить на несколько вопросов, быстро и коротко. Та засада у

Моршема не была случайностью, верно?

– Я... не понимаю, о чем ты говоришь. Джордан посмотрел на лежавшего без сознания головореза, напавшего на него в ту ночь, и, переведя взгляд на тетку, молча поднял пистолет и прицелился в напуганную женщину.

– Я хочу слышать правду, мадам.

– Это не случайность! – вскричала она, не сводя глаз с оружия.

Пистолет опустился.

– Продолжайте.

– И похищение тоже... Хотя тебя должны были не похитить, а убить! Но это оказалось так трудно! – добавила она обвиняюще. – На твоей стороне сам дьявол! Ты... со своими деньгами, титулом и здоровыми ногами, в то время как мой бедный Берти – калека, а Тони – почти нищий! – Слезы брызнули из глаз полубезумной женщины. – У тебя все! – с бешенством вскричала она. – Даже удача на твоей стороне! Тебя и отравить не удалось! И нам не по карману нанять более сведущих в таких делах людей, потому что все деньги у тебя!

– Как эгоистично с моей стороны! – саркастически бросил Джордан. – Почему вы просто не попросили у меня денег? Знай я, что вы так нуждаетесь, просто отдал бы их... конечно, не на то, чтобы нанять убийц!

– Бабушка, – с отчаянием спросила Александра, – вы нигде не видите Джордана? Или... или того мужчину в черной рубашке и красной косынке?

– Александра, ради Бога, – раздраженно процедила герцогиня, – почему вы вертитесь и все время спрашиваете меня о каких-то людях? Хоторн где-то поблизости, будьте уверены. Он только что стоял у того дерева с кружкой ужасного пойла.

Александра извинилась и попыталась посидеть спокойно, но через несколько минут поднялась, не в силах справиться с необъяснимой нарастающей паникой.

– Куда вы, дорогая? – осведомилась герцогиня.

– Поискать мужа, – виновато улыбнулась Александра. – Я почему-то боюсь, что он снова исчезнет, как полтора года назад. Глупо, конечно, но я пойду поищу его.

– Так вы все-таки равнодушны к нему, дитя мое? – ласково шепнула герцогиня.

Александра кивнула, слишком обеспокоенная судьбой Джордана, чтобы спасти гордость уклончивым ответом. Пристально вглядываясь в лица окружающих, она подхватила юбки и зашагала к тому месту, где в

последний раз видела мужа. Тони тоже нигде не было, но Мелани и Джон шли навстречу рука об руку.

– Чудесная вечеринка, Александра, – сконфуженно улыбнулся Джон. – Никогда так прекрасно не проводил время на самых роскошных балах!

– Спасибо. В-вы не видели моего мужа? Или Тони?

– Нет, по крайней мере последние четверть часа. Поискать их?

– Да, пожалуйста, – попросила Александра, проводя рукой по волосам. – Я в каком-то странном состоянии сегодня, – смущенно извинилась она. – Постоянно что-то воображаю... даже показалось, что среди деревьев кто-то прячется. И Джордан куда-то делся.

Джон улыбнулся и успокаивающе, словно говоря с расстроенным ребенком, заверил:

– Всего несколько минут назад мы были вместе. Я найду его и пошлю к вам.

Александра еще раз поблагодарила его и поспешила к тому дереву, где совсем недавно видела Джордана. Бросив растерянный взгляд на веселившихся гостей, она повернулась и нерешительно зашагала по узкой тропинке, хотя и твердила себе, что разыгравшееся воображение к добру не Приведет. Пройдя немного, Александра остановилась и прислушалась, но лесная чаща поглощала звуки смеха и музыки, а толстые, нависшие над головой ветви заслоняли свет. Александра на миг почувствовала, что оказалась в странной безжизненной пустоте.

– Джордан? – окликнула она и, не получив ответа, нахмурилась и прикусила губу. Она уже было решила вернуться, но в этот момент заметила лежащую у ног кружку.

– О Боже, – прошептала Александра, нагибаясь и хватая кружку, из которой вылилось несколько капель эля. Не помня себя она обернулась, ожидая, надеясь увидеть Джордана лежащим поперек тропинки, возможно, под действием слишком большого количества выпитого. Во всяком случае, такое иногда случалось с дядюшкой Монти. Но вместо этого заметила маленький блестящий пистолет.

Александра стиснула рукоятку, выпрямилась и тут же испустила сдавленный крик, наткнувшись на чье-то мускулистое тело.

– Тони! Слава Богу, это ты!

– Что случилось, черт побери? – удивился Тони, хватая ее за плечи и с беспокойством оглядывая. – Камден сказал, что Джордан исчез, а ты видела незнакомца, скрывавшегося в лесу.

– Я нашла пустую кружку Джордана на тропинке, а рядом лежал пистолет. И мне показалось, что я видела бандита, который пытался убить

Джордана в ту ночь, когда мы встретились.

– Возвращайся на поляну и постарайся оставаться на людях, – резко велел Тони и, выхватив у нее из руки пистолет, растворился в чащобе.

Споткнувшись о толстый корень, Александра метнулась обратно, чтобы взять кого-нибудь на подмогу. Она с отчаянием огляделась в поисках Джона Камдена или Родди Карстерза, но, никого не заметив, подбежала к одному из фермеров. Тот ожидал своей очереди, чтобы вступить в стрелковое состязание, а пока брел к столу с бочонками эля в том же состоянии счастливого опьянения, как и его товарищи.

– Ваша светлость! – охнул он, снимая шляпу и пытаясь поклониться.

– Дайте мне пистолет! – потребовала Александра и, не ожидая ответа, выдернула оружие из пальцев ошеломленного мужчины. – Он заряжен? – бросила она через плечо, уже метнувшись к тропинке.

– Конечно.

Наконец-то добравшийся до коттеджа Тони, тяжело дыша, прислонился ухом к двери. Ничего не услышав, он осторожно повернул ручку. Тщетно. Ручка не поддавалась. Тони отбежал и с силой ударил плечом в тонкие доски. Дверь подалась так легко, что Тони потерял равновесие, споткнулся, но тут же замер, открыв от изумления рот. Его мать сидела у стола неестественно выпрямившись, а рядом устроился Джордан. В руке он держал пистолет. Нацеленный в грудь Тони!

– Ч-что здесь происходит... Какого дьявола? – взорвался Тони.

Его появление уничтожило последние ростки надежды на то, что ни кузен, ни жена не замешаны в преступлении. Мягким, смертельно зловещим голосом Джордан объявил:

– Добро пожаловать на бал, кузен. Насколько я понимаю, не хватает всего одного гостя, верно? Моей жены? – и, прежде чем Тони сумел опомниться, добавил:

– Не стоит проявлять нетерпение – она обязательно заглянет сюда. Нужно же найти тебя и убедиться, что от меня благополучно избавились, верно? – И неожиданно отрывисто произнес:

– Твой карман топорщится – там, несомненно, пистолет? Сними фрак и брось его на пол.

– Джордан...

– Быстрее! – разъяренно прошипел Джордан, и Тони молча подчинился.

Джордан показал дулом пистолета на перевернутый и лежавший у разбитого окна стул.

– Садись! И если шевельнешься, я прикончу тебя.

– Да ты с ума сошел, – прошептал Тони. – Джордан, ради Бога, объясни, что происходит!

– Заткнись! – рявкнул Джордан, прислушиваясь к звуку шагов на крыльце. Больше остальных преступников он ненавидел девушку, которой был одержим столько времени! Расчетливую, подлую лгунью, заставившую поверить, будто она любит его! Распутную дрянь, лежавшую в его объятиях, пылко отдававшуюся... Прекрасную, пленительную босоножку, позволившую ему считать, что рай на земле – это узкая речушка, на берегу которой разостлано одеяло. И теперь он наконец-то разоблачит ее!

Дверь скрипнула, медленно приотворилась. В щели показалась знакомая прядь волос цвета красного дерева. Аквамариновые глаза широко раскрылись при виде пистолета в руках Джордана.

– Не стесняйся, дорогая, – убийственно тихим шепотом пригласил Джордан. – Заходи, мы тебя ждали.

Облегченно вздохнув, Александра распахнула дверь, уставилась на бесчувственного бандита и метнулась к мужу. Слезы ужаса катились по бледным щекам. Забыв о пистолете, она бросилась на шею Джордану.

– Я знала, что это он! Знала! Я...

И тут же вскрикнула от боли и удивления – Джордан схватил ее за волосы и с силой дернул, так что голова беспомощно запрокинулась.

– Конечно, знала, – прошипел он, – подлая тварь! Одним презрительным жестом он отбросил жену от себя, и она растянулась на полу, ударившись бедром о пистолет, который по-прежнему сжимала в руке. Несколько мгновений Александра просто сидела не шевелясь, глядя на мужа расширенными от страха глазами, не в силах понять, что происходит.

– Боишься, прелесть моя? – вкрадчиво произнес Джордан. – И не зря. Там, куда ты отправишься, нет ни окон, ни роскошных платьев, ни мужчин, если не считать тюремщиков, которые, конечно, не преминут насладиться твоим соблазнительным телом, пока ты не иссохнешь или не станешь слишком изможденной, чтобы привлечь их внимание. Надеюсь, однако, что ты сумеешь пользоваться их благосклонностью немного дольше, чем моей, – безжалостно грубо добавил он. – И не нужно делать вид, что удивлена! Я спал с тобой, пытаюсь как можно лучше разыгрывать роль ничего не подозревающего мужа, вовсе не потому, что хотел тебя. – Он намеренно лгал, но в душе с каждой минутой росла жажда убийства.

– Джордан, что случилось? – охнула Александра, но тут же в ужасе сжалась: глаза мужа полыхнули исступленным бешенством.

– Мне нужны не вопросы, а ответы, – прорычал Джордан. Сообразив, что пройдет еще не менее десяти минут, прежде чем Фокс встревожится и отправится на поиски пропавшего хозяина, Джордан снова присел на стол, опираясь на одну ногу и лениво покачивая другой. – Пока мы ждем, – любезно предложил он, показывая дулом пистолета на Тони, – может, не откажешься открыть мне кое-какие детали? Что из еды и вина было еще отравлено? Тони устало пожал плечами:

– Джордан, ты сошел с ума.

– Мне ничего не стоит прикончить тебя, – задумчиво сообщил Джордан, поднимая пистолет выше, словно собираясь нажать на спусковой крючок. – Подожди! – вскрикнула тетка, бросая отчаянные взгляды на дверь. – Тони тут ни при чем! Он не может ответить, потому что ничего не знает!

– И, насколько я полагаю, моей жене тоже ничего не известно? – саркастически вставил Джордан. – Не правда ли, дорогая? – осведомился он, небрежно указывая пистолетом на Александру.

Слепая ярость словно подбросила Александру с пола. Как ни странно, она не выронила спрятанный в складках юбки пистолет и по-прежнему сжимала его в руке.

– И ты считаешь, что мы собирались тебя отравить?! – выдохнула она, глядя на мужа с таким видом, словно тот пнул ее в живот.

– Не считаю, а знаю, – объявил он, наслаждаясь тоской и ужасом в ее глазах.

– Собственно говоря, – презрительно протянул Бerti Таунсенд с порога, целясь в голову Джордана, – ты не прав. Как вот-вот готова признаться моя мамаша-истеричка, именно я, и только я, смог задумать все эти достаточно действенные, хотя, к сожалению, неудавшиеся планы избавиться от тебя. Тони вообще не способен убить даже кошку, и поскольку я в этой семье единственный, у кого есть мозги, мне самому пришлось о себе позаботиться. Почему у тебя такое удивленное лицо, кузен? Кажется, ты, подобно остальным, вообразить не мог, что калека способен на такое? Брось пистолет, Джордан. Мне все равно придется тебя убить, но если ты не послушаешься, я прежде прикончу твою прелестную жену.

Джордан, подобравшись для прыжка, тем не менее швырнул пистолет на пол и медленно поднялся. Однако Александра неожиданно бросилась к нему, словно ища защиты.

– Отойди! – прошипел он себе под нос, но жена сжала его руку, изображая отчаяние, и одновременно втиснула ему в ладонь пистолет.

– Тебе придется сначала расправиться со мной, Берти, – тихо, но решительно сказал Тони, устремившись вперед.

– Вероятно, – не колеблясь согласился брат. – Рано или поздно это все равно бы случилось.

– Берти! – вскрикнула мать. – Нет! Я не этого хотела!

Взгляд Александры был прикован к лежащему на полу бандиту – она заметила, что тот пошевелился и сунул руку в карман фрака Тони. В дверях появилась фигура еще одного незнакомца, медленно поднимавшего пистолет.

– Джордан! – завопила она и, не видя другого способа защитить мужа сразу от трех убийц, заслонила его собой как раз в тот миг, когда раздались три выстрела, слившиеся в один.

Джордан машинально прижал Александру к себе; Берти Таунсенд рухнул на пол, сраженный пулей Фокса; бандит на полу корчился от боли, зажимая рану в плече. Все произошло так быстро, что Джордан лишь через несколько мгновений почувствовал, как неестественно отяжелело тело Александры. Сжав ее в объятиях, он поднял глаза, намереваясь пошутить относительно слабых женщин, падающих в обморок после того, как опасность миновала, но тут же похолодел от ужаса: голова Александры запрокинулась и безжизненно моталась на тонкой шее. Из раны на виске струилась кровь.

– Немедленно за доктором! – крикнул он Тони и осторожно опустил жену на пол, а сам с бешено заколотившимся сердцем стал рядом на колени, сбросил сорочку и, разорвав ее на полосы, принялся бинтовать голову Александры. Он еще не успел закончить, а кровь уже просочилась сквозь повязки; лицо Александры на глазах становилось зловеще-пепельного цвета.

– О Боже, – прошептал Джордан. – О Боже!

Он столько раз видел, как умирают на поле брани люди, безошибочно различал признаки безнадежных, смертельных ран, но даже сейчас, зная, что Александра не выживет, прижал ее к груди и помчался по тропинке. Сердце лихорадочно билось в такт словам, неотступно звучавшим в мозгу:

Не умирай... Не умирай... Не умирай... Джордан, задышавшись, ворвался на поляну и, не обращая внимания на потрясенных, сбившихся в кучки арендаторов, осторожно уложил жену в экипаж, который, вероятно, по приказу Тони, уже стоял на опушке леса.

Старая деревенская повитуха исподтишка покосилась на кровавые повязки и смертельно бледное лицо герцогини и, быстро подойдя, попыталась нащупать пульс. Кони тронули, и старуха, повернувшись к

остальным, печально покачала головой. Женщины, с которыми Александра подружилась еще полтора года назад, которым помогала и которых поддерживала, стали, глядя вслед экипажу, всхлипывать. Теперь на поляне, только десять минут назад звеневшей веселым смехом, раздавались лишь громкие рыдания.

Глава 31

Джордан поднял голову и, увидев сокрушенное лицо доктора Денверса, выходявшего из спальни Александры, едва не завопил от боли и тоски.

– Мне очень жаль, – тихо сказал доктор убитым горем родственникам и друзьям, ожидавшим в холле. – Я бессилен ее спасти. Она с самого начала была безнадежна.

Вдовствующая герцогиня прижала к губам платок и, рыдая, прислонилась к плечу Тони. Мелани бросилась на шею мужу. Джон Камден обнял плачущую жену за плечи и повел вниз, где мучился неизвестностью Родди Карстерз. Доктор подошел к Джордану:

– Вы можете войти к ней, попрощаться... но она вряд ли вас услышит. Ее светлость в глубокой коме и через несколько минут... самое большее через час тихо отойдет. – И, увидев искаженное мукой лицо герцога, мягко добавил:

– Она не почувствует боли, Джордан, даю слово.

Горло Джордана спазматически сжалось, и, пригвоздив к месту ни в чем не повинного врача взглядом, исполненным бессильной ярости, он вбежал в комнату.

У кровати горели свечи. Александра лежала неподвижная, мертвенно-бледная. Лишь грудь едва поднималась и опускалась.

Попытавшись проглотить ком в горле, Джордан сел на стул рядом с кроватью и всмотрелся в любимое лицо, стараясь запомнить каждую черту. «У нее такая гладкая кожа, – с болью подумал он, – невероятно длинные ресницы, словно темные веера на щеках... Она не дышит!» – Нет, не умирай! – хрипло выкрикнул он и схватил вялую руку, стараясь нащупать пульс. – Не умирай! Почувствовав слабые, почти неразличимые нитевидные удары, Джордан облегченно вздохнул и неожиданно понял, что не может больше молчать. – Не покидай меня, Алекс, – умолял он, прижимая ее к себе. – Господи, только не покидай меня! Я еще так много тебе не сказал, столько мест не смог показать! Но если ты уйдешь... Алекс, пожалуйста, дорогая, не уходи.

– Послушай меня, – продолжал Джордан, почему-то твердо убежденный, что она останется жить, если поймет, как много значит для него. – Послушай, какова была моя жизнь, пока ты не ворвалась в нее. в этих своих ржавых доспехах. Моя жизнь казалась пустой и никчемной. А

потом у меня появилась ты, и теперь я испытываю чувства, в существование которых не верил, и вижу то, чего никогда не видел раньше. Ты не можешь себе представить такого, дорогая, но это правда, и я сейчас докажу тебе.

– Цветы на лугу голубые, – пробормотал он дрожащим от непролитых слез голосом. – А у реки – белые. А по арке в саду вьются красные розы.

Подняв руку Александры, он потерся о нее щекой.

– И я заметил не только это. Полянка у беседки, там, где стоит плита с моим именем... в точности похожа на ту, где мы когда-то фехтовали прутиками. И, дорогая, мне необходимо сказать еще кое-что. Я люблю тебя, Александра.

Слезы все-таки хлынули из глаз, не давая говорить.

– Я люблю тебя, – измученным шепотом выдохнул он, – и если ты умрешь, никогда этого не узнаешь.

Гнев и отчаяние вытеснили тоску, и Джордан, сжав ее руки, перешел от молений к угрозам:

– Александра, не смей покидать меня! Иначе я вышвырну Пенроуза на улицу на следующий же день, клянусь! И без рекомендаций! И без жалования тоже, ты слышишь? А Филберт последует за ним! Я снова сделаю Элизабет Грейнджфилд своей любовницей, мало того, отдам ей твое обручальное кольцо! Она всю жизнь мечтала быть герцогиней Хоторн...

Минуты превращались в часы, однако Джордан не умолкал, переходя от просьб к ругательствам, и, когда надежда стала угасать, унизился до лести:

– Подумай о моей бессмертной душе, дорогая. Она черна, как адская смола, и без тебя я ни за что не исправлюсь и постепенно вернусь к старым привычкам, и дьявол придет за мной в конце жизни.

Он выжидал, прислушиваясь, наблюдая, стискивая холодную руку жены, словно пытаясь влить в нее свою силу, и внезапно решимость и надежда, побуждавшие его неустанно говорить с Алекс, развеялись в прах. Удушливое отчаяние сжало сердце Джордана. Он прижался щекой к щеке Александры. Широкие плечи содрогались от рыданий.

– О, Алекс, – всхлипывал он, укачивая ее на руках, как ребенка, – разве я смогу жить без тебя? Возьми меня с собой. Я хочу уйти вместе...

И тут он почувствовал слабое дуновение и скорее угадал, чем услышал невнятный шепот.

– Скажи, родная, – в отчаянии охнул он, наклоняясь ближе. – Хоть что-нибудь, любимая. Александра снова пошевелила губами.

– Что, дорогая? – переспросил Джордан, не уверенный в том, что верно понял. Она снова шепнула что-то, и глаза Джордана широко раскрылись. Он уставился на нее, и плечи снова затряслись, но уже от смеха. Сначала тихого, а потом ликующего, радостного, громом отдавшегося в мертвенной тишине дома. Вдовствующая герцогиня, доктор и Тони вбежали в комнату, в полной уверенности, что Джордан помешался от горя. – Тони, – едва выговорил Джордан сквозь взрывы хохота, по-прежнему не выпуская руку жены, – Александра считает, что у Элизабет Грейнджфилд слишком толстые пальцы!

Услышав шаги Джордана, Александра повернула голову на подушке. С того ужасного вечера прошло двое суток, два дня и две ночи лихорадки и бреда. И каждый раз, ненадолго приходя в себя, она видела сидевшего у постели Джордана с осунувшимся, измученным лицом.

Теперь Александра наконец очнулась и очень хотела услышать тот же нежный голос, что два дня назад, увидеть горящую в глазах любовь. Однако Джордан выглядел сдержанным, совершенно невозмутимым и таким отстраненным, что Александра на миг смутилась – неужели ей привиделась та душераздирающая сцена у ее постели, когда он изливал душу в полной уверенности, что жена умирает?

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он с вежливой озабоченностью, словно обращаясь к малознакомому человеку.

– Благодарю вас, прекрасно, – ответила она так же любезно. – Немного устала.

– Ты, по-видимому, желаешь узнать, что случилось два дня назад?

На самом деле Александре хотелось только, чтобы он обнял ее и признался в любви.

– Да, конечно, – ответила она вслух, удивляясь непредсказуемой смене его настроений.

– Говоря вкратце, полтора года назад Берти поймал одну из судомоек, местную крестьянку, на воровстве. Она пыталась стащить деньги из его бумажника и передать братьям, ожидавшим в лесу за домом. Берти и его мать уже решили избавиться от меня, но не знали, где найти для этого людей. Вместо того чтобы отдать судомойку в руки властей, Берти заставил ее подписать признание, заплатил братьям, и те устроили засаду. Однако ты разрушила их планы, неожиданно придя мне на помощь. Один из братьев, тот, которого я ранил, умудрился подползти к лошади и сбежать, пока мы ехали в гостиницу.

Берти снова попытался расправиться со мной, но на этот раз наемники

взяли его деньги и вместо того, чтобы убить жертву, удвоили добычу, продав меня вербовщикам.

Как заметила моя тетка, весьма трудно задешево нанять компетентных людей!

Когда неделю назад я воскрес из мертвых, Берти напомнил судомойке о том, что у него все еще хранится ее исповедь, и заставил уцелевшего брата стрелять в меня в ту ночь, когда ты спала в комнате гувернантки.

Александра в изумлении уставилась на мужа:

– Вы не сказали мне, что в вас стреляли.

– Не видел причины зря тебя тревожить, – пробормотал Джордан, но тут же покачал головой и неохотно признался:

– Это не совсем правда. В глубине души я подозревал, что это ты пыталась покончить со мной, – стрелявший был почти такого же телосложения. Кроме того, только утром того дня ты объявила, что сделаешь все на свете, лишь бы освободиться от этого брака.

Александра прикусила губу и отвернулась, но Джордан успел увидеть в ее глазах боль и осуждение. Сунув руки в карманы, он продолжал:

– Три дня назад лакей по имени Нордстром умер, выпив портвейна, налитого в графин, который мы брали на пикник... того портвейна, что ты несколько раз уговаривала меня попробовать.

Глядя в ее глаза, он бросил резко, не щадя себя:

– Фокс не помощник управляющего, он детектив, люди которого были расставлены по всему Хоторну. Именно Фокс расследовал несчастный случай с Нордстромом и посчитал, что ты единственная, кто мог отравить вино.

– Я? – тихо охнула Александра – Как ты мог подумать такое?

– Свидетельницей Фокса была судомойка, которая время от времени нанималась сюда на поденную работу. Ее звали Джин. Это она подбросила яд по приказу Берти. Ты уже знаешь, что случилось потом.

Александра болезненно поморщилась:

– Значит, мысленно вы осудили и обвинили меня в попытках убить вас, руководствуясь столь шаткими подозрениями? Потому что я приблизительно того же роста, что и убийца, стрелявший в вас на Брук-стрит, и потому что судомойка заявила, будто только я могла подсыпать яд в графин?

Джордан невольно сжался, однако нашел в себе силы договорить:

– Я поверил свидетельствам еще и потому, что Олсен, один из людей Фокса, дважды сопровождал тебя в имение Тони. Я знаю, что вы виделись тайком, и это, вместе с остальным, делало доказательства почти

неопровержимыми.

– Понимаю, – глухо обронила Александра. Но она совсем ничего не понимала, и Джордан это видел. Или, наоборот, слишком хорошо поняла. И вне всякого сомнения, убедилась, что он не сдержал обещания верить ей и постоянно отвергал ее любовь. Кроме того, Александра дважды рисковала жизнью ради него, а он вознаградил ее пренебрежением и бесчеловечной жестокостью.

Джордан смотрел в ее прекрасное бледное лицо, хорошо сознавая, что заслужил ее ненависть и презрение. Теперь, ясно увидев глубину собственной глупости и бессердечия, он ожидал, что она навсегда изгонит его из своей жизни.

Однако Александра продолжала молчать, и Джордан почувствовал себя обязанным сказать за нее все, что она должна была объяснить ему.

– Мое поведение по отношению к тебе было непростительным, – сухо начал он, и звук его голоса наполнил Алекс тоскливым предчувствием. – И естественно, трудно ожидать, что после этого ты захочешь остаться моей женой. Когда ты достаточно поправишься, чтобы уехать, я дам тебе чек на полмиллиона фунтов. И если понадобится... – Он остановился и откашлялся, словно не мог говорить. – Если тебе понадобится больше, только скажи. Все, что принадлежит мне, навсегда остается твоим.

Александра слушала эту речь со смесью нежности, гнева и неверия. И уже хотела ответить, когда Джордан снова откашлялся и добавил:

– Я должен еще кое-что сказать. Перед нашим отъездом из Лондона Филберт поведал о том, что ты перенесла, считая меня мертвым, и как терзалась, когда приехала в столицу. Все общество над тобой смеялось, и лишь Тони развеял в прах твои иллюзии. Большая часть того, что ты слышала обо мне, – правда. Однако мне хотелось бы, чтобы ты знала: я не спал с Элиз Грандо в ту ночь, когда приходил к ней в дом.

Джордан замолчал и вгляделся в лицо жены, словно бессознательно запоминая каждую черточку, чтобы всегда иметь перед глазами ее образ в продолжение последующих бесконечно пустых, простиравшихся перед ним, словно пустыня, лет. Он молча смотрел на нее, понимая, что перед ним воплощение всех надежд и грез, так долго хранимых в сердце. Александра – сама доброта, нежность и доверие. И любовь. Цветы, растущие на склонах холмов, и смех, доносящийся с лугов.

Вынуждая себя сказать все, что намеревался, и затем исчезнуть из ее жизни навсегда, Джордан глубоко вздохнул и неверным голосом пробормотал:

– Филберт также рассказал о твоём отце и о том, что случилось после

его смерти. Я не могу излечить нанесенную им рану, но хочу дать тебе это... Он протянул руку, и Александра увидела длинный плоский бархатный футляр. Она взяла его и дрожащими пальцами открыла защелку.

На белом атласе лежал самый большой рубин из всех, которые она когда-либо видела, прикрепленный к тонкой золотой цепочке и ограненный в форме сердца. Рядом, в небольшом углублении, лежало еще одно сердечко, на этот раз изумрудное, в бриллиантовой оправе. Около него переливалась сотнями огней огромная бриллиантовая слеза.

Сжав губы, чтобы Джордан не заметил, как они дрожат, Александра подняла глаза.

– Наверное... – прошептала она, силясь улыбнуться, – я надену рубин в день Королевских скачек, когда придется повязать свою ленту тебе на рукав...

Джордан, вскрикнув, схватил ее в объятия.

– Ну а теперь, когда ты высказал все это, – произнесла она много позже, когда он наконец оторвался от ее губ и поднял голову, – не можешь ли выговорить еще всего три слова: «я тебя люблю»? Знаешь, я так ждала, что услышу их, с тех пор как ты начал, и...

– Я люблю тебя, – неистово выдохнул он.

– Я люблю тебя, – прошептал он тихо, зарываясь лицом в ее волосы.

– Я люблю тебя, – простонал он, целуя ее губы.

Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя...

Эпилог

Джордан затаив дыхание смотрел на малютку сына и, не зная, что сказать, но совершенно не желая лишиться удовольствия держать новорожденного, решил дать ему отцовский совет.

– Когда-нибудь, сынок, тебе придется выбрать жену, и, поскольку крайне важно знать, как делаются подобные вещи, я расскажу тебе сказку.

Жил-был когда-то высокомерный, циничный, надменный человек. Мы назовем его... – Джордан немного поколебался, – ...герцогом Хоторном.

Стоя в дверях, Александра, не замеченная мужем, торопливо проглотила смешок, а Джордан тем временем продолжал:

– Этот герцог был злобным, дурным распутником, не видевшим искренности и доброты ни в ком и ни в чем, особенно в себе. Но в одну роковую ночь он попал в засаду, устроенную бандитами, и как раз в ту минуту, когда его жизнь, казалось, пришла к бесславному концу, ему на помощь поспешил рыцарь в ржавых доспехах на тощей кляче.

Вместе им удалось усмирить разбойников, но рыцарь ушибся и потерял сознание.

Жестокий герцог растегнул его панцирь и снял шлем, но, к своему удивлению, обнаружил, что рыцарь был вовсе не мужчиной, а леди, маленькой, изящной, с курчавым волосами и самыми длинными ресницами на свете. А когда она открыла глаза, оказалось, что они похожи на два огромных аквамарина. Злой герцог с каменным сердцем взглянул в эти глаза, и то, что он увидел, поразило его до глубины души и навсегда.

Малыш зачарованно смотрел на отца.

– Что же он увидел? – трепетно прошептала Александра, не выдержав напряжения.

Подняв голову, Джордан взглянул на жену сияющими любовью глазами и нежно ответил:

– Он увидел нечто чудесное.

Примечания

1

Один из рыцарей Круглого Стола. – Здесь и далее примеч. пер.

Ястреб, сокол (англ.).

Разрешение на венчание без церковного оглашения

4

Древнегреческий скульптор, любовью ожививший статую

Лютик (англ.)

Маргаритка (англ.)

Одуванчик (англ.)

Скачки с препятствиями

Ироническое прозвище принца-регента